

Олег Комаров

СВІТЛІ ДУШІ ТЕАТРУ

Театральні спогади. Оповідання

Друге, доповнене видання

Київ
«Фенікс»
2014

УДК 821.161.2-94
ББК 84(4Укр)6-442
К63

Висловлюю щирю подяку голові та членам правління Регіонального благодійного фонду «Правопорядок», Почесному громадянинові міста Харкова та Почесному громадянину Харківської області Юрію Меркурійовичу Шрамку за неоціненну добротину допомогу, завдяки якій ця книга вийшла у світ. Раніше Юрій Меркурійович Шрамко вже сприяв виданню моїх книг – «Рассказы и воспоминания» (1998 р.), «Театральні спогади. Оповідання» (2001 р.), «Світлі душі театру» (2011р.). І ось тепер, у 2014 році з'явилося друге, доповнене видання попередньої книжки «Світлі душі театру 2».

Багато героїв зі сторінок цих книг перейшли на телеекран у циклі програм «Театральні силуети», що на київському каналі «Культура». Ведучий цієї програми – автор вищевказаних книг. За 10 років «ожили» і залишилися на всі часи, як духовні пам'ятники долі, 25 діячів культури України. Цикл «Театральні силуети» вважається одним із найкращих на українському каналі «Культура». І його вже показують на телеканалі «Рада», телеканалах Донецької, Луганської областей та в АР Крим. Без допомоги Юрія Меркурійовича Шрамка це було б неможливо. І так логічно, що саме Благодійний фонд «Правопорядок» дав можливість побачити світ книжці, яка своїм змістом, сподіваюся, зробить людей більш чуйними, душевно багатими, благородними.

«Світлі душі театру 2» – це книжка про знаних діячів українського театру, життя і творчість яких – безцінні для національного мистецтва. Усіх героїв спогадів автор добре знав..

Олег Комаров

Комаров О. В.

К63

Світлі душі театру. Театральні спогади. Оповідання.

О. В. Комаров. – Видання друге, перероблене і доповнене. – К.: «Фенікс», 2014. – 344 с.

ISBN 978-966-136-133-0

«Світлі душі театру» 2014 року – четверта книжка мемуарних спогадів заслуженого артиста України Олега Комарова. Цінність цієї книжки в тому, що її герої, театральні митці минулих років, не зникнуть у небутті, а перейдуть у свідомість наступних поколінь. Автор дивиться на них закоханими очима. Їх відданість справі, їх вчинки, їх сердечність і гумор примушують читачів дивитися на них так само. Є підстави вважати, що читачі будуть раді знайомству з такими яскравими особистостями.

УДК 821.161.2-94
ББК 84(4Укр)6-442

ISBN 978-966-136-133-0

© Комаров О., 2014

© Крижанівський С., ілюстрації, 2014

Слово до читачів

Доля склалася так, що в період роботи у Києві (то були шістдесяті – дев'яності роки минулого століття) я близько познайомився з театральним життям столиці України. Часто відвідував театри, дивився вистави, які йшли тоді на сцені, був знайомий з керівниками театрів, зустрічався з багатьма акторами – відомими майстрами сцени, талановитою молоддю. І хоча вже багато років живу та працюю в Харкові, зберігаю не тільки яскраві враження від давніх зустрічей, але й підтримую добрі стосунки з тими, хто сьогодні продовжує свій творчий шлях. Із сумом згадую тих, кого з нами вже немає.

З великою зацікавленістю познайомився з літературними спогадами мого доброго знайомого, актора Національного театру російської драми ім. Лесі Українки, заслуженого артиста України Олега Комарова. Олег Васильович народився в театральній родині, знайомий з багатьма акторами: кого знає з дитинства, з кимось разом працював у виставах. До літературної діяльності актор звернувся ще в 1998 році, коли видав свою першу книжку – «Рассказы и воспоминания». Через кілька років, у 2001, побачила світ його друга книжка – «Театральні спогади. Оповідання». «Світлі душі театру» з'явилися у 2011 році. Ця книжка є унікальним виданням, яке створює своєрідний колективний портрет цілого покоління театральних діячів України того періоду, в якому мені поталанило зустрічатися з ними.

Приваблює щирість вражень і спостережень Комарова, його шанобливе ставлення до тих, про кого пише. Автор бачить кожного з героїв книги – В. Добровольського, Ю. Лаврова, В. Халатова, М. Яковченка та інших – не тільки як непересічну творчу особистість, але й як живу людину серед людей, зі своїм характером, долею, власною неповторністю.

Особливо приємно було мені прочитати в цих спогадах про Віктора Цимбаліста – мого шкільного друга, надзвичайно талановитого актора. Кожна його роль в театрі чи кіно ставала мистецьким явищем. Його, скромну й чарівну людину, прекрасного колегу й товариша по сцені, у франківському колективі називали совістю театру.

Цікаво, що сторінки цих книжок «ожили» на телеекрані.

Олег Комаров створив цикл авторських телепрограм на каналі «Культура», таким чином масштабно розширивши коло людей, які дізналися про цікаві деталі біографій улюблених акторів, викладених в щирій і правдивій розповіді.

Переконаний, що книги про діячів театрів України слугують надзвичайно потрібній справі збереження пам'яті про багатство культурної спадщини нашого народу. Розуміючи важливість цієї благородної місії, правління Благодійного фонду «Правопорядок» вирішило підтримати фінансово це видання. Вважаю, воно буде цікавим для сучасного покоління акторів, для шанувальників театру та всіх небайдужих до чарівного мистецтва сцени.

**Голова Правління
регіонального благодійного фонду «Правопорядок»,
Почесний громадянин міста Харкова та Почесний
громадянин Харківської області**

генерал-майор

Юрій Шрамко

I. МОЇ ЗУСТРІЧІ З БАТЬКОМ

Мої зустрічі з батьком

Мій тато Василь Леонідович Комаров народився у 1904 році у селі Троїцьке Одеської області. Батьки його хотіли, щоб він одружився з місцевою дівчиною і були проти шлюбу з київською артисткою. Тому ніяких контактів з родиною Комарових у нас з мамою не було, і нічого я про них не знаю. Відомо мені тільки те, що мати Василя Леонідовича була німкенею.

Наприкінці 20-х років він, склавши іспит, вступив до театральної студії Театру ім. Лесі Українки. Але після першого курсу пішов з неї. У 1930 році Василь Леонідович почав працювати у Київському Колгоспному театрі, де познайомився з вродливою і дуже талановитою артисткою Ганною Іллівною Ніколенко. Молоді люди сподобались один одному, почали зустрічатися, а потім стали жити разом. У ті часи офіційно одружуватися було не обов'язково. У 1935 році Ніколенко приймають до славетної трупі Театру ім. І. Франка. Вона грає там провідні ролі у чергу з Наталею Ужвій.

А батько в цей час у складі концертних бригад з успіхом виступає перед глядачами, в основному, з гумористичним репертуаром. Потім цю творчу роботу поєднує з організаційною: стає ще й адміністратором концертної бригади.

У 1936 році мої батьки отримують від Театру ім. І. Франка невеличку кімнату по вулиці Обсерваторна, 7. Молоді почали облаштовувати своє гніздечко. Батько десь дістав і привіз обідній стіл, який після війни дивом зберігся, і матері пощастило транспортувати його у нову нашу кімнату в акторському будинку біля Театру ім. І. Франка.

Як складалося їхнє сімейне життя? Батько постійно в роз'їздах зі своїми концертами. Мати – 7 років напруженої виснажливої творчої роботи, коли майже щороку – головна роль. Незважаючи на обмежену кількість репетицій (репетувала в основному головна виконавиця Ужвій), необхідно було гідно виконувати ці ролі. І вона їх так виконувала, тому й продовжували пропонувати їй нові й нові ролі.

І, нарешті, поява в родині малюка. Яке це, мабуть, було велике щастя для батька, яка надія. Так, у моїх дитячих спогадах дворічного віку залишається один – коли він, посадовивши мене на плечі, тримає руками за ніжки, і йде пероном київського вокзалу сонячним ранком весняного міста. Хоч у мене була нянька, бо мати була дуже зайнята у діючому репертуарі й не могла без цього обійтись, однак батько, я впевнений у

цьому, не раз возив коляску зі своїм сином алеєю скверу біля колишнього Сінного базару.

І ось почалась війна. Мати мені розповідала, як батько звернувся до неї: «Я вирішив сьогодні йти до военкомату, щоб записатися добровольцем на фронт». Мати зітхнула, уважно подивилася на нього і сказала: «Як знаєш, Василю... Як знаєш». Коли мама мені це розповіла, я сказав: «Мамо, чом же ти не кинулася йому на шию, чом не сказала: «Не поспішай, Василю, почекай, от надійде повістка, тоді й підеш». А він 1904-го народився, його рік призивався не одразу: «Та хто ж тоді знав, синку, всі думали місяць-два і все скінчиться».

А вже після війни до нас у гості прийшов знайомий моєї мами. Це був Петро, який до війни працював у буфеті Театру ім. І. Франка. Він був з моїм татом у полоні. Ось що він розповів:

– Нас, як скотину гнали на захід. Пилюка стовпом. На дорозі величезна колона полонених. Хто падав від втоми – того одразу ж пристрілювали. Кожного ранку німці примушували нас пробігти кілька сотень метрів, а ми заслабли від голоду. Колона біжить, усі мовчать, тільки тупотіння ніг та постріли чутно. Постріл означав, що хтось з наших впав, пристрілювали, гади! І раптом ваш Василь мені шепоче: «Не можу більше, Петре, зараз впаду». «Ану тримайся за моє плече, – кажу йому, – і сам правою рукою обхопив його, так обійнявши один одного й добігли». Якось вирішили німці обід нам влаштувати, проходили повз бурякове поле. Пальцями на буряки вказують і ротом шамкають – їжте, буцімто, їжте! Я їй кажу: «Василю, ти буряк спочатку не їж, а тільки розжуй його та сік з нього випий, а потім кілька маленьких шматочків візьми і проковтни.» Так ми і зробили. Як накинудися наші хлопці на ті буряки, всі ж голодні, зупинитись не можуть. Багато хто з них через деякий час падав та помирав. А німці радіють, регочуть: «Давайте, давайте, російські свині». У долоні плескають, немов у театрі: «Молодці, буцімто, молодці!» Багатьох наших залишили ми на тому полі. Увечері того ж дня хтось, чи то вирішив утекти, чи урвався терпець, а тільки задушив когось з конвою. Німці одразу ж виявили це і кинулися на колону. Прикладами автоматів розбивають голови полоненим, а тих, хто впав – чи добивають, чи розстрілюють. А ті, хто розбігся з колони автоматною чергою дістають. Останнє, що пам'ятаю – здоровань якийсь на Василя замахнувся прикладом, а той встиг вперед руки виставити. Потім мене ззаду щось як обпекло... Голова начебто навпіл розкололася. Прийшов до тям в селянській

хаті. Там мене виходили і розказали, що всіх полонених з колони вони поховали. Я один недобитий залишився».

У 1949 році, відпочиваючи у піонерському таборі РАБІС під Києвом у Бучі я потоваришував із хлопчиком, моїм однолітком. Коли у неділю його відвідав батько, мій приятель познайомив мене з ним. Той, пригощаючи сина, пригостив і мене. А потім спитав:

– Син сказав мені, що твоє прізвище Комаров. А по-батькові тебе як?

– Васильович.

– То я ж знав твого батька до війни. Веселий такий був, дотепний, приємний у спілкуванні, товариський.

Кажучи це, він дивився на мене сумними, співчутливими очима, розуміючи, як нелегко буде мені у подальшому житті без батьківської настанови, підтримки.

Після війни моїм сусідом по комунальній квартирі був заслужений актор України Іван Левкович Маркевич. Він розповідав, що в студентські роки вони з моїм батьком жили в одній кімнаті гуртожитку, хоча займалися в різних закладах – батько в студії при Театрі ім. Лесі Українки, Маркевич – у Київському театральному інституті. Іван Левкович розповідав мені про один випадок. Якось, коли вони разом із татом поверталися увечері до гуртожитку, до них присікалися і почали задирати три здоровані. Батько – середнього зросту, Маркевич – нижче середнього. Та раптом тато наче вибухнув, накинувся на них, розкидав хуліганів, і, поки вони не отямалися, швидко зникли.

У 80-х роках я влаштував до лікарні на бульварі Шевченка, 22, завдяки моїм добрим знайомим лікарям, Володимира Бохонка, мого близького друга. Наступного дня Володя дзвонить мені: «Олег, зі мною в палаті цікавий чоловік. Коли він дізнався, що я режисер передачі “Від суботи до суботи”, то спитав: “У вас ведучий Олег Комаров, а як його по батькові?” Я сказав. Він хоче тебе бачити. Коли я зайшов у палату до Володі, то побачив сивочолого чоловіка, років під 80, але енергійного і повного ентузіазму. Він уважно вдивлявся у моє обличчя, а потім сказав:

– Я був товаришем твого батька. Часто приходив на Обсерваторну, мирив його з Анютою, коли він чим її зобижав, і таке бувало. Василь був емоційним, рвучким, усе виступав за справедливість. Як тільки вцілів у ті часи, не зрозуміло. Пам’ятаю, один актор з нашої бригади (ми виступали у маленькому містечку) переплив річку, що на кордоні з Румунією і втік з Країни Рад. Усіх тоді потягали, з’ясовуючи, хто в яких

був з ним стосунках. Василя врятувало, що він не любив цього актора і часто на людях не приховував свого ставлення до нього. Це всі бачили і знали.

А 16 травня, на день народження відомого актора, заслуженого артиста України Валентина Дуклера у нього в домі завжди збиралися всі учасники популярної тоді та по-справжньому улюбленої радіослухачами передачі «Від суботи до суботи». Збиралися в такі дні і його друзі, близькі, знайомі. На одній із таких зустрічей до мене підсів літній чоловік і сказав:

– А я знав до війни вашого батька. Було мені років 13–14, і ріс майже сиротою. Василь мене наставляв, з ним ми вирішували мої проблеми, іноді підкидав якісь гроші, щоб щось попоїсти, коли було сутужно. А якось, напередодні зими пішли в універмаг, вибрали мені тепле пальто і він купив мені його. Він був мудрою і благородною людиною, ви можете гордитися своїм батьком.

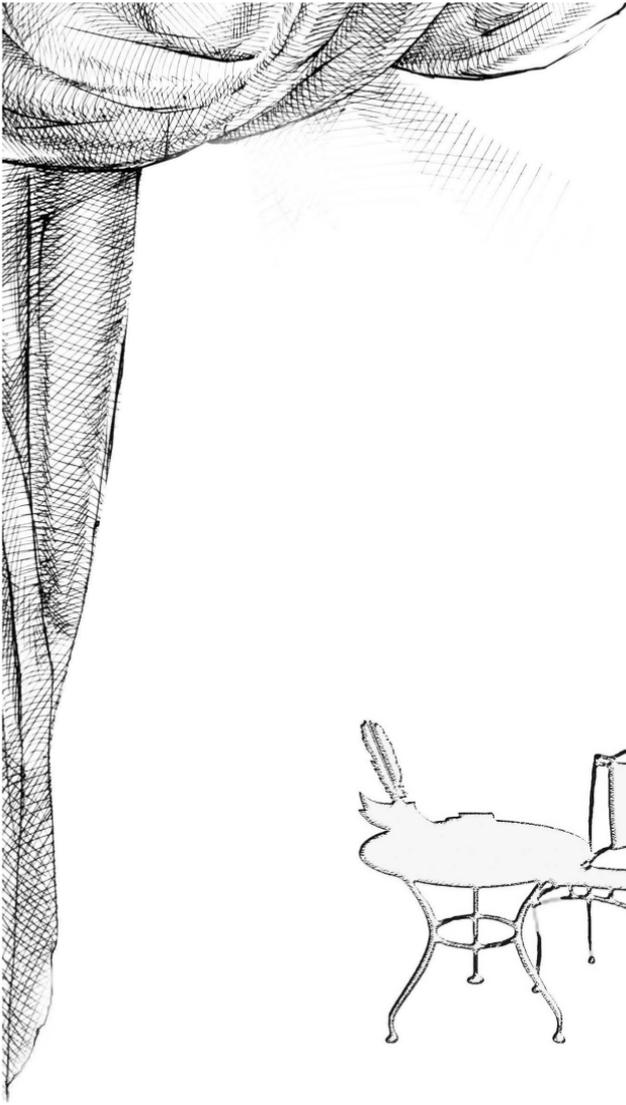
У 1996 році в моєму номері в отелі міста Хайфа, де жили актори Театру ім. Лесі Українки на гастролях в Ізраїлі, пролунав телефонний дзвінок. Я зняв слухавку:

– Вас турбує Алік, зять Андрія Михайловича Віленського. Скажіть, коли у вас буде вільний час, щоб ми могли поїхати у Натанію, де живе моя родина. Андрій Михайлович дуже хоче бачити вас.

Віленський був партнером моєї мами у концертних виступах від київської та багатьох інших філармоній країни. У концертах вони виконували уривки з сучасних п'єс, класичної української драматургії, а також фрагменти з комедій. Мама, заслужена артистка України Ганна Ніколенко, Андрій Віленський – її гідний партнер. Їх прізвиська та фотографії з різних сцен прикрашали афіші багатьох концертів. Місяцями вони не бували вдома, виступаючи у різних містах європейської частини Росії, Середньої Азії, Сибіру... і, таким чином, заробляли гроші на утримання своїх родин: тобто мене, тоді ще школяра, і дружини та двох доньок, також школярок, Андрія Михайловича. Він зробив для мене в юнацькі роки стільки добра, як ніхто інший. Коли Андрій Михайлович пішов на пенсію, і доньки роз'їхалися по світах, я часто відвідував його та його з дружиною Марією Арутюнівною. Після її смерті він, тяжко хворіючи, поїхав до дочки Любочки в Ізраїль, і місцева медицина значно покращила його здоров'я. Любочка і Алік, які працювали у київській швидкій допомозі, в Ізраїлі стали успішними медиками. До мого приїзду вони накрили розкішний стіл, ми посиділи, згадали київське життя, а потім з Андрієм Михайловичем перейшли до його невеличкої кімнати. І години дві виливали

один одному душу. Ось ми вже прощаємося. Алік сказав, щоб я писав Андрію Михайловичу ще частіше, бо мої листи з батьківщини для нього як ліки. Уже останні обійми, я пішов до машини, що стояла далеченько, відкрив дверцята, і раптом чую голос Андрія Михайловича, що кричить з ганку: «Олег, я забув тобі сказати. Ти хрещений. Коли мати була на репетиції, батько відніс тебе до церкви і похрестив».

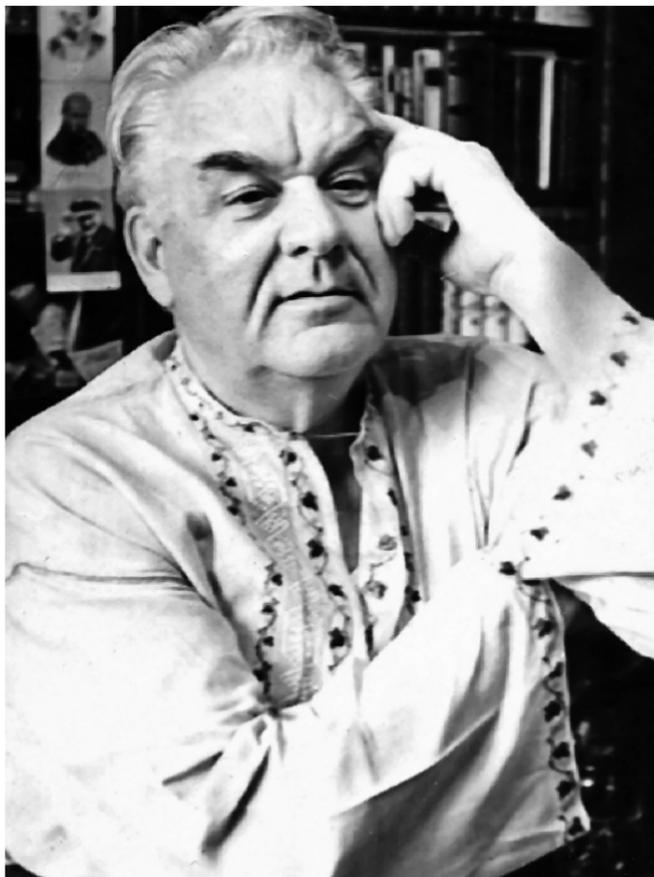
Тільки на 57-му році свого життя я дізнався, що хрещений. Покійна мама ніколи нікому не говорила про це, не говорила й мені, не бажаючи наражати на неприємності. Тільки Андрію Михайловичу і сказала. А батько... благословив мене на все життя. Більшого зробити не встиг.

II. ТЕАТР ІМЕНІ ІВАНА ФРАНКА ОЧИМА МОГО ДИТИНСТВА

**ВІКТОР МИКОЛАЙОВИЧ
ДОБРОВОЛЬСЬКИЙ**

Народний артист СРСР

Цей визначний актор – мудрий і справедливий

Після війни Віктор Миколайович Добровольський жив у будинку для акторів – франківців по вул. Ольгинській 2, на третьому поверсі в комунальній квартирі № 13. Він мав три кімнати. Одна – простора, з великим еркером у кутку, це була кімната Віктора Миколайовича і його дружини Зої Петрівни, в другій – маленькій з балконом жив син Коля. А третя кімната без балкона була віддана матері Віктора Миколайовича. Всі кімнати мали спільний передпокій. Інтер'єр великої кімнати складався з вишуканих меблів, стільців і столів, з яких ми з Масиком (так називали Колю в дитинстві) споруджували, коли батьків не було вдома, намети та химерні будови. Вже в п'ятидесятих роках Віктор Миколайович одержав трикімнатну квартиру на Хрещатику з величезним балконом, який містився над «Кафе-морозиво» (праворуч на виході з Пасажу), дорівнював площі усього кафе і був найвизначнішою особливістю квартири. Помінявши адресу, Віктор Миколайович часто приходив на стару квартиру, навідувався до своєї матері.

Про акторів Театру ім. Івана Франка розповідали багато різних оповідок. Так, про Віктора Миколайовича часто згадували, коли він був головою місцевкому, то уважно слідкував за дотриманням часу репетицій. Навіть якщо їх проводив сам Гнат Петрович Юра, Віктор Миколайович заходив до зали, здіймав руки вгору і показував на годинника (тобто все, час вичерпано, роботи кінець), і з гідністю та почуттям виконаного обов'язку, виходив геть.

Режисер тільки й розводив руками та припиняв репетицію. Через багато років, коли франківці відзначали 75-річний ювілей свого колективу, в журналі «Український театр» з'явився матеріал про дев'ятимісячне перебування Віктора Добровольського під арештом. Його звинуватили у націоналізмі, і вирок суду міг бути фатальним. На щастя, його звільнили і справу припинили. Але почуття жаху, пережитого у в'язниці, залишилося в душі актора на все життя. Син Коля підтверджував це, розповідаючи, як батько не раз з вигуками прокидався вночі, вочевидь, коли йому привиджувався час, пережитий за ґратами. Та це не зупиняло його у відстоюванні прав акторів. Він не боявся вступити в конфлікт з дирекцією та художнім керівництвом театру.

Справедливість і мудрість були притаманні Віктору Добровольському.

Після закінчення Київського театрального інституту ім. Карпенка-Карого, я опинився за розподілом у Дніпропетровському драматичному театрі ім. М. Горького і, відпрацювавши там три роки, вирішив взяти участь у конкурсі до штату Театру кіноактора при Студії ім. О. Довженка, бо мріяв повернутися до Києва, ближче до Театру ім. Лесі Українки. Проба була вдалою, і мене зарахували до штату. Кілька років потому режисер Ю. Фокін розповідав мені про дивне обговорення моєї кінопроби. В той час в комісіях були застрільники, вони, як правило, виступали першими, намагаючись спрямувати обговорення у певний бік. Почав один із них:

– Ну, навіщо такий актор на студії? Зовнішність у нього майже семітська, та ще й зачіска, наче в «хіппі». Які ролі він буде грати? Я вважаю, що й обговорювати його не варто.

Після цього слово взяв Добровольський, який головував у тій конкурсній комісії.

– Даруйте, але це начебто дивитись і нічого не бачити. Ну хіба не видно, що перед нами своєрідна індивідуальність і цікавий молодий характерний актор? Мені його кінопроба сподобалась.

Після Віктора Миколайовича виступив відомий кінорежисер Юрій Лисенко й режисер тепер уже української класичної комедії «За двома зайцями» Віктор Іванов, вони теж підтримали мою кандидатуру.

Якби не виступив тоді Віктор Миколайович на мій захист, не працював би я в штаті Театру кіноактора і згодом не потрапив би за конкурсом до славетного Театру ім. Лесі Українки. І тоді не зміг би написати про акторів, з якими працював, не зробив би телепрограми про них і, зокрема, про Віктора Миколайовича. Щось схоже на бумеранг: добро повертається добром.

І ще про справедливість Добровольського.

У шістдесятих роках Ігор Безгін був членом тарифікаційної комісії у Міністерстві культури, яку очолював Добровольський. Нещодавно Ігор Дмитрович розповів мені, що Віктор Миколайович, як правило, завжди підтримував акторів, яких знав, або характеристика на яких була достатньо аргументованою, переконливою.

У разі, коли представники Міністерства культури або партійних органів не підтримували затвердження ставки акторів, демонструючи свій непрофесіоналізм та нерозуміння специфіки акторської праці, його це надзвичайно обурювало. Віктор Миколайович червонів від гніву і сердито кидав таким суддям:

– Та повірте ж ви керівництву театру, що пропонує затвердити таку ставку акторові, якого знає краще аніж ви.

Добровольського турбував не тільки регламент репетицій, не тільки те, щоб об'єктивно оцінили пробу молодого колеги, хвилювали його також миролюбність, незлобливість, навіть, беззахисність його маленького сина Колі (ми називали його Масик, хоча він був вищий за всіх нас).

– Та дайте ви йому боби, може хоч тоді розіллється та хлопцем стане! – просив Добровольський, звертаючись до нас, товаришів свого сина... Не пригадую, чи вдалися ми до такого «педагогічного експерименту» за порадою батька – напевно, що ні. Але пам'ятаю, пізніше Коля почав займатися штангою, став мужнім, дужим чоловіком, вищим за Віктора Миколаєвича на півголови. Було приємно дивитися, коли вони йшли разом. Кожен міг помітити, як пишається батько мужнім сином-велетнем, а син ніжно любить батька.

Майже після кожної вистави, вже коли Віктор Миколайович працював у Театрі ім. Лесі Українки, Коля зустрічав його біля службового ходу і проводжав додому.

Пам'ятаю червень 1954 року, натопв людей, що прямує від Філармонії Хрещатиком. Ховали Юрія Васильовича Шумського. Ніколи не бачив стільки людей у скорботі. Франківці якраз перебували на гастролях, і театр доручив Віктору Миколайовичу провести в останню путь великого артиста. Він ішов разом із близькими Юрія Васильовича за труною. На обличчі відбивалося справжнє, велике горе.

Цікавий спогад із мого дитинства. Я, шестирічний хлопчик, дивлюся з галерки Театру ім. Івана Франка виставу «Украдене щастя» з Амвросієм Бучмою в головній ролі. Моя мати, Ганна Іллівна Ніколенко, яка грала Анну в чергу з Ужвій, того вечора теж на сцені. З'являється Гурман, якого грає Віктор Добровольський. Вони обнімаються, цілуються – такі молоді, такі вродливі. Гордість переповнює моє маленьке серце, від того, що в мене така красива мама, що глядач так і прикипів очима до неї та її коханого Гурмана; я не витримую й шепочу глядачам, які сидять поруч зі мною, вказуючи на сцену: «То моя мама!» Вони здивовано дивляться на блідого хлопчика у латаному пальтечку, в шапці з довгими вухами (це було одразу по війні, і ми з мамою по-справжньому бідували, де ж там було добре вдягатися). Спочатку в їхніх очах з'являється недовіра, так важко поєднати мене з чарівною жінкою, яку все ще не випускав з обіймів красень Гурман. Але така в моєму голосі бринить розчуленість, тиха радість, сором'язливість (от, зізнався чужим людям), що вони розуміють – то правда.

«Ах ти, дитинко мала, – шепоче сусідка. – На от, візьми цу-керку».

Чи міг я тоді уявити, дивлячись на Віктора Миколайовича, що через двадцять шість років, вже на сцені Театру ім. Лесі Українки, буду грати з ним у виставі «Поки гарба не перекинулася» Отія Йоселіані. Він блискуче гратиме Агабо Богверадзе, а я його старшого сина Йовеля.

Це буде остання головна роль Добровольського в театрі. І за відгуками преси – одна з найкращих його робіт в Театрі ім. Лесі Українки.

Найбільш плідний, щасливий період творчого життя Віктора Миколайовича пройшов у Театрі ім. Івана Франка. У 1963 році акторів, які десятиліттями були окрасою франківської сцени, наказом Міністерства культури примусили піти на пенсію. Віктора Миколайовича ця ситуація начебто не торкалася, йому до пенсійного віку лишалось ще три роки, та на знак протесту він подав заяву про звільнення за власним бажанням (і підписали!), потім два роки сидів без роботи. Згодом, Леонід Тимофійович Куропатенко, директор Театру ім. Лесі Українки, запросив його до Театру російської драми.

Дебют Віктора Миколайовича на новій сцені відбувся в ролі Литвинова у виставі «На дикому березі» за романом Бориса Полевого і був успішним. Після цього в актора розпочався новий, чудовий етап творчості. Він грає в багатьох виставах, виконує різні за характером ролі. За роль Агабо Богверадзе з вистави «Поки гарба не перекинулася» Отія Йоселіані під час всесоюзного фестивалю у Москві Віктора Добровольського було відзначено дипломом і нагороджено грошовою премією. На фестивалі болгарської драматургії болгарський уряд нагородив актора орденом «Кирила й Мефодія» I ступеня за роль Димитрова у виставі «Перший удар».

В цей же час, щільно зайнятий у репертуарі театру, Віктор Миколайович знімається в кіно, багато працює на радіо – актором і режисером. До попередньої громадської роботи додається ще одна. Тепер він – член правління Товариства культурних зв'язків із закордоном. І як член цього товариства, а також, як член Президії ЦК Профспілок працівників культури СРСР, у складі делегації часто виїздить за кордон. Після повернення з Австралії він розповідав: «Подивився в Мельбурні «Ревізора» Гоголя... Художники цієї вистави був із Південної Кореї. Городничий і чиновники були зодягнуті у широчезні шаровари, а голови були поголені та ще й з оселедцями, як у козаків. На прес-конференції, яку нам влаштували, коли ми приїхали, якийсь австралійський журналіст запитав:

«Чому Хрущова, який певний час був керівником вашої держави, і саме за його керування почався процес демократизації (хрущовська відлига), поховали без пошани, відповідної тій посаді, яку він обіймав?» Виникла пауза, після якої керівник делегації відповів: «Розумієте, в день його поховання на Новодівочому кладовищі був вихідний день». Ми не знали, куди очі сховати від сорому, – закінчив Віктор Миколайович.

Народний артист України Михайло Полікарпович Крамар згадував про розповідь Добровольського щодо поїздки до Америки. В аеропорту Внуково митник запитує його:

- Що везете?
 - Тридцять пляшок горілки з перцем.
 - Навіщо так багато?
 - А я кинув палити, – посміхаючись каже Віктор Миколайович, – кожного дня замість цього пляшку випиваю.
 - Проходьте.
- Наступним був відомий поет.
- Що везете?
 - Нічого.

Витягли з його валізи шість пляшок коньяку, поставили їх коло себе, а йому кажуть:

- Можете йти
- А мій коньяк?
- Ви ж казали, що у вас нічого немає. Чого ж ви хвилюєтесь? Проходьте.

В Америці Віктор Миколайович зателефонував Йосипу Гірняку (актору Театру Леся Курбаса «Березіль», він під час німецької окупації України, у Львові створив Театр, там поставив «Гамлета», де Блавацький виконував головну роль), щоб домовитися про зустріч. А той йому у відповідь:

- Я знаю, у вас там ще немає такої свободи, як в інших світах. То, щоб у вас не було неприємностей, краще нам не зустрічатися. І зустріч не відбулась.

Перебуваючи на обстеженні у лікарні Феофанії у 1982 році, Віктор Миколайович помітив, що у нього почала чорніти нога. Лікарі діагностували: тромбоз артерії стегна – почалася гангрена. Щоб врятувати його життя, треба було ампутувати ногу. І Віктор Миколайович, хоч у нього було хворе серце, погодився. За день до операції він гірко пожартував, звертаючись до Колі: «Піди на кладовище, придивись там підходяще місце для мене!»

Але операцію він витримав, і, одужуючи, мріяв навчитись ходити на протезі й грати якісь ролі в театрі, зніматися, як

Зіновій Ґердт в кіно, працювати на радіо актором і режисером. Та сподівання виявилися марними: вік, велика вага, значна частина ампутованої ноги не дозволили цього зробити. І тоді він ув'язнив себе у власній квартирі. Він не хотів, щоб люди бачили його безпорадним, хворим, на милицях. Волів залишитися в пам'яті шанувальників гордим красенем, яким був все життя.

Віктора Миколайовича багато хто любив. Але особливо зворушливо ставилися до нього Михайло Полікарпович Крамар з Театру ім. Івана Франка та Валерія Гаврилівна Заклунна з Театру Російської драми ім. Лесі Українки. Михайло Крамар жартівливо називав Добровольського «Батя Вітя», а Заклунна – «Дід». Так вона зверталася до нього у виставі «Далекі вікна» Вадима Собка. Коли сталося це лихо з ногою, Михайло майже щодня відвідував «Батьку Вітю».

Валерія Гаврилівна, згадуючи Віктора Миколайовича, розповіла про своє винятково ніжне ставлення до нього. Казала, по-перше, це був великий актор театру і кіно, подруге, мав рідкісну чоловічу привабливість, а бешкетні бісики в його очах, не зважаючи на вік, ніколи не згасали. Та разом з тим, він був вкрай незахищеною людиною. Образити його міг будь-хто. Такий великий, добрий, талановитий, сивочолий красень із дитячою вразливою душею. Знаючи, що в нього хворе серце, Валерія Гаврилівна під час операції знаходилась в лікарні. Дочекавшись закінчення, полегшено зітхнула – серце його витримало, і «Дід» житиме. Згадувала його гостинність. Яюсь вона обмовилась, що любить холодець із півня. І щоразу, коли заходила до Добровольських, заздалегідь зателефонувавши, Віктор Миколайович урочисто казав Зої Петрівні, хитрувато усміхаючись:

– Неси холодець із півня!

І Зоя Петрівна, яка була янголом-охоронцем свого чоловіка, витягала з холодильника холодець і несла його на стіл. Впродовж вечора лунали жарти Віктора Миколайовича, згадки з його, багатого на події, життя... Не хотілося «Діда» й залишати.

Не можна не згадати і зворушливого ставлення до Добровольського Михайла Юрійовича Резніковича. Саме в його виставі «Предел спокойствия» Павла Загребельного (яка відзначена Шевченківською премією) Віктор Миколайович зіграв останню роль у своєму житті – батька Карналя – головного героя вистави. Роль складалась із двох монологів, пронизливих листів до сина. І щоразу після цих монологів у глядацькому залі лунали оплески.

– Звідки народилася у вас творча й людська симпатія до Віктора Миколайовича? – запитав я у Михайла Юрійовича.

– Мене підкорило його фанатичне, самовіддане ставлення до роботи і в репетиціях, і у виставах. Наче він не був народним артистом Союзу, наче не був за життя живою легендою театру й кіно. Починав роботу як з чистого аркуша, з трепетом і хвилюванням молодого актора. Мене тоді вразило поєднання в Добровольському доброти, навіть, якоїсь наївності з мудрістю та зорливістю: вже тепер, після того, як минуло чверть століття, збулися його пророкування стосовно деяких акторів нашого театру...

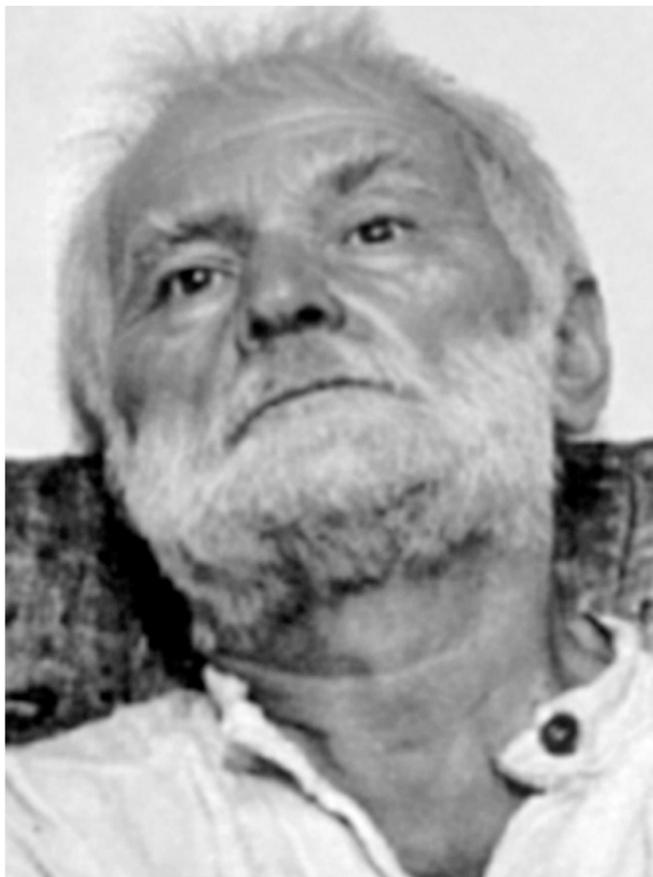
Два роки свідомого ув'язнення у власній квартирі були найгіршими в житті актора. Коли Віктор Миколайович отримав премію ім. Т. Шевченка «За втілення образу сучасника» у виставі «Предел спокойствия» П. Загребельного, його прийшли привітати актори Театру ім. Лесі Українки. Принесли нагрудний знак премії та диплом. Зоя Петрівна хутко влаштувала імпровізований святковий стіл. Віктор Миколайович помолодшав в той день, як мовиться, на десяток років. Михайло Крамар переказав мені слова Добровольського:

– Від однієї згадки про той день стає приємно на душі.

Та чи могло бути інакше? Видатний актор театру й кіно, він стільки доброго зробив людям, що всі, хто його знав, пам'ятають і пам'ятатимуть цю порядну, чуйну, справедливу людину.

**ДМИТРО ОМЕЛЯНОВИЧ
МІЛЮТЕНКО**

Народний артист СРСР

Його перевтілення були неперевершеними

Уже в юності, з 15 років виявилася акторська обдарованість Дмитра Омеляновича Мілютенка після того, як він зіграв старого поміщика Чубукова в чеховському водевілі «Освідчення». Виставу показали на вечорі у комерційній школі, куди його віддали навчатися батьки. Після закінчення школи Мілютенко почав відвідувати театральний гурток. І коли до Слав'яновська, де він народився і де пройшли його дитячі та юнацькі роки, приїхав на гастролі Театр ім. І. Франка, гуртківці попросили, щоб хто-небудь із цього театру поставив у них «Саву Чалого» Карпенка-Карого. Погодився на це, та ще й зіграв Саву Чалого Олексій Ватуля, який звернув увагу на роботу молодого аматора Мілютенка над образом мерзотника і ката – пана Жезицького. За рекомендацією Ватулі Мілютенка було зараховано до складу трупі Театру ім. І. Франка. Протягом трьох років він зіграв у цьому театрі ряд невеличких ролей, найкращою з яких була роль відьми у виставі «Вій» за Гоголем. Проте це допомогло йому багато що зрозуміти у професії актора.

У 1927 році Мілютенка запросили до Березоля у Харків, де він мав можливість слухати лекції художнього керівника театру – Леся Курбаса про театральне мистецтво, займатися сценічною мовою, сценічним рухом, співом, фехтуванням, акробатикою. Усе це стало основою, на якій потім зросло його професіоналізм та майстерність. І головне, що саме в цей час, Мілютенко привчив себе до самостійної роботи. Кожного разу він приносив на репетиції свої задуми, рішення, пропозиції. За роки роботи в Театрі Л. Курбаса, а з 1934 року в тому ж Театрі ім. Шевченка зіграв велику кількість ролей від епізодичних до головних. Але перш за все хочеться відзначити його Аркадія в «Платоні Кречеті» за п'єсою Корнійчука і Пузиря у виставі «Хазяїн» за п'єсою Карпенка-Карого.

На роль Пузиря був призначений уже добре відомий тоді Амвросій Бучма, з яким і працював весь час режисер В. Складенко. А дублером його на цю роль був призначений Мілютенко, який усі репетиції просидів у залі. Та вміння самостійно працювати над роллю, дозволило Дмитру Омеляновичу після чотирьох сценічних репетицій дуже переконливо виглядати в цьому образі, а потім продовжити у чергу з Бучмою грати Пузиря.

Відомий драматург Афіногенов приїхав до Харкова на постановку своєї п'єси і завітав на виставу «Хазяїн», щоб на

власні очі побачити гру Бучми, про якого в той час вже багато говорили. Після вистави він залишився у захваті від гри актора. Яке ж було його здивування, коли дізнався, що роль Пузіря в той вечір грав не Бучма, а мало кому відомий Мілютенко.

У 1936 році акторів Шевченківського театру, колишніх курбасівців – А. Бучму, Н. Ужвій, Д. Мілютенка було запрошено до Київського театру ім. І. Франка. У доробку актора за тридцять років роботи у цьому театрі – велика кількість яскравих, глибоких, колоритних образів. Немає сенсу перераховувати всі ролі великого репертуару Дмитра Омеляновича, але хочеться згадати деякі з них, щоб звернути увагу на несхожість, навіть протилежність характерів, які він створював. Першим у ланцюжку образів голів колгоспу, зіграних Дмитром Омеляновичем переконливо і соковито був Безштанько з вистави «Банкір» за п'єсою О. Корнійчука. Його Безштанько – зворушливий, смішний, по-своєму мудрий.

У виставі «В степах України» за п'єсою О. Корнійчука, Дмитро Омелянович грав голову колгоспу «Смерть капіталізму» Саливона Часника. І хоч роль ця була виписана дещо схематично, а голова колгоспу «Тихе життя» Кіндрата Галушки, якого дивовижно грав великий Шумський, була дуже яскравою, як кажуть, виграшною, та все одно обидва партнери склали блискучий дует і були гідні один одного.

У виставі «Російські люди» за п'єсою К. Симонова Мілютенко створив образ фашистського ката Розенберга. Емоційний вплив на глядачів був настільки великим, що на одній із вистав, яка йшла в нещодавно звільненому Києві, якийсь молодий лейтенант під час сцени, яку грав Мілютенко-Розенберг, не зміг стриматися, вихопив з кобури пістолета, і хтозна чим би все скінчилося, якби глядачі, що сиділи поруч, не заспокоїли розгніваного офіцера. А у виставі «Ревізор» за п'єсою Гоголя Хлопов-Мілютенко так боявся зустрітися бодай очима з уявним ревізором Хлестаковим, що від страху весь бідний трусився, очі в нього заковувалися, ноги підламувалися. Тільки-но він з'явився на сцені, ще й слова не сказав, а в залі вже вибухнув дружній регіт.

Перелік ролей Мілютенка у світовій, російській та українській класиці дає уявлення про масштабність цього актора: Блазень із вистави «Король Лір» та Мальволіо з «Дванадцятої ночі» Шекспіра, Гаев «Вишневий сад» Чехова та Князь у «Дядечковому сні» Достоєвського, Микола Задорожний в «Украденому щасті» Франка, Калитка зі «Ста тисяч» Карпенка-Карого.

Кіноглядачі добре пам'ятають прекрасні роботи Дмитра Омеляновича у фільмах різних режисерів. А в 1940 році кінорежисер Ігор Савченко, поет екрана, як його називали теоретики кіно, запросив на роль гетьмана Потоцького у фільм «Богдан Хмельницький» маловідомого ще тоді актора Мілютенка. І режисер не помилився у своєму виборі. Його Потоцький – пихатий, бундючний коронний гетьман, дізнавшись про смерть єдиного сина, який очолював польське військо, що було розбите козаками Богдана Хмельницького, губить свою дещо театралізовану велич – кризь біль проглядає справжня пронизлива людська трагедія батька.

Знімаючись у фільмі «Тарас Шевченко» того ж режисера Савченка в ролі Ускова, Дмитро Омелянович звернув увагу, що у своїх щоденниках Тарас Григорович згадує Ускова добрим словом, як чоловіка, що мав чуйне серце і світлий розум. А в сценарії Усков – справжній солдафон миколаївської доби: грубий, непривітний, холодний. В одній зі сцен Шевченка з Усковим Мілютенко запропонував режисерові не міняючи текст зняти обличчя його героя теплим і радісним: так він пройнявся і зворушився долею поета. Савченко підтримав таке рішення. У результаті Мілютенко створив в образі Ускова благородну людину з глибокою душею і складним характером.

Дмитро Мілютенко не боявся бути на сцені непривабливим, умів яскраво і безжально викривати суть негативного персонажу. Якось, після вистави «Фронт» за п'єсою Корнійчука, в якій Мілютенко грав розумного, стриманого члена військової ради Гайдара, до Гната Петровича Юри, художнього керівника Театру ім. І. Франка, звернувся літній чоловік:

– Пробачте, будь ласка, я нещодавно познайомився з Дмитром Омеляновичем. Це чудесна людина – щира, сердечна. Сьогодні бачив його у «Фронті» і був радий переконатися, що ці риси його характеру були віддані генералові. Але кілька днів тому я бачив Мілютенка у виставі «Ой, не ходи Грицю, та й на вечорниці» у ролі Хоми. Навіщо ви примушуєте актора грати таких нелюдів?

Як йому було пояснити, що це найвищий рівень майстерності та прояву таланту, коли такий інтелігентний, чуйний, благородний чоловік може створювати подібні негативні характери.

Дмитро Омелянович Мілютенко після війни жив на вулиці Ольгінській в будинку 2/1 у квартирі 7, у комунальному помешканні, на останньому поверсі чотирьохповерхового будинку. У цій квартирі з сусідами у нього було дві кімнати

з балконом і передпокоюм, з якого можна було увійти і в велику кімнату, де Дмитро Омелянович працював, коли ми приходили до його сина Іллюші. Із передпокою можна було перейти й у вітальню, де були шафа з великою кількістю книг, сервант, тахта, обідній стіл та тумбочка з радіолою. У перший день знайомства з Іллюшею Мілютенком, а це було у 1944 році, ми ще до школи не ходили, він показував мені книги з багатої бібліотеки батька. Особливо запам'яталася яскраво ілюстрована, величезних розмірів, книга про хана Батия.

Іллюша дорослішав, і в домі з'явилися шахи. Дмитро Омелянович навчив сина цієї гри, і час від часу грав з ним. Пізніше з'явилася радіола і фонотека записів оперної та камерної музики. Дмитро Омелянович любив прослуховувати платівки з голосом Федора Івановича Шаляпіна. Саме в цьому домі я вперше в житті почув «Блоху» Мусоргського, «Елегію» Масне, «Персидську пісню» Рубінштейна, «Сцену смерті Дон Кіхота» з одноіменної опери Масне.

Зі своїм сином Мілютенко завжди розмовляв як з дорослим. В Іллюші був складний характер, і, напевне, не раз він завдавав батькові прикростей, але жодного разу я не чув, щоб Дмитро Омелянович підвищував на нього голос.

Величезні, складні, часто діаметрально протилежні ролі, які грав Дмитро Мілютенко, напевно, забирали більшу частину його життя. Я не бачив, щоб він колись прогулювався навколо скверу біля Театру Франка (як це робив багато хто з акторів), не бачив, щоб він стояв у веселому гурті, з якого долинав сміх. Пам'ятаю його завжди зосередженим, зібраним. У житті він намагався не привертати до себе уваги, бути непомітним. Начебто накопичував усю свою яскравість, виразність для сцени. І саме там він ставав найпомітнішою постаттю. Із роками я починав розуміти, що це не тільки своєрідність характеру, але й ознака справжньої культури.

Ми, акторські діти, особливо любили його за несхожість у різних ролях. Дивимосся Мілютенка у виставі «По той бік», де він грав Мадзімуру сана, і як не вдивляємося, як не вслухаємося – ніщо в цій ролі не нагадує Дмитра Омеляновича, ні зовнішність, ні голос та навіть зріст. Усе інше. А його ролі: величкий епізод – Кизил у виставі «Багато галасу даремно», Блазень у виставі «Король Лір» Шекспіра, були одними з найяскравіших вражень нашого театрального дитинства.

Пам'ятаю 1961 рік. Біля центрального входу до Театру ім. І. Франка траурний мітинг. Трупа прощається із заслуженим артистом України Іваном Левковичем Маркевичем.

Виступає Дмитро Омелянович. Він говорить те, що завжди в таких випадках говорять: який Іван Левкович був хороший актор, яка прекрасна людина, а потім... Яким він був завзятим книголюбом (і це не красне слово), як любив працювати з молотком (Іван Левкович багато років керував самодіяльним колективом). Дмитро Омелянович сам був духовно багатою людиною і цінував це в інших.

Пам'ятаю дружину Дмитра Омеляновича Надію Шуварську, на жаль, забув як по батькові. Колись вона була балериною, якийсь час хореографом. Напевно працювала в хореографічному училищі, бо в розмові з Іллюшею, пам'ятаю, фігурувало прізвище народної артистки Радянського Союзу Женечкі Єршової, як учениці Шуварської. На той час вона займалася господарюванням і вихованням Іллюші. Розмовляла своїм металевим скрипучим голосом, трохи грасуючи, наче вичитуючи комусь із претензією та невдоволенням. Щодня я бачив як вона вигулювала собаку, зустрічала сина зі школи. Але, щоб вона була поруч з чоловіком, не пригадую... Недарма можна було почути в нашому домі такий жарт, в якому, напевне, є частка правди. Шуварська звертається до свого чоловіка: «Дмитигику, хочеш вечегяти? Почисть кагтоплю, підсмаж її».

Іллюша взяв, напевне від матері, зверхність у ставленні до людей, відчуття своєї неповторності, іронічне відношення до інших, а не скромність батька, його велику працездатність і вимогливість до себе.

А далі хочеться нагадати думку драматурга В. Розова з його п'єси «Традиційний збір»: «Природа під кінець життя дарує чоловікові найцінніший дар – любов. Це не просто любов, це любов до життя».

Дмитро Омелянович палко покохав. Я довгий час не був знайомий із цією тендітною, завжди кудись поспішаючою, навіть мені здавалося, сором'язливою, а головне – чарівною жінкою.

Багато років тому я бачив її у трамваї. Вона, дивлячись у вікно, як молитву, з напруженим одухотвореним обличчям, повторювала якийсь текст. Напевне, їхала на концерт, бо працювала у філармонії. Я відзначив, як мало вона змінилася, хоча пройшло вже багато років. І ще подумав: це природно – чисті, незабруднені життям, багаті духовно люди, навіть зовнішньо довгі роки ще не гублять своєї привабливості.

Дмитро Омелянович, напевно, знайшов рідну собі душу. І не дивно, що після багатьох років самотнього життя в цій пустелі, в чужій для нього сім'ї, він став нарешті щасливим.

Не так давно я познайомився з нею, Наталею Яківною Мілютенко, вдовою Дмитра Омеляновича, до заміжжя вона носила прізвище Міщенко. І Наталя Яківна розповіла мені історію взаємин із Дмитром Омеляновичем. Вона згадувала, що коли грала секретарку у виставі «Банкір» за п'єсою Корнійчука, а Дмитро Омелянович – її директора, то вона, відкриваючи журнал, в якому треба було вести запис відвідувачів, знаходила приятні слова на свою адресу, написані рукою Мілютенка. Пізніше, коли вона залишала на деякий час Київ, то Дмитро Омелянович завжди надсилав їй телеграми, поштової листівки.

«Рижское море сурово, но Вам шлет улыбки, сердечный привет»

Або

«Милые строчки получил с большим опозданием. Сам виноват. Черкните еще, не дожидаясь ответа. Тут до девятого».

Якось Наталя Яківна перебувала в будинку відпочинку, кореспонденція приходила від нього щодня. І поштарка жартувала з цього приводу:

– Я щодня приходжу до Вас, як на чергування.

А листи до неї такі поетичні, а ще і з гумором! Ось, наприклад, один з них із Кисловодська, де Дмитро Омелянович відпочивав. Лист на шість сторінок. Проте захоплюючий завдяки талановитим спостереженням, цікавим подробицям, яскравим баченням. Чи то йдеться про природу Кавказу, чи гумор побуту відпочиваючих у санаторії в Кисловодську, чи зустрічі із місцями, пов'язаними з Лермонтовим – будинок, де він жив (можна й тепер спостерігати краєвид, який бачив поет), чи будинок Верзіліних, де відбувалася сварка, що призвела до трагічної дуелі, або місце, де поет пролежав із пробитим кулею серцем п'ять годин під дощем. Чи як директор театру ділиться з нею планами, що треба робити, щоб закріпити успішні гастролі в Москві й перевести Театр ім. Франка фактично з обласного рівня утримання до республіканського і тому подібне.

На гастролях у Ленінграді в День військово-морського флоту Дмитро Омелянович запросив Наталю Яківну на розведення мостів. І це свято дало відлік їх стосункам.

«Поздоровляю з Днем військово-морського флоту» – кожного року надсилав Дмитро Омелянович Наталі Яківні телеграми подібного змісту. Це означало – з днем народження їхнього союзу, їхнього щастя.

Минав час. У Дмитра Омеляновича була дружина, підставив син, Мілютенко був провідним актором театру, відомим

актором кіно. Певний час – секретарем партійної організації та директором театру. І поки підросала дитина, не міг залишити сім'ю, хоч іноді болісно зізнавався Наталі Яківні: «Ти не уявляєш, як важко жити з дружиною, яку не любиш».

Коли Дмитро Омелянович став удівцем, то через деякий час прийшов до батьків Наталі Яківни просити її руки, і звернувся до них:

– Шановні Антоніно Федорівно та Якове Давидовичу. Я хочу зробити щасливою вашу дочку. Чи дасте ви благословення на наш шлюб?

Батько відповів:

– Дорогий Дмитре Омеляновичу, ми були б щасливи ми мати такого шанованого чоловіка як Ви, за родича. Але останнє слово за дочкою.

– Я згодна! – майже заводала Наталя Яківна.

Та й почалося після весілля їхнє спільне сімейне життя у невеличкій кімнаті Наталі Яківни у Лаврі. Якийсь час вони жили у маленькій кімнаті квартири Дмитра Омеляновича, а син з молодою дружиною у великій, але у невістки виявився дуже норавливий характер. Тому вони й переїхали до Наталі Яківни. Жінка згадувала, що її батько інтуїтивно відчував талановитих людей. Про Дмитра Омеляновича він казав: «У нього привабливість великого таланту». Усі знайомі та родичі Наталі Яківни ставилися до Дмитра Омеляновича не тільки зі щирою повагою, вони просто закохувались у нього.

Наталя Яківна згадувала, що кожен день, прожитий з Дмитром Омеляновичем, був для неї просто поезією. Він усе робив, щоб вона була щасливою.

Улюбленим місцем їх прогулянок у рідкі вільні хвилини його життя були оранжерея і павільйон конярства на виставці передового досвіду. До коней вони підходили з цукром, простягали їм рафінад, ті обережно брали їх з долонь м'якими теплими губами, а потім дякували, вклоняючись головами і підгрібаючи під себе передню праву ногу. Якийсь негідник, пригощаючи коней, дав їм отруту, і кілька тварин загинуло. Після цього було заборонено такі частування. На виставці також був ресторан, біля нього став, у якому плавали лебеді. Дмитро Омелянович та Наталя Яківна любили сидіти на веранді ресторану за ближчим до ставка столом і милуватися цими красенями птахами. Іноді, у такі хвилини він говорив: «Ти – моя лебедина пісня». Вони пригощали птахів маленькими шматочками білого хліба. Спостерігали, як ці вишукані створіння підпливали до них, і не гублячи гідності, тягнулися до частування.

Дмитро Омелянович любив відвідувати разом із Наталею Яківною ресторан київського аеропорту, де з притаманним йому гумором запитував її: «Куди ми сьогодні летимо, дитинко моя?» Наталя Яківна підтримувала цю гру, і, сміючись відповідала: «Сьогодні ми летимо... в Ріо-де-Жанейро».

– Шановний добродію, – звертався Дмитро Омелянович до офіціанта, – у вас є що-небудь з бразильської кухні?

– На жаль, ні, – відповідав той.

– У такому разі, принесіть нам, будь ласка, котлети «по-київськи». Гадаю, що смачнішої страви й у бразильців немає.

Незважаючи на те, що був він дуже серйозною і зайнятою людиною, мав суворий вигляд та з притаманним йому гумором якимось запитав: «Дитинко моя, яка різниця між твоїм та моїм віком?»

– Двадцять три роки.

– Ну, слава Богу, а то я думав двадцять чотири.

Часто повторював у розмові: «Піду на пенсію, будемо жити на Русанівці та милуватися красою Києва».

Любив живопис, намагався не пропускати жодної виставки. Особливо уважно приглядався до молодих художників. Можна було від нього почути таке: «Оцей початківець, якщо буде багато працювати, стане цікавим художником».

У 1965 році подружжя Мілютенків отримало двокімнатну затишну зручну квартиру на бульварі Лесі Українки. Наталя Яківна облаштувала нове помешкання, їхнє сімейне гніздечко (Дмитро Омелянович в цей час знімався у Ташкенті в картині «Криниця для спраглих»). Вона з нетерпінням чекала повернення чоловіка, щоб вони тепер, як усі люди могли почати щасливо жити у своїй власній квартирі.

«Здрастуй, сонечко, за тебе гроші одержав. Закінчую тут роботу двадцять п'ятого. Одразу їду Київ. Готуйся на Закарпатті кінець місяця. Дзвони. Привіт батькам». Отримала Наталя Яківна цю телеграму на початку грудня 1965 року, але до двадцятого закінчити не встигли. А в третій декаді грудня Наталі Яківні подзвонили з Ташкента і повідомили, що її чоловік захворів, їй необхідно летіти туди. Вона подумала про найгірше, і тому, коли прилетіла і почула від лікаря діагноз – інфаркт, то з полегшенням вимовила: «Слава Богу!». Лікар здивовано подивилась на неї. Прийшлося зізнатись їй: вона подумала, що чоловіка вже немає в живих.

Представники ЦК компартії Узбекистану з'явилися у лікарні, куди було транспортовано швидкою допомогою Дмитра Омеляновича, і пропонували перевести Мілютенка в лікарню

четвертого управління (це найкращий медичний заклад для партійної верхівки та урядовців Узбекистану).

– Дякую, – сказав Дмитро Омелянович, – але буду лікуватися, як усі.

В окремій палаті Дмитра Омеляновича, поруч з ним, поставили розкладне ліжко для Наталі Яківни, і почалася боротьба за життя великого артиста.

Медичний персонал, знаючи, хто лежить у їхній лікарні, намагався застосовувати у боротьбі з підступною хворобою все найновітніше у медицині, що в них було. Наталя Яківна зі свого боку старалася підтримувати хворого морально: згадувала щасливі епізоди з історії їх стосунків, свої враження від його блискучих робіт... Кожного ранку читала нові газети, щодня купувала свіжий гранат, вичавлювала з нього сік і давала пити Дмитру Омеляновичу.

Наближався Новий рік.

– Ну що, – слабким голосом почав Дмитро Омелянович, – як будемо святкувати Новий рік?

Він лежав в одному положенні, намагаючись не рухатися.

– Відсвяткуємо його гранатовим соком? – запитав він, і в його очах Наталя Яківна знову помітила такі знайомі їй бісики, які, як правило, супроводжували його гумористичні вислови.

– Гранатовим соком! – радісно відповіла Наталя Яківна.

Вона купила різнокольорові кульки, смішні іграшки, прикрасила ними палату. В останній вечір того року вони підняли тост за здоров'я Дмитра Омеляновича. Тобто підняла два келихи з гранатовим соком і чокнула один об одний сама Наталя Яківна (лікарі ще не дозволяли хворому рухатися). Потім дала випити Дмитру Омеляновичу, і випила сама. Настрій у Дмитра Омеляновича на Новий рік трохи покращився.

У передостанній день перебування Дмитра Омеляновича в ташкентській лікарні, він сказав якимось сумно: «Так хотілося б знову побувати в Києві».

– Так ми ж післязавтра летимо туди, любий...

– Я знаю... невпевнено відповів він, і раптом зробив легкий видих, і вона тільки почула: «Хо, хо...»

І з тим видихом вона зрозуміла – відлетіла його душа. Наталя Яківна закричала, прибігли лікарі, щось намагалися зробити, але було вже пізно...

АРКАДІЙ ЄВГЕНОВИЧ
ГАШИНСЬКИЙ

Народний артист СРСР

Сучасний дон Кіхот

Вперше побачив я Аркадія Євгеновича на сцені Театру ім. Івана Франка в ролі Хоми у виставі «Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці» М. Старицького, коли мені було 12 років. Аркадій Євгенович, тоді ще молодий актор, який не так давно з'явився в трупі театру, яскраво, переконливо грав цього негативного персонажа. Враження від його гри було настільки сильним, що, складаючи вступні іспити до Київського театрального інституту, я виконував саме монолог Хоми, звичайно ж, під впливом виконання Аркадія Євгеновича. До цього ж періоду належить цікавий гострохарактерний образ Парашенка, який я бачив у виставі «Мертвий бог» М. Зарудного. Але ці ролі, хоч і дуже цікаві, але другого плану. Пізніше, коли він став провідним майстром у театрі, то вражаюче грав і головні, трагедійні ролі. Це Ярослав Мудрий, Уріель Акоста, Макбет в однойменних п'єсах Кочерги, Гуцкова, Шекспіра. Не так часто можна було зустріти в українському театрі актора з таким широким діапазоном: від гострохарактерних ролей до ролей високої трагедії. І звання народний артист Радянського Союзу, яке він отримав у розквіті свого таланту в п'ятдесят один рік, виглядає доречним і переконливим.

Та мені хотілося б розповісти про свої особисті спостереження, враження від зустрічей із Аркадієм Євгеновичем.

Попрацювавши кілька років у Театрі ім. Лесі Українки, я (велика дяка керівництву та профкому), нарешті, одержав двокімнатну квартиру на п'ятому поверсі в будинку на бульварі Т. Шевченка 45, кв. 94. А поверхом нижче, в такій самій квартирі, жив Аркадій Євгенович. Ми були сусідами і якимось він запросив мене до себе показати дещо зі своєї бібліотеки. Я побачив акуратну, але дуже скромну квартиру (найнеобхідніше з меблів, а книг дуже і дуже багато.)

Тоді у нас відбулася така розмова:

– Аркадію Євгеновичу, чому ви не поговорите з керівництвом Театру ім. Івана Франка, щоб допомогли вам поміняти квартиру на більш затишний, зручний район? – запитав я. А треба сказати, що вікна наших квартир виходили на бульвар Шевченка, і там цілодобово, неначе Ніагарський водоспад, шумів гамірний потік машин. Заснути вночі, не приклавши до вуха подушку, було неможливо. Крім того, навпроти, по інший бік бульвару, потужно працювала тютюнова фабрика. Так що пахощі тютюну практично ніколи не вивітрювалися з наших квартир. Та ще й будинок без ліфта.

Аркадій Євгенович посміхнувся і, якимось ніяково відповів:

– Розумієте, не хотілося б турбувати людей. Та я вже, знаєте, і звик до цієї квартири.

«Звик». Я тоді вперше подумав, що він ззовні і внутрішньо схожий на Дон Кіхота. Благородного, непристосованого до бруду життя «Лицаря печального образу». І подальші спостереження ще сильніше переконували мене в цьому.

Пам'ятаю, після прем'єри «Вишневого саду» А. Чехова, режисером якого була Ірина Олександрівна Молостова, в акторському буфеті відбувався невеличкий бенкет. За столом навпроти мене сидів Аркадій Євгенович. Він поздоровив мене із цікавою роботою (я грав Єпіходова), побажав успіхів. А потім підвівся і з келихом вина в руці виголосив тост. Не пам'ятаю змісту цього виступу, але після, як подарунок, для учасників вистави він прочитав вірш. Це було красиво, доречно, витончено.

Аркадій Євгенович був не тільки внутрішньо красивою людиною, але й ззовні... Красиво ходив, красиво розмовляв, вдягався, любив робити красиві вчинки. Він викладав в Театральному інституті. І я уявляю, як обожнювали його студенти. Одна з них мені переказувала, що між собою його називали «Наш чарівний Гаш».

Аркадію Євгеновичу казали, що він, народний артист Союзу, має підстави стати професором. Але він уникав цієї теми і тільки близьким людям роз'яснював: «Коли хтось із моїх випускників отримає звання, тоді я вже буду мати моральне право стати професором». І знов я подумав – Дон Кіхот!

Минули роки. Аркадія Євгеновича вже немає з нами. І ось його колишня студентка, яка його дуже любила, отримала звання і зізналася мені, що вона привітала Аркадія Євгеновича із званням професора. Якщо він існує десь в «іншому вимірі», то це свято і для нього.

Пам'ятаю виставу «Порт – Артур» в Театрі ім. Івана Франка. В одній зі сцен до ресторану вносять величезну, на людський зріст, пляшку шампанського. А потім пляшка розкривалася на дві половини, і звідти виходила в світлі прожекторів, у пляжному костюмі, сяюча красою, напрочуд гарної статури молода жінка. Це була актриса Півторадні, дружина Аркадія Євгеновича. На жаль, її акторська кар'єра не склалася. Я знаю, що потім вона деякий час працювала в театрі костюмером. Це було для неї драмою. А трагедією було, напевно, те, що вихід шукала вона в оковитій. Я не раз бачив, як вона ледь трималася на ногах, і Аркадій Євгенович вів її на четвертий поверх, бо ліфта не було.

Підтримуючи її під ліву руку, пальці якої міцно тримав своєю лівою, а правою, обхопивши її попереk, допомагав

дійти додому. При цьому ні дорікань, ні лайки не було чути. Вони тихо йшли. Він мовчки «ніс свій хрест». І тоді мені подумалось: «Лицар печального образу вів свою Дульсінею додому».

У Аркадія Євгеновича був єдиний син, кажуть, здібний актор. Отримав звання заслуженого артиста України. Він працював у Миколаївському театрі. Іноді влітку я бачив його, коли він приїздив із сім'єю, дружиною та донькою до своїх батьків.

Аркадію Євгеновичу радили допомогти синові влаштуватися в одному з театрів у Києві. Але це означало когось турбувати, когось просити... І потім він був переконаний, що син сам має вирішувати свою долю... Знову Дон Кіхот! Хто ж тепер так чинить? І коли син там, у Миколаєві, загинув при загдових обставинах, земля захиталася у Аркадія Євгеновича під ногами. Адже він так чесно, порядно, по-божому жив. За що ж це горе йому?

До того ж, тоді в театрі він працював над блискучою роллю, а режисер-постановник перед прем'єрою залишив працювати над нею іншого виконавця, правда, талановитого, порівняно молодого актора. Але не його – Аркадія Євгеновича. Напевно, він це дуже тяжко переживав. Почав хворіти. Потім невдовзі – пішов із життя.

Могила цієї красивої, інтелігентної людини, прекрасного актора – на Байковому кладовищі, кажуть, занедбана. Немає кому доглядати: невістка, онука та всі їхні родичі живуть у Миколаєві. І це гіркий знак всім порядним людям, хто залишився жити. Та, незважаючи на сумні приклади, хвалити Бога, порядні люди не можуть бути іншими. Хай тільки те щастя, яке, на жаль, оминуло інтелігентну, чесну родину ГАШИНСЬКОГО, з рахунку Вищої Справедливості, буде повною мірою в житті онуки Аркадія Євгеновича!

**КАТЕРИНА ОЛЕКСАНДРІВНА
ОСМЯЛОВСЬКА**

Народна артистка України

Злиття ніжної краси і витонченої духовності

Катерина Олександрівна була найвродливішою актрисою Театру ім. Івана Франка – так вважали всі. Але ми, діти, сусіди їхньої родини по будинку, були переконані, що вродливішої жінки немає, не було і ніколи не буде. Мої однолітки і я товаришували з сином Катерини Олександрівни Костою, часто бували в них вдома. Чи бачили ми її, коли вона вулицею в супроводі однієї із сестер йшла на виставу, чи хтось із них завжди зустрічав її після вистави і проводжав додому, чи траплялось вдень побачитися з нею в театрі – завжди вражала підкреслена гідність, навіть офіціоз, із яким Катерина Олександрівна спілкувалася з людьми. Напевно, це було своєрідним захистом у складних театральних стосунках. Та ми, друзі Кості, які часто бували у них вдома, бачили те, чого не знали інші. Катерина Олександрівна була надзвичайно чарівною і мала виняткове почуття гумору, якесь підбадьорливе, що підтримувало нас, дітлахів. І взагалі, родина Осмяловських – це справжній подарунок долі для нас – друзів Костика. Їхній рід походив зі старої, високоморальної, духовно багатой, витонченої інтелігенції, якої так мало залишилось вже й на ті часи. Родина складалася з матері та батька Катерини Олександрівни, які ще були живі після війни, трьох її сестер, чоловіка – Олександра Васильовича Липківського (сина засновника української автокефальної церкви Василя Липківського) та двох її синів: старшого Сашка та Костика. Вся ця чималенька родина жила в трьох великих кімнатах в комунальній квартирі № 12 на Ольгинській 2/1. Щоб збагнути, чим для нас – однолітків Кості, була ця родина, треба спробувати уявити собі повоєнний Київ, Театр ім. Івана Франка і поруч будинок, де жили актори – франківці. Тільки ці два будинки й вціліли в нашому районі. На місці інших – купи каміння або коробки стін з отворами на місці вікон. Тротуари завалені цеглою. Перехожі, які вечірньої години поспішали до Театру ім. Івана Франка, йшли завжди посередині вулиці, подалі від страхітливих чорних отворів вікон. Ці будинки нагадували кістяки доісторичних тварин, кризь ребра яких було видно відсутність нутрощів.

Вечори, які ми проводили у Костика, були справді дивовижними. То ми дивимось діафільми, кожен із нас по черзі, що визначила Катерина Олександрівна, читає текст під малюнками. Вона підбадьорює нас, жартує, коли за сюжетом казки з'являється хоч якась гумористична ситуація. І ми радісно

сміємось. Іншим разом, за ширмою, з ляльками, намагаємося розігравати вигадані нами сцени. І все це в гумористичній, доброзичливій формі рецензується Катериною Олександрівною під наш загальний сміх. Я ніколи не чув, щоб у цьому домі підвищували голос. Єдине, що можна було інколи почути – це ображені інтонації: «От, на жаль, ніяк мене не хочуть зрозуміти!» – і цього вистачало. Катерина Олександрівна любила читати. Вони мали велику бібліотеку. Незабаром і Костя став захоплюватися книжками. А потім до читання призвичаїлися й ми. Костю батько навчив грати в шахи, невдовзі й ми з друзями почали змагатися між собою, хто кращий гравець. Костю навчили робити фото, і ми всі навчилися. Потім ми всі почали збирати колекції марок, робити фотоальбоми, тощо.

Ніколи не забуду, як ми, Костя та його друзі, хлопчики 11–13 років, гуляємо з Катериною Олександрівною Петровською алеєю, підходимо до Аскольдової могили, вона в подробицях розповідає історію Аскольда й Діра. І ми зачаровано слухаємо її.

Ніякі свята не оминали нас. Чи то був день народження Кості, чи Новий рік... нас завжди запрошували. В ті повоєнні голодні роки, коли ми сідали за святковий стіл, нам здавалося, що це казковий сон. Страви на столі завжди були смачними і всім було цікаво і весело. За столом часто бували друзі старшого брата Кості Сашка по театральному інституту – Юрій Бобошко і Аркадій Драк (потім вони стали провідними театрознавцями), відома перекладачка, давня знайома сім'ї – Ірина Стешенко. Ці гості разом з Катериною Олександрівною «видавали» такі феєрверки дотепів, гумору, розіграшів, що ми, тоді ще зовсім маленькі хлопчики, слухали, мов заворожені, запам'ятовуючи на все життя.

Катерина Олександрівна була прекрасною актрисою, яку любили глядачі. Але 1963 року її разом із групою провідних акторів наказом Міністерства культури примусили піти на пенсію. Дехто з них пізніше поновився у театрі, хтось почав працювати в інших колективах. Але, напевно, високе почуття власної гідності не дозволило Осмяловській зробити щось подібне. Занадто болісною була образа. За 33 роки самовідданої, всепоглинаючої праці – така дяка. Наступні 34 роки свого життя вона провела ізольовано від мистецької, громадської, або педагогічної діяльності. Скільки б користі вона могла принести і на сцені, і у вихованні творчої молоді!

В суспільстві, де завжди існував дефіцит порядних, духовно багатих, інтелігентних людей вона, яка була взірцем всіх цих якостей, виявилась зайвою. «Отож, маємо те, що маємо».

Цікаво було зустрітися з колегами, людьми, які знали особисто Катерину Олександрівну, і дізнатися, якою вона залишилася в їхніх спогадах.

«Катерина Олександрівна була надзвичайно органічною на сцені і мала хвилюючий тремтливий голос, – згадував актор, ветеран франківської сцени – Борис Петрович Лук'янов, – такої Ліди з «Платона Кречета» Олександра Корнійчука режисера Кості Кошевського, яку грала Катерина Олександрівна, я потім ніколи не бачив.

Особливо довершеною була її робота у виставі «Дванадцята ніч» Вільяма Шекспіра, у постановці Бенедикта Норда. Перевтілення було неперевершене. Вона грала у виставі три образи: Віоли, Цезаріо, в якого перевтілювалася Віола, йдучи на службу до графа Орсіно, й Себастьяна, брата – близнюка. Для кожного з них актриса знаходила переконливу, відповідну тональність і створювала зовсім різні, несхожі характери». В театрі Осмяловська була закритою людиною. Існувала відокремлено від інших, вочевидь тому, що батька її чоловіка – засновника української автокефальної православної церкви – Василя Липківського після звільнення від сану митрополита, було заарештовано, а 1937 року розстріляно. Над всією його родиною завжди висіла небезпека переслідувань. Народна артистка України Юлія Семенівна Ткаченко, згадуючи Осмяловську, розповідала, якою витонченою, гармонійною красивою була її зовнішність, такою ж була і душа. В присутності Катерини Олександрівни ніхто не міг собі дозволити розповісти не те щоб непристойну історію чи анекдот, але навіть якісь невинні речі, яким просто бракувало доброго смаку чи хорошого тону. От такою високою була порядність цієї людини. Вона була дуже делікатною, а у питаннях моралі – вищою мірою делікатності.

Одному молодому акторові Катерина Олександрівна подобалась, як до речі, й багатьом, але на відміну від інших, він не приховував своїх почуттів, виявляючи це у підкресленій повазі, бажанні чимось допомогти, зробити приємне. Такий собі вихований добровільний паж, який навіть в думках не порушував дистанцію, що існувала між ними.

Катерина Олександрівна делікатно дала відчутти йому, що в колективі це неправильно можуть зрозуміти, а їй цього не хотілося б. І її молодий шанувальник зупинився у прояві своїх почуттів – Катерина Олександрівна була чутливою, витонченою, і разом із тим, людиною великої гідності.

Якось Осмяловська репетирувала невелику вікову роль, і повинна була виносити посуд до столу, де сиділа вся її

родина. Раптом із залу лунає захоплений голос режисера Володимира Скляренка: «Пгекгасно, Категино Олександрівно, в одній цій появі читається вся біографія Вашої гегоїні... пгекгасно».

Вона зрозуміла, що режисер, відчувши її стан в цій невідразній, незначній ролі, хотів підтримати. Але це ж збагнули й інші, а для її гідності це було боляче. Зупинившись біля столу, за яким ми сиділи, – продовжувала згадувати Юлія Семенівна, – вона ледь чутно промовила: «Ну навіщо ж він так...»

Народна артистка України Галина Гілярівна Яблонська розповідала:

– Наприкінці п'ятдесятих років Катерині Олександрівні почали пропонувати вже вікові ролі, хоча вона залишалася дуже вродливою жінкою, ніжною, тендітною. І як на мене, то й зарано, бо були в трупі актриси старші за неї, а проте вони продовжували грати молодих героїнь. В деяких виставах вона виконувала ролі моїх матерів. Зокрема, у виставі

«Персональна справа» грала Олександрю Іванівну, дружину головного героя п'єси, а я її дочку, Мар'яну. Після одної репетиції Катерина Олександрівна сама підійшла до мене і почала:

Мені подобається, як ви граєте; видно, що ви обдарована людина. Але навіщо ви намагаєтесь зіграти все ще й обличчям? Навпаки, чим стриманіше зовні ви будете проводити цю сцену, з такою ж зацікавленістю і темпераментом, тим переконливішою вийде ваша героїня.

Цю пораду я запам'ятала на все життя, – підсумувала Галина Гілярівна.

У виставі «Не судилося» за п'єсою Михайла Старицького, – вела далі Галина Яблонська, – Катерина Олександрівна грала матір головної героїні Катрі, роль якої виконувала я. Пам'ятаю, з яким тактом вона проводила зі мною сцену, коли моя героїня приховує, яке лихо з нею сталося. Мати, збагнувши в чому річ, робить все, аби не завдати зайвого болю своїй дочці.

– Вікові ролі, – продовжувала Галина Гілярівна, – Катерина Олександрівна грала гідно, знову ж таки з притаманним їй тактом, «не тягла, як кажуть, на себе ковдру», а працювала на виставу, як сумлінна, ансамблева актриса. Гадаю, в цих ролях Катерина Олександрівна випереджала час: вона надзвичайно любила власних дітей і цією любов'ю наповнювала свої материнські ролі. Не грала цього – воно в ній було присутнє. Тому й образи виходили не театральні, а справжні, життєві.

Дуже цікаві спогади колег, де йдеться про гумор Катерини Олександрівни, а також про життєві ситуації, в яких вона постає такою, якою насправді була.

Юлія Семенівна Ткаченко пригадувала, що це був гумор інтелігентної людини. Вона любила поіронізувати на свою адресу в колі близьких і знайомих. Хоча все в ній було красиве, пропорційне, як у вишуканій статуетці, проте, приміряючи костюм до нової вистави і прискіпливо розглядаючи у дзеркалі свої груди, вона, всміхаючись, промовляла:

– Підкласти туди що-небудь потрібно, чи що...

– Що ви таке кажете, – вражено вигукнула театральна кравчиня.

У цеху пошиву театральних костюмів одна досвідчена, віддана своїй справі кравчиня, робила першу примірку Катерині Олександрівні:

– Ну от, зараз на коліна переді мною станеш, – з гідністю голлівудської зірки, яка стомила від обожнювання, промовила Осмяловська.

– І стану, – відповіла та, – по-перше, це потрібно для примірки, а по-друге, перед такою красою не гріх і на коліна стати.

Катерина Олександрівна, цнотлива людина, навіть пошкодувала, що так з нею пожартувала.

Ще Юлія Семенівна пригадала епізод, коли вона, зовсім молода актриса, на репетиції за вказівкою режисера, повинна була зробити кілька стрімких обертів й одразу ж, наче падаючи, сісти на стілець. Актриса так і зробила, але довга спідниця здійнялася, відкривши стрункі дівочі ноги, і, коли вона впала на стілець, якусь мить сиділа з оголеними ногами, потім хутко, сором'язливо накрила їх спідницею.

– Слухайте, це вам не кабаре, і я не просив тут стриптиз влаштовувати, – пролунав голос режисера з глядацького залу.

Молода актриса зашарілась. Катерина Олександрівна, яка знаходилась на сцені поруч із нею, тихенько проказала:

– Не засмучуйтеся. Незважаючи на суворий тон, гадаю, йому приємно було це побачити.

На початку п'ятдесятих років Катерина Олександрівна відпочивала в кардіологічному санаторії в Кисловодську. Від театру так само за профспілковою путівкою була там і пример Рита Туревська, яка розповідала:

– В один з перших вечорів вони поверталися до своєї кімнати і зустріли кількох чоловіків:

– Такі гарні дівчатка. Куди це ви йдете? А танці? Ще ж дитячий час.

Рита маленька, Катерина Олександрівна без підборів теж невисока на зріст, у вечірніх сутінках важко роздивитися.

– Та хіба ж не видно? Ми і є...діти, – наївно промовила Катерина Олександрівна, і, ховаючи посмішку, вони чемно пройшли повз розчарованих залицяльників.

Осмяловська була дуже чарівливою, коли у своїй іронічній, жартівливій манері говорила про успіхи своїх онучок або синів. На обличчі в неї з'являвся вираз великої самоповаги, значущості, ніби з тобою в цю хвилину розмовляла королева Англії.

– Моя Ганнуся, – казала мені Катерина Олександрівна про свою молодшу, тоді восьмирічну онуку, – місяць тому подивилася виставу вахангівців «Принцеса Турандот» і написала продовження, так би мовити, ще одну серію цієї п'єси «Друга підступність Ансельми». Драма на три дії. А обличчя немовби переможно випромінює: «Ось ми які!»

У 1965 році я грав дуже цікаву роль Фіруза в телівиставі «Перший день свята» за п'єсою Назима Хікмета, режисер В. Чубасов. В одній сцені брат нареченої просить Фіруза, щоб той сповістив його майбутню дружину, що в неї тільки-но помер батько. Фіруз заходить до її спальні й замість того, щоб розповісти страшну новину, розуміє, що вже сьогодні вночі може успадкувати велике багатство (після трагікомічної внутрішньої боротьби між обов'язком і бажанням миттєвого збагачення), починає ніжно вмовляти Айтен, щоб вони вже зараз стали чоловіком і жінкою: «Не хвилюйся, я тебе, як яблучко роздягну, все буде гаразд, моя любя». І досягає свого.

Наступного дня я відвідав Осмяловських.

«Олеже, – урочисто почала Катерина Олександрівна, – вчора ми тебе бачили у телівиставі. Ти нам сподобався. Але просто в захваті від тебе моя Наталя (старша онука Катерини Олександрівни, їй тоді було шість років).

– Який ввічливий, вихований дядя Олег. Весь час повторював: «Не хвилюйся, я тебе, як яблучко роздягну, все буде гаразд».

В останні роки життя Катерина Олександрівна втратила зір, часто хворіла. Своєму молодшому синові Кості, вже перед кінцем життя, вона якось сказала: «Як важко мені, а все-таки хочеться жити...» Коли її не стало, в некролозі від Театру ім. Івана Франка була повторена найсправедливіша, найоб'єктивніша думка про Осмяловську, що її незадовго перед цим висловила народна артистка України Поліна Мусіївна Нятко: «Свою життєву слабкість вона перетворила на сцені на мистецьку силу. Франківські глядачі після Осмяловської,

мабуть, і не знали такого гармонійного злиття ніжної краси, жіночності й витонченої духовності».

Я проводжав Катерину Олександрівну в останню путь. Було небагато людей. І це зрозуміло. Майже все її покоління відійшло в інший світ. Була Ольга Яківна Кусенко. Коли я підійшов до неї і запитав, чи не хоче вона сказати прощальне слово, вона відповіла:

– Ой, Олежко (вона знала мене з дитинства, була в добрих стосунках із моєю мамою), ти навіть не уявляєш, як я погано себе почуваю. Але я спробую.

І вона виступила, попрощалася з Катериною Олександрівною. А через три дні її самої не стало.

Яка велика сила обов'язку, які міцні почуття були в неї до Катерини Олександрівни, що майже з безодні вона сказала своїй колезі: «Прощавай».

**МИКОЛА ФЕДОРОВИЧ
ЯКОВЧЕНКО**

Народний артист України

«Сміхотворець Яковченко»

Микола Федорович Яковченко жив в акторському будинку по вулиці Ольгинській, 2/1 в квартирі № 10. Це була велика комунальна квартира, в якій він одразу ж після війни займав значні за площею дві кімнати, де жив з дружиною Тетяною Марківною та двома доньками: старшою Ірою та молодшою Юною. Їхніми сусідами були – Євген Коханенко, заслужений артист України із дружиною Марією Шульгою та сином Тосіком. Вони теж займали дві великі кімнати. Маленьку, дванадцятиметрову – займала дуже стара актриса Театру ім. Івана Франка Є. Ожеговська. Вона відразу ж після війни пішла з життя, і в цій кімнаті оселилася Нонна Кронидівна Копержинська зі своїм першим чоловіком та сином Женею.

Одразу ж після війни померла дружина Миколи Федоровича – Тетяна Марківна. Звісно, для родини це була справжня трагедія. Микола Федорович залишився вдівцем з маленькими дівчатками на руках. Були в Києві родичі, які чимось, напевно, допомагали. Допомагали й сусіди. Але якою могла бути та допомога, якщо в голодні повоєнні роки самим всього не вистачало.

Моя мати, Ганна Іллівна Ніколенко, була в добрих, дружніх стосунках з Тетяною Марківною, і по її смерті намагалася теж, чим могла допомогти бідним дівчаткам.

Юність Миколи Федоровича пройшла в Прилуках Чернігівської області. Мама теж з Прилук. Вона розповідала мені, що коли тільки почала працювати у Прилуцькому міському театрі, то на репетиції і вистави до них приходили вже визнані й відомі в місті актори – комік Микола Яковченко та «герой» Петро Шипенко.

Микола Федорович важко переживав трагедію самотності. Життя його не було зігрите ні жіночим теплом, ні піклуванням про нього та дітей. І він почав «ховатися» від цієї напасті в оковитій.

Пам'ятаю, після війни, коли було відбудовано вулицю Миколаївську (тепер Городецького), там знаходився ресторан «Театральний». У ньому частенько можна було побачити Миколу Федоровича, який, підійшовши до відвідувачів, котрі сиділи за столиками, голосно, в жартівливій манері промовляв:

- Заслуженому артисту республіки, Миколі Яковченку, дайте на сто грамів! – присутні починали сміятися.
- Та які там сто грамів, Миколо Федоровичу, сідайте з нами та посидьте, – радісно казали вони. Садовили біля себе

відомого артиста, пригощали його й, нашорошивши вуха, слухали. У них був радісний, веселий вечір у компанії з такою цікавою людиною. Та це не подобалося донькам Миколи Федоровича, які вже підросли, бо вони вважали: таким чином він компрометує себе, родину, театр, інколи вони ховали під замок децю з його одежі.

І от, пам'ятаю, одного літнього ранку я, восьмирічний хлопчик у коротеньких штанцях, виходжу з дверей нашої комунальної квартири № 11. Двері навпроти трохи прочиняються, і з них виглядає голова Миколи Федоровича, який змовницьки шепоче мені:

– Олечко, дай штанці ...

Багато бувальщин розповідали в той час про акторів. Розповідали їх і про Миколу Федоровича. Можна було почути, як на зйомках якогось фільму, режисер приставив до Миколи Федоровича людину, щоб слідкувала – не дай боже актор перед зйомкою вип'є. Той не відходив від нього ні на крок. Ось актор уже сідає в крісло, де гримери готують його до кадру, ось вони вже зробили свою справу.

– Миколо Федоровичу, ви вже готові? – лунає голос режисера.

– Го-то-вий, – ледь по складах, заплітаючи язиком, відповідає той.

Можна було почути й таку байку, як Микола Федорович «трохи перебрав», і лікарі швидкої допомоги, не почувши пульсу, відвезли його до моргу. Коли він прокинувся, то санітари розбіглися, побачивши, як «покійник» підвівся і пішов на них, вимагаючи, щоб йому повернули одягу, бо він боїться спізнитися на репетицію.

Розповідають також, як Микола Федорович, дивлячись на себе в дзеркало і ляскаючи долонями по обличчю, лагідно промовляв:

– Ах ти пичка, моя кормилиця рідненька!!!

На одному з концертів Миколу Федоровича «оголошують»:

– Виступає заслужений артист України Микола Яковченко. Він повільно виходить, зупиняється і, наче по секрету, але як про справу вже вирішену, промовляє: «Подали на народного». Вибух реготу. Він за життя став легендою: переповідали історії з його життя, запрошували на концерти, проводжали посмішками на вулицях.

Та ось доньки підросли. Юночка вийшла заміж. Микола Федорович вже не пив, одержав, нарешті, трикімнатну ізольовану квартиру на колишньому Брест-Литовському проспекті. В ній він жив із сім'єю своєї Юночки: з нею, її чоловіком,

режисером популярної радіопередачі «Від суботи до суботи» Володимиром Бохонком та онуком.

Микола Федорович мав свою кімнату, був оточений в родині повагою та любов'ю. Більше того, тут існував його культ. Це було видно і по великій кількості його колоритних фото-портретів, розміщених у квартирі, і по жартівливих «родинних» магнітофонних записах, і з того, як про нього в сім'ї говорили. Робота в театрі, зйомки в кіно, особливо в останні роки життя, зробили актора дуже популярним. Він став справжнім Народним Артистом України. Його скрізь впізнавали, радісно вітали. Микола Федорович був надзвичайно яскравим актором, АКТРОМ ВІД БОГА.

Я пам'ятаю у виставі «Калиновий гай» за п'єсою О. Корнійчука, як він із Поліною Мусіївною Няtko блискуче проводив дуетну сцену:

– Мадам, я – моряк! Я посаджу вас у гондолу і відвезу в комиші. Я покажу вам небо в алмазах, – впевнений в успіхові, залицяється він до манірної, з якогось іншого, вигаданого світу, Аги Щуки. Парадоксальна протилежність характерів, яскравість індивідуальностей створювали різкий комедійний ефект у цій сцені.

А його Довгоносик з вистави «В степах України» того ж Корнійчука! Хоча і негативний персонаж, але такий живий, безпосередній, навіть у чомусь привабливий. Ми, ще дітьми, дивлячись цю виставу, дуже шкодували, коли він співав: «І в дальній путь, на долгие года...» та в супроводі міліціонера Редьки йшов зі сцени...А симпатичні батьки: герой у фільмікомедії «Максим Перепелиця» та батько героїні в комедії, котра вже стала класикою, «За двома зайцями» М. Старицького, зробили його супер популярним. І не випадково, саме Яковченкові з його собакою Фанфаном спорудили пам'ятник у скверіку біля Театру ім. Івана Франка, де він колись часто сидів. Цей пам'ятник – прояв народної шани. Прекрасна ідея пам'ятника. Якби ще губи були б складені в добру, сяючу посмішку Миколи Федоровича. Яковченка любили не тільки глядачі, а й просто люди. Пам'ятаю, тільки він виходив зі своїм Фанфаном погуляти по площі Франка, його відразу ж оточував натовп дітей, котрі ходили за ним. Можна було почути:

– Миколо Федоровичу, а що їсть Фанфан?

– Фанфан – умная собака, він усё жрётъ, даже гвозді (регіт дітей).

Розвеселити людей, підтримати настрій – це була його улюблена справа. Актором він був не тільки на сцені, але й у житті. Там, де Яковченко, – там – гурт людей, там – сміх.

Пам'ятаю, як він з'явився в радіопередачі «Від суботи до суботи» в образі козака Мамає, кажучи: «Вітаю добірне товариство». Важко було втриматись, щоб не посміхнутись, слухаючи, як він це говорить.

Багато акторів, щоб підтримати добрий настрій в компанії, намагалися копіювати Миколу Федоровича, розповідаючи якусь його історію. Навіть «відблиск» його особистості в акторських розповідях підіймав у людей настрій. І його виступи перед дітьми з Фанфаном, і в ресторані, щоб пригостили, і багато іншого, – з усього він робив театр! І цей театр був яскравим, цікавим, талановитим, таким, яким власне Яковченко був актором.

У дружніх стосунках з його зятем, Володимиром Бохонком, котрий дуже любив Миколу Федоровича, ми були більшу частину нашого життя. А коли Володі не стало, то я навідувався до його батьків. І от Борис Маркович, його батько, пригадував: якось з Миколою Федоровичем пішли погуляти до парку Слави. Там його вітали на кожному кроці. А одна дівчина підійшла до нього і подарувала букет квітів.

Актором він залишився, навіть коли сказав, як виявилось пізніше, останні слова у своєму житті. Йдучи на операцію, він виголосив: «Клоун пішов на манеж». І коли Володя Бохонко прийняв страшне рішення піти з життя, він сказав у присутності однієї знайомої, яка знаходилась поруч із ним, дивлячись на портрет Миколи Федоровича: «Скоро зустрінемося, Миколо Федоровичу, скоро зустрінемося, Юночко».

– Що ти говориш? Так прекрасно пройшла операція. Лікарі сказали, що ти будеш жити, – заперечила його знайома.

– Ну, добре, – відповів Володя, – Піди на кухню, там цікава стаття лежить на столі, прочитай, а я відпочину тут, на балконі, на свіжому повітрі.

Вона пішла. А для нього ця мить стала останнім відпочинком в його житті, на балконі дев'ятого поверху.

**ВІКТОР ПЕТРОВИЧ
ЦИМБАЛІСТ**

Народний артист України

Він був совістю театру

Якось Юрій Меркурійович Шрамко – людина, якій я безмірно вдячний, бо без його підтримки не побачила б світ моя перша книжка, сказав мені, що його дитинство та юність пройшли в селі звідки родом народний артист України Віктор Петрович Цимбаліст. Увесь той час вони були близькими друзями, аж поки у 1948 році життя не розкидало їх: одного до київського Театрального інституту, а другого – до київського Державного університету на філософський факультет.

Юрій Меркурійович спитав мене, чи не міг би я написати спогади про Цимбаліста? Я пояснив, що для цього у мене недостатньо матеріалів – я мало з ним спілкувався. Тоді Юрій Меркурійович запропонував мені зустрітися з кількома акторами Театру ім. Івана Франка і, базуючись на їхніх розповідях, написати про Віктора Петровича. Що я і зробив. Вийшов «віночок спогадів» акторів, котрі його розуміли, шанували та любили. Це – Наталя Лотоцька, Володимир Гончаров, Євген Шах, Олексій Петухов, а також дружина Галя та донька Оля. Такий собі колективний портрет митця у спогадах його колег та родичів. Я ж тільки скомпонував цей матеріал та додав трохи своїх споминів.

Я пам'ятаю Віктора Петровича з того часу, коли, закінчивши Київський театральний інститут, він став працювати в Театрі ім. Івана Франка. Це була висока на зріст, міцної статури молода людина. Вперше я побачив його в ролі Гриця з вистави «Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці» за п'єсою Михайла Старицького. Було видно, що це – талановитий актор з прекрасною зовнішністю і чудовим голосом.

Працюючи в театрі, він паралельно почав навчатися у Київській консерваторії за класом вокалу, вдосконалюючи свій голос. Він, драматичний актор, міг співати і як професійний оперний співак. Кажуть, що народний артист Іван Сергійович Паторжинський – його педагог, дуже хотів, щоб Віктор Петрович працював в опері, і його запрошували, але Цимбаліст залишився вірним драматичному театрові.

Коли я бачив його в героїчних ролях ще на початку акторської кар'єри, важко було уявити, що він стане таким блискучим характерним актором, причому актором цього амплуа вищого ґатунку.

Наприклад, його робота в «Тев'є-Тевель» – одна з найкращих у виставі. Сцена, коли Лейзер, якого він грав, удівець, літня заможна людина, приходить до Тев'є сватати його доньку,

мені здавалася взагалі найкращою. А те, що робив в ній Віктор Петрович, було напрочуд цікавим. Ніякої характерності, ніякого педалювання національної ознаки, ніякої міміки чи специфічного для таких людей жестикулювання. Це була людина з життя, а не яскравий театральний тип. Викликало співчуття те, як неймовірно складно було йому – самотній, видно, сором'язливій людині, та ще й у такому солідному віці, свататися до молоденької доньки Тев'є. Сидить скутий, важко добирає слова. А тут ще раптом виникає непорозуміння, коли Лейзер хоче, щоб йому віддали наречену, а Тев'є думає, що той просить продати корову.

– Ні, не віддам, – рішуче каже Тев'є. Після цього Лейзер завмирає, ніби у стінку упершись, та й сидить так деякий час, і, здається, бачиш ті граничні зусилля, ту напругу, від якої ось-ось мало не лусне його голова, та так і не може збагнути: в чому справа?

– Треба подумати, – заклопотано говорить і майже біжить до свого порадника, щоб дізнатися, що робити далі? І з такою мережива була зіткана уся ця сцена.

Мені після вистави подумалося, як багато великих, цікавих ролей пройшло повз Віктора Петровича! Я раптом уявив собі, яким по-дитячому чистим, пронизливим міг бути в його виконанні Король Лір в однойменній п'єсі Шекспіра!

А яким Віктор Петрович був у повсякденному житті? І ось що мені розповіли його колеги – актори Театру ім. Івана Франка.

– По-перше, це була людина – совість театру. Не перебував у «лавах партії», не займався профкомівською діяльністю. Все життя пройшло у цьому колективі. І за весь цей час абсолютно нічим себе не заплямував.

Від природи він був людиною дуже міцної статури. Про його міць і зараз згадують у театрі. Як, наприклад, стоячи на палубі пароплава, де починав лунати могутній гудок, Віктор Петрович брав верхнє «до», яке легко «глушило» міцний звук. Пірнав у море і так надовго зникав, що люди на пляжі починали хвилюватися: «Треба викликати міліцію, тут чоловік зник...» Та через деякий час він спокійно виринав дуже далеко від берега.

Міг, тримаючи зубами мідного п'ятака, взяти його пальцями і повернути наче фольгу так, що одна половина площини монети з другою утворювали кут у дев'яносто градусів.

Віктор Петрович був надзвичайно скромною людиною. Ніколи не виступав на зборах. Ніхто не чув, щоб він підвищував на когось голос чи лявся. Ніколи нічого не просив у

керівництва – ні ролей, ні підвищення зарплати, ні звань. Грав те, що йому давали. І грав, як правило, чудово. Ось ще один яскравий приклад того, якою скромною людиною він був. Після прогону вистави «Вип'ємо тай поїдемо», учасники репетиції зібралися у глядацькій залі, чекаючи на режисера-постановника, який мав зробити зауваження. І поки його не було, заслужений артист України Олексій Васильович Петухов, перебуваючи під сильним враженням від роботи Цимбаліста, звернувся до нього:

– Вікторе Петровичу, сьогодні в прогоні ви грали дивовижно. Ви – великий артист і повинні знати про це.

– Та годі, Льошо, про що ви таке говорите! – почервонівши, відповів той, якомога щільніше утиснувшись в крісло.

– Так, так, Вікторе Петровичу, – це правда, – підтримали його присутні.

Мені здається, саме скромність підштовхнула актора освідчитися в коханні майбутній дружині, запропонувати їй руку і серце в досить своєрідний спосіб.

Напевно, через багато років після цього, граючи Лейзера, він використовував емоційний досвід свого власного освідчення. Це було так. Одного разу Віктор Петрович підійшов до Галочки. Встромив у зуби мідну монету: три копійки, потім пальцями швидко зігнув кілька разів догори і вниз, витяг зігнуту монету, простяг її майбутній дружині і сказав:

– Коли ми разом з тобою зістаріємося, пригадаєш тоді, який я колись міг зробити подарунок.

Галочка зрозуміла, що це і є його освідчення. Невдовзі вони побралися.

Взагалі Віктор Петрович шляхетно ставився до жінок. Колись говорили про козака, справжнього лицаря: «Дівочі ноги грів у шапці». Так це про Віктора Петровича. Він був дуже уважним, шанобливим з колегами-актрисами, знайомими. Любив свою доньку, дружину, про яку говорив: «Ось моя Галочка, може, комусь вона й товстенька, а мені гарна, любя та мила». Мабуть, саме тому він був таким переконливим, привабливим на сцені де треба було виявляти ставлення до жінок. Чи то до Цейтл, коли грав Лейзера, чи до красуні Пріськи, граючи Старшину, та багато інших. Колеги про нього казали, як він зворушливо вмів «любити» на сцені. Цьому неможливо навчитися. Для цього треба мати чисту, благородну, щедру душу.

Якось я побачив його на радіо, на Хрещатику 26, де він прекрасно записував багато творів Шевченка, різні інсценізовані передачі.

Він стояв на першому поверсі, неподалік від чергового міліціонера і палив, чекаючи, коли його викличуть до студії. Він працював тоді над циклом, багатогодинної радіопередачі (за книжкою «Історія України – Руси» М. Грушевського). Я підійшов до нього, ми почали розмову. Вже не згадаю про що.

Запам'ятав лише примружені від диму очі, глибоку зосередженість, уважне ставлення до співрозмовника. Тоді я й уявити собі не міг, який він жартівник та вигадник. Його дочка Оля говорила мені, що у колі сім'ї він любив розповідати смішні історії, бувальщини. В театрі згадували, як кумедно він умів зображувати звірів, особливо маленького зворушливого песика. Смішно копіював і декого з акторів, але не образливо для них. Іноді вдавався до жартівливої містифікації. Згадували, як він домовився з водієм службового автобуса, щоб той відпустив гальма та нахилив голову, наче в кабіні нікого немає. І гурт акторів, що стояли поблизу театру, бачив, як Віктор Петрович, підійшовши до автобуса, почав його штовхати, і той поволі рушив з місця до колишньої вулиці Карла Маркса – вона стрімко йде вниз. Акторів з криками: «Що ви робите, Вікторе Петровичу?» – кинулися за автобусом і, наздогнавши, намагалися відчинити дверцята, щоб загальмувати машину. Та водій швидко випростався і гримнув на них:

«Чого ви ламаєте автобус?» Актори озирнулися, побачили всміхнене обличчя Віктора Петровича і самі теж розсміялися. Дехто згадував про нього як про мовчуна. Так, він дійсно був неговіркою людиною. Але за цим ховалося велике внутрішнє життя. Він багато читав. Особливо любив історичні романи. Був дуже уважним і спостережливим. Саме завдяки цьому він міг копіювати акторів, зображати звірів...

А, головне, переносити свої життєві спостереження в ролі, збагачувати їх, що допомагало ставати кожній з них значним явищем.

Недарма колеги казали про нього: «Останні десять років – що не роль чи навіть епізод – то шедевр». Саме уважний, спостережливий погляд на життя, на мистецтво підштовхував Цимбаліста до розуміння: треба грати не характер, а тему. Був за театр ансамблю, бо не раз від нього чули: «Треба не роль грати, а виставу». І відданість виставі, театру були в нього дуже зворушливими. Коли в «Енеїді» його роль грав інший актор, черговий виконавець, він, народний артист України, маючи вільний вечір, йшов в оркестрову яму і співав разом із хором, щоб допомогти їм, бо хор був замалим. Це було велінням його душі... Також за велінням душі він співав у церкві. Приходив, як усі віруючі, і приєднувався до церковного хору.

Від себе, без запрошення. І знову за велінням душі: щоб хвала Господу була красивішою й величнішою. Одного дня, після збагачуючого душу церковного співу, він прийшов додому, ліг відпочивати; заснув і більше не прокинувся. Господь начебто позбавив його страждань, яких люди зазнають, коли полишають цей світ. І разом із тим, такий невимовний жаль огортає тебе, як подумаєш, скільки ролей в його блискучому виконанні ще міг побачити глядач, отримати насолоду від його гри: як чисте, віддане мистецтву життя його могло життєдайно впливати на колег, виховувати молодь...

Коли Віктор Петрович пішов з життя, то прощання з ним колективу Театру ім. Івана Франка було призначене на десяту тридцять ранку. І хоча у мене була репетиція об 11 годині, я сподівався встигнути попрощатися з Віктором Петровичем. Та вийшла якась затримка, його підвезли значно пізніше. Я пішов на репетицію. Передав квіти Михайлу Крамару, попросивши покласти їх від мене на труну Віктора Петровича.

ГАННА ІЛЛІВНА
НІКОЛЕНКО

Заслужена артистка України

Серце матері

Моя мати, заслужена артистка України, Ніколенко Ганна Іллівна з 1936 по 1948 рік працювала на першій сцені України у київському Театрі ім. Івана Франка. Вона грала там провідні ролі.

Я пригадую, як десятикласником, сидячи на дивані нашої великої кімнати, вголос читав оповідання Антона Чехова «Ісповедь Оля, Женя, Зоя» (третю частину) і до нестями рего-тав. Мама в цей час прасувала білизну. Коли я скінчив читати, вона припинила роботу, уважно подивилася на мене і сказала:

– Це оповідання до війни з естради читав твій батько і завжди мав великий успіх (мій батько, Комаров Василь Леонідович, теж був актором. Він загинув під час війни).

Я швиденько вивчив це оповідання і на першому ж шкільному вечорі прочитав його. Успіх був несподіваний. До мене підходили однокласники, плескали по плечах, говорили:

– Та ти вже справжній артист!

Це «татове» чеховське оповідання я читав на вступних іспитах до Київського театального інституту, куди мене було зараховано. Закінчивши його, отримав диплом «актор драми» і, таким чином, продовжив служіння нашому родинному покликанню театру.

Моя мама народилася 7 листопада 1906 року в місті Прилуки. З раннього дитинства замість батька в неї був вітчим. І коли у 1915 році пішла з життя її мати, то Ганнуса лишилася сиротою. На щастя, рідна тітка Васса Яківна Гришко, в якій було п'ятеро дітей, взяла її в свою родину. Чоловік Васси Яківни працював на залізниці, а сама вона була доброю кравчиною – шила на всю сім'ю, тому родина не бідувала. А коли 1921 році пішов з життя чоловік Васси Яківни, вона більшу частину часу проводила біля швейної машинки, заробляючи гроші на утримання сім'ї. Ганнуса, яка була найстаршою серед дітей, стала головною помічницею Васси Яківни: носила воду, розтоплювала піч, доглядала молодших дітей. Коли дівчині минуло 16 років, вона влаштувалася працювати медичною сестрою у лікарню. І тільки-но отримала перші власні гроші, одразу ж купила собі ситчику, з якого Васса Яківна пошила їй справжню гарну сукню. До цього вона ходила в перешитій тітчиній одежі. Саме в цей час для дівчини відкрився дивовижний світ театру. Її сусідка працювала білетером у міському театрі. Кожного вільного вечора Ганнуса намагалася потрапити туди. Мов на крилах летіла,

повертаючись додому з вистави. На самоті намагалася своїми словами повторювати монологи, які запали в душу, чи зіграти сцену, передаючи особливості характеру дійових осіб. Захоплення театром підштовхнуло і до читання книжок. Читала кожну вільну хвилину – Чехова, Мопассана, Флобера, Синкевича. Все, чого не було в її житті, замінив театр і книжки, які пробуджували фантазію, спонукали до появи солодких мрій. Однією з найпотаємніших та найбажаніших було – поєднати свою долю зі сценою. І, дізнавшись від сусідки-білетера, хто в театрі головний, заздалегідь домовившись із ним про зустріч, соромлячись, тремтячи від хвилювання, розповіла йому заповітну мрію, – спробувати себе в театрі. Перед режисером стояла струнка, досить висока дівчина, з виразними рисами вродливого обличчя. Режисер подумав, якою привабливою вона має виглядати зі сцени. На прохання що-небудь почитати – Ганнуся одухотворено виконала монолог з відомої п'єси. Режисеру кинулися в око темперамент дівчини, сильний, красивий голос. Але найбільше його вразили очі. Вони випромінювали таку жагу роботи, таку налаштованість зробити навіть неможливе, аби здійснилася мрія, що режисер вирішив дати дівчині невеличку епізодичну роль. Коли побачив, що в неї виходить, запропонував більшу. А вже через рік спробував працювати з нею над значними ролями.

Ганнуся, як і раніше, жила в багатодітній родині Васси Яківни. Підходящих умов для самостійної роботи не було, тому вона облаштувала собі «кабінет» на городі, збудувавши з гілок невеликий курінь. Підстеливши соломі, лежала там, читала, думала, вголос повторювала окремі місця ролі. А молодші брат та сестри, непомітно підкравшись та затамувавши подих, підглядали, як там їхня «артистка» працює. Режисер в процесі репетиційної роботи переконався в рідкісному обдарованні цієї дівчини, і, коли його запросили до запорізького театру, з кількома талановитими акторами, він взяв і Ніколенко. В Запоріжжі працювали з 1929 по 1930 рік. А в 1930 році Завіну запросили до Київського колгоспного театру. З ним поїхали його актори, серед них була і Ніколенко. Тут Ганна Іллівна познайомилась із своїм майбутнім чоловіком Василем Комаровим. А у 1935 році ризикнула домовитися про показ у столичному Театрі ім. Івана Франка. Її мав прослуховувати сам Гнат Петрович Юра, – художній керівник театру, слава про який вже лунала по всій Україні. На прослуховуванні Ганна Ніколенко виконувала монолог Марусі Богуславки, з однойменної п'єси Михайла Старицького, виконання якого

продемонструвало її здібності глибокої, драматичної, навіть трагедійної актриси, а виконання гуморески «Дунька-свинопаска» показало неабиякі можливості у комедійному жанрі. Це знайомство з новою актрисою справило на Гната Петровича сильне враження. В наступні передвоєнні роки він призначав актрису майже в кожну свою виставу на головні ролі. В переліку ролей тих років: королева Єлізавета Валуа у виставі «Дон Карлос» Ф. Шиллера у 1936 році. У 1937 році – Варка у виставі «Безталанна» М. Старицького. Марина Мнішек у драмі О. Пушкіна «Борис Годунов» у 1938 році. В архіві мамі зберігся розподіл ролей у виставі «Богдан Хмельницький» за п'єсою О. Корнійчука, яку здійснював Гнат Петрович. Її прізвисьце стояло навпроти Соломії – коханої Богуна. Я не міг зрозуміти, чому вона не зіграла цю роль, бо ніколи про неї не говорила та й в списку зіграних ролей її не було. Але дізнавшись про рік прем'єри цієї вистави (1939), збагнув, – я завадив зіграти мамі цю роль, бо носила мене під серцем і народила саме в цей рік. А в 1940 році зіграла Анну в «Украденому щасті» І. Франка. На початку 1941 року – Марусю Богуславку за однойменною п'єсою Михайла Старицького. Зіграти ці прекрасні ролі, та ще й на головній сцені України – такому міг позаздрити будь-хто. Одна важлива обставина: в цей же час до Театру ім. Франка з Харкова запросили провідну актрису Театру

«Березіль» Наталю Ужвій, яка сім років працювала з Лесе́м Курбасом, і саме з нею Ніколенко грала в чергу перераховані вище ролі. Зрозуміло, Ужвій, як більш досвідчена і знана артистка, грала в першу чергу. Та й репетирувала в першу чергу вона. Мама розповідала, як майже щодня їй доводилося будувати зі стільців оформлення і проходити сцени самотужки з уявними партнерами, щоб бути готовою на той випадок, коли нарешті їй нададуть можливість повторити вже відрепетировані Ужвій сцени. І Ніколенко була підготовленою, і грала, вочевидь непогано, якщо її й надалі запрошували працювати над новими ролями. Ось що розповідали ті, хто бачив Ніколенко на сцені Театру ім. Івана Франка. Володимир Порфірович Коршун, заслужений артист України, розповідав мені: «Я бачив вашу маму ще до війни в ролі Марусі Богуславки, – зачудовано розпочав він, – наче тільки-но закінчилася та вистава, – о, це було сильно враження! Висока на зріст, вродлива, важко було відвести від неї погляд. А голос, а темперамент, а яка гра! Незабутнє враження. Перед початком вистави «Маруся Богуславка», – продовжував згадувати Володимир Порфірович, – я стояв біля віконця

адміністратора. Якийсь добродій каже глядачам, які вагалися, чи йти на виставу, чи ні. «Підіть подивіться, будете в захваті, Марусю грає Ніколенко, я ще запам'ятав його помилковий наголос, – це щось особливе».

Валентин Самійлович Дуклер, заслужений артист України, він був партнером моєї мами у виставі «Маруся Богуславка», грав Гирея. Завжди передавав мамі вітання, коли ми розходилися після запису передачі «Від суботи до суботи». Захоплено згадуючи, він повторював: «Якою чудовою була Ніколенко в ролі Марусі Богуславки».

Мама якось розповідала мені, що, коли грала в Театрі ім. І Франка після війни, в масових сценах був зайнятий студент театрального інституту, який пізніше зробив блискучу кар'єру в Театрі ім. Лесі Українки, – народний артист України А. Решетніков. Вона помічала, йдучи зі сцени, як уважно спостерігав він за нею, як шанобливо вітався в житті, з повагою супроводжував її поглядом. Коли я звернувся до Анатолія Георгієвича із запитанням, чи пам'ятає він актрису Театру ім. Івана Франка Ніколенко, він відповів: «Прекрасно пам'ятаю, я тоді був студентом театрального інституту, і як кажуть, «бавився» у масовці вистав Театру ім. Івана Франка. Коли побачив її вперше на сцені в ролі Марусі Богуславки, я був вражений, як багато природа подарувала цій актрисі. Була вона красивою, а особливо на сцені. В повсякденному житті усіх підкоряла її привітність, сердечність у спілкуванні з людьми. Була високою на зріст, гарної статури. Мала сильний, красивий голос. А головне – темперамент. При тому не просто гучний, заради темпераменту, ні, він проникав у саме серце, хвилював, викликав співчуття, захоплення. Дивлячись вистави з-за лаштунків, намагався не пропустити її сцен і спостерігав за грою актриси із захопленням та не без користі. Тому що збагачував свій, тоді ще невеликий, акторський досвід. Тоді у мене склалося прикре враження, що цю прекрасну актрису дещо недооцінюють. Вона мала б грати в тому театрі більше і займати в трупі помітніше місце. Забув сказати, – вів далі Анатолій Георгієвич, – в останньому акті

«Марусі Богуславки» Софрон, якого грав Добровольський, рятуючи двох дітей Марусі, виносить їх з палаючого палацу Гирея. В той же час один зі слуг виносить на руках непритомну Марусю. Так отим слугою був я. І, пригадуючи тогочасні відчуття, робив це з великим задоволенням. Чимось зовні Ніколенко була схожа на Осмяловську, а головне, подібні вони були своєю чистотою, порядністю і беззахисністю».

Якось мама мені розповідала, що вже після перших її робіт в Театрі ім. Івана Франка, до неї підійшла велика актриса українського театру Ганна Борисоглібська і сказала:

– Дитинко, будеш сидіти зі мною, в моїй гримерній.

А потім, не пам'ятаю хто, подарував мені дивовижну групу фотографію. В першому ряду в центрі сидить Борисоглібська, за нею зліва направо стоять: Поліна Самійленко, Наталя Ужвій, Шведенко, моя мама та Олена Орловська (перераховую тільки тих, кого знаю). Всі посміхаючись, дивляться в об'єктив, крім Борисоглібської, яка зосереджено дивиться, немов би шукає «куди тут поставити підпис» та моєї мами. Вона трохи нахилила голову, наче соромлячись, що потрапила в таку шановану компанію. І раптом я подумав, що в цій групі вродливих жінок, які «кокетують» з майбутнім своїми чарівливими усмішками, тільки дві щирі особи, – це обважніла, вже втомлена від життя велика актриса і одухотворена як Сикстинська Мадонна – моя мати, котра з обожнюванням дивиться на Борисоглібську. Зрозуміло, чому та запросила до своєї гримерної саме Ніколенко.

У 1941 році театр був на гастролях у Москві. Мама залишилася у Києві, бо на гастролі, як правило, беруть один акторський склад з метою економії коштів. Почалася війна, більшу частину колективу Театру ім. Івана Франка евакуювали, спочатку в Тамбов, а потім у Ташкент та Семипалатинськ. Я не можу достеменно відповісти на запитання чому одна з провідних актрис театру не була з колективом під час евакуації до Середньої Азії. Не хочу висловлювати непідтвержені припущення. Наведу запис з трудової книжки артистки Ніколенко: 1941 рік, серпень «Освобождена от работы в связи с консервацией театра» Зав. труппой А. Пономаренко.

Материнське серце! Що відчувало воно, коли одна з дворічним малюком на руках (чоловік пішов добровольцем на фронт) залишилася вона у Києві – ні родичів, ні друзів, нікого з них не було в місті.

Якимось чином вона влаштовується у фронтову концертну бригаду, що обслуговує захисників столиці України. Про це свідчила довідка, яку знайшли у Міністерстві культури під час оформлення маминої пенсії. Пригріла таку ж, якою була колись сама, – сирітку, 16-ти річну дівчинку Надю. Батьки її загинули, ні дому, ні рідних. Тож годувала мама обох дітей – мене і Надю, а дівчинка допомагала глядіти за мною, малим. Якщо б захисники Києва відступили, то ми з мамою не потрапили б на окуповану територію. Але всі вони, а це більше ніж 600000

наших батьків, чоловіків, синів, братів опинилися в оточенні, більшість загинула у голодних боях, спробах прориву, в полоні від виснаження, хвороб та голоду.

І ось німці зайшли в Київ. Та частина українців, яка сподівалася, що окупанти визволять народ від більшовизму, допоможуть здобути державі незалежність, зустрічала їх хлібом-сіллю. Та ці ілюзії швидко розвіялись. Знаходячись у полоні таких нездійснених надій, група українських акторів, що залишилися в окупованому Києві, почала працювати над патріотичною п'єсою Людмили Старицької-Черняхівської «Гетьман Дорошенко». Постановку здійснював режисер Тінський. Ця вистава створювалася для відкриття нового Театру ім. М. Садовського. На генеральну репетицію прийшли представники німецької цивільної влади і військового командування. Ось фрагмент із книжки доктора мистецтвознавства заслуженого діяча мистецтва України Валерія Гайдабури «Театр, захований в архівах». «Символічну роль жіночої постаті, уособлюючи образ матері – України виконувала яскрава драматична актриса Театру ім. Івана Франка Галина Ніколенко. Вона й починала виставу монологом, котрий звучав моторошно сучасно. Текст у виконанні Г. Ніколенко сприймався глядачем присягою акторів на вірність Україні і своєму патріотичному мистецькому покликанню». Ось два невеличких фрагменти цього монологу:

*«Ви лицарі руїни,
Що билися в предсмертній боротьбі,
Що прагнули заплакану Отчизну
Оборонить, зміцнити, захистить,
Де ваші неоплакані могили?
Де слід життя, де отблиск грізних січ?
І боротьби кривавої за волю?
Де ділось все?»*

*«Той вогонь,
Що з ваших сліз пекучих утворився,
Пече серця, займає мозок, кров,
І стогони вертаються з повітря,
Пронизують пісні, слова, думки,
Й єднають нас в одно одвічне коло,
Ваш біль, ваш жаль палає в серці в нас,
І падає минулого завіса.
Все ожива, минуле не вмира».*

На перегляді, який відбувався у приміщенні сьогоднішнього Театру ім. Лесі Українки, було багато глядачів, і вистава швидко створила в залі атмосферу патріотичного піднесення. Німці демонстративно вийшли. На створенні Театру ім. Садовського було поставлено хрест.

Після цього мати взяла мене з Надійкою в оберемок та переїхала до Білої Церкви, де режисер та директор майбутнього театру на прізвище Козир збирав трупу акторів, щоб в якомусь невеличкому містечку, граючи вистави, проіснувати, аж поки не прийдуть наші. Створений колектив приїхав до Гайсина – невеличкого містечка Вінницької області. Там було непогане театральне приміщення та й подалі від Києва – безпечніше.

Щоб читачі відчули атмосферу тодішнього театрального життя, хочу перерахувати назви вистав, що йшли в театрі Гайсина під час німецької окупації у 1941–1943 роках. «Безталанна» та «Наймичка» І. Карпенка-Карого, «Ой не ходи Грицю та й на вечорниці», «Сорочинський ярмарок» та «Циганка Аза» М. Старицького, «Вій» інсценівка за твором М. Гоголя. Це з української класики.

З європейської – «Підступність та кохання» Ф. Шиллера та «Моральність пані Дульської» Г. Запольської. А також музичні вистави «Запорожець за Дунаєм» С. Гулака-Артемовського, «Наталка Полтавка» М. Лисенка та оперета Ф. Легара «Весела удова».

Непоганим був і акторський склад трупи: франківка Г. Ніколенко, яка грала героїнь у класичному українському та західноєвропейському репертуарі – Варка з «Безталанної», Христя з «Наймички», Маруся з «Ой не ходи Грицю та й на вечорниці», леді Мілфорд з «Підступність та кохання». В гайсинському театрі тоді працювала і майбутня зірка франківської сцени – народна артистка України, а тоді студентка акторського факультету Київського театального інституту, Нонна Копержинська. Вона до війни закінчила перший курс інституту, а в 1946 році зіграла дипломну виставу «Міщани» Горького на курсі, художнім керівником якого був Амвросій Бучма. В гайсинському театрі вона зіграла Софію в «Безталанній», Ганку в «Моральності пані Дульської». Маючи прекрасні вокальні дані, співала Паладій Панночку у «Вії». Героїчні ролі виконували франківець Паладій Білокінь та актор Київського ТЮГу Микола Пішванов. До речі, це саме він грав гетьмана Дорошенка у київській виставі, яку заборонили німці. До трупи приєдналось і талановите подружжя з філіалу Київського театру Червоної Армії Євгенія та Микола Кочкіни (після війни він успішно

працював в одеській опереті). А також подружжя П'ясецьких – обоє характерні актори, які грали у виставі «Моральність пані Дульської» Пані та Пана Дульських. Він же був і режисером цієї вистави.

Був у трупі гайсинського театру молодий професійний співак з чудовим голосом, – Андреев, який закінчив ленинградську консерваторію. Він виконував у музичних виставах всі тенорові партії. Працюючи у театрі, Андреев водночас перебував у лавах партизанського загону, що діяв у сусідніх лісах. Він передавав партизанам потрібну інформацію. Одного разу, коли Андреев прямував до лісу, його вистежили поліцаї. Тікаючи, він переплив річку, та його застрелили.

З самого початку перебування нашої невеличкої родини у Гайсині було дуже скрутним. Що відчувало материнське серце, коли її трирічне дитя посеред ночі крізь сльози і плач просило: «Мамо, хлібця хочу». Від голоду не могло заснути. Та згодом глядачі почали потроху відвідувати театр. Якись гроші з'явились і в акторів. Пережили зиму. А влітку за містом, під самим лісом, посадили город. То й був запас на зиму. Пам'ятаю, як колись ми пішли на той город. Була страшенна спека, і мати напувала мене водою з капустиного листка. Її набирали з копанки. Смачнішої води ніколи в житті я не пив.

Важко передати хвилювання моєї мами, коли наступної зими у Гайсині я захворів на крупозне запалення легенів. Потрібних ліків, щоб врятувати дитя, не було. Горить малеча, гине. Та прийшов старий лікар, який мешкав неподалік, і порадив розігріти кілька цеглин, потім облити їх водою і парою, що утворилась, дати подихати хворій дитині. Так і зробили. Хвалити Богу, допомогло.

Та ще одне страшне випробування чекало на Ганну Іллівну. Надійка, яка доглядала за її сином під час репетицій і вистав, пішла до партизанського загону. А там застудилася, тяжко захворіла і через рік повернулася додому безнадійно хворою на сухоти. Мати й поховала 18-річну дівчину.

Тепер доводилося закривати сина одного та йти на репетицію. Поверталась втомлена додому, роззувалася, намотувала онучі на ноги дитини, взувала їх у свої чоботи на високих підборах, так я хоч трохи в холодну пору міг погуляти у дворі. На другу зиму з харчами не було вже так сутужно, бо у погребі з'явилася власна городина, та й грошей стали більше платити. Так що мати засипала цукром дві сулії з вишнею. Вони стояли біля столу, і я, граючись, випадково зіштовхнув зінгеровську швейну машинку на підлогу. Вона й розбила ті дві сулії. Мати вперше і востаннє в житті у розпачі сильно

побила мене ремінцем. Наступного дня взяла на репетицію, і в перерві, сидючи поруч із Нонною Копержинською, спустивши мої штанці, поклавши мене на свої коліна, показувала Нонні Копержинській, що вона наробила і гірко плакала.

У гайсинському гебітскомісаріаті було лише п'ять німців, решта – поліцаї з українців. Один із тих німців, – літній, огрядний чоловік, відповідав за культурне життя містечка. Часто відвідував вистави, але не втручався у вибір репертуару, не робив ніяких утисків, одним словом, не заважав. До того ж був шанувальником однієї молоденької актриси-інженю Ані Незванової. Якось після вистави відзначали чергову прем'єру. Були актори, робітники сцени, серед яких кілька партизанів. Присутній був і літній німець з гебітскомісаріату, який вже добряче напідпитку, проголошуючи тост ламаною російською, несподівано закінчив: «Гітлер мені до дупи. Сталін мені до дупи. Анечку лублу! Лублу одну Анечку!».

Пам'ятаю, як у виставі «Сорочинський ярмарок» мама тримає мене, чотирирічного, за руку. Ми стоїмо за кулісами святково вбрані: зараз на ярмарок, що вирує на сцені. Ось ми виходимо на сцену, приєднуючись до інших персонажів, і тут мама боляче щипає мене за руку. Жінка, яку вона грає, має насварити свою дитину: «Ось, знову розрюмсався!» Я починаю плакати, та не від того, що мені боляче, а через несподівану образу: моя улюблена, ласкава, ніжна мамочка раптом завдає мені болю! А ось інший вечір. Вже скінчилася вистава

«Підступність і кохання», глядачі оплесками викликають акторів на сцену, ті виходять, розчулено вклоняються, і завіса поволі закривається. Я весь вечір дивився виставу з-за лаштунків, не міг дочекатися кінця, і от, широко розкривши руки, біжу до мами, обнімаю її, пригортаюсь до неї. Завіса знову поволі відкривається, і мама швиденько ховає мене за свій широкий темно-вишневого кольору оксамитовий кринолін леді Мілфорд і вклоняється глядачам.

Та ось почався наступ. Наближалася наша армія. Це було чутно по канонаді артилерії, що ставала все гучнішою. Напередодні бою, що точився за Гайсин, пам'ятаю, як з ночі ми з сусідами ховалися в погребі. Вранці у місті стало тихо. Німці поспіхом відступили, наші ще не підійшли. Горів цукровий завод, що був неподалік. І я бачив, як місцеві мешканці тягли на собі мішки з цукром. З деяких у дірочки тоненькими цівочками сипався білий, інколи рожевий цукровий пісок, лишаючи на землі сліди. У банках та цеберках люди несли

малює – темно-коричневу, схожу на кисіль, рідину. Всі поспішали, зі страхом озираячись на всі боки.

Акторів, які працювали при німцях у гайсинському театрі, хвилювало, як поставиться до цього наша влада. Через деякий час маму кудись викликали. Наступного дня зранку вона була мовчазна, зосереджена. Нагодувала мене, пішла до хазяїв хати, у двох кімнатах якої ми жили. Про щось домовилась з ними, повернулася до мене, пригорнула до себе, поцілувала і вийшла. Довго я чекав маму. Повернулася збуджена і радісна. Підхопила мене на руки, підкидала догори, обіймала, крутила навколо себе.

Майже цілий рік мати продовжувала працювати у гайсинському театрі. Навесні 1945 року отримала телеграму:

«Союзна. Ніколенко Ганні. Виїжджайте театр Франка. Місце Вашої попередньої роботи тчк питання переводу управління мистецтв погоджено директор театру Юра».

Коли приїхали до Києва, заночували у маминої доброї приятельки, артистки хору Ольги Решетник. А наступної ночі нас запросила до себе Тося Дринівна, дружина завідуючого трупю Олександра Пономаренка. В обох випадках я відчував тепле, сердечне ставлення до нас. Видно було, що маму любили. Через деякий час ми отримали у цьому ж будинку на Ольгинській, 2, де жили франківці, велику кімнату, одну з двох, в яких до нас жив директор театру Латинський. Завдяки особистій турботі Гната Петровича Юри, нам завезли широке металеве ліжко з м'яким матрасом-пружиною, дермантиновий диван і чудову гардеробну шафу темно-коричневого кольору з різьбленням. Можна було довго стояти і милуватися цією красою.

Мати повернулася до довоєнного репертуару і продовжувала грати Марусю в «Марусі Богуславці», Анну в «Украденому щасті». Саме в цей час Анатолій Георгієвич Решетников бачив її у розквіті таланту, про що захоплено розповідав мені. Почалися репетиції нових вистав. У п'єсі О. Корнійчука

«Приїздить у Дзвонкове» мати почала працювати над роллю головної героїні Ганни Груші. Та п'єса була відверто слабкою, а образи схематичними. Незабаром її зняли з репертуару. У виставі «Сто тисяч» одержала невелику і не надто цікаву роль Мотрі. В цій роботі мамі теж було складно показати своє обдаровання.

Та ось настав 1948 рік. Країна розорена після війни. Не вистачає чоловічих рук. Скрізь голод, руїни. І саме в цей час Комітет у справах мистецтв УРСР приймає рішення, щоб цілий курс акторського факультету, навчання якого під час

війни відбувалося у Москві, зарахувати до штату Театру ім. Івана Франка. Життя згодом підтвердило помилковість цього рішення, – тільки Аркадій Гашинський та Борис Лук'янов з того курсу залишились працювати в театрі. Але треба було звільнити 20 штатних одиниць, скалічити 20 акторських доль. У цей страшний список звільнених акторів потрапила і моя мама. Що тоді відчувала вона? Напевне, спливали у пам'яті успішні ролі, визнання публіки, симпатії колег, і раптом...

Отже, викинута в голодну весну 1948 року, без близьких, без будь-якої підтримки, одна (чоловік загинув на фронті) з школярем-дитиною на руках, здавалося б приречена? Та ні! Мати йде працювати надомницею в артіль басонного цеху. Бере додому білі рушники, які через трафарети щітками розмалює українським орнаментом у різні кольори. Бере до себе 22-річну Галочку Войтюк, яка не має даху над головою. Під час окупації Києва ця 17-річна дівчина, перебувала у підпільній організації, потрапила до рук німців, потім до концтабору та якимось дивом, слава Богу, втекла з того пекла. Після війни працювала водієм машини, що розвозила хліб з хлібзаводу. Крім того, що допомагала нам з мамою розфарбовувати рушники, вона кожного дня підготовувала нас хлібом. Хліб з олією та сіллю тоді, – то була наша щоденна їжа. Так і пережили ті скрутні часи. А Галочка Войтюк на все життя залишилася для нас близькою, рідною людиною.

Влітку 1948 року до мами звернулися з режисерського управління Театру ім. Івана Франка з проханням, щоб вона зіграла 15 червня виїзну виставу «Украдене щастя» в Житомирі. Мати з радістю погодилася, як завжди сумлінно готувалася до виступу, напевно, з'явилися якісь надії на майбутнє, та 14 червня отримала офіційне звернення: «Уважаемая товарищ Николенко, в связи с тем, что Н. М. Ужвий в Москву не выезжает и будет играть спектакль «Украденное счастье», директор театра просит Вас поблагодарить и Ваша поездка в Житомир 15.06. отменяется. С уважением к Вам, директор театра».

Нарешті, у 1949 році, маму запросили до Київського обласного театру, де вона була провідною героїнею трупи. Влітку все моє дитинство я зазвичай відпочивав у піонерському таборі «РАБІС» у Бучі під Києвом. У серпні 1951 року, до мене у табір приїхала мама. Розстелила на лісовій галявині невеличку скатертину, поклала на неї багато різної смакоти, яку привезла мені, а далі з гумором, яка вона, мовляв, знаменитість, розповіла, що отримала звання заслуженої артистки України. Показала диплом, стрічку з вітальним написом,

яку на неї одягли на урочистих зборах трупи (все ж таки перша заслужена артистка в театрі), і виглядала виключно щасливою.

Незважаючи на випробування долі, мама зберегла життя своєму синові. І це була найдорожча для неї винагорода. До того ж офіційне визнання успішності її долі – почесне звання. У 1955 році Київський обласний театр наказом Міністерства культури було переведено до Криму. Відтоді Ганна Ніколенко почала працювати від Київської державної філармонії зі своїм постійним партнером – Андрієм Віленським. Вони грали яскраві сцени з вистав класичного репертуару, а також жанрові та комедійні уривки.

У 1962 році мама отримала непогану пенсію і жила турботами спочатку про мою долю, а потім піклуванням про своїх онучок Оленку та Ганнусю, які її дуже любили.

У похилому віці мама важко хворіла. Яюсь попросила мене, щоб на 862 карбованці, які залишилися на її ощадній книжці, я облаштував місце її останнього упокою. На 79 році життя її не стало. Коли я виконав її прохання і подивився рахунок, який треба було сплатити, то не повірив своїм очам. У рахунку були ті ж 862 карбованці, які позначалися в ощадній книжці моєї мами.

9 вересня 1998 році на день народження І. Котляревського на сцені Театру ім. Івана Франка перед виставою «Енеїда» за його твором народний артист України Богдан Ступка, який виконував роль Котляревського, вручав мені за цикл моно-вистав і велику просвітницьку діяльність Літературномистецьку премію ім. Котляревського. Заповнений вцент глядацький зал театру уважно слухав вітальне слово легендарного українського актора і оплесками привітав вручення мені диплома і лауреатського значка. Я відчував не тільки радість, не тільки хвилювання. Мені стискало горло, сльози стояли в очах, мені вручали премію на тій самій сцені, де колись моя мама грала прекрасні ролі, зачаровувала глядачів, вражала своєю щирістю, темпераментом, а нагородою були, нажаль, гіркий біль та несправедливість. Я був втішений хоч тепер, через мене, її частинку, її плоть, її кров вона все-ж отримала на цій сцені нагороду. Якщо вона існує десь в іншому світі, – це свято і для неї. Бо це і її особиста, вистраждана, справедлива нагорода.

**МИКОЛА ФЕЛІКСОВИЧ
БРАТЕРСЬКИЙ**

Заслужений артист України

Він випереджав свій час

Микола Феліксівич Братерський. Згадуючи його вже дорослим, я приходив до висновку, що він випереджав свій час. У нього була не театральна манера говорити зі сцени. Він не промовляв кожне словечко окремо. Він мав природну манеру розмови, імпульсивну, навіть рвану.

Його родина жила поверхом вище від мене, у квартирі, що складалася з двох кімнат: великої і маленької. В маленькій кімнаті спинкою до кутка стояло вольтерівське крісло, а перед ним письмовий стіл. Це було його робоче місце.

На могилі Миколи Феліксівича стоїть погруддя (хтось казав, що зробив його син від першого шлюбу). Вдале погруддя. Микола Феліксівич на ньому дуже схожий. Я не пам'ятаю всього напису на пам'ятнику, але на все життя вкарбувалось у мою свідомість слово, що характеризує його: трудівник.

Він любив свою маленьку доньку Наталку. (Ми всі звали її Талочкою). Вона була гарненька, завжди зі смаком одягнена. В пам'яті залишилась картина: взимку на вулиці Ольгинській, на розі якої стояв наш будинок, (всі мешканці нашого району називали його: будинок акторів) майже не ходив транспорт, так стрімко вулиця підіймалася догори. Але ми, діти, любили з'їжджати по цій вулиці на санчатах. Так от, Микола Феліксівич, разом з Талочкою на санчатах, вона попереду, він за нею, весело мчав униз по нашій вулиці.

У кожного з дітлахів нашого будинку була своя улюблена вистава. Але був час, коли всі ми захоплювалися однією й тією ж, а саме – «По той бік». По-перше, тому, що Мілютенко грав в ній Мадзімуру Сана. Це було невпізнанне перевтілення. А подруге, у виставі був зайнятий Братерський. Він грав зрадника, та ось що цікаво, в усіх ролях, в яких я його бачив, Микола Феліксівич був напрочуд привабливий, симпатичний. Таким я його пам'ятаю у Миловзорові з вистави «Без вини винуваті», де ми, діти, його дуже любили. Пам'ятаю його так само симпатичним у ролі цього зрадника.

У виставі два наші розвідники, ролі яких виконували Пономаренко та Кусенко, заманюють зрадника на глухий, покинутий острів, щоб вбити його. В якусь хвилину персонаж Братерського зрозумів, що з ним збираються робити, хапається за пляшку, замажується нею, але розвідник встигає вихопити пістолета і вистрілити у невдачу. І діти, які дивилися виставу, в цьому місці дуже засмучувались: такого симпатичного дядю, отак просто на очах, вбивають. Але на одній виставі Братерський замахнувся пляшкою, Пономаренко вихопив

пістолет, натискає на курок один раз, другий, третій... А постріл не лунає. Братерський, тримаючи пляшку над головою, починає хитатися, хапається за серце (начебто йому раптом стало дуже погано). Ми, діти, були щасливі, що, нарешті, наш улюбленець залишився живий. Але не довгою була наша радість. За лаштунками почувалась якась тяганина, стихшені вигуки. Нарешті, хтось грюкнув чимось важким об підлогу сцени, і Братерський упав. Знову ми йшли з вистави сумними.

Потім Братерський тяжко захворів. Він повернувся додому з лікарні після операції. Я підіймався по Ольгинській додому, коли побачив Братерського, який стояв на балконі своєї сусідки Поліни Мусіївни Нятко на третьому поверсі і, весело помахуючи рукою, вітав мене: «Здрастуй, Олежко!». Я підвів голову і зупинився. Він так схуд і мав такий поганий вигляд, що я не впізнав його. Я був збентежений, навіть переляканий. Посмішка поволі зійшла з його обличчя, рука опустилася. В безпосередніх дитячих очах він, як у дзеркалі, побачив страшну правду.

Наступного дня з вікна своєї кімнати я спостерігав, як він сідав у «Победу», в руці тримав вудки, на голові – солом'яний бриль. Він, напевно, останній раз у житті хотів отримати насолоду від рибалки. Напевно, був затятий рибалка... Але на Дніпрі йому стало погано, і його невдовзі привели додому, а потім одразу ж до лікарні. Наступного дня я бачив, як Галина Модестівна, дружина Миколи Феліксовича, вся у сльозах, підіймалася по Ольгинській до нашого парадного. Я тоді зрозумів, що Миколи Феліксовича не стало.

МИХАЙЛО ХАРЛАМПІЙОВИЧ
ПИЛИПЕНКО

Заслужений артист України

Лагідний, напрочуд смішний актор

Це була казкової доброти, лагідна, сяюча людина. І разом з тим напрочуд смішний актор.

Він любив сидіти на лавочці біля парадного будинку акторів, вхід з площі Франка (після війни вона чомусь називалася площею Спартака). І от ми, діти, семи-восьми років, проходячи повз Михайла Харлампійовича, вітали його. Він з сяючою посмішкою відповідав нам. І стільки вдячності, радості було в цій відповіді, що ми заходили в парадне, проходили крізь двір в інше парадне, котре виходило на Ольгинську, спускалися по ній і знову йшли повз лавочку, на якій сидів Михайло Харлампійович, і знову урочисто, як іменинники, які чекають на дорогоцінний подарунок, віталися з ним, щоб почути його лагідне «здрасуйте», побачити його добру посмішку.

За театром підіймалася вгору асфальтована доріжка до казкового будинку Городецького з чудернацькими химерами нагорі. А майже під ним знаходився невеличкий скверик. (Потім там побудували дитячий майданчик). Там, де закінчувався скверик і починалася гора, стояв ряд могутніх тополь, їх до війни посадив Михайло Харлампійович. А після війни кілька тополь посадив ще й на площі Франка біля будинку акторів. Кожен із нас, дітлахів, за порадою Михайла Харлампійовича, взяв шефство над однією з молодесеньких тополь біля нашого будинку. «Будете доглядати їх, поливати – виростуть великі, гарні дерева», – казав він нам. Моє дерево, що росло поруч із рівенькою тополею Юночки Яковченко, було менше за інші і трохи викривлене, і я намагався поливати його якомога частіше. Можливо, зіграли роль мої старання, а, може, так само було б і без них, тільки з роками деревця зрівнялися, стали стрункими, мальовничо прикрашали наш будинок. І завжди, вже пізніше, коли я проходив повз них, я згадував Михайла Харлампійовича і думав, що ось він залишив по собі таку пам'ять. Та недавно ці тополі позрубували. Чого дивуватись, коли знищують пам'ять про акторів, передаючи будинок-музей, будинок-легенду, будинок-історію українського театрального мистецтва у власність багатим людям. Чого тоді дивуватись, коли позрубували якісь дерева, що нагадували мені лагідного Михайла Харлампійовича.

Одразу ж після війни адміністрація Театру Франка влаштувала виїзні вистави. Пам'ятаю виїзд у Макарів. Мене залишити було ні з ким, ось матір і взяла з собою. Повезли виставу «Сто тисяч» І. Карпенка-Карого. Час був зимовий.

Автобус тоді в театрі був французький, і він легко випереджав на дорозі інші машини.

Пам'ятаю, що роль Бонавентури, яку грав на стаціонарі Гнат Петрович Юра, в той вечір грав Липківський Лесь Васильович, а ту роль, що грали по черзі Іван Маркевич і Михайло Харлампійович Пилипенко, грав на виїзді останній. І поїздка, і вистава пройшли у піднесеному настрої, тому що всі знали – колгоспне начальство збиралося влаштувати пізно увечері святкову вечерю. Перед вечерею відбувся ще й концерт. Грали якийсь естрадний скетч – Нелідов і Панасьєв, прекрасні характерні комедійні актори, але зал сприймав їх стримано. Та ось на сцену вийшов Михайло Харлампійович і, дійшовши до середини авансцени, зупинився. Глядачі, дивлячись на його усмінене обличчя, й собі почали посміхатися. А того, неначе розпирало від сміху. Він вже збирався щось говорити, але не міг і тільки: ге-ге-ге. Хвиля реготу пішла по глядацькому залу. Потім намагається бути серйозним – треба ж, нарешті, розповісти історію, – тільки розкриває рота і знов не може втриматися – сміється і глядачі – все більше і більше. Так він мовчки стояв кілька хвилин, а глядачі вмирали від сміху.

Коли ж Пилипенко почав виконувати оповідання Зоценка про те, як герой плигає з високої вежі на парашуті в парку відпочинку та чіпляється за щось штанями, регіт знявся страшний. І я бачив на власні очі, як з залу виводили жінку, яка все повторювала: «Ой, виведіть, бо не могу, виведіть, бо сили немає, виведіть швидше...»

Пам'ятаю Михайла Харлампійовича у виставі «В степах України», де він з Нелідовим грали симпатичних кумедних дідів. А також у виставі «Дванадцята ніч» Шекспіра, де він чудово грав Мальволіо.

Треба було бачити, як Мальволіо-Пилипенко сприймав текст Осмяловської (виконавиці головної ролі). «Вам, напевно, треба у постіль», – говорить вона співчутливо, вважаючи, що він дуже захворів, коли промовляє такі дивні речі. Мальволіо- Пилипенко у цій пропозиції вбачав зовсім інше. Спочатку на його обличчі розгубленість: «Може, почулося? Ні, вона-таки сказала це». І з якимось божевільним зачудуванням, не вірячи своєму щастю і, разом з тим із дитячою радістю, він промовляє: «Як? Вже у постіль?» Глядацький зал шаленів від реготу.

**ПЕТРО МИТРОФАНОВИЧ
ПАСТУШКОВ**

Заслужений артист України

Сердечний виконавець негативних ролей

Пастушкова Петра Митрофановича я пам'ятаю у виставі «Назар Стодоля» Т. Шевченка, де він грав Хому Кичатого. У його виконанні цей образ був не просто негативним, а навіть страшним. Такий жадливий злодій... Я чув, що до війни він дуже вдало грав у виставі «Маруся Шурай» І. Микитенка, ще одного Хому – теж негативного персонажа. В житті ж він був зовсім іншим.

Петро Митрофанович теж жив на Ольгинській 2/1, на другому поверсі, в комунальній квартирі № 4 навпроти дверей Гната Петровича Юри. Петро Митрофанович мав дві кімнати, що виходили вікнами у двір, і в яких жив сам – один. Ці дві кімнати справляли на нас, дітей, велике враження. Справа у тім, що Петро Митрофанович був завзятим мисливцем, і ми, діти нашого двору, коли приходили в гості, відчували, що потрапляли в якийсь казковий світ. На стінах, на килимах висіла мисливська зброя; роги оленя; з ошкіреною пашчею, дивилася на нас голова вовка; на підлозі лежала шкура ведмедя. А, головне, живучи одинаком, Петро Митрофанович дуже любив дітей. Він запрошував до себе хлопчаків з нашого будинку і влаштовував змагання з стрільби. Кожен із нас сідав на стілець, обличчям до спинки, клав на неї повітряну гвинтівку і цілився у полум'я свічки, що стояла неподалік. Скільки радощів було у того з нас, кому щастило погасити струменем повітря з гвинтівки полум'я свічки. Але переможцем частіше за всіх виходив Шурик Чаплигін, син машиніста сцени Сергія Івановича Чаплигіна. Пастушков ставився до Шурика зворушливо (він був молодший за нас), він то гвинтівку йому підправить перед пострілом, то наблизить її трохи ближче до свічки. А справа в тому, що він, самотня людина, був своїм у родині Чаплигіних, де крім Шурика, була старша сестра Інна, дуже вродлива дівчина і найстарший брат Володя. Віра Іванівна Чаплигіна, дружина Сергія Івановича, маленька, сухенька, літня жінка доглядала за мисливськими собаками Петра Митрофановича. Вони жили в обладнаному вольєрі, що знаходився в кутку нашого двору, впритул до гори.

Наш будинок утворював прямокутник, який одним боком виходив на площу Франка, а другим – на вулицю Ольгинську. В середині була невеличка смужечка двору, з якої круто, майже паралельно з будинком, здіймалася гора, вершина котрої дорівнювала даху нашого будинку. Граючи в індіанців, ми викопували в ній печери, облаштовували їх. На невеличких

виступах розпалювали маленькі багаття, намагалися готувати їжу і таке інше.

Ніколи не забуду картину – Петро Митрофанович несе до фонтану, до одного із п'яти знаменитих київських фонтанів з левами, що стоїть поруч з театром, маленький мисливський човник (на ньому можна було дістати на воді підбиту качку, чи причаїтися чекаючи дичину). Він ставить човника на воду фонтану, садовить в нього наймолодшого з нас, Шурика Чаплигіна, дає йому маленьке весельце, відштовхує, і той під захопленими, заздрісними поглядами дівчороби починає робити кола по воді фонтана. Фонтана нашого дитинства!

Скільки задоволення він приносив нам... Можна було посидіти за головами левів, уявляючи, що вони несуть тебе кудись... У спекотні літні дні можна було розігнатися алеєю скверика, що начебто виходила з центрального входу театру, і, перестрибнувши бордюру фонтану, пірнути у воду. А коли вже трохи підросли, то перетворили фонтан на «акваторію океану», пускаючи в ньому саморобні чи куплені у магазинах пароплави, і вони самотужки пливли по воді.

У нашому дворі, біля балкону Петра Митрофановича, росла велика акація. Якось мешканці нашого будинку почули жалібне, пронизливе, невпинне нявкання. То маленьке кошеня залізло на верхівку акації, на тоненьку її гілочку. Повернутися назад по ній не може, страшенна височінь доводить до відчаю маленьку істоту. І ось ми бачимо, як Петро Митрофанович, вже літня людина, в старих штанях і майці, чи то зі щіткою, чи зі шваброю в руці, дереться на це дерево. Ось він виліз вже високо, але рукою кошенятко ще не дістане, тоді простягає до нього знаряддя спасіння, наче кочергою, обережно підгрибає до себе маленьке створіння, після тонкої, ненадійної гілочки воно опиняється на щітці, але так само голосно нявчить, як і раніше, аж поки не потрапляє за майку свого рятівника...

Невдовзі після цього, Петро Митрофанович прийшов до Чаплигіних, щоб похастувати дітей кавунами. Розрізав один з них, у веселій розмові пригощав дітей...

Та раптом голова його почала хилитися і опинилася на столі, він наче ліг відпочити.

Коли приїхала «швидка», було вже пізно.

**ІВАН ЛЕВКОВИЧ
МАРКЕВИЧ**

Заслужений артист України

Приятель мого батька

Іван Левкович Маркевич, заслужений артист України, жив на вулиці Ольгінській 2/1, тобто ми жили з ним в одній комунальній квартирі. Він, разом з дружиною Валентиною Іванівною та сином Женею, мав дві кімнати – велику й малу, що знаходилася через стінку з нашою, де жили ми з мамою.

Іван Левкович був яскравим характерним актором. Невисокий на зріст, повнуватий, він грав здебільшого комедійні ролі, але траплялися і драматичні. Пригадується філігранно зроблений, колоритний характер в образі міліціонера Редьки з відомої вистави «В степах України» О. Корнійчука. Фільм-спектакль за цією виставою залишився у фондах, і його можна й зараз бачити по телебаченню. Цікаво він також грав у виставі «Банкір» О. Корнійчука. Але найбільше враження на нас – акторських дітей, справляла його робота у виставі «Сто тисяч» І. Карпенка-Карого у ролі Савки. Цей спектакль також знято на плівку, і час від часу його показують. Він блискуче проводив з Дмитром Омеляновичем Мілютенком сцену, де вони починали ділити гроші. Іван Левкович був у цій сцені темпераментним, драматичним, а коли виймав із-за халяви ножа і наближався до Калитки, то ставав справді загрозливим. Залишилися і його роботи у кіно. У 30-ті роки Іван Левкович прекрасно грав роль Пронашки на сцені Театру ім. І. Франка у виставі «Дівчата нашої країни» І. Микитенка.

Коли розпочалася війна, Маркевич пішов на передову, воював на ленінградському фронті, був тяжко поранений. Проходив лікування в одному зі шпиталів у Середній Азії. Та після тяжких ран був звільнений від військової служби й повернувся до роботи у Театрі ім. І. Франка, приєднавшись до трупи у Семипалатинську. Потім переїхав з театром до Ташкента.

Після звільнення Києва від фашистів, дирекція Театру ім. І. Франка відрядила до рідного міста саме Івана Маркевича, аби він упорядкував єдиний уцілілий будинок біля Театру на вулиці Ольгінській 2/1. А вже у 1944 році в цю відремонтовану будівлю поселилася більша частина трупи.

Я пам'ятаю військову форму, яка залишилася у Івана Левковича після війни. Кітель висів у гардеробі, і Женья з гордістю показував мені його. Якщо не помиляюсь, то була форма командира молодшого командного складу, ремінь, кобура з пістолетом, сяючі чоботи.

У Івана Левковича була багатюща бібліотека. Найбільша книжка в білій обкладинці – «Вибрані твори» О. Пушкіна

допомогла мені відкрити для себе механізм, завдяки якому я в подальші роки створив композицію за листуванням Пушкіна з близькими, друзями та ворогами. Фрагмент із неї було записано у 90-х роках на телеканалі «Нарт». Саме завдяки цьому виданню я вперше познайомився з листом Пушкіна до дружини Наталі: «З'являтися з вітаннями до нащадка Його Імператорської Величності я не збираюсь» і далі – пояснення чому. А потім лист начальника Третього відділу графа Бенкендорфа, який дорікає Пушкіну, що той з'явився на вечорі у французького аташе не в мундирі, а в цивільному. За цим відчувається роздратування самого царя, якому вже був відомий зміст приватного листа Пушкіна до дружини зі свідченням про небажання з'являтися з привітанням до нащадка імператора. Закінчується цей фрагмент гнівним записом зі щоденника Пушкіна про те, що пошта, порушуючи закон, відкрила його приватний лист і передала через поліцію царю. Отакий перший фрагмент моєї композиції вийшов завдяки книжці мого сусіда Івана Левковича Маркевича.

Маркевичі, як я вже казав, жили через стіну від нас, тому Женя майже щодня бував у моїй кімнаті, а я – в їхній, і зблизька міг спостерігати як вони жили. У квартирі завжди був зразковий порядок, завдяки старанням дружини Івана Левковича Валентини Іванівни. У великій кімнаті, праворуч, знаходився сервант, далі, біля тієї ж стіни через двері у маленьку кімнату, стояла книжкова шафа з бібліотекою Івана Левковича. Він, коли мав вільний від репетиції ранок, любив, лежачи на дивані, почитати. Між двома вікнами, що виходили на Ольгінську, стояло трюмо. Біля стіни ліворуч – диван з килимом, що спускався на нього зі стіни. Посередині кімнати стояв обідній стіл, між вхідними дверима і дверима, що вели у малу кімнату, лежала килимова доріжка. У родині Маркевичів був такий розподіл обов'язків: Валентина Іванівна, яка працювала в Науково-дослідному інституті Академії Наук будівництва та архітектури, після роботи займалася домашнім господарством та вихованням Жені. Пам'ятаю, як часто, захопивши з дому санчата, ми з Валентиною Іванівною йшли до дитячого садка, щоб забрати Женю. Він був молодшим за мене на рік. На цих же санчатах завжди під Новий рік подружжя Маркевичів привозили велику ялинку, яку ми з Женею допомагали їм встановлювати й прикрашати.

Валентина Іванівна та її син були палкими шанувальниками таланту Івана Левковича. Коли відбувалася прем'єра за його участю, Валентина Іванівна, святково вдягнена, разом із сином йшли на виставу. Брала й мене із собою (моя мама тоді

вже не працювала в Театрі ім. І. Франка). Відвідували вони, звичайно, й інші вистави театру, а також і гастролерів.

Обов'язком Івана Левковича було ходити з нами, ще хлоп'ятами, щотижня до центральної лазні, яка знаходилася біля колишньої площі Калініна. Тепер це Майдан Незалежності. У лазні Іван Левкович спочатку намилював по черзі кожного з нас, віддраював мочалкою, вів під душ або обливав водою із шайки. А потім ми з Женею намилювали його, терли кожен своєю мочалкою, і він червоний, спітнілий, лежачи на лаві, підбадьорював нас схвальними репліками: «Ну й молодці! Видно, добре їсте!» Потім урочисто поставивши на лаву спершу одну ногу, потім другу, зрізав нігті, після чого ми робили те саме. Прослідкувавши, щоб ми ретельно витерли себе, а особливо вуха, він витирався сам. Ми одягалися й Іван Левкович вів нас до буфету, де пригощав смачним чаєм. Трохи відпочивши, вдягали верхній одяг, коли діло було в холодну пору року, а влітку й просто так, і задоволені йшли додому.

Між нашими родинами були добрі сусідські стосунки.

«Галочко, – звертався іноді Іван Левкович до моєї матері, – ти не знаєш, куди це мої поділися?»

Або моя матір каже Валентині Іванівні:

«Валю, а чи не розживуся я у тебе на сіль?»

Часто можна було чути в нашій комунальній квартирі розмови між добрими сусідами:

«Позич мені...», «Дай на вечір твого стільця...», «А піди подивися, яке я нове крісло купила...», і так багато чого...

Якось моя матір зайшла зі мною до Маркевичів і звернулася до Івана Левковича:

«Ваню, послухай-но, будь ласка, мого, він тобі щось прочитає, а ти скажеш, чого він вартий». Мені вже тоді було 15 років. Я прочитав байку Дем'яна Бедного «Іжак».

«Нічого, Олежко, – сказав Іван Левкович, – а що в тебе ще є?»

Цього разу я прочитав йому Чехова, уривок з оповідання «Оля, Женя, Зоя».

«Непогано, – з доброю усмішкою виніс він свій вирок. – Давай зробимо так. Ти прийдеш у мій драмгурток, яким я керую при клубі Харчовик на Подолі (тепер там Дитяча опера, що на Контрактовій площі). Гратимеш в нашому гуртку, якщо буде в тебе виходити. Ну, а з твоїм читанням виступатимеш вже у найближчому концерті. До речі, Олежко, я тобі ніколи не казав, що ми жили з твоїм батьком до війни в гуртожитку в одній кімнаті? Навчалися в різних місцях, а жили разом. Якось

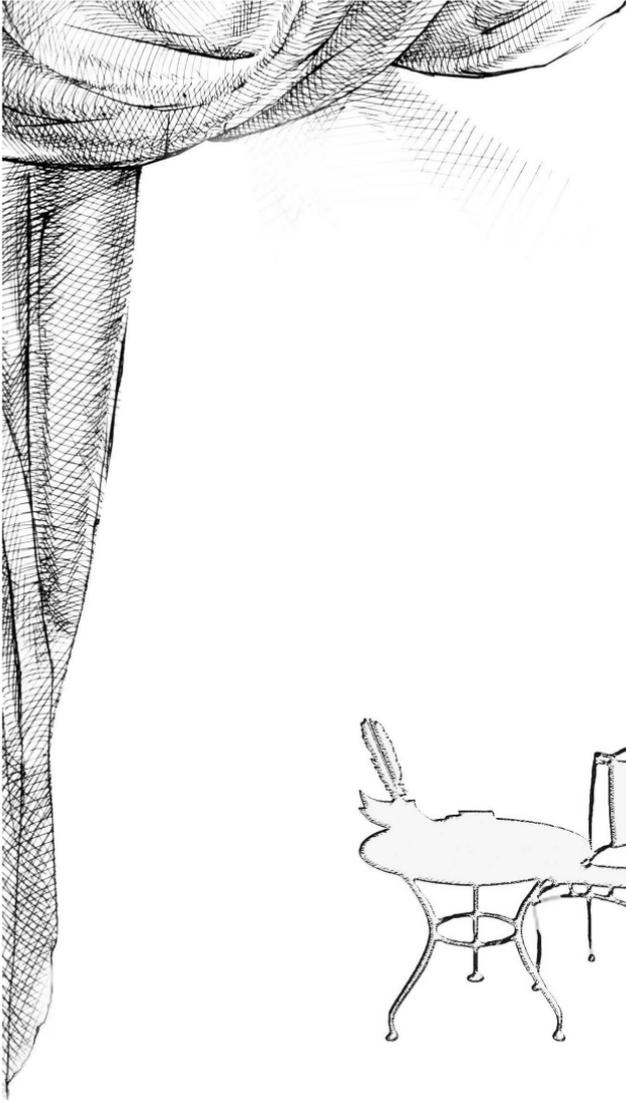
поверталися ми з пізньої вечірки і до нас присікалась трійця здорованів, так твій батько, він був дужий, міцний, порозкидав їх, і ми дали дьору, поки ті не оговталися. Тато твій був рвучким, справедливим», – задумливо підсумував Іван Левкович.

Мій батько загинув під час війни, і все, що я чув про нього, відтворювало хоч в якійсь мірі образ цієї рідної, але невідомої мені людини.

Певний час я ходив до драмгуртка, яким керував Іван Левкович. Виступав у концертах перед публікою. Коли глядач без особливого ентузіазму сприймав деякі номери, він перед моїм виступом, підморгуючи, казав: «Ану, Олежко, вжар їм свого їжака».

У 1961 році Театр ім. І. Франка був на гастролях. У вільний час Іван Левкович пішов на рибалку. Береги, одягнені в замулений бетон, сходили у воду. Вочевидь, витягаючи рибу з води, він послизнувся, впав, вдарився головою об бетон, втратив свідомість, і так поволі сповз у воду, там і захлинувся. Поруч нікого не було й нікому було допомогти йому. Так випадково і трагічно загинув Іван Левкович. Загинув у розквіті свого обдарування, бо для характерного актора робота в театрі у похилому віці – це не кінець, а можливість надбання ще більшої майстерності.

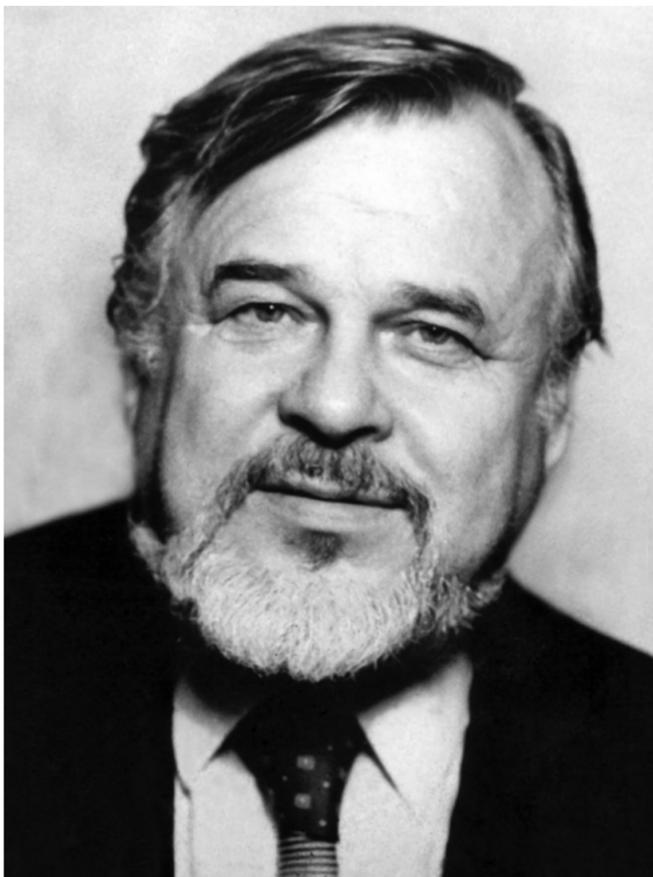
Згадуючи Івана Левковича, мені хочеться ще раз подумки подякувати дяді Вані, моєму доброму сусідові за те, що підтримав мої перші кроки у мистецтві, за те, що розповідав про дружбу з невідомим мені моїм батьком і дав можливість хоч трохи уявити яким він був. Дбаючи про мене, коли я був малим хлопчиком, Іван Левкович, напевно думав, що його товариш по гуртожитку Василь Комаров, був би вдячний йому за піклування про його сина.

III. ЧАРІВНИКИ РАДІОЕФІРУ

**АНАТОЛІЙ ФЕДОРОВИЧ
ПАЗЕНКО**

Народний артист України

Майстер слова

Анатолія Федоровича Пазенка вперше я побачив на сцені Київського театрального інституту в дипломних виставах «Готель Асторія» Штейна та «Смерть Тарелкіна» СуховоКобиліна. Художнім керівником цього знаменитого курсу, з якого в майбутньому майже половина студентів стала народними артистами, був «курбасівець» Михайло Полієткович Верхацький. Цікавою була значна переконлива робота Пазенка в першій виставі і дуже яскравий епізод у другій. Запам'ятався він також участю в інститутських «капусниках», де дотепно, але разом з тим тактовно, пародіював директора інституту Семена Михайловича Ткаченка, якого всі любили. Наче зараз чути інтонації і тембр голосу Пазенка, такі схожі на інтонації й тембр Семена Михайловича, коли він у своєму кабінеті лагідно звертається до порушника дисципліни:

– Любий мій, незважаючи на ваші гарні акторські дані, якщо ще повториться таке неподобство – вижену вас, як собаку...

На професійній сцені я вперше побачив Анатолія Федоровича Пазенка у виставі київського Театру юного глядача

«Чортів млин» Ісідора Штока, в якій він грав роль Пустельника. Із завитим на голові волоссячком, у білій сутані з хрестиком, мов велика біла кулька, актор поволі й обережно пересувався сценою, був лагідним і зворушливим, як дитина, і дуже смішним.

Понад 30 років Анатолій Пазенко віддав сцені Театру ім. Лесі Українки, тут було зіграно багато яскравих ролей. На цій сцені він і став справжнім народним артистом, бо його любили не тільки глядачі, він був популярним і в акторському середовищі нашого міста, любила його також театральна студентська молодь. Актор широкого діапазону, Анатолій Федорович створив багато яскравих несхожих образів: героїчних, комедійних, підступних тощо. Та чомусь на все життя я зберіг враження від виконання ним ролі Тернового з вистави «І відлетимо з вітрами» Миколи Зарудного (в режисурі Михайла Резніковича). Його герой був ніжним у ставленні до своєї дружини і водночас іронічним через її педагогічну «прискіпливість» до своєї дочки. Його Терновий був зворушливим у стосунках із донькою, відчувалось, що він – її близький друг, справжній сучасний батько із тонким гумором, із незаперечним для неї авторитетом. Багато доброго сміху викликала сцена знайомства батьків нареченого та нареченої. Майбутні свати, які обоє воювали, та й ще на сусідніх фронтах, вже

добре почаркувавшись, ховаючи скупу чоловічу сльозу, побратньому обійнявшись, йдуть «покурити на кухню». В цій ролі щедра самобутня природа Анатолія Пазенка допомогла створити переконливий образ яскравої, багатогранної людини. Він і розумний, і сердечний, і витончений, з гумором, і наївний. Можна було б згадувати багато масштабних, значних ролей у виконанні Анатолія Пазенка, але оживає у пам'яті саме цей його образ – живої, теплої, з почуттям гумору людини.

Так склалася моя доля, що я міг бачити Анатолія Федоровича у різних сферах його життя. Певний час я був свідком того, скільки часу, сил, вигадливості, наполегливості віддавав він, працюючи головою місцевому Театру ім. Лесі Українки, як намагався допомагати співробітникам нашого колективу отримати квартири, матеріальну допомогу, можливість відпочити тощо. Пам'ятаю, на початку 70-х років, майже половина місцевому (а це й Валерія Заклунна, яка дуже допомогла мені, Лія Глаз, Олександра Смолярова – парторг театру, Олена Метакса) на чолі з Пазенком прийшли на прийом до Голови Шевченківського райвиконкому, доброї літньої жінки з листом від театру та слізним проханням, щоб дали дозвіл на вселення моєї родини в квартиру нашого адміністратора Піронера, який перебирався в кращу.

– Шановні мої, – почала вона, – я дуже люблю ваш кінотеатр ім. Лесі Українки, але ваш директор вирішив питання вселення в нову квартиру адміністратора Піонера, а вселення в його квартиру молодого актора – ні. Що ж я можу зробити?

Та, дякуючи Богу, ми з Анатолієм Федоровичем і членами місцевому, які допомагали, через деякий час таки святкували моє новосілля на новій квартирі. Можна було б згадати багатьох співробітників театру, яким допоміг очолюваний Пазенком місцевком і особисто він у подібних питаннях. Традиції піклування місцевому про побут людей такі, що були при Пазенкові, продовжувалися, коли на цьому посту його змінювали Валерія Заклунна, Ірина Дука, певною мірою, ці традиції зберігаються і зараз.

Більше 30-ти років ми з Анатолієм Федоровичем працювали в популярній радіопередачі «Від суботи до суботи». Якщо творцем радіотеатру, який називався «Від суботи до суботи» був режисер Володимир Бохонко, то його душою був Пазенко. Його звали в очі й позаочі «Професором». А колеги по радіо – колишні його студенти – «Учителем». Ну, по-перше, тому, що він перед мікрофоном надзвичайно професійно читав тексти популярної передачі, а по-друге, не пропускав у

«суботників» жодного порушення логіки, жодного помилкового наголосу, жодної неточної орфоепічної вимови того чи іншого слова. Все це просто обурювало його. Він розмовляв із винуватцями, як зі своїми неуспішними студентами. Ми мовчали. Але тепер все це згадується із вдячністю за удосконалення нашої української мови. Крім того, Анатолій Федорович записав чимало фондових передач, що зберігаються багато років.

Так що його прекрасні роботи дадуть уявлення майбутнім поколінням радіослухачів про рівень професіоналізму, майстерності, таланту акторів 60-х – 80-х років минулого століття.

Нещодавно я із хвилюванням слухав радіопередачу, в якій оповідання Євгена Гуцала читали Анатолій Пазенко, Павло Морозенко та Ірина Дука. Йшлося про собаку, якого п'яні хазяї побили, залишили на одному з островів Дніпра здихати. Туди припливли відпочити герої оповідання, врятували й виходили того пса. А коли через кілька днів колишні хазяї повернулись на острів, то пес, кульгаючи та махаючи хвостом, на радощах побіг назустріч своїм мучителям.

В інституті культури я викладав сценічну мову та запросив на залік своїх студентів Анатолія Федоровича Пазенка, який тоді завідував кафедрою сценічної мови в Київському театральному інституті. Він прийшов, проглянув студентські роботи, зробив, як завжди, прискіпливі та некомплементарні зауваження, а потім сказав, що розмовлятиме зі своїм начальством, аби запросити мене на кафедру сценічної мови в Інститут ім. Карпенка-Карого. За якийсь час повідомив, що у нього відбулася розмова з тодішнім ректором і переповів її:

– Це той Комаров, який веде українську передачу «Від суботи до суботи» з російськими інтонаціями? І чого це саме він?

– Ну, по-перше, він – професіонал, – я бачив залік його студентів, а, по-друге, він – чи не єдиний викладач зі сценічної мови, хто виступає з літературними вечорами за творами української, російської та світової класики. Я був на одному з них у Будинку актора – це гідно.

– Що це ви його так вихваляєте? Мабуть, випива з вами, випива, випива?

– Він взагалі не п'є! – заволав Анатолій Федорович, – щороку зі своєю дружиною до Миргорода їздить!

Нарешті, мені подзвонили, щоб я оформлював документи і прийшов на засідання кафедри. На стінах простої аудиторії кафедри сценічної мови висіло кілька афіш моїх

вечорів. В коридорі перед кафедрою, привітався з ректором, він на мене не зреагував, напевно, як і на афіші. Кафедра зібралася для обговорення чергового заліку. Мені сподобалась атмосфера обговорення. З підкресленою гідністю педагоги висловлювали свої критичні зауваження, які були настільки аргументованими, що не викликали образ. Відбувалася професійна, інтелігентна розмова. Всі зауваження робилися педагогам, але спрямовувалися на допомогу студентам, щоб якнайшвидше і якісніше оволодіти предметом. На засіданні кафедри була присутня колишня завідувачка – Євгенія Йосипівна Віховська, яка своїм досвідом, фаховими відкриттями збагатила роботу кафедри. Треба було бачити скільки уваги, турботи, навіть ніжності виявляли до неї члени кафедри і сам Анатолій Федорович. Завдяки великій вимогливості, неабиякому педагогічному обдарованню та багатому досвіду, Пазенку вдалося створити кафедру сценічної мови високого рівня. Коли мені довелося бувати членом журі Всеукраїнського конкурсу читців ім. Лесі Українки, я пересвідчився у великій різниці підготовки між студентами нашого Театрального інституту та представниками інших шкіл з різних регіонів України. Більшість призових місць здобували студенти Київського театрального інституту ім. Карпенка-Карого.

Анатолій Федорович був прекрасним співрозмовником, блискучим оповідачем з дивовижним почуттям гумору, в кожній компанії він ставав її душею. Всі реготали, слухаючи його оповідки, й кінця їм не було і краю. То він розповідав про кумедного білоруса, який вихвалявся, що риба тому так добре клює, що грузило він зробив із медалі, яку одержав під час війни. То йшов цикл розповідей вже від особи однієї колоритної жінки-режисера, з якою він працював: «Якось спізналася вона на репетицію:

– Ой, вибачайте, що спізналася, – і голос передає точно, і інтонації, (я її теж знав).

– Оце вчора купила черевики замалого розміру, а вони ж так муляють (сідає на стілець, знімає одного).

– Дивіться, які пухирі натерла!

Або її монолог під час репетиції:

– Толічка, я таке придумала! Ти ж у полоні в Кощя. Руки в наручниках, до скелі прикуті, а ти їх здіймаєш вгору, та й кажеш йому: «Не боюсь я тебе, трясця твоєї матері! Сякий-такий! Кощей ти Безсмертний!». Та рученятами своїми в різні боки – ррраз! Ціпурочки і посипалися. А ти з гордо піднятою головою монтіруєся у декорації.

Або ще одне:

– Толічка, бери свої функції в руки і действуй!» Багато-багато таких оповідок він розповідав нам.

Впевнений, що його студенти, колеги, товарищі й знайомі, для яких він так багато в цьому житті зробив, завжди тепло згадуватимуть його.

**ВОЛОДИМИР БОРИСОВИЧ
БОХОНКО**

*Кращий режисер Українського радіо
1970–1990 рр.*

Режисер популярної передачі

Коли я потрапив на третій тур при вступі до Театрального інституту, то один з абітурієнтів привернув до себе мою увагу. Він виконував монолог Голохвостого з п'єси «За двома зайцями» М. Старицького, мав своєрідну зовнішність, я б сказав, підходящу для характерних ролей, виразний голос, а головне – яскраво виконував цей монолог. Тоді ж я дізнався, що його прізвище – Бохонко. Яким же було мое здивування, коли серед студентів, яких прийняли до інституту, я його не побачив. Пізніше, коли ми затоваришували, він мені розповів, як його батько – військовий, високий на зріст з мужньою, привабливою зовнішністю чоловік, прийшов до ректора інституту з'ясувати, чому його сина, здібну людину (а всі про це говорили) не прийняли, Семен Михайлович своїм високим хриплуватим голосом відповів: «Мій любий, якщо б ваш син хоч трохи мав таку зовнішність, як у вас, то ми, не роздумуючи, його б прийняли. Нам потрібні герої. Характерних акторів і так багато». Але Володя все ж таки вступив, правда, до театральної студії, при Театрі ім. Франка. Він завжди дуже тепло згадував свої студентські роки, своїх педагогів: керівника курсу Петра Трохимовича Сергієнка, Володимира Скляренка, якого любив зображати (Скляренко картавив, і Володя, грасуючи, показував, як той звертався до молодої актриси, котру запросив на головну роль: «Хотів з вас згобити Комісагжевську, пгошу пгобачення – не вишло»). На цьому ж курсі вчилися Коля Задніпровський, Льюня Марченко, Борис Хімічев, Алла Балтер, Людмила Ігнатенко. Тут же він познайомився з Юною Яковченко, з якою пізніше одружився.

Пропрацювавши після закінчення студії кілька років актором у Житомирському театрі («О, мій Ріо-де-Житомир», так часто згадував він це місто), Володя все ж таки вступив до Київського театрального інституту, тепер, правда, на режисерський факультет. І закінчивши, почав працювати на радіо. В ті ж роки я жив у будинку, де жили актори-франківці, (моя мати певний час працювала в цьому театрі) на Ольгинській, 2, кв. 11. А в квартирі 10 жив Микола Федорович Яковченко з двома доньками: Ірою та Юною. Одразу ж після війни пішла з життя їхня мати – Тетяна Марківна.

Я пам'ятаю трагічну фотографію: на полуторці з відкиненими бортами, на килимку стоїть відкрита труна з тілом Тетяни Марківни. Біля неї сидить, як Альонушка, з відомої картини Васнецова, обхопивши коліна руками і схиливши на них

голову, Юночка. За машиною ж, дивлячись на покійну і майже в об'єктив апарата, стоять Н. Ужвій, Є. Пономаренко, В. Добровольський та моя мама зі мною на руках і багато інших акторів-франківців.

Моя матір була в добрих стосунках з Тетяною Марківною, і потім, коли сталося це лихо, а час був повоєнний, з продуктами було скрутно, вона чим могла допомагала дівчатам. Вже від Володі я дізнався, що Юна йому розповідала про найбільш «смачні» спогади її дитинства, це коли Ганна Іллівна (моя мати) пригощала їх «драниками» (вона їх так називала, а ми з мамою – дерунами).

Якось літнього ранку, приблизно 1966 року, я виходив із дому, аж ось побачив, як з квартири № 10 вийшов молодий чоловік в окулярах, з килимком на плечі, напевно, йшов у двір його вибивати. «Деся я його бачив, – подумав я, – не пригадаю де? І що він тут робить? Начебто, не з нашого дому». Тоді ж мені хтось підказав – це чоловік Юни Яковченко.

Пізніше, якось я їхав автобусом на площу Перемоги, коли біля мене опинився мій сусід в окулярах. Він заговорив першим, спитав, чи пам'ятаю я, як ми разом тримали іспит при вступі до Театрального, і тут лише я впізнав його. Я сказав, що пам'ятаю, більше того, у мене наче зараз перед очима, як він яскраво читає монолог Голохвостого. Він поцікавився, де я працюю. Я досить гордовито відповів: «У Російській драмі (був тоді молодий, тільки-но зіграв у «Більшовиках» Шатрова головну роль Свердлова), так що мою пихатість можна було б пробачити, але всі наступні роки наших дружніх стосунків ми згадували ту нашу першу зустріч і кепкували з моєї тодішньої величі.

– Я зараз працюю на радіо режисером в передачі «Від сукоти до суботи» – продовжував він і спитав, чи не погоджусь я завтра прийти на Хрещатик, 26 о 14 год. 30 хв. на запис цієї передачі і спробувати, може, щось і вийде. Я погодився.

Наступного дня під час запису я дуже хвилювався, припускався безлічі помилок, збивався... Особливо мене непокоїла присутність редакторів. Крізь скло, що відокремлювало студію від режисерської, їхні обличчя здавалися мені суворими, невдоволеними і навіть осуджуючими. Та через деякий час я, нарешті, зрозумів, що вони напрочуд гарні і чарівні жінки: і Оницько, і Цацко, і Рублевська. Кожного разу я йшов з запису глибоко переконаний, що це мій останній день на радіо. Але в понеділок знов лунав телефонний дзвінок, і Бохонко, в своїй звичайній доброзичливій, жартівливій манері говорив у трубку:

– Олег Васильович? У нас завтра запис «Від суботи...» (начебто нагадував – не забули), зможете?

Я, що вже поховав себе для радіо, робив довгу паузу, сумніваючись, чи не розігрують мене. Зі сторони ця пауза могла здатися важкими роздумами дуже зайнятої людини, що хоче знайти хоч хвилинку вільного часу. Нарешті, повіривши, що це не жарт, я стомленим голосом казав, – «Напевне, зможу». Я гадаю, що з кожним, кого він викликав на радіо, він знаходив свій жартівливий тон. З інтелігентним актором вів вишукану, жартівливо-світську розмову. До актора, який знявся у ролі відомого військового керівника, звертався так: – Маршале, я чекаю вас о 16.00, на Хрещатику, 26.

Світ його доброго гумору віддзеркалювався у прізвиськах, якими він охрестив багатьох із нас за роки роботи на радіо в передачі «Від суботи до суботи»: Бес, Майстер Шутя, професор Пазя, Єрмолка, Сляня, Комарик, Коршуняка. Якщо хтось вмів йому догодити, він, усміхаючись, казав: «Ах, ти розбійник такий!»

Згадую, яким вимогливим, безкомпромісним у роботі над цією передачею був Бохонко. Спочатку йшли репетиції кожної гуморески. Причому, режисер вимагав повторювати фразу, шматок тексту безліч разів, поки актор не знаходив те, що від нього вимагали. А запис, як правило, проходив легко, бо актори були підготовлені попередньою роботою.

Коли Володя з Юною побралися, вони жили з Миколою Федоровичем Яковченком та Ірою (старшою сестрою Юни) у двох кімнатах великої комунальної квартири. Їхніми сусідами були Шульга (актриса театру), Коханенко – її чоловік (один з фундаторів Театру Франка), Копержинська в 12-ти метровій кімнаті з чоловіком і сином Женею.

Потім родина Яковченків отримала трикімнатну квартиру на Брест-Литовському проспекті, 8 кв. 49. Юна, яка мала напівсирітське, м'яко кажучи, не дуже забезпечене, без материнського тепла, дитинство, напевно мріяла, щоб її сім'я не знала всього того, що пережила колись вона. Юна була прекрасною господинею. В новій квартирі був зразковий порядок. І тут було багато того, чого вона не мала в дитинстві: це ізольована, майже вишукано відремонтована квартира, з балконом, налагоджений побут, велика фонотека платівок від Баха до Окуджави, магнітофон з жартівливими записами всіх членів родини, а головне – багатюща бібліотека. Юна багато років була головою товариства книголюбів у Театрі Франка. Прилучала акторів до поглибленого знайомства з книгою, розповсюджувала серед франківців рідкісні видання. Вона

багато знала, була принциповою у своїх оцінках і судженнях. Завжди емоційно відстоювала свої погляди. Вона була не простою людиною, і не всі могли легко спілкуватися з нею. Таким непересічним людям, як вона, складно буває в акторських колективах, вони «стирчать, як шило у мішку».

В своєму домі вона була незаперечним авторитетом. І в гостях у них бували такі ж неординарні люди: це і Льоня Осика, і Марина Герасименко, і Марина Федотівна Корнійчук. Надія Петрівна Батуріна, хоч і не гостювала у них, проте їх часто можна було бачити разом, коли подружжя Бохонків і Батуріних прогулювалися проспектом Перемоги. Власне кажучи, Юна була для Володі всім: і зразковою господинею в домі, і матір'ю його дитини, і порадницею, і ніжною, бажаною жінкою, і по-материнському турботливою дружиною. Про романтику їхніх відносин друзі і зараз ще згадують: як Володя розривався між «Ріо де Житомир», де працював, і Києвом, намагаючись кожного вільного дня бачитися з Юною. Якось вже пізніше, коли Юночка була вагітною, їй захотілося кавуна, і Володя всю ніч блукав по базарах зимового Києва і таки знайшов його, після чого щасливий, крізь нічне місто, ніс коханій дружині цей бажаний для неї дарунок... І саме на ці щасливі подружні роки припадає найбільш плідний період у творчій роботі Володі. Він був першим і певний час єдиним високопрофесійним режисером улюбленої радіослухачами передачі «Від суботи до суботи». Прилучив до неї цілий гурт яскравих акторів, прекрасних майстрів, таких, як Микола Яковченко, Нона Копержинська, Микола Шутько, Валентин Дуклер, Георгій Бабенко, Анатолій Скибенко, Григорій Лойко, Володимир Коршун, Станіслав Станкевич, Валентина Салтовська, Анатолій Пазенко, Валерій Бесараб, Наталя Лотоцька, Ірина Дука, Мирослава Резніченко, Яків Сиротенко, Василь Мазур, Леонід Марченко та ін. Здійснив велику кількість записів фондових вистав та передач, до яких запрошував В. Добровольського, Н. Ужвій, Д. Франька, О. Кусенко, А. Решетникова, А. Пазенко, А. Гашинського та ін. Його велика заслуга в тому, що він увічнив мистецтво цих і багатьох інших майстрів для прийдешніх поколінь.

Високо були оцінені його фондові вистави: «Богдан Хмельницький», «Аварія», «Корабель Есперанто» та інші.

Володя тоді був щасливою людиною і в подружньому житті, і в творчості. Та раптом пішла з життя Юночка. Ще деякий час її голос, як світло далекої зірки, продовжував піднімати настрої людям; весело і безтурботно лунав в передачах

«А ми до вас в ранковий час» по «Променю» (повтори йдуть ще кілька років). І тут з'ясувалося, що без її тепла, її волі, піклування про нього, без створеного нею побуту він існувати не може. Все зруйнувалося водночас.

Минуло сімнадцять років. Остання наша зустріч відбулася, коли Володя вже три місяці після важкої операції (лікарі говорили йому, що вона пройшла вдало і він повинен був жити й жити) був вдома. Через кілька днів мав вийти на роботу. Я приніс йому книжку, яку він дав мені почитати: «Спогади про Чехова». Вона підтримувала його, як він зізнався, у лікарні. В той вечір, пригадуючи різні епізоди з цієї книжки, ми багато сміялися. Потім він раптом сказав: «Я хочу подарувати тобі цю книжку». В мене тоді ж майнула думка попросити його зробити дарчий напис, але чомусь це здалось незручним, я й досі жалкую про це: він майстерно умів писати посвяти, віршовані гумористичні поздоровлення, пронизливі ліричні вірші, гуморески: деякі з них можна було почути в розважальних передачах, одну з них я, здається, навіть виконував в «суботі». 4 червня він мав вийти на роботу. А там – радість спілкування з людьми, які його любили, насолода від роботи, на якій він знався, як ніхто. Одне слово там – життя. Отже 4-го повинен вийти на роботу. А замість цього, 5-го пішов із життя...

ЗОЯ КОРОБОВА

*Одна з найкращих ведучих
радіопрограми «Ліра»*

Її вдячне сприйняття життя

Скільки пам'ятаю Зою, вона завжди випромінювала світло доброти, усміхнено вдивляючись в навколишній світ. В нелегкі хвилини життя на її обличчі з'являлася гірка посмішка, в успішні ж – жартівлива або іронічно-переможна. Коли я був у гостях в Юрія Борисовича Богдашевського та його дружини Зої, мене не полишало відчуття, що їй увесь час доводиться робити над собою певні зусилля, щоб радісно не розсміятися. І природа цієї усміхненості, гадаю, криється не в тому, що посмішка на її вродливому обличчі робила її ще більш чарівливою, ні. Ця усміхненість була віддзеркаленням її лагідної, мудрої, вдячної душі: «Ну так, – сміючись розповідала вона, – мій чоловік витяг мене з ями...». І так багато підтексту вкладала в те, що казала: і жартівливий зблиск в очах, бо комусь це може видатись смішним. І радість того, що це сталося в її житті, бо принесло багато іншої радості: і від того, що в неї нарешті з'явилася сім'я – коханий чоловік, талановита людина, який подарував їй можливість спілкування з непересічними особистостями, а часом, і визначними діячами української культури, які бували у них удома, і творчої насолоди від роботи на Українському радіо, де вона була чи не найкращою ведучою музичної редакції, і дім зі зразковою чистотою і комфортом, і смачний стіл із колом яскравих, дотепних, талановитих друзів її чоловіка під час усіляких святкувань.

Юрій Борисович щоразу, коли зустрічав гостей у передпокої вже нової квартири, діставав капці, кажучи: «Зоя нещодавно прибирала, так що вибач, старий», – і кидав їх перед прибулим на підлогу. Гість роззувався, пірнав у капці і прямував за господарем до кімнати. А щодо зізнання «витяг із ями», то так воно й було: Зоя Коробова «сиділа» в оркестровій ямі Рівненського драматичного театру, грала собі на скрипочці, коли на прем'єру з Києва приїхав відомий і шанований у театральних колах критик, редактор журналу «Український театр» Юрій Борисович Богдашевський. Вони познайомилися. Після першої ж розмови з молодого скрипалькою оркестру, гість відчув неординарність її особистості, щирість і чистоту. Після того Юрій Борисович шукав нагоди знову завітати до Рівненського театру. А невдовзі відвіз Зою у Васильків, до своєї тітки, – єдиної рідної людини, яка залишилася в нього. Зоя теж познайомила Юру зі своїми близькими. Потім було весілля.

Я пам'ятаю, як довгі роки Зоя й Юра жили на вулиці Роме-на Роллана в однокімнатній квартирі, в передпокої якої стояли

стелажі з книжками вздовж усіх стін. Коли Зоя дивилась телевізор, Юра на кухні писав статті, редагував матеріали свого журналу. Тут же він приймав своїх друзів та приятелів. На дні народження Юри та Зої в цій маленькій квартирі збиралось дуже багато людей: театральні критики, співробітники журналів та міністерства культури, драматурги, режисери, актори; було багато блискучого гумору, глибоких проблемних розмов, а також щирості й сердечності. Всі ми, незважаючи на місце, яке займали в мистецтві, були рівні: нас об'єднувало одне – ми були друзями або приятелями Юрія Богдашевського. Господинею цих вечорів, а точніше, їх королевою, була Зоя. Вона з такою гідністю і таким витонченим гумором, з радістю, що переповнювала її, з чарівністю і сердечністю поводилася на подібних вечорах, що ми, друзі Юрка, були щасливими: в його житті з'явився такий скарб. Пізніше, коли я час від часу бував у Богдашевського, то бачив, що і в повсякденному житті вона така сама. Я ніколи не бачив обличчя Зої, спотвореного злістю чи ще якимись негативними емоціями. Іноді – надмірна вимогливість чоловіка чи якесь різке слово, напевне, завдавали їй болю. Але я ніколи не помічав нічого подібного у відповідь, Зоя завжди намагалась легким жартом зняти напругу, знайти порозуміння. Я помічав, як багато вона робить для того, щоб син Юрія Борисовича від попереднього шлюбу, Павло, почувався в домі батька та його нової дружини комфортно, як у найближчих людей. І завдяки своїй сердечності, мудрості вона стала для Павла близькою людиною. Її щирість, сердечність викликали в людей відповідну відвертість. Коли моя старша донька навчалася у Горлівському педагогічному інституті, я «бідкався» перед Зоєю, як там моя Оленка, вона заспокоювала мене, з радістю ділилася зі мною налагодженням добрих душевних взаємин з Павлом. І як тільки я перевів доньку до Києва, то одразу ж пішли до Богдашевських, до тьоті Зої, показати їм мою, вже київську студентку. І коли я розповідав їй, буцімто Олена чинить щось не так і я її сварю, Зоя казала мені: «Олеже, вийди на вулицю, подивись навкруги, чи ти часто зустрічаєш таких гарних дівчаток, як твоя Оленка? Може хтось її вже цілував, на колінах перед нею стояв, а ти після цього її жучиш. Вона не сприймає таких твоїх слів».

Назавжди в моїй пам'яті лишилася відверта і пронизлива розповідь Зої про епізод її дитинства:

Моя мама, – згадувала Зоя, – дуже захворіла. Щоб врятувати її, треба було їхати на операцію до Москви. Під час операції їй вирізали майже весь шлунок, вона схудла, більш ніж

на 20 кілограмів. Коли мама повернулася до рідного міста, я зустрічала її на вокзалі, знайшла її вагон, з нього виходять люди, вже вийшли всі, а мами немає. Я стривожено оглядаюсь і раптом чую – Зою!

Вдивляюся в незнайому жінку, яка чомусь манить мене рукою. Перелякано наближаюся до неї.

– Зоєчко, – повторює вона, побачивши мою спантеличеність, і тільки з голосу я впізнаю свою маму. Кидаюся до неї, обнімаю її, цілую, голосячи на весь вокзал. Мама відтоді, слава Богу, прожила двадцять років. Ще пам'ятаю, як у дитинстві, з музичної школи завжди намагалася приносити додому гарні оцінки з усіх предметів. А особливо добре вчилася грати на скрипці, щоб тішити маму. Вона казала, що їй тоді стає краще. Господи, як я тоді старалася!»

А от ще один її спогад, якого вона не соромилася й розповідала. Та як можна соромитись своїх дитячих відчуттів і думок? «Коли мені було 11–12 років, я в нашому саду провалилася в старий льох і боляче забила об дрючок. Біль жахливий. Я ледве допленталася до нашого будинку, біля якого гралася сусідські діти, і хтось із них, помітивши моє скривлене від болю обличчя, злостиво посміявся з мене, згадавши моє, не зовсім православне, походження. З того часу я зрозуміла, щомиті тебе можуть принизити, образити. Багато є хороших людей, але є й покидьки».

У 1973 році Зоя почала працювати на Радіо. Ця робота захопила її, а коли стала ведучою музичної передачі «Ліра», то напевно відчула, що таке справжнє творче задоволення. Я гадаю, що їй дуже допоміг у творчому зростанні її чоловік. Він має хист від Бога виховувати людей. Його обожують студенти, тримаються все життя його друзі. Можна собі тільки уявити, скільки ж він зробив для найдорожчої людини. Та й талановиті митці, яких вона запрошувала на передачі, теж збагачували її. Пам'ятаю, вона розповідала про яскраве враження від особистості композитора Ігоря Шамо, від спілкування з ним у прямому ефірі, як потім підтримувала його під час тяжкої хвороби та близько до серця прийняла його передчасну смерть. До речі, саме Зоя залишила у фондах Українського Радіо запис інтерв'ю з авторами популярної пісні «Як тебе не любити, Києве мій» – Ігорем Шамо та Дмитром Луценком. Та найважливіше, що Зоя запропонувала Українському Радіо – це нову якість ведучої цієї передачі. Людина витончена, музикант за фахом, вона з підкресленою гідністю працювала у прямому ефірі. За її участю ця передача стала вищою мірою духовною, інтелігентною, навіть аристократичною. А я

пригадую своє особисте сприйняття цієї передачі, пов'язане з не зовсім звичайними обставинами. У 70-х роках минулого століття, відпочиваючи в Миргороді, наприкінці спекотного липневого дня, опинився на місцевому базарі. Людей вже не було, скрізь шматки паперу та іншого сміття. І на весь цей безлюдний базар дужо лунав гучномовець. Я одразу впізнав... Зою, яку я звик бачити і чути в домі мого друга, що стримував себе, щоб не розсміятись від радісних почуттів, які переповнювали її через вдячне сприйняття життя. Яка була безмежно, іноді до наївності, безпосередньою, яка з насолодою, дотепно й витончено жартувала, яка сердечно переймалася проблемами своїх друзів і знайомих. Зараз я вслухався, з якою гідністю вона веде передачу, які цікаві запитання ставить; висловлює змістовні, глибокі судження та коментарі. І в усьому цьому немає намагання сподобатись слухачам, немає недоречних залищань до шанованого гостя передачі. А я пригадав, як неприродно жваво розмовляють часто деякі інші ведучі, як заграють зі слухачами... Головне, що відчувалось від Зоїного ведення передачі – це щира, піднесена захопленість чарівним світом музики. І мені тоді так стало шкода, що на базарі нікого немає, і ніхто не чує тут, у маленькому Миргороді, цієї передачі з великого культурного міста Києва, музичної передачі, що гідна найкращого, що має столиця. А веде передачу Зоя Коробова, моя знайома і дружина одного з найближчих моїх друзів. Це був особливо цікавий, плідний і щасливий період у житті Зої.

Та ось запис із мого щоденника від 16 лютого 1983 року:

«Вчора зайшов до Богдашевського: Зоя була сама, найжахливіше, що може статися з людиною, сталося з нею. Зоя хотіла, щоб її оперували якомога швидше. Виявляється цілий рік вона приховувала свій діагноз від знайомих, друзів, на роботі. Чому ж це трапляється саме з чутливими, зворушливими, розумними людьми, а не з іншими? Плакала, вибачалася за це, та навіть у цій ситуації гумор не полишав її.

«Рік тому я не пішла на операцію, – крізь сльози з посмішкою говорила вона, – щоб не понівечити своє розкішне тіло. Я сказала, коли постане питання життя чи смерть – тоді я погоджусь на операцію. А вчора мені пояснили, що зараз питання саме так і стоїть. Згадувала своїх близьких, які померли з цієї ж причини; згадувала людську байдужість: коли я залишилася сама без батьків, ніхто не написав, ніхто не підтримував. Моя лікарка, – продовжувала Зоя, – вже встигла мене полюбити. І коли вона вчора сказала про те, що має відбутися зі мною, то не змогла приховати сліз».

– «Я тебе не оперуватиму, – продовжувала вона, – з цього нічого путнього не вийде. Я вже якось оперувала близьку людину, більше не буду. Занадто багато хвилювань. Мій чоловік буде тебе оперувати. Одна добра ознака – це швидкий її ріст. То ж будемо мати надію».

Із запису щоденника за кілька днів. «Почув голос Павла, сина Юрія Борисовича, – із Зоєю все гаразд». Перше відчуття – радість. Потім, а, можливо це не так... просто намагання зберегти лікарську таємницю, щоб якось їй жити.

Та, слава Богу, ні. Доля подарувала їй ще двадцять років життя. А мені – двадцять років щасливого спілкування у колі друзів Богдашевського, емоційним центром якого була Зоя.

Нарешті Юра та Зоя одержали чудову двокімнатну квартиру, в якій вона була зразковою господинею, біля самісінької станції метро. В цей час до Зої прийшло визнання не тільки радіослухачів, а й керівництва і колег: її часто ставили за приклад на планерках. Напевно, творча робота в цей період життя приносила їй особливе задоволення. В ці роки я став для родини Богдашевських офіційним постачальником запрошень на вистави нашого театру для знайомих лікарів та друзів Зої. Гумор, як і раніше, не полишав її. Одного разу, в дружньому колі за столом своєї вишуканої охайної кухні, вона, сміючись, розповідала:

– Якось я проходила у вечірню годину повз Будинок актора, дай, думаю, загляну на хвилю, подивлюсь, що там робиться. Зайшла навшпиньках до зали, а там якийсь дивакуватий чоловічок зі сцени читає прозу Достоевського, Чехова, Шукшина. Мені треба було йти далі, а я не змогла. Щось таке заворожуюче було у цьому виконанні. Так і просиділа до кінця. Тим виконавцем був... наш Олег.

Значною мірою друзі висвітлюють особистість людини. У Зої була найближча подруга, ще з юності, коли вони разом жили в невеличкому місті – Людочка Білоус, яку я завжди з її чоловіком зустрічав у домі Богдашевських. Вона, невисока на зріст, гарна, наділена чарівливою жіночністю, але головне, що вражає – душа. В очах її світиться чиста делікатна витонченість. У Зої іншої подруги й не могло бути. Взагалі, Зою любили і були віддані їй подруги – лікар-хірург і режисер її передачі – Лариса Потапенко і ще одна ведуча тієї ж передачі, Гюзель Сабітова та інші.

У 1998 році в моєму домі зібралися колишні випускники Київського театрального інституту ім. І. Карпенка-Карого, наші однокурсники, хто жив у Києві, а також прийшов Юра Богдашевський з дружиною Зоєчкою. Ми завжди збирались,

коли проїздом до своєї рідної Калинівки зупинявся у Києві актор Театру ім. Миколи Акімова в Петербурзі народний артист Росії Валерій Нікитенко. А для нас він був просто Валерочка, наш улюблений однокурсник, людина рідкісного гумору та привабливості. Мій приятель зняв на відео більшу частину того чудового вечора, цей запис на добру згадку про Київ, про нашу юність подарував я Валері. Коли Зоєчки не стало, попросив пітерця передати мені копію того запису. Одержавши, відніс Юрі. Я не знаю, чи правильно вчинив, бо як той запис, де Зоя жива, міг озватися в душі Юри; чи ще більшим болем через її втрату, чи може полегшенням – хоч таким чином вона була б присутньою в його житті, – не знаю. Нещодавно я переглядав той запис. Розшифрував те, що говорила Зоя, й подумав – це могло бути доречним у статті про неї, бо ще раз нагадає її гумор, чарівність, жіночу зворушливість. Одним словом, зі сторінок постане жива Зоя.

На таких наших зустрічах ми, як правило, згадуємо якісь кумедні ситуації нашої студентської юності, згадуємо наших викладачів; як складається життя в наших однокурсників, і звичайно, хто що встиг зробити! Хто чим живе зараз? Зоя побачила в цьому елемент самореклами, пародію на звітні доповіді колишніх партійних з'їздів, бо, майже з обуренням почала:

– Ні, я більше не можу. Я розумію, що я в цій компанії – гарнір. Я сиджу весь час і вже не можу мовчати

– Ну який же ти гарнір, Зоєчко?

– Гарнір, я повинна сказати, а то забуду.

– Зоїнько, ми тебе з радістю слухаємо.

– Нещодавно мені подзвонив – не знімайте мене, я не фотогенічна, подзвонив, є такий український поет – Михайло Ткач. Він мені сказав: «Зоя, ви знаєте, що ми засновуємо буковинське земляцтво (тоді така мода пішла – створювати у Києві земляцтва) а ви могли б подумати, де сказати, що організовується наше Буковинське земляцтво?

– Я кажу: «Добре, я подумаю, де сказати».

Подзвонила нашому віце-президентові, сказала, так, буцімто і так... Загалом ця інформація потрапила в ефір. Я розумію, мене запросили в це земляцтво, тому, що я – представник мас-медіа, і мною можна якось скористатися. Так от зібралися вони в приміщенні УРЕ, директор УРЕ – з Буковини. І от вони стали розповідати, хто є хто. Почали підводитись і розказувати: «Ось я – директор такого підприємства, чи заводу». Той – доктор наук, цей – професор, той кандидат. Всі – буковинці, всі гідні один перед одним люди. А поруч зі мною

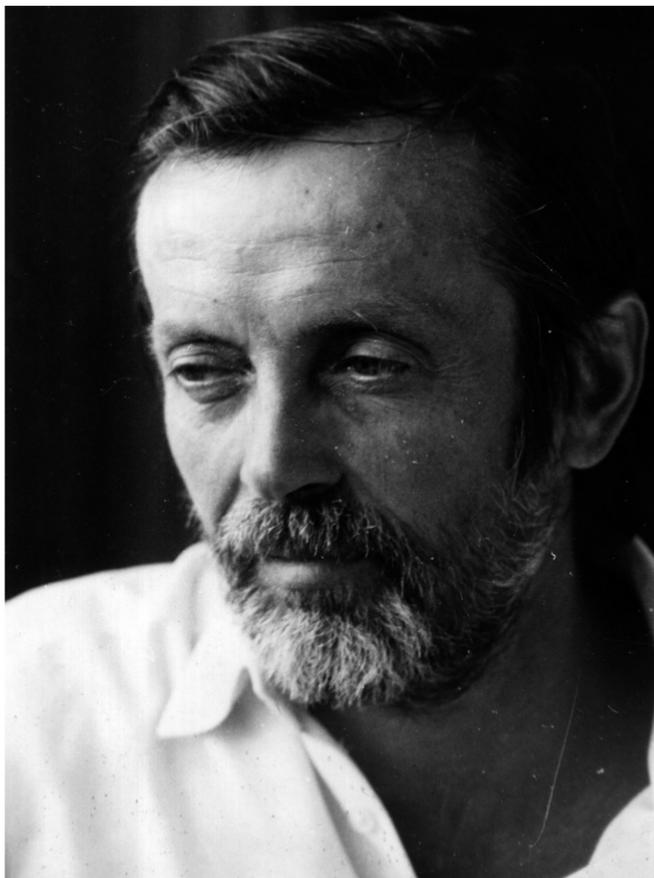
сидить Марія Миколайчук і якась жінка, вже похилого віку; якось так вийшло, що Марічка сказала, що вона заслужена артистка України. Всі заговорили «Так, так, так...» Зраділи, що всі її знають. І встала та жінка похилого віку і каже: «Ну, знаєте, тут все таке добірне товариство зібралось, у всіх стільки нагород, стільки почесних регалій. У мене регалій немає, в мене єдина втіха – дочка, письменниця Софія Майданська. А про себе я можу сказати єдине, що я десять років просиділа в таборах. Всі сказали: «Так, так, так... це ще краще, ніж регалії!» Дійшла черга й до мене, я встаю й кажу: «Ви знаєте, в мене не те, що немає регалій, я навіть в таборах не сиділа, ну вибачте, так сталося, але я з 1973 року працюю на Радіо, і коли ще ніхто не думав про Буковинське земляцтво, я розповідала, що на Буковині найкращі таланти. І отож, я думаю, що маю право бути тут сьогодні». І всі сказали: «Так, так, так!»

Так ось куди я веду. Хочу виголосити тост. Коли минулого року, як тепер, наприкінці літа, під час візиту почесного мешканця Калинівки всі збиралися у Бориса Харитонова, саме тоді ви, Валера і Светочка з Олегом приїхали за нами; а ми не змогли поїхати (по усміхненому обличчю потекли сльози) яка важка хвилина... Я хочу сказати, що моє найбільше досягнення цього року – те, що я сьогодні з вами, що я бачу вас (розчулені вигуки перебиває голос дружини Валерія Светочки): «Молодець, Зоєчко, тому що тільки така жінка, як ти, може знайти в собі сили перебороти все, жити і залишатися жінкою, прекрасною жінкою».

Мені здається таким повинен бути фінал розповіді про Зою Коробову, справді прекрасну жінку.

ЮРІЙ БОРИСОВИЧ
БОГДАШЕВСЬКИЙ

*Редактор журналу
«Український Театр»*

Він виховував людей театру

За довгі роки спілкування з Юрієм Борисовичем я зрозумів, що однією з головних рис його вдачі було відстоювання справедливості. У дитинстві він захищав свою сестричку, яку несправедливо тероризували його вітчим і мати. Більш того, вже старшокласником, ледь не побився з вітчимом за сестру. На останньому курсі театрознавчого факультету Київського театрального інституту ім. Карпенка-Карого один педагог на лекції обливав брудом великого українського режисера Леся Курбаса, хоча на той час вже почалася його тиха реабілітація. На знак протесту Юрій Борисович зі своїм однокурсником відмовилися складати іспит із цього предмету, мотивуючи це у деканаті тим, що викладач не прочитав курс у повному обсязі. І хоча після цього Юрій Борисович втратив можливість мати «червоний диплом», який на сто відсотків повинен був отримати, та відносно пам'яті Леся Курбаса справедливість узяла гору.

Відстоювання справедливості було, напевно, родинною рисою Богдашевських. Його тітонька Тося, рідна сестра батька, який після Великої Вітчизняної повернувся додому з багатьма пораненнями та одразу пішов із життя, була юристом за освітою. Працюючи суддею у рідному Василькові, вона відмовилася засудити дітей за те, що вони збирали на полі поодинокі колоски після врожаю. Якраз тоді вийшов закон, за яким карались такі вчинки. Тітка Тося залишилася без партійного квитка, роботи... Та свою позицію відстояла. Поки вона була жива, Юрій Борисович щосуботи їздив до неї у Васильків. А коли одружився із Зоєю Коробовою, то вони стали провідувати тітоньку Тосю вдвох, вона була рідною людиною для Юрія Борисовича не тільки по крові, але й духовно.

Я познайомився з Юрієм Богдашевським ще в театральному інституті. Пам'ятаю, на останніх курсах ми частенько сиділи за спиною вождя світового пролетаріату на бульварі Шевченка, пили дешеве сухе вино, обговорювали різні питання, траплялося сперечалися, та останнє слово завжди було за ним. Ми – це кілька студентів театрознавчого факультету: Богдашевський, Верещак, Баранович, Лабінський та акторського: Нікітенко, Юрлов, Комаров.

Минули роки. Після журналу «Мистецтво» з 1970 року Юрій Борисович почав працювати у журналі «Український театр», якийсь час був провідним науковим співробітником, а з 1990 – головним редактором. Я, ще із сімдесятих років, час від часу заходив на роботу до Юрія Борисовича, щоб

поспілкуватися. Уже й не пам'ятаю адресу журналу «Український театр» до переїзду його в Лавру, а потім на Наводницьку. Відвідуючи редакцію, я звернув увагу, як по-особливому, з повагою ставляться співробітники до знайомого, приятеля, товариша – не знаю, як мене сприймали – Богдашевського. Там я познайомився з Анатолієм Сулимою, Людмилою Приходько, Михайлом Медуницею та іншими.

Наша компанія зі студентських років, безперечним лідером якої був Юрій Борисович, так і збереглася протягом всього життя. Мені пощастило спілкуватися з багатьма талановитими людьми, перш за все, тому, що я належав до оточення Богдашевського. Пам'ятаю, як на Кіностудії ім. Довженка зустрічався з Іваном Миколайчуком, він тільки-но починав свій зірковий шлях. Іван обов'язково запитував, як там Юрій Борисович. Якимось актор зізнався мені в одному секреті своєї творчої лабораторії – розповів, що на крупному плані без тексту він просто повторює таблицю множення, а камера фіксує цей процес. Наголошував, що головне, аби не було відчуття відсутності думки. Безперечно, я маю бути вдячним саме Богдашевському за це зізнання знаного українського актора. Коли на вулиці зі мною з повагою вітався видатний режисер Сергій Данченко, чи не раз в театрі я спілкувався із Богданом Ступкою, коли мені допомагав створити мою програму про Ірину Молостову Володимир Бегма, те, що я був приятелем Віталія Розстального, все це відбувалося тому, що я був з оточення Юрія Богдашевського, в якому всі мали бути порядними. Інакше вони там просто не затримувалися. Мені Юрій Борисович завжди говорив: «Найжахливіше – це втратити своє обличчя». Це означало принизити себе якимось непорядним вчинком, піти на компроміс зі злом. Його колишня студентка Надія Соколенко, тепер головний редактор журналу «Український театр», який багато років очолював її учитель, розповідала, що Юрій Борисович часто повторював на лекціях, що його студенти перш за все повинні бути порядними, а потім все інше. А ще вона згадувала – Юрій Богдашевський виховував у своїх студентах професійну людяність. Давав завдання кожному написати рецензію на роботу однокурсника. Це для того, щоб студенти звикали писати професійні, глибокі статті та разом із тим дбали, аби вони не призводили до інфарктів тих, про кого пишеться.

Я на все життя запам'ятав його статтю, яку він написав наприкінці 60-х років на виставу Театру ім. Лесі Українки «Оглянься во гневе» Д. Осборна. Та стаття так відрізнялася від

матеріалів того часу: впорався театр з п'єсою чи ні? Чи відповідає вистава духу нашого героїчного часу? Це була стаття-роздум про моральний бунт розгніваних молодих людей в багатій капіталістичній країні та невтішний прогноз їхнього ситого майбутнього.

Мені розповідали ще й таку історію про рідкісні журналістські здібності Богдашевського. Траплялося, раптово виникла потреба, щоб матеріал пішов уже завтра, тоді Юрій Борисович стає біля друкарки і надиктовує їй статтю, яка без правок іде в наступний номер. Я власноруч зміг переконатися, яким він був редактором. Коли я видавав свою другу книжку, то попросив продивитися її тексти. Він погодився. Попрацював і через деякий час повернув мені матеріал. Своїм акуратним, дрібним, але дуже чітким і зрозумілим почерком, він заміняв деякі слова мого тексту, а іноді й цілі речення. І щоразу, коли я перечитував ці зміни, був вражений їхньою точністю й дивувався: це ж так просто, чому я сам до цього не додумався? Був дуже делікатним до того, що продивлявся: ніде нічого не викреслював, а тільки підправляв. Тоді мені спало на думку – він редактор від Бога.

У кінці 70-х років Юрій Борисович сказав мені: «Напиши щось про актрису вашого театру Валерію Заклунну». Вона мені подобалась як театральна актриса, а в кіно була взагалі однією з найкращих зірок тогочасного радянського екрану. Більше за все мене захоплювала її відчайдушність у банжаних допомагати людям (я був членом профкому, який вона очолювала, і бачив, які дива допомоги співробітникам нашого колективу вона створювала, і сам все життя дякую їй, що мені з родиною допомогла вирішити проблему із житлом), та якось не наважився тоді написати про неї статтю, хоча й було про що... Я ж актор, а не журналіст – чого я буду писати про свою колегу? Побачивши мої вагання, Юрій Борисович сказав: «Ти ж цікаво розповідаєш, бачиш подробиці, які не кожен може помітити, напиши, в тебе вийде...» Та я не насмілювався, не повірив йому, і тільки майже через 20 років, коли написав кілька книжок-спогадів про людей театру, переконався, що Юрій Борисович мав рацію.

Завжди дивувався його здатності передбачати події, майже точно їх прогнозувати. І коли вони справджувалися, я, сміючись казав: «У тебе око, як рентген: бачить наскрізь товщу часу». Якось у нього вдома я програв моновиставу «Записки з підпілля» за Достоєвським, його висновок: «Буде мати великий попит у шкільній аудиторії». Так воно й сталося, хоча було кілька приємних виключень – глядачі добре приймали

цю виставу 18 квітня 1990 року в Ленінградському Будинку актора. Є запис цієї вистави Київською телекомпанією «Тет-а-тет» у 1996 році під час її показу в одному з класів київської середньої школи № 77 (режисер О. Столярів).

Ми всі, приятелі та друзі Юрія Борисовича раділи, коли він витяг Зою Коробову «з ями», як, сміючись, любила повторювати вона. Потім зіграли весілля і вони почали жити подружнім життям. Юрій Богдашевський був вимогливим до Зої, іноді, напевно, занадто. Траплялося, я помічав, як в очах її блищали сльози, хоча обличчя було усміхнене, але ніколи не бачив, не чув суперечок між ними. Завжди спостерігав її намагання пом'якшити ситуацію, обернути на жарт... І тоді я думав, усе це дещо нагадує добре знайому історію стосунків між професором Хіггінсом та Елізою Дулітл. Там Генрі Хіггінс намагався зробити з вульгарної квіткарки жінку з манерами справжньої леді, а тут наш Юрій Борисович із пересічної скрипальки маленького театального оркестру провінційного міста допоміг Зої стати однією з кращих радіожурналісток України, вона вела популярний музичний цикл передач «Ліра». Її слухали по всій країні, писали багато вдячних листів. І вона дуже добре розуміла, які безцінні подарунки зробив для неї її чоловік: поєднав її життя з цікавою творчою роботою, виховав бездоганий смак; в їхньому домі вона мала можливість спілкуватися з друзями та приятелями чоловіка – цікавими, талановитими, а, бува, й визначними особистостями української культури. Із часом, вона, господиня дому, стала окрасою цих зустрічей.

Цікавим був період, коли Юрій Борисович ходив з акторами Театру ім. Лесі Українки в туристичні походи на байдарках по річках Білорусі – Птіч, Словечна, Уборть... То були місцевості дивовижної краси. Я не говорив своїм колегам по театру, хто цей новий член нашої туристської групи. Представив його як свого товариша, але дуже скоро цей скромний, неговіркий чоловік, який не намагався комусь сподобатися, а, навпаки, тримався у новому колективі в затінку, став цікавим усім. Через своє відповідальне ставлення до обов'язків у похідному житті, а також через вираженість та змістовність, яку відчували наші актори, спілкуючись з ним, він почав користуватися повагою та авторитетом, і наступного року наші актори вже запитували мене:

– А Юра зможе з нами піти?

– Так, – відповідав я.

У поході, коли він дізнався, що вже завтра наша байдарка повинна чергувати (а це означало, що впродовж дня треба

забезпечити всіх туристів гарячою їжею), він занепокоєно спитав у мене:

– Ти що-небудь зможеш приготувати?

– Я ж не перший рік у поході! – заспокоїв я Юрія Борисовича. – За рецептами моєї дружини таку смакоту з тобою приготуємо, що в усіх за вухами буде ляццати!

Ми багато років ходили у походи по річках, і от тільки одного разу створилася загрозна, небезпечна ситуація. Це відбувалося на очах Юрія Борисовича. Через легковажність, порушення елементарних норм безпеки на воді одна байдарка перекинулася. Наш товариш, сидючи попереду, де ноги були сховані під носову бортову частину, тримав на колінах порожню каністру з-під бензину, яка не давала можливості витягти ноги. Він опинився під водою головою донизу. Але, зберігаючи спокій, зумів витягнути руками каністру і звільнив ноги. Після цього стрімко виринаючи з-під води, а повітря вже закінчувалося, вдарився об рейку ферми понтонного мосту і з'явився над водою із закривавленою головою. Хвала Богу, що не втратив свідомості. Після цієї ситуації говіркий, гучний, задирикуватий, він став у поході тихим, спокійним, уважним до людей. Юрій Борисович прокоментував мені це: «Після зустрічі з Господом Богом, який торкнувся його плеча і сказав: „Живи далі“, Володя навіть ненормативну лексику перестав вживати».

Із різними людьми, зокрема у ставленні до кожного з них, Юрій Борисович був відповідним. Зі знайомими, приятелями, друзями він був неначе турботлива квочка: радив, наставляв, застерігав, підтримував, та разом з тим, навіть у найвищих інстанціях, коли зазіхали на його гідність, міг бути вбивчо іронічним. Одного разу в приймальні міністра культури референт побачив, що Юрій Борисович, якого викликав до себе міністр, у джинсах, і перелякано застеріг його:

– Хазяїн не любить, коли до нього ходять у джинсах.

– При всій моїй повазі до міністра, я не стану знімати джинси в його приймальні.

Юрій Борисович багато зробив для українського театру. Протягом багатьох років він демонстрував високий професіоналізм, глибоке розуміння мистецьких процесів, які відбуваються у світі театру, до того ж, відмінний смак – він сам писав статті дуже високого рівня, а також запрошував до журналу авторів, які могли писати достойні часопису статті. Журнал «Український театр» чесно й гідно виховував своїх читачів.

Важливий внесок він зробив допомагаючи С. Данченку у створенні нового Театру ім. І. Франка. Коли Сергію

Володимировичу запропонували очолити Театр ім. І. Франка, перед ним постало дуже складне завдання перебудови театру. Юрій Борисович давно і добре знав Данченка. У 1970 році він написав глибоку аналітичну статтю про період роботи Данченка у львівському ТЮГу. У 1987 році – про його роботу в львівському Театрі ім. М. Заньковецької, і тому Юрій Борисович робив усе можливе – чи на сторінках свого журналу, чи в особистому спілкуванні, щоб такий непростий і часом болісний процес, як перебудова театру, завершився успішно. Данченко уважно прислухався до Богдашевського. Якимось мені розповідали, що на здачах вистав чи на останніх прогонах можна було почути таке, що хтось із запрошених запитує у білетера, літньої жінки, яка стоїть на вході до зали:

– А чи скоро вже почнуть?

– А от коли цей, з сумкою через плече, з борідкою, у джинсах прийде, то й почнуть.

Без Богдашевського Данченко не починав здачу вистав: йому було потрібно почути оцінку театрознавця-високого професіонала, прислухатися до його порад та застережень.

Коли я був присутній на відкритті пам'ятника Сергію Данченку біля Камерної сцени його імені, що поруч із Театром ім. І. Франка, то дуже шкодував, що Юрія Борисовича немає поряд зі мною. Він щиро порадив би, що ще й у такий спосіб вшановується пам'ять його друга. На жаль, не дожив...

НІНА ВОЛОДИМИРІВНА
ЗАРУЧИНСЬКА

режиссер

Вона, що дарувала людям крила

Лауреат республіканського конкурсу, художній керівник літературно-музичного театру «Діалоги» Ніна Володимирівна Заручинська, ще зовсім молодою, в сталінські часи, була несправедливо засуджена до позбавлення волі на десять років (на жаль, реабілітація надійшла тільки наприкінці її життя). Деякий час вона перебувала в таборі, особливо суворого режиму, десь під Карагандою. Дивовижної краси молоденька дівчина не скорилася долі, знайшла серед в'язнів здібних людей і створила з ними самодіяльний театр. Сама писала сценарії для майбутніх літературних вечорів та вистав. Сама ж була режисером-постановником, керівником самодіяльного колективу. Розчавлені страшною машиною репресій в'язні, пізнавши творчу роботу, побачивши, що вони потрібні, зігріті піклуванням і турботою режисера, відчули себе людьми.

Ніна Володимирівна повернула їм людську гідність, впевненість у собі, надію. Це було те, чого більш за все побоювалося табірне начальство. І коли в цьому ж таборі Ніну Володимирівну перевели на більш тяжкі роботи в інше місце, то її вихованці на знак протесту почали голодувати, а коли й це не допомогло, то весь табір відмовився вийти на роботу. Вони перемогли – їхнього режисера було повернено на попереднє місце. Через кілька років, вже після амністії, її колишні актори спеціально приїздили до Києва, щоб побачити свого улюбленого режисера, бо вона колись допомогла їм вижити, залишитися людьми. А Олесь Панасович Силін, чоловік Заручинської, потрапляючи під час відряджень у різні міста, де жили колишні табірні знайомі його дружини, заходив до них, і ті скликали людей, щоб послухати його розповідь про те, як живе тепер Ніна Володимирівна.

Як від дотику чарівної палички доброї чаклунки щось завжди перетворювалося на казково прекрасне, так і від зустрічі та роботи будь-якого актора з Ніною Володимирівною він відкривав у собі нові можливості, ставав цікавим для публіки, досягав високої майстерності. Вона наповнювала життя кожного актора, з яким працювала, новим змістом, духовно збагачувала його, вимагала від нього чіткої життєвої позиції у будь-якому питанні, а, головне, – допомагала стати професіоналом.

Цей життєдайний вплив Ніни Володимирівни відчули на собі і, колись маловідомий актор, а тепер заслужений артист України, один з найкращих читців – Борис Лобода, і лауреат республіканського конкурсу читців Тетяна Алексеїцева. До

певної міри відчув цей вплив народний артист України Анастолій Нестерович Паламаренко, – популярний читець, гуморист, якому Ніна Володимирівна допомогла розкрити в собі драматичну, навіть трагедійну грань його обдаровання, репетируючи з ним, зокрема, «Тараса Бульбу» М. Гоголя. Працювала також з багатьма іншими акторами.

Протягом 10 років Ніна Володимирівна була режисером та художнім керівником Літературно-музичного театру «Діалоги». Багато добрих слів про роботу театру «Діалоги» можна було прочитати у пресі, та, напевно, найвизначнішою акцією Театру був виступ перед учасниками Міжнародної наукової конференції, присвяченої 800-річчю безсмертної пам'ятки давньоруської літератури «Слово о полку Ігоревім». Це була моновистава, яку в супроводі музики виконував Борис Лобода у Кирилівській церкві-пам'ятці історії та культури XII століття, де лежить на вічному спочинку великий Київський князь Святослав. З цією ж моновиставою Театр «Діалоги» виступав на Всесвітньому з'їзді славістів, а також на Всесвітньому з'їзді українців.

Мене познайомив з Ніною Володимирівною друг мого дитинства, юності та й всього життя Борис Іванович Лобода.

– Що б ви хотіли мені почитати? – запитала вона.

– Ну, хоча б «Екзамен», оповідання Шукшина. І я прочитав це оповідання.

– Цікаво, цікаво... Вам близький психологізм. А що ще?

Я прочитав уривок з роману Ч. Діккенса «Мартін Чезлвіт». Пізніше Ніна Володимирівна говорила мені, як цікаво було б попрацювати над цим матеріалом, де один з героїв, містер Пексніф, – майже гротескний персонаж, такий собі Тартюф, який виряджається в одяг святого, а насправді – звичайнісінький грішник, навіть шахрай.

Мені не хотілося працювати над цим матеріалом, бо він був позбавлений пронизливості, не був щемливим... Я запропонував сучасні американські новели, вони захопили Ніну Володимирівну, і ми почали працювати. Наші зустрічі відбувалися майже щодня. Робота була важкою, виснажливою, але й солодкою. Те, що Ніна Володимирівна погодилася працювати зі мною над цими новелами, потребувало мужності, нетогочасного романтизму або навіть наївності. В цих оповіданнях один герой підглядає за своїми сусідами, сподіваючись, що, нарешті, знайде щасливе подружжя; другий – злочинець, який втік з тюрми, і вбиває одного за одним членів звичайнісінької американської родини, бо треба позбутися свідків. Або ще в одній новелі – натхненний

«поет електричного стільця», той, хто натискає кнопку перед тим, як засмердить людське м'ясо; або оповідання, в якому літній, нікому не потрібний актор зустрічає колишнього обожнювача свого таланту. Шанувальник пригощає актора та, побачивши на його нозі драного черевика, тікає. Уявити собі, що герої, їхні уподобання можуть знайти розуміння і підтримку керівництва й широкого загалу глядачів в епоху побудови розвиненого соціалізму – було аж надто романтично. Та ми довели роботу до кінця. Вечір «Зарубіжної новели» відбувся у Києві в Будинку актора. Були схвальні відгуки, схвальна преса.

Якою я завжди буду пам'ятати Ніну Володимирівну? Це, насамперед, найвищою мірою як інтелігентну людину, з напрочуд підкресленою гідністю. Навіть зовні вона справляла таке враження: ходила з високо піднятою головою, з рівною поставою – все це було просто віддзеркаленням її сутності. Вже літня жінка, але все ще вродлива, вона чимось нагадувала красуню з Північної Пальміри – Панаєву-Головачеву, біля ніг якої «лежала» мало не вся російська література – любов, натхнення й біль поета М. Некрасова.

Гідність Ніни Володимирівни виявлялась навіть у дрібницях. Хоч вони із чоловіком Олесем Панасовичем жили виключно на його пенсію, бо всі свої кошти вона витратила на потреби Театру «Діалоги», проте зробити їм якийсь подарунок було неможливо, – вона категорично відмовлялася прийняти будь-що. Режисер, – вона творила з нас, власне кажучи, професіоналів, не могла собі дозволити приймати від нас дарунки. Навіть, коли тяжко хворіла і ми відвідували її з гостинцями, треба було щось додатково вигадувати, наприклад, що все це – з нашого власного саду чи городу, і для нас воно нічого не коштує.

Відданість справі у Ніни Володимирівни була дивовижною. Вона могла з повною віддачею працювати цілими днями. І цього ж вимагала від інших. Часом її максималізм був майже жертвним. Я не забуду нашу розмову про необхідність сконцентрувати всі зусилля на одній справі.

– Олег, я вас не розумію. Ви працюєте в театрі, викладаєте в Інституті, чи не щодня вас можна почути по радіо, часто з'являєтесь на телевізійних екранах, виховуєте двох доньок... А коли ж, по-вашому, займатися головним? Ні, так не можна. Або про мого приятеля актора:

– Ви уявляєте собі, він після концертів поспішає до підземного переходу, бере віника і допомагає дружині замітати, щоб ще трохи заробити для родини.

– Мені це здається навіть зворушливим, – спробував я втрутитися в її монолог.

– А про те, що надихавшись курявою, він деякий час не зможе як актор повноцінно працювати, він подумав?

Можна було б багато згадувати, та я хочу сказати про те, в чому ж Ніна Володимирівна мені допомогла конкретно і вирішально.

Довела мені співпрацю, що я можу витримати, перш за все, фізично і бути цікавим глядачеві протягом двох відділень сольного концерту чи цілої моновистави. Цим вона допомогла подолати певний психологічний бар'єр.

Повсякденною працею над програмою «Зарубіжної новели», а також «Пушкінськими вечорами» – відкрила для мене жанр театру одного актора.

Навчивши мене, як треба працювати в цьому жанрі, подарувала мені ще один фах – викладача зі сценічної мови.

Саме завдяки тому, чого Ніна Володимирівна мене навчила, стало можливим за десять років створити і показати на сцені Будинку актора сім різних програм.

Саме на основі цих моїх вечорів були створені телепередачі на різних каналах Києва більш як на три години ефірного часу.

І моє звання, і Лауреатство премії Котляревського, і диплом на Міжнародному фестивалі моновистав у Києві, – це, об'єктивно кажучи, наші спільні нагороди.

Пізніше, коли я вже працював самостійно, використовуючи великий скарб досвіду, що набув у нашій спільній роботі, ми спілкувалися телефоном. Іноді ж я заходив до Ніни Володимирівни в її Театр «Діалоги», показував свої нові роботи, радився з нею. Якщо траплялись у мене інтерв'ю на радіо, в пресі, на телебаченні, я завжди відзначав: всі мої досягнення сталися завдяки співпраці з Ніною Володимирівною. З якоюсь дитячою радістю я розповідав їй про таке інтерв'ю, відчуючи себе перед нею у великому і неоплатному боргу.

Я пам'ятаю нашу останню зустріч. Вона дозволила прийти до себе, хоча була тяжко хворою: майже осліпла. Лежала на каналі у своїй маленькій кімнаті, де ми провели із нею безліч годин у репетиціях. Я розповідав, що мені останнім часом пощастило зробити в нашій спільній справі, що готую вечір з творів Івана Франка і вже дві новели найближчим часом хотів би їй показати, на жаль, зараз вони потребують доопрацювання. Вона дуже схвально поставилася до цього вибору. Мені потрібні були зауваження, поради Ніни Володимирівни. Якби вони «збагатили» роботу, який потужний поштовх надали би

їй! Але сором показати незавершену роботу стримував мене. «Ось завтра» – це славнозвісне «завтра». Домовилися за місяць, коли вона вийде з лікарні. Думав, якщо раніше завершу роботу, то заїду до неї у Феофанію.

Вона їхала в лікарню не тільки лікуватись, але й працювати. Був складений розклад відвідувань її акторами на репетиції. Прощаючись, я нахилився і поцілував її. Пішов на кухню попрощатись з Олесем Опанасовичем. Слово по слову і затримався. Олесь Опанасович – чудовий співрозмовник. Як завжди, було страшенно цікаво, і я ніяк не міг примусити себе піти. Минув вже певний час. Та раптом на кухні тихенько з'явилась Ніна Володимирівна. Ми сиділи за столом, а вона зупинилась біля вікна, всім своїм виглядом ніби кажучи:

«Розмовляйте, розмовляйте, а я тут трохи постою». Мені стало незручно: ми вже з нею розпрощалися, а я ще тут, на кухні. Швиденько підвівся. Вже остаточно сказав: «До побачення» і вийшов.

Більше ми з Ніною Володимирівною вже не бачились.

IV. ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ, ДУХОВНЫЙ ТЕАТР

**ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ
ЛАВРОВ**

Народный артист СССР

Аристократ духа

С Юрием Сергеевичем Лавровым я познакомился летом 1966 года, после того, как худсовет Театра им. Леси Украинки, возглавляемый им в качестве и. о. главного режиссера, посмотрел мою работу в сценах из телеспектакля «Первый день праздника» по пьесе Назыма Хикмета режиссера В. Чубасова, где я играл роль Фируза. Юрий Сергеевич вышел из большого репетиционного зала, где проходил показ и его обсуждение, подошел ко мне: «Олег Васильевич, – начал он, обратившись ко мне по имени отчеству, так же обращался ко мне всегда впоследствии, – решением худсовета вы приняты в нашу труппу на роли гротесковопсихологического плана. Желаю плодотворной работы и успеха».

Когда открылся новый театральный сезон, Лавров не только перестал быть и. о. главного режиссера, но и актером. Ушел на пенсию. Хотя после этого не пропускал ни одной премьеры и делился своими впечатлениями с актерами.

Уже работая в Театре, я узнал, что в 1938 году Лавров написал письмо в Киев художественному руководителю Русского драматического Театра Хохлову Константину Павловичу, с которым до этого работал в Ленинграде, пародируя начало рассказа Чехова «Ванька»: «Милый дедушка, Константин Павлович! Поздравляю Вас с Рождеством и желаю всего от Господа Бога! Нет у меня ни отца, ни матери. Ты один у меня остался, сделай милость, возьми меня отсюда. Пожалей ты меня, сиротину несчастную». Хохлов пригласил Лаврова в киевский Театр. В 1938 году Константин Павлович Хохлов поставил спектакль «Каменный властелин». Над ролью Дон Жуана работал Юрий Лавров. Спектакль стал крупным событием в культурной жизни Украины, после которого наш Театр стал называться «имени Леси Украинки». Немалый вклад в творческий успех этого спектакля внес Юрий Лавров, превосходно сыгранной ролью Дон Жуана.

Актеры старшего поколения часто вспоминали о триумфальных гастролях Театра им. Леси Украинки в Москве в 1948 году. Московская критика очень высоко оценила роль Рощина в исполнении Лаврова в спектакле «Хождение по мукам», инсценировке по книге Алексея Толстого. В прессе писали, что образ, который создал Лавров, обедненный инсценировкой, был им обогащен, сыгран с большим драматизмом – сильно, правдиво и точно.

Помню свои юношеские впечатления от страшного образа Коломийцева в исполнении Лаврова в спектакле

«Последние» по пьесе Максима Горького. Его истошный крик: «Почему меня никто не встретил?», этот кошмарный скандал в семье при первом появлении Коломийцева, от которого мурашки пробегали по коже. 50 лет прошло, а я не могу этого забыть. А потрясающий Риварес в спектакле «Овод» по роману Этель Войнич! В сцене Монтанелли-Риварес, где он доводами своего саркастически-безжалостного ума отвергает попытку Монтанелли спасти от смерти своего сына, его Ривареса... этот диалог – поединок достигал высочайшего накала. А в финале спектакля, когда Риварес подбадривает поникших карабинеров, руководит ими на собственном расстреле... Лавров в этой сцене доводил тогдашнюю публику силой своей игры до полуобморочного состояния.

Князь Обрезков в «Живом трупе» Льва Толстого, хоть и небольшая по объему роль, но в исполнении Лаврова затмевала исполнителей других более крупных ролей в этом спектакле. Оставалось удивляться, как в такой небольшой роли он производил такое сильное впечатление.

Его Новиков в спектакле «Палата» по пьесе Алешина покорял зрителя остротой и глубиной ума. Писатель Новиков в исполнении Лаврова был такого громадного масштаба личностью, таким интеллектуальным красавцем, что в его присутствии казалось неудобным громко разговаривать, бессодержательно беседовать... хотелось молчать и слушать его. Ведущая артистка нашего театра, народная артистка Украины Александра Захаровна Смолярова, участница спектаклей «Дон Карлос» Шиллера, «Палата» Алешина, рассказывала о том, что Юрий Сергеевич был удивительным партнером с мощной энергетикой. Если в дуэтной сцене актер что-то не «дотягивал», то Юрий Сергеевич доигрывал это вместо него.

Известно, что отец Юрия Сергеевича был директором одной из петербургских гимназий, преподавал греческий язык и латынь. Наверное, от отца Юрий Сергеевич унаследовал педагогические гены. Подтверждают предположение об этом его нереализованном даре встречи с молодежью Театра им. Леси Украинки. Некоторое время по воскресеньям, он рассказывал молодым актерам занимательные поучительные истории из своей жизни, вспоминал о встречах с известными людьми, делился опытом. Эти собрания шуточно назывались «лаврушниками». То же самое можно сказать о его под-сказках. Случалось, он подходил к молодому актеру, говоря: «Смотрел я вашу работу в новом спектакле. Ну что, батенька,

такие прически, как у вашего персонажа, носили дьячки, а не офицеры царской армии, да!»

По той же причине, я думаю, он пишет письмо молодой актрисе театра, теперь народной артистке Украины Ирине Дуке, в котором подробно анализирует спектакль и ее работу в нем:

«Уважаемая Ирина Михайловна, посмотрел седьмого и посчитал – нужно-таки написать, потому что вы знали, что я смотрю этот спектакль. Пишу вам, потому что Вы – Актриса (актриса с большой буквы!!!)»

И в продолжение этой темы, Александра Захаровна Смолярова, рассказывала мне, что как-то в Театральный институт на вечер старинного русского романа пришел Юрий Сергеевич Лавров. Ему понравился красивый голос первокурсницы Шурочки Смоляровой. По окончании концерта он поздравил студентку с удачным выступлением и добавил:

«Приглашайте меня и впредь... я люблю музыкальные вечера». Потом Александра Захаровна заболела, лежа в комнате общежития, получила записку от Юрия Сергеевича, в которой он желал ей скорейшего выздоровления. Он же обеспечил ее квалифицированной медицинской помощью, прислал необходимые лекарства, а также всевозможные фрукты – в общем, все необходимое для ее поправки. Спустя три года, уже выйдя замуж за сокурсника, Шурочка Смолярова как-то встретила Юрия Сергеевича накануне дипломного спектакля. Она была на последних месяцах беременности. Юрий Сергеевич изумленно посмотрел на нее, и, разведя руками, возмущенно воскликнул: «Что вы наделали!»

Много лет спустя, когда Александра Захаровна репетировала в спектакле «Палата» по пьесе Алешина любимую женщину Новикова, которого репетировал Лавров, он же был и режиссером этого спектакля, Юрий Сергеевич попросил ее:

– Александра Захаровна, вы преподаете в Театральном институте, приведите мне оттуда «сыночка».

И она привела ему студента второго курса Андрюшу Поддубинского на роль сына Новикова. Юрий Сергеевич много работал с начинающим актером, и работа увенчалась успехом. Студент на уровне играл в спектакле «Палата» вместе с ведущими актерами театра. После своей премьеры молодой актер получил от Юрия Сергеевича сувенир вместе с открыткой, на которой было написано: «Андрей, играй и будь здоров, твой батя – Новиков – Лавров».

Позже уже ведущий актер Театра им. Леси Украинки, Андрей Миронович Поддубинский, рассказывал мне еще один

случай, связанный с Лавровым: «На гастролях в Крыму играли выездной спектакль «Палата», в городе Феодосия. К тяжело больному Новикову, накануне операции пришел сын, которого играл Поддубинский. После трогательной сцены, уже уйдя за кулисы, Андрей громко говорит: «Да, папа, я сейчас ее пришлю». И вдруг слышит властный, страшный крик Лаврова:

– А ну, иди сюда!

Андрей перепуганный, не понимая в чем дело, возвращается на сцену.

– Что ты там такое, уже уйдя, промямлил? – грозно продолжает Лавров.

– Я сказал, что я вам ее пришлю, – дрожащим голосом отвечает Андрей.

– Вот это другое дело. Теперь, слава Богу, понятно. Еще раз такое повторится, вылетишь с треском.

В антракте Поддубинский услышал стук в дверь своей гримборной. Зашел Лавров.

– Ну что, батенька, испугался? – чуть ли не подмигнул, как сообщнику по розыгрышу. А дальше продолжал серьезно:

– Запомнишь теперь? Слова надо на сцене проговаривать, а то ведь зритель не разберет, что к чему. – Затем, улыбнувшись Андрею, положил на гримерный столик плитку шоколада, потрепал его по плечу и пошел готовиться к следующему акту.

Хочется сказать несколько слов о юморе Юрия Сергеевича. С тринадцати лет брошенному судьбою в гущу жизни, без всякой поддержки, ему пришлось узнать жизнь не с парадного хода, испытать и неприглядные, уродующие человека стороны жизни, но это не раздавило его, а наоборот укрепило, заставило надеть на себя защитную броню иронии, сарказма, ерничанья. Таков зачастую был и его юмор.

Как-то, встретив Юрия Сергеевича на остановке троллейбуса № 9, находившейся на бывшей улице Ленина напротив центрального входа Театра им. Леси Украинки, я сказал:

«Здравствуйте, Юрий Сергеевич, как поживаете?» Поприветствовав меня, он продолжал: «Однажды, до войны, не упомяну уже в какой пьесе, я играл одного типа, который на кухне коммунальной квартиры в щелочку двери ванной комнаты подсматривает за своей моющей молодой соседкой. За этим занятием его застает ее мать:

– Что вы делаете, Иван Иванович? – изумленно спрашивает она.

– А я смотрю на нее с «марксистской» точки зрения.

– Что же это за такая «марксистская» точка зрения?

– А когда идешь по цветущим улицам весеннего города, вокруг тебя как сказочные феи проплывают молодые девушки, одна краше другой, а ты больно щиплешь себя и уговариваешь: «Какая мерзость, какая мерзость, какая мерзость!»

Это ответ на ваш вопрос, как я поживаю, – завершил Юрий Сергеевич.

Он тогда уже не работал в театре, и, я думаю, каждый встреченный им знакомый, был, как бы потенциальный зритель, который пробуждал дремлющего в нем актера.

В другой раз возле старого служебного входа в Театр им. Леси Украинки, Юрий Сергеевич рассказывал мне: «На гастролях в Киеве, еще до войны, когда я работал ГОСТИМЕ, меня ввели вместо покинувшего труппу Аксенова на роль барона Фейервари в пьесе Файко «Учитель Бубус». Ввод осуществлял сам Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Несколько дней подряд он репетировал со мной, каждый раз по пять часов кряду. С утра, в день спектакля, отвез меня в магазин, где выбрал шелковое нательное белье (для того, чтобы у меня появилось самочувствие барона). Перед началом спектакля мои волосы выкрасили в золотистый цвет, сделали прическу

«а ля Оскар Уайльд», покрыли ногти золотистым лаком. Я выхожу на сцену – аплодисменты. Выполняю мизансцену режиссера – аплодисменты, заканчиваю читать монолог – аплодисменты. Ухожу со сцены – аплодисменты. И после спектакля, отправляясь на извозчике в гостиницу «Континенталь», утопая в букетах цветов, я вдруг понял, что к этому успеху я не имею ни малейшего отношения».

Юрий Сергеевич любил общество остроумных обаятельных женщин: они вдохновляли его, служили катализатором его своеобразного, необычного, парадоксального юмора. Они подогревали в нем игру ума. Надежда Петровна Батурина, народная артистка Украины, а тогда, – просто молодая и очень красивая актриса, которую Юрий Сергеевич иначе, чем «принцесса Надин» и не называл, была его партнершей в спектакле «Дон Карлос», он играл короля Филиппа, а Батурина – принцессу Эбболи. Так вот, Надежда Петровна рассказывала, что однажды Юрий Сергеевич прислал ей поздравительную открытку в день рождения. А надо сказать, что ее муж, Валентин Дмитриевич Тимофеев, был долгое время главным редактором репертуарной коллегии Министерства культуры. Как люди образованные и любознательные, они ежегодно посещали с туристическими группами различные зарубежные страны. И Юрий Сергеевич к

поздравлению саркастически прибавляет: «P.S. Принцесса Надин, вы уже, наконец, разорили Министерство культуры?»

Мне казалось, что своеобразный юмор Юрия Сергеевича был результатом не придуманных заранее заготовок или сочиненных историй, нет, он так мыслил. Так же как естественно было для него дышать, так же естественно было фонтанировать парадоксальными ситуациями, явлениями, увиденными под углом зрения своего острого, ироничного, парадоксального ума.

Народная артистка Украины Мальвина Зиновьевна Швидлер, с которой Юрий Сергеевич был дружен, рассказывала, как однажды, на проходной театра, после спектакля, Юрий Сергеевич обратился к ней:

– Швидлерка, я вас сегодня провожаю домой.

– Нет, Юрий Сергеевич, сегодня меня провожает мой муж, а вот и он...

В дверях проходной появился Борис Михайлович Жилков – известный директор многих кинокартин Студии им. А. Довженко. С ним был седой мужчина средних лет, как выяснилось позже, знаменитый югославский кинорежиссер и очень красивая женщина – его жена. Жилков представил их друг другу.

– Лавров? – переспросил кинорежиссер, – как тесен мир: совсем недавно к нам в Белград заезжал ваш сын Кирилл. Мы вместе разыскивали и нашли на городском кладбище могилу его деда, вашего отца, после чего сфотографировали его надгробие.

– Да, мой отец похоронен на белградском кладбище.

– Юрий Сергеевич, – оживился Борис Михайлович, – не откажитесь провести с нами сегодняшней вечер.

– Почему же нет? Ольга Васильевна в отъезде, так что... Всю ночь они просидели у Швидлер-Жилковых. И как всегда, все, открыв рты, слушали Юрия Сергеевича. Через некоторое время Мальвина Зиновьевна получила из Белграда новогоднюю открытку с припиской, в которой говорилось, что они бывали в самых блистательных домах Москвы, Ленинграда, у Ромма, у Герасимова, у Пырьева ... но такого чуда, которое они испытали в Киеве в ту замечательную ночь (разумеется, благодаря Юрию Сергеевичу), они не знали никогда.

Как-то на проходной после утренней репетиции, Юрий Сергеевич обратился к Мальвине Зиновьевне:

– Швидлерка, пойдемте сегодня на дневной сеанс в наш кинотеатр (это был кинотеатр «Дружба»).

Когда на экране появилась героиня в черном пальто с воротником из белого песка, Мальвина Зиновьевна ахнула. А Юрий Сергеевич не растерялся:

– Ну вот, шейте себе такое пальто, а я куплю вам белого песка.

После этого неоднократно обращался к ней, разыгрывая шуточный скандал: «Почему я не вижу на вас черного пальто?»

В другой раз с еще большей степенью возмущения, но на полном серьезе: «Скажите, наконец, где мое черное пальто?»

При следующей встрече еще пуще: «Я долго буду ждать черное пальто?»

На гастролях театра в Донецке в гостиничный номер к Мальвине Зиновьевне зашел заведующий труппой и сказал:

«Мы с Юрием Сергеевичем поселились в одном номере, и он просил вас зайти к нам».

А Лавров в то время исполнял обязанности главного режиссера. Мальвина Зиновьевна написала записку, в которой, перефразируя стихи Пушкина, ответила:

*«Я не та,
Кто для Батюшки-царя
Родила б богатыря,
Та ж, кто на весь бы мир одна
Наткала бы полотна».*

Зав. труппой ушел с запиской, а через некоторое время принес свежестыранную, но порванную рубашку, в которой была спрятана записка. Мальвина Зиновьевна развернула ее и прочла: «Заштопайте, по крайней мере, рубашку, если вы не способны ни на что другое». Пришлось актрисе весь вечер штопать рубашку.

А вот еще несколько юмористических зарисовок о Юрии Сергеевиче.

На скамеечке крыльца старого служебного входа сидят Лавров и Халатов. Рядом на тротуаре молодая мама, прижимает к груди своего заходящегося в плаче младенца. Лавров говорит Халатову: «Меняю свою счастливую жизнь на его трагедию».

Юрий Сергеевич комментирует очередную награду своего сына: «Вот, Кирилл получил Орден Октябрьской Революции. Это и понятно: из окон его квартиры виден крейсер Аврора». На спектакле «Рассвет над морем» актер, играющий Котовского, должен подойти к Лаврову, играющему Смирнов-Ласточкина и сказать: «Я – Котовский».

Лавров должен ответить: «Я – Ласточкин», подняться и пойти за Котовским со сцены. И вот, на одном спектакле, актер, играющий Котовского, подошел к Лаврову и вдруг сказал: «Я – Ласточкин». После чего важно и значительно направился за кулисы. Лавров же вышел на авансцену и, в крайнем изумлении спросил у зрителей: «А кто же тогда я?» Опустившийся занавес конца первого акта освободил зрителей от необходимости отвечать на этот вопрос.

В спектакле «Песня под звездами» художнику удалось так впечатляюще организовать на сцене пожар барака, что всякий раз в зрительном зале возникали аплодисменты. Юрий Сергеевич, стоя за кулисами, перед выходом на сцену, в этот момент иногда приговаривал: «Если б горело здание ЦК, аплодисментов было бы гораздо больше».

Я помню октябрь 1976 года, когда отмечался 50-летний юбилей нашего театра. На сцене скамьи, поставленные амфитеатром, и каждый последующий ряд возвышается над предыдущим. На скамьях сидит вся труппа. Было много разных юбилейных выступлений. Но мне врезалось в память одно. Раздается звон колоколов. На сцену выходит Юрий Сергеевич Лавров в элегантном костюме, изящно облегающем его стройную фигуру. Костюм черный; белоснежный, накрахмаленный воротничок рубашки. Все это с серебром его волос и желтизной лица создавало впечатление нереальности, точнее, впечатление о человеке вне реальности сегодняшнего дня, сегодняшнего быта. Это пришла другая эпоха, иной духовный мир, и звон колоколов только подчеркивал такое впечатление. «Весеннее небо, темно-синее, как в детстве, – начинает Юрий Сергеевич завораживать зал ароматным, как прекрасные стихи, удивительно емким текстом монолога Рощина из инсценировки «Хождение по мукам» Алексея Толстого. Он не разукрашивает текст, не «эмоционалит», а скупое передает картины с трагизмом переживаний человека, выброшенного вместе с прошлым из этой жизни:

– Слышно как шумят деревья в саду. На стуле у деревянной кровати лежит новая сатинетовая рубашка – голубая в горошину. От нее пахнет воскресеньем. Из коридора слышен голос матери: «Вадим, ты скоро?» И этот милый покойный голос раздается по всей моей жизни благополучием и счастьем. Она целует меня, вынимает из своих волос гребень и причесывает мне голову. «Ну вот, теперь хорошо, поедем». Тройка мчится, вот и широкая улица села, белая ограда церкви. Зеленый луг, мелко распустившиеся березки, под ними покосившиеся кресты, холмики. Моя родина. Это Россия, то,

что было Россией. Ничего этого больше нет, не повторится. Мальчик в сатинетовой рубашке стал убийцей». Последнюю фразу Лавров произнес так, что я почувствовал, как мурашки пробежали по телу. Затем несколько мгновений тишины, зритель, словно окаменел от этого волшебства и вдруг – взрыв аплодисментов.

В последние годы жизни болезнь особенно беспокоила Юрия Сергеевича. Когда произошла очередная остановка сердца, молодая врач скорой помощи, буквально вытащила его из «объятий костлявой», как иногда выражался сам Юрий Сергеевич. Его везли в больницу, а он сочинял благодарственные стихи, полные остроумия и самоиронии, посвященные своей спасительнице. Вот образец того, как можно использовать каждую минуту оставшейся жизни. Его сердце в никудашнем, плачевном, катастрофическом состоянии, он чувствовал и понимал это, а храбрая душа не унывала и пыталась заполнить игрою ума оставшееся время жизни.

Летом 1980 года я отдыхал в Миргороде. После занятия лечебной физкультурой переодевался в раздевалке, и вдруг увидел... что со страницы измятой газеты «Вечерний Киев», в которую были завернуты кеды моего соседа, на меня смотрит Юрий Сергеевич... в траурной рамке.

– Юрий Сергеевич, – потерянно прошептал я, опустился на колени, чтобы приблизиться, лучше разглядеть помятую газету в надежде, что это ошибка, что траурной рамки нет, что мне просто показалось. Но, увы, ошибки не было.

**ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ
ХАЛАТОВ**

Народный артист Украины

Волшебник сцены

Виктора Михайловича Халатова я видел во многих спектаклях Театра им. Леси Украинки, будучи еще старшеклассником. Запомнились его работы в спектаклях: «Деревья умирают стоя», «Мораль пани Дульской», «Давным-давно»,

«Живой труп», «Мертвые души» и др. Он был самым ярким комедийным актером труппы. Для меня оставалось загадкой, как в небольших по объему работах в спектаклях «Мораль пани Дульской», «Деревья умирают стоя», «Живой труп», он производил такое сильное впечатление. Когда я начал работать в Театре им. Леси Украинки, то впервые вне сцены увидел Виктора Михайловича на проходной. Он стоял возле зеркала у гардероба и, причесывая расчёской свои редкие волосы, говорил кому-то: «Смотрел, смотрел, милоч, я этот фильм, – ничего не хочется говорить о нем». Меня поразило несоответствие его речи и голоса в жизни с тем, что я привык слышать со сцены. На сцене у него был своеобразный, сильный, высокий, красивый голос, в который часто врывались смешинки фальцета, а смех был заразительный; по-детски непосредственный, фальцетный. Речь была богатейшая, с диапазоном от круглого, полного звучания слова до скороговорки, когда он в «апарте» (между прочим) проговаривал целые периоды текста. В жизни же он разговаривал ласковой, несолидной скороговорочкой, каким – то маленьким, гнусавым голоском, да и внешность его была под стать разговору. Он напоминал глуповатого, обиженного ребенка. И говорил все время, как будто на кого-то обижаясь. В общем, то, что я увидел, мне казалось, очень компрометировало все то, что я видел на сцене в его исполнении. Я еще подумал тогда, как обманчива может быть внешность! И еще о том, вспомнив его на сцене, что такая внешность – подарок судьбы комедийному актеру. Внешность, при которой актер еще ничего не сделал на сцене, а уже хочется улыбнуться. Но это только одна сторона медали...

Когда я сыграл на сцене Театра им. Леси Украинки прекрасную, хотя и вводную свою первую роль Линевского, в спектакле «Встречи поздние и ранние» Веры Пановой, Мальвина Зиновьевна Швидлер, очень хорошая актриса, участница этого спектакля, сидя на собрании коллектива, передала мне записку: «Поздравляю, ваш Линевский понравился Виктору Михайловичу». Я был счастлив: из радостей, отпущенных мне судьбой в театре, эта была – из самых дорогих.

Что же еще, помимо благодатной актерской внешности, заставляло зрителя встречать аплодисментами появление на сцене Виктора Михайловича Халатова?

У него был гибкий, склонный к импровизации ум. Помню, на одной из первых репетиций спектакля «Брак по конкурсу» К. Гольдони, которую проводил постановщик спектакля и тогдашний главный режиссёр театра – Дмитрий Александрович Алексидзе, последний сказал:

– Предлагаемые обстоятельства. Ваш поезд вот-вот отойдет. И за это время вы должны рассказать содержание пьесы «Брак по конкурсу». Виктор Михайлович, пожалуйста, вы.

Виктор Михайлович репетировал в спектакле главную роль Пандольфо. В большом зале находились все актеры этой «многонаселенной» пьесы. Мне подумалось тогда: «Не совсем педагогично привлекать признанного мастера к студенческим упражнениям, да ещё в присутствии многочисленных участников спектакля». Причем в хитросплетениях сюжета Гольдони запутаешься и в спокойной обстановке. Что же сделает Виктор Михайлович? Он мгновенно собирается и потом, поспешно передвигаясь по репетиционному залу, говорит воображаемому партнеру:

Некогда, милоч, некогда. Сейчас ничего не успею тебе рассказать. При встрече, за чаем, в спокойной обстановке. Привет жене! – становится на воображаемую площадку тамбура, машет рукой, посылает воздушные поцелуи. Затем, мелко приставляя ногу к ноге, имитирует отход поезда и исчезает за репетиционной ширмой. Актеры в зале взорвались хохотом и аплодисментами за урок, который преподал Виктор Михайлович незадачливому педагогу.

На одном из собраний Дмитрий Александрович Алексидзе обращается к Халатову:

– Виктор Михайлович, мне неудобно вам это говорить, но вы ведь не присутствовали ни на одном из занятий по полиграфии. Вы – мастер, с вас должны брать пример, а тут... Как вы это объясните?

Виктор Михайлович придает своему лицу трагическое выражение и как о великом горе говорит:

– Так ведь я... глуп.

Взрыв хохота заставляет улыбнуться и Дмитрия Александровича, и перевести разговор в другое русло.

Хотелось бы на время отвлечься от постановки спектакля «Брак по конкурсу» и сказать несколько слов о юморе Виктора Михайловича. Вот уже тридцать лет нет с нами Халатова, а его юмор продолжает в нас жить.

На гастролях в Горьком Виктор Михайлович с Надеждой Петровной Батуриной – красивой, тогда молодой актрисой, идут по городу в поисках поликлиники, к которой, как обычно в таких случаях, прикрепляли актеров нашего театра. Исходили полгорода, да так и не нашли.

– Это они меня, старика, решили ухайдохать, – тяжело дыша, говорит Виктор Михайлович – Так, милочка, доходим до первого поворота, если и там нет поликлиники, сворачиваем в парадное, ты раздеваешься, я тебя осматриваю, и возвращаемся в гостиницу.

Во время спектакля, в котором Виктор Михайлович не занят, он в зрительском буфете выпивает три четверти бутылки минеральной воды. Появляется актриса театра, постоянная партнерша Виктора Михайловича в эстрадных концертах,

– Так, Пузырь, допей! Пора развеять этот миф о моей скупоности, допей!

На репетиции спектакля «Первый удар» болгарского драматурга Крума Кулявкова, в пьесе о Димитрове на Лейпцигском процессе, Николай Николаевич Рушковский репетировал роль Геринга. И свои сцены проводил темпераментно, крича во всю мощь своего сильного голоса. Виктор Михайлович просмотрел одну из обвинительных речей Геринга, стоя на галерке вместе с женой Рушковского, Изабеллой Ильичичной Павловой. Наконец, не выдержал и сказал ей:

– Боже мой, что он делает? Он так тратится, так тратится! И дальше прошептал ей на ухо, как будто сообщая страшный диагноз: – Бэллочка, его же так не хватит для интимной жизни!

На художественном совете театра Юрий Сергеевич Лавров говорит о работе одной из партнерш по выступлениям на эстраде Виктора Михайловича:

– Эта актриса играет светскую даму, но все равно видно, что она кухарка.

– А вы, Юрий Сергеевич, – возмутился Виктор Михайлович, если даже играете водопроводчика, то все равно видно, что это белогвардейский офицер.

Виктор Михайлович Халатов и еще несколько актеров сидят под дверями репетиционного зала, ожидая, когда их вызовет режиссер. К ним подходит запыхавшийся Дмитрий Васильевич Франько:

– Еще не вызывали?

– Нет.

– Ну, слава Богу, не опоздал. Это я в Театральном институте со своими студентами-аварцами задержался. Первая встреча. Знакомство.

– А кто такие аварцы? – слышался чей-то голос.

– Ну, как ты не знаешь, кто такие аварцы – с осуждением спрашивает народный артист Чечено-Ингушской республики Виктор Михайлович Халатов. И сам же отвечает – это горные евреи.

Виктор Михайлович говорит молодой, красивой актрисе Надежде Петровне Батуриной:

– Пойдем в магазин. Поможешь выбрать шляпу моей жене. У тебя хороший вкус, я доверяю.

В магазине Надежда Петровна все время поглядывает на светлые мужские плащи...

– Наверное, своему хочешь купить, а денег нет? Вот и одолжи у меня.

– Нет, Виктор Михайлович, завтра будут деньги давать, вот я и куплю.

– Завтра этих плащей уже не будет. Раскупят. Пошли в гостиницу, я дам тебе денег.

Подойдя к гостинице, где стояло несколько актеров театра, он громко говорит:

– Ну вот... Идем ко мне в номер. А там, меня старика до трусов разденет.

Актеры удивленно поглядывали на них.

– Ну да, потому что в трусах и находятся мои деньги. Еще английской булавкой приколоты.

Говорят, что на гастролях в Горьком Театр им. Леси Украинки, мягко говоря, прогорел: «плохо была организована реклама». И в результате этого отсутствовали средства для отправки актеров в Киев. Тогда директор театра вызвал к себе в кабинет Виктора Михайловича и сказал:

– Виктор Михайлович, вы, очевидно, знаете, что у театра нет денег, чтобы купить билеты на обратный путь. Не могли бы вы одолжить нам определенную сумму? А по приезде в Киев мы вам ее вернем.

На что Виктор Михайлович невозмутимо спросил:

– Сколько?

– Тридцать тысяч рублей.

Виктор Михайлович повернулся спиной к директору, растегнул брюки, достал из потайного кармана нужную сумму и, повернувшись к нему, небрежно сказал:

– Возьмите.

И это, говорят, правда. Откуда же у него были такие деньги? Когда я, одиннадцатилетним мальчиком отдыхал летом в пионерлагере «РАБИС» (работников искусств) в Буче, под Киевом, где со мной отдыхали Юра Рост, Юра Критенко,

Света Няtko, Юна Яковченко, Женя Маркевич, Валя Шкрeба и многие другие актерские дети, к нам приехали с концертом актеры. На лесной поляне полукругом были расставлены скамейки. А посередине – столик и два стула, – выгородка для сцены Чичикова и Ноздрёва с шашками из «Мертвых душ» Гоголя.

Это были Халатов – Ноздрёв, Чистяков – Чичиков.

Потом я смотрел спектакль по инсценировке «Мертвых душ» в Театре им. Леси Украинки. В спектакле Халатов играл Манилова, а Чичикова – Белоусов. И сейчас стоит перед глазами картина, как обаятельно встречал Халатов – Манилов своего гостя, восклицая: «Павел Иванович, Павел Иванович», как долго пропускали они друг друга в дверях, какой легкий, обворожительный был Халатов в роли Манилова, как по-особенному произносил слово «бельведер» в монологе мечтаний. И вообще, прекрасный был спектакль с Белоусовым – Чичиковым, Розиным – Плюшкиным, Карташовой – Коробочкой, Франько – Ноздрёвым, Быковым – Собакевичем. Удивительный был актерский ансамбль. Так вот в концертном варианте Халатов играл Ноздрёва... Дети оглашали смехом лесную поляну на протяжении всей сцены. Но особенно было забавно мошенничество с шашками Ноздрёва – Халатова.

Огромное количество концертов игралось параллельно с работой в театре. Его постоянная партнерша по этим выступлениям, Мальвина Зиновьевна Швидлер, как-то рассказывала мне:

«Однажды Ефим Березин, тогда режиссер нашего театра, привез из Москвы рассказ Бориса Ласкина «Разговор втроем» и предложил Халатову прочесть этот рассказ. Если рассказ понравится Халатову, то он, Березин, сделает из него скетч и поставит его. Халатов согласился, партнершей Виктор Михайлович выбрал Мальвину Зиновьевну Швидлер. В своем вступительном слове на репетиции Березин сказал: «Не комиковать, всё должно быть серьезно, мы должны проповедовать человеческую дружбу, которая видна в Советском Союзе на каждом шагу». Согласились. Премьера в Доме Учителя не принесла артистам большого успеха. После исполнения скетча Халатов понес домой неиспользованную рубашку, которую он обычно менял после концерта. Так прошло два или три исполнения этого скетча. Потом Халатов сказал: «Всё, Пузырь, будем играть по-своему». А на седьмом концерте Мальвина Зиновьевна была уже не партнершей, а зрителем, и хохотала вовсю, глядя на Виктора

Михайловича. Зрители этого уже не видели – их глаза застилала слезы смеха. Вскоре пришла телеграмма от Ласкина: «Прослышал о вашем успехе, прислали бы экземплярчик. Автор».

Говорят, что мать Виктора Михайловича, тоже актриса еще времен антрепризы, сказала ему: «Чтобы актер чувствовал себя независимым, он должен иметь деньги». Халатов и таким образом стремился приобрести независимость. Они с женой не имели детей, ни в чем себе не отказывали, но больших трат не позволяли. И поэтому денег становилось все больше и больше. Виктор Михайлович не покупал себе машину, не строил дачу, не ездил за границу (хотя все это мог себе позволить), из-за того, думаю, что был поглощен единственной и самой большой страстью, страстью к актерству. Все бы это, в какой-то степени, отрывало бы его от театра, от его концертов, от радио: он знал великое счастье любви зрителя. Любви сиюминутной, конкретной. Он выходит на сцену, зритель встречает его аплодисментами, на протяжении сцены – он маг и волшебник – зритель у него «в руках», и уходит под аплодисменты. Великое счастье – приносить людям радость. И концерты были, я думаю, в общем-то, не столько ради денег. Деньги лежали и их он особенно не тратил. Важен был процесс выступления.

К нему часто обращались, чтобы занять деньги. Он никому не отказывал. Только строго оговаривал срок, когда смогут вернуть долг. И человеку, вовремя возвращавшему деньги, он говорил:

– Платежеспособен.

Это значило, что ты мог брать займы у него и впредь. Виктор Михайлович всегда носил тщательно выглаженный костюм, свежую рубашку, бабочку, но главное другое: он был постоянно мобилизован, собран, готов к акту творчества. Казалось, в любой момент жизни он мог начать играть сцену из спектакля или скетч, или эстрадный монолог, дать остроумный ответ. Во время спектакля, за кулисами я не видел его сидящим. Он все время ходил и ходил. Очевидно, «пропускал» через себя сцену, которую предстояло сейчас сыграть, чтобы она засверкала новыми красками, импровизациями, «придумками». Часто можно было услышать фразу, сказанную чуть слышно, обращенную к самому себе: «Думай, думай, Филимон, (так шутливо называли друг друга два многолетних соседа по гримуборной: Халатов и Лавров) – большинству из твоих одногодков уже ничего не надо...»

Его невозможно было представить себе расслабленным или поглощенным каким-то хобби – вроде рыбной ловли или преферанса. Правда, говорят, он любил ходить на рынок и покупать там продукты.

Как сейчас вижу его, фланирующего в зимнее время перед своим домом на Пушкинской. С руками за спиной, пальцы сомкнуты в замок, голова наклонена немного вперед, лицо раскрасневшееся от мороза, прищуренные от холода глаза. Взгляд исподлобья, хоть и светлеет в приветствии, но видно, что он просто отвлекся от непрерывной напряженной внутренней работы, которая происходит в нём.

Его страсть к актерству была настолько всепоглощающей, что даже в отпуске не покидала его. Как-то Халатовы и Батурины отдыхали в Крыму в одном санатории, и последние рассказывали, как Виктор Михайлович постоянно «угощал» их импровизациями, розыгрышами, юмористическими воспоминаниями, зарисовками. В их маленькой компании все время звучал смех.

На семейных торжествах в присутствии жены, в прошлом – балерины Веселовой, которую он очень любил, и своей матери, постоянно устраивал домашние концерты. Это и шуточные интервью, которые брал Виктор Михайлович у членов своей семьи, и юмористические поэтические посвящения... Он жил этим постоянно, без выходных дней и отпусков. Кое-что из этих домашних праздников было записано на магнитофонной ленте и звучало на юбилейном вечере, посвященном памяти Виктора Михайловича, который проходил в Доме Актера.

Но вернемся к репетициям спектакля «Брак по конкурсу». Репетировать огромную роль Пандольфо, да еще в оформлении Михаила Семеновича Улановского, в то время главного художника театра, где надо было чуть ли не каждую минуту сбегать по ажурным лестницам со второго этажа и тотчас же подниматься по ним, Виктору Михайловичу в его 67 лет было физически тяжело. От накопившейся усталости, ежедневных репетиций, ушла легкость. На одном из черновых прогонов акта (у меня была удачная проба, я репетировал небольшую роль Траверсена), Дмитрий Александрович Алексидзе сказал на разборе репетиции:

– Не могу сегодня не похвалить Траверсена. Вот, молодой актер показал мастерство. А что же вы, Виктор Михайлович? Объясните мне, в чем дело? Что с вами происходит?

Я покраснел. Мне стало стыдно и больно. Стыдно, что стал косвенной причиной неприятности Виктору

Михайловичу, а больно, потому что впервые столкнулся с нашими «невидимыми миру актерскими слезами». Впервые увидел нашу актерскую уязвимость, незащищенность перед режиссёром. Когда режиссёр может сделать с актером всё, что угодно. Как в этом случае – поставить в пример только что пришедшего в театр молодого актёра блистательному мастеру, который прожил славную, достойную жизнь в театре. Подумалось, дай Бог, чтоб попадались нам режиссёры талантливые, но вместе с тем интеллигентные и справедливые люди.

После небольшой паузы Виктор Михайлович, запинаясь, сказал:

– Поймите, что мне уже трудно бегать по лестницам, простите, что это говорю... но я иногда чувствую... себя... поверите ли... на краю могилы.

Возникла пауза, и, думаю, у многих сжалось сердце.

У Халатова был светлый, обаятельный талант. Органичными для него были роли с добрым началом. Это и Манилов в «Мёртвых душах», и Лука «На дне», и Александров в «Живом труп». Я даже думаю, что комик должен быть добрым. Всё злое – это уже не смешно. А Пандольфо в «Браке по конкурсу» – жуликоватый коммерсант, который по конкурсу хочет выдать замуж свою красавицу-дочь за богатого сеньора и на этом нажиться. Фигура не очень привлекательная. К тому же, художник, я не допускаю, что эта мысль могла прийти в голову Виктору Михайловичу, надел на него рыжий парик, сделал черные, как у Брежнева, брови, и Виктор Михайлович потерял своё привычное обаяние. Репетиции шли трудно. Но я считал дни, когда произойдет встреча со зрителями, и был уверен – там все станет на свои места.

И вот наступила премьера, – спектакль приняли очень хорошо. В нем было много удачных актёрских работ, хорошее оформление, богатые костюмы. Прекрасная музыка Игоря Шамо. А главное – изящная, шаловливая атмосфера спектакля. Я думаю, что Гольдони простил бы Халатову те добавления в тексте, которые он себе позволял. Не забуду, как проводил Халатов – Пандольфо сцену с рассыльным, которого играл Борис Вознюк.

– А зачем тебе чаевые? – как бы стыдя его, спрашивал Халатов – Пандольфо.

– Так полагается, – не моргнув, отвечает рассыльный.

– Ты же их пропьешь, – с ужасом говорил Пандольфо, – такой молодой, тебе вредно пить.

– Я не пью, – опять отрезает рассыльный.

– Значит, проиграешь в карты, влезешь в долги, посадят тебя в тюрьму – рисует страшную картину Пандольфо.

– Я не иг-ра-ю в кар-ты, – чеканит слова посыльный.

– Ну, что с тобой поделаешь! – горестно вздыхает Пандольфо, лезет за кошельком, вынимает оттуда что-то, но, не донеся до его руки, открывает ладонь и тотчас же вскрикивает.

– Ну, что же ты такой нерасторопный! А где же она? Вот видишь, упала на пол, в щелочку закатилась. Сам виноват! И радостно потирая ладони, что обжулил простачка, под аплодисменты уходит со сцены. Причём, у Гольдони этого текста и в помине нет.

Свои решения сцен, «придумки», добавления к тексту он искал постоянно. Не всем режиссерам это нравилось, и отношения с некоторыми из них у Виктора Михайловича, надо полагать, были не простые. Недаром он как-то не то в шутку, не то всерьёз, говорил:

– Ну, почему они меня выбирают? Ведь я же талантливей их. Это я их должен выбрать.

Итак, премьеры «Брака по конкурсу» позади. И этот спектакль вместе со спектаклями «Варшавская мелодия» В. Зорина, «Традиционный сбор» В. Розова отправился на малые гастроли в Ленинград. Мы играли в помещении Большого драматического театра им. Горького, и один или два в помещении Театра им. Пушкина. Не забуду, как на моих глазах встретились Виктор Михайлович и Олег Борисов, в то время актер труппы Товстоногова, а до этого очень успешно работавший в нашем театре. В мрачных, напоминающих казематы, закулисных помещениях Театра им. Горького они встретились после пятилетнего перерыва.

– Олежек! – засиял Виктор Михайлович.

– Дядя Витя! – улыбаясь и протягивая к нему руки, ответил Олег Иванович.

Два замечательных актера обнялись, захлёбываясь от смеха, от каких-то слов, которых я уже не слышал, потому что спешил на свой выход, на сцену.

Гастроли прошли с большим успехом. «Брак по конкурсу» принимали прекрасно. Критики отмечали достойный вклад в успех спектакля и старшего, и среднего, и младшего поколений актеров. Но особенно отмечали работу Виктора Михайловича.

После спектакля «Традиционный сбор» участников пригласили в актёрский холл Театра им. Горького, выглядевший неуютным помещением, на встречу с автором пьесы – удивительным драматургом Виктором Розовым. В своем

выступлении он сказал, что это лучший спектакль, который он видел среди не столичных театров. Потом, разбирая актерские работы, дошел до Виктора Михайловича и сказал:

– Как только я услышал ваше первое слово, я все понял – и заразительно засмеялся. Все присутствующие засмеялись вслед за ним. И уже серьезно добавил:

– Спасибо вам.

Мы играли «Брак по конкурсу» 11 февраля 1969 года. Вот мой последний выход на сцену. Жду свою реплику. Рядом со мной сидят уже отыгравшие все свои сцены, уставшие, Виктор Михайлович Халатов и Алексей Михайлович Таршин.

Слышу, Виктор Михайлович говорит:

– Повезло нам с тобой, Алеша, на старости лет. В хорошем театре служим. В наши-то годы, а вот видишь, нужны. Я выбежал на сцену. А потом поклоны, аплодисменты, вызовы на сцену, цветы Виктору Михайловичу...

А через два дня, вечером, я услышал, что днем Виктору Михайловичу в театре стало плохо. Сердечный приступ. Уложили в его гримуборной, вызвали «Скорую помощь». И вот при врачах ему стало больно. Он кричал, чтобы сделали что-ни– будь, чтобы помогли ему, он заплатит любые деньги. Но сделать уже ничего нельзя было.

Когда театральный автобус с траурным портретом Виктора Михайловича за ветровым стеклом, справа от водителя, медленно ехал по Крещатику, то могло показаться, что Виктор Михайлович с портрета просто грустно смотрит на дорогу. Я смотрел на людей, идущих по тротуару, спешащих куда-то, никто не останавливался, никто не провожал автобус взглядом: жизнь продолжалась. У меня в тот момент подступил к горлу ком от мысли, что никто из них не догадывается, какая большая радость ушла из нашей, да и из их жизни.

**ЕВГЕНИЯ ЭММАНУИЛОВНА
ОПАЛОВА**

Народная артистка Украины

Такая разная и яркая актриса

С Евгенией Эммануиловной Опаловой я познакомился, уже работая в Театре им. Леси Украинки. Впервые увидел ее, когда элегантно одетая, она не спеша, с достоинством зашла в театр, на служебный вход. Была уже немолода, я заметил следы усталости на ее лице, голубые глаза были поблекшими. Я подумал тогда, как трудно соотнести это с ее ролями, в которых энергия была из нее ключом. Например, в роли Брешки-Брешковской из спектакля «Правда, ничего кроме правды» Д. Аля, в котором она, как Савонарола, одержимо верила в победу своего дела, в роли страшно смешной маразматичной и глухой бабушки Гицки из спектакля «Великоманиев» Костова, в озорной Гаркуше из «Странного доктора» А. Сафронова – все было искрометно, виртуозно.

Николай Николаевич Рушковский, народный артист Украины, вспоминая Евгению Эммануиловну, говорил, что она всегда, работая над ролью, была самозабвенно поглощена этой работой, относилась к ней очень ответственно, и всегда пребывала в сомненьях в процессе работы. Подтверждением этому может служить такой эпизод. Народному артисту Украины режиссеру Николаю Алексеевичу Соколову сообщают:

– Евгения Эммануиловна после репетиции плакала, ей кажется, что у нее ничего не получится.

– Ах, плакала? Теперь я совершенно спокоен: у нее выйдет замечательный образ.

Одержимо, даже жертвенно работала актриса на репетициях, оттуда, наверное, следы усталости на ее лице, и, как правило, очередная роль ее становилась украшением спектакля.

Детские годы Опаловой прошли в Риге, в семье известного рижского адвоката, ее отца Эммануила Азарха. Наверно, уже тогда она могла наблюдать среди ее соседей и знакомых характеры, подобные ее будущей героине – пани Дульской. Моя знакомая – Валентина Игоревна Заболотная, профессор Театрального института им. Карпенко-Карого, внучка жены великого Бучмы, хорошо знавшая Опалову, рассказывала мне, что отправляясь в Ригу, получала от актрисы задание – побывать в дорогих ее сердцу местах этого города, с тем, чтобы по возвращении поделиться впечатлениями. И Евгения Эммануиловна мысленно, с теплым чувством, прогуливаясь по своему любимому городу, с грустью отмечала перемены, произошедшие там. В юности она переехала в Ленинград, где в 1921 году окончила институт

сценического искусства. Некоторое время работала в Театре «Слово», а затем у Вивьена в Пушкинском академическом театре.

С 1936 года она – актриса Киевского русского драматического театра. Опалова создала здесь целую галерею разных образов: драматических, комедийных, трагических. Ее творческая палитра отличалась удивительным разнообразием. Актрисе были подвластны характеры и леденяще-зловещего звучания, и по-хулигански озорные комедийные роли, эксцентрично-утонченные характеры, а драматическая, даже трагедийная сторона ее таланта вызывала у зрителя слезы сочувствия и сострадания. Выросшая в европейском городе, воспитанная в культурной интеллигентной семье, получившая театральное образование в традициях русского психологического театра, она объединила в своем даровании европейскую заостренность формы и пронзительную сердечность русского театра.

Горько сознавать, что многие прекрасные работы Опаловой не остались в киноархивах, они сохранились лишь в памяти ее партнеров и коллег.

Я помню Евгению Эммануиловну в спектакле «Птицы нашей молодости» Иона Друце, где она играла мудрую, пугающе-суровую сельскую знахарку и гадалку, тетушку Руцу. Одинокая и немощная старуха помогает людям: вернуть мужа к жене и осчастливить их долгожданным ребенком, подарить незамужней учительнице счастье личной жизни, утолить смертельную жажду сыну своего врага, помириться с ним и благословить в последний путь, вернуть односельчанам красоту, чтобы, как прежде, прилетали к ним белые аисты. Меня поражало, как Опалова, утонченная, ироничная, интеллигентная актриса, так убедительно создавала народный тип женщины от земли. И, главное, в эту мудрую пьесу-притчу Иона Друце Опалова своим исполнением привносила изысканную поэтичность.

В памяти Александры Захаровны Смоляровой, народной артистки Украины, осталось прекрасное исполнение Евгенией Эммануиловной роли миссис Сэвидж в спектакле «Странная миссис Сэвидж» Джона Патрика (в этом спектакле Смолярова играла сестру Вилли). С каким подчеркнутым, почти королевским достоинством вела себя Сэвидж-Опалова в пансионате для душевно больных, куда поместили ее дети покойного мужа. С каким заразительным озорством она потешалась над алчностью своих неродных детей, расставляя им ловушки. И особенно зримо вспоминалась Александре

Захаровне финальная сцена с доктором Эмметом, когда героиня Опаловой с такой пронзительной искренностью и убежденностью открывает ему, что не хочет уходить из этого пансионата, в котором живут люди, ставшие ей дорогими и близкими, в безумный и жестокий мир бессердечных здоровых людей. Суть этого открытия потрясала ее, потрясала и зрителей. Так сцену могла провести только большая актриса с редким дарованием.

И, наконец, спектакль «Мораль пани Дульской» Габриэллы Запольской, в котором Опалова исполняла роль пани Дульской. Долгие годы Евгения Эммануиловна играла в нашем театре в основном, роли второго плана. Но, как «Золушка», она добросовестно и блистательно создавала свои небольшие шедевры, ожидая «сказочного принца», и он явился – это был режиссер Леонид Викторович Варпаховский. Он увидел в ней, кроме уникального своеобразия индивидуальности, еще и мощный энергетический потенциал. Варпаховский очаровал актеров, работавших с ним в спектакле «Давным – давно» Анатолия Гладкова. Каждый считал счастьем работать с этим нежным и глубоким художником. После распределения ролей на спектакль «Мораль пани Дульской» началась работа, которая шла с небывалым энтузиазмом и увлеченностью. Премьера удалась на славу. Николай Рушковский, вспоминая «Мораль пани Дульской», говорил: «Спектакль стал явлением. Это была сказка, чудо. Варпаховский, помимо того, что репетировав спектакль, создал удивительный ансамбль, где каждый персонаж имел свою судьбу, был правдивым, ярким, узнаваемым, также помог главной исполнительнице выстроить блистательный образ пани Дульской. Варпаховский сыграл огромную роль в судьбе Опаловой».

В 1965 году на Всесоюзном фестивале польской драматургии этот спектакль Театра им. Леси Украинки был отмечен первой премией. В польской газете «Трибуна люду» появилась статья «Когда пани Дульская говорит по-русски»:

«Актриса Евгения Опалова сыграла всю роль Дульской, безошибочно трактуя житейские дела глупого существования Дульских с таким вниманием и самоотдачей, как в сцене натиранья пола. И это было необыкновенно смешно. Директор Домбровский так сильно заинтересовался этим спектаклем, что решил еще раз поставить «Мораль пани Дульской» в Кракове и пригласить Опалову и Халатова на гастрольные выступления в Театр им. Юлиуша Словацкого».

Александра Захаровна Смолярова, исполнявшая в том знаменитом спектакле роль Ганки, поддерживает мысль

Рушковского: «Опалова нашла в Леониде Варпаховском своего режиссера, и их тандем привел к удивительным результатам».

Несколько лет назад в нашем театре праздновали 50-летие премьеры спектакля «Мораль пани Дульской». В зрительном зале сидела почти вся труппа. На сцене несколько человек. Участники – Александра Захаровна Смолярова, Галина Васильевна Будылина и свидетели той премьеры. Они выступили с воспоминаниями. Потом был показан фильм-спектакль «Мораль пани Дульской». Это была самостоятельная киноверсия с теми же актерами, которая, к сожалению, значительно уступала блистательному спектаклю нашего театра «Мораль пани Дульской».

Леонид Михайлович Корецкий, муж Евгении Эммануиловны, был одним из самых успешных директоров картин Студии им. Александра Довженко. Он мог бы протезировать свою жену, тем более, актрису такой яркой индивидуальности, на многие кинороли. Но слишком порядочной и щепетильной в этом отношении была эта супружеская пара. Евгения Эммануиловна лиш иногда снималась в кино, слишком мало для ее дарования.

Душевная щедрость Опаловой, ее мудрость и интеллектуальный уровень сказывались в подарках, которые она дарила своим коллегам и знакомым. Они всегда были содержательными и полезными. Актриса нашего театра, заслуженная артистка Украины Изабелла Ильинична Павлова вспоминала о том, как в финале спектакля «Деревька умирают стоя» А. Кассоны, Евгения Эммануиловна в роли бабушки Иухении мужественно, с достоинством преодолевая огромное горе – крах иллюзий по своему прекрасному внуку, диктует рецепт пирога. Она произносит каждое слово, как будто с трудом поднимает тяжелый камень. Диктует Марте-Изабелле, сердечной девушке (ее играла Павлова), пытающейся оградить бабушку от этого горя. От пронзительной атмосферы этой сцены у Изабеллы Ильиничны текли слезы, она ничего не могла с собой поделать. У Халатова, стоявшего здесь же, рядом, тоже беспомощно текли слезы. Успокаивая Бабушку, Марта-Изабелла брала ее теплые, добрые руки в свои ладони. И в эти мгновения на одном из пальцев Евгении Эммануиловны она видела серебряный перстень с сапфиром (как позже узнала Павлова, это был подарок Сергея Параджанова). Когда спектакль сошел с репертуара, Опалова подарила эту драгоценность своей молодой партнерше. А уже совсем недавно, почти через сорок лет, Изабелла Ильинична подарила

этот перстень молодой актрисе уже следующего поколения. Так что замечательный подарок Параджанова Опаловой, по-прежнему остается в стенах нашего театра.

Когда в театре вывесили распределение на спектакль «Власть тьмы» по пьесе Льва Толстого, вспоминала народная артистка Украины Александра Захаровна Смолярова, она получила роль Матрены, той самой, что подтолкнула Никиту погубить своего, только что родившегося, младенца. До того таких острых возрастных ролей Смолярова не играла. У нее появилось сомнение, сможет ли справиться с подобной ролью, решила обратиться за советом к такой блистательной острохарактерной актрисе, как Опалова. Она к тому времени, к сожалению, тяжело болела. Придя к ней, предварительно договорившись о встрече, Александра Захаровна спросила:

– Евгения Эммануиловна, как бы вы играли роль Матрены из «Власти тьмы»?

–Ты захватила с собой текст пьесы? – тотчас же спросила ее Опалова.

Взяв экземпляр, Евгения Эммануиловна начала читать, точнее «пропускать» через себя видимый ею образ Матрены, намечая его сочно, по-своему, по-опаловски. Александра Захаровна восхитилась, так ярко заиграла уникальная индивидуальность Опаловой в тексте роли Матрены. Актриса, закончив чтение, внимательно посмотрела на гостью, и та заметила, что бледность исчезла с ее лица, огоньки азарта появились в глазах, она как будто помолодела, вроде и болезнь отступила от нее. А для Александры Захаровны эта встреча стала большим подарком. Показ Евгении Эммануиловны «возбудил в ней фантазию по отношению к роли», она поверила, что сможет создать образ Матрены. И вышла на премьеру не та актриса, которой по амплу сам Бог велел играть эту роль, а именно Александра Смолярова.

И еще об одном подарке. Евгения Эммануиловна, покоренная талантом, творчеством, да и просто обаятельностью личности режиссера Варпаховского, сумела увлечь этим мастером и своего знакомого, тогда еще студента театроведческого факультета Театрального института Бориса Курицына. Причем, это его увлечение оказалось настолько глубоким, что, по прошествии более чем трех десятилетий, он написал о режиссере интересную, содержательную книгу «Невыдуманные истории из жизни Л. Варпаховского».

Лично я познакомился с Евгенией Эммануиловной, когда вводился на роль Линевского в спектакль «Встречи поздние

и ранние», инсценировка по повести Веры Пановой. Это был мой первый спектакль в Театре им. Леси Украинки и я ужасно волновался. Евгения Эммануиловна и Алексей Михайлович Таршин замечательно играли в нем добрую интеллигентную супружескую пару – Бабушку и Дедушку. По ходу спектакля луч света выхватывал играющих актеров, все же остальные находились за ними в темноте. Когда я отыграл свою первую сцену и отошел вглубь, то оказался рядом с Евгенией Эммануиловной и Алексеем Михайловичем.

– Пока все нормально, – прошептала актриса.

– Так и дальше держать, – улыбаясь, чуть слышно проговорил Алексей Михайлович.

После этой премьеры у нас с Евгенией Эммануиловной установились добрые отношения. Случалось, я провожал ее домой после совместных репетиций или спектаклей. Говорили о наших театральных делах, о культурной жизни в городе и о многом другом. Ее оценки были мудрыми, тактичными, взвешенными. И, главное, она умела понимать людей. Их интересы как бы становились ее интересами. Многие часто обращались к ней за советом, за помощью, с просьбами решить их проблемы, и она находила эти, нужные людям, решения.

Не так давно я, просматривая свою библиотеку, наткнулся на книгу «Томмазо Сальвини» Чельсо Сальвини. Раскрыв ее, увидел на первой странице дарственную надпись: «Долго, долго, вспоминая, Олеша, о наших общих творческих «терзаниях» и... радостях, и пусть этих радостей будет у тебя много, много. Ты их заслуживаешь!» Евгения Опалова. Киев. Март 1972 года». Эта книга познакомила меня с учителем Сальвини Густаво Моденой, реформатором итальянского театра. Многие принципы его воспитания молодых актеров, спустя более чем полвека, нашли место в системе Станиславского. А главное, книга объяснила мне, как трагик Томмазо Сальвини стал титаном сцены на все времена. В этой книге с дарственной надписью Опаловой, сказался ее интеллектуальный уровень, и мне надо было всю жизнь очень стараться, чтобы быть достойным ее подарка.

Евгения Эммануиловна и Леонид Михайлович Корецкий были одинокими людьми. И то, что она тянулась к молодежи, мне кажется, было желанием, хоть в какой-то степени восполнить отсутствие детей. К появившейся в театре молодой супружеской паре – Павловой и Рушковскому они с Леонидом Михайловичем относились, как к своим детям. Молодежь всегда присутствовала на днях рождения Опаловой

и Корецкого. Более того, в доме Опаловой отмечались дни рождения любимцев. А когда у молодых родился маленький Андрюша, то Леонид Михайлович, приезжая из Москвы, обязательно привозил малышу что-нибудь из одежды. Николай Николаевич вспоминал, что Евгения Эммануиловна была чрезвычайно требовательна к нему: «Прихожу домой – звонок»

– Ты что делаешь?

– Обедаю.

– Пообедаешь, зайди ко мне.

Прихожу... и разнос! Разбор репетиции или какого-то моего поступка... Я иногда не выдерживал, срывался. Но от скольких неприятностей впоследствии она меня таким образом уберегла.

Виктор Михайлович Халатов был для Евгении Эммануиловны самым дорогим, самым желанным партнером, о котором она, улыбаясь, любила говорить: «Это мой сценический муж». Действительно, он был ее молчаливым и неимоверно смешным супругом Фелицианом в «Морали пани Дульской», нежным заботливым супругом – сеньором Бальбоа в

«Деревья умирают стоя» – в этих двух знаковых спектаклях нашего театра. Когда стало известно, что Халатов ушел из жизни, именно Рушковскому поручили сообщить Опаловой горестную весть, так как именно с ним у нее были тесные, духовные, почти родственные отношения. Он пришел к ней на квартиру подавленный, молчаливый, не зная с чего начать. Евгения Эммануиловна буквально впилась в него взглядом, и, догадавшись, произнесла:

– Что-то случилось.

– Виктор Михайлович... – подтвердил Николай Николаевич.

После тяжелой паузы Евгения Эммануиловна сказала:

– Одна стена нашего театра... обвалилась.

Изабелла Ильинична Павлова вспоминала о домработнице Наташе, которая долгие годы жила в доме Опаловой. Она была как член семьи, близкий и дорогой им человек. Евгения Эммануиловна относилась к ней с материнской теплотой. Однажды она пришла в театр и сказала Павловой:

– Я не знаю, как мне жить дальше, моя Наташа выходит замуж.

Но Наташа, выйдя замуж, успокоила ее:

– Не волнуйтесь, Евгения Эммануиловна, я по-прежнему буду присматривать за вашим домом и никогда вас не оставлю.

Так оно и было.

Еще вспоминала Александра Захаровна Смолярова. На Студии им. Довженко должны были снимать фильм «Максимка», директором картины был Корецкий. Ассистенты режиссера нашли на главную роль Максимки мальчика негритенка из Херсона. Его мать работала в порту, не то поваром, не то уборщицей, и растила мальчишку без отца. Он оказался способным, прошел кинопробы и его утвердили на главную роль. Был сообразительным, коммуникабельным, и скоро стал любимцем группы. Особенно теплые, добрые отношения сложились у него с директором картины Корецким, который делал все возможное, чтобы мальчику жилось и работалось как можно комфортнее. Он очень привязался к Леониду Михайловичу. А когда закончились съемки, Опалова и Корецкий решили усыновить мальчика. Но перед тем как договариваться с близкими об этом и решать дела официально, пригласили его к себе какое-то время пожить у них: удобная квартира, хорошее питание, чудесный город Киев. И тут мальчик захандрил, затосковал. А однажды, застав мальчика в ванной комнате, когда он, прижавшись лицом к полотенцу, которое ему дала в дорогу мама, горько плакал, Евгения Эммануиловна поняла, что ничего из этой затеи у них не получится. И мальчика отправили домой в Херсон. Евгения Эммануиловна по этому поводу долго горевала.

Я помню, как на юбилейном вечере Евгении Эммануиловны, посвященном 50-летию ее творческой деятельности, после спектакля «Странная миссис Сэвидж», она сидела в кресле посреди сцены и принимала поздравления. Было много выступлений, но мне особенно запомнилось одно. По сцене стремительно шел Сергей Параджанов. Подойдя к Опаловой, он произнес: «Великой актрисе в знак любви и преклонения от ее самого страстного поклонника», широким красивым жестом бросил к ее ногам роскошную шаль, упал перед ней на колено и склонил голову.

После спектакля и юбилейных поздравлений в фойе первого яруса театра был установлен неимоверной длины праздничный стол, за которым гости ожидали появления Евгении Эммануиловны. Она разгримировывалась, переодевалась, и поэтому немного задерживалась. Наконец, появилась, все встали, гром оваций встретил ее. Она подняла обе руки, как бы приветствуя и благодаря всех за то, что пришли на ее торжество. Подошла к торцу стола, возле которого стояли два кресла, для нее и для мужа. Он уже ждал ее. Евгения Эммануиловна опустила одну руку, оставшаяся поднятая, как бы просила внимания присутствующих. Гости утихли.

– Я приношу извинение за свое невольное опоздание, но прошу учесть дорогих гостей – актрисе не 37 лет, а несколько наоборот! – Фраза, не содержащая Бог весть сколько юмора, но сказанная с особенным опаловским шармом, вызвала взрыв хохота присутствующих.

Прошло несколько лет. Как-то на спектакле «Странный доктор» за кулисами, возле пульта помощника режиссера Евгения Эммануиловна подошла ко мне, отвела в сторону, и сдержанно, как о чем-то очень важном и неизбежном, сказала:

– Олег, я сегодня в последний раз в моей жизни играю на сцене.

Я обомлел.

– Евгения Эммануиловна, что вы такое говорите. Вы же сейчас слышали, как вас принимает публика. Вы в прекрасной форме.

– Это дело решенное... Я должна уйти из театра... по состоянию здоровья.

– Евгения Эммануиловна... – протянул я, поняв в чем дело.

В 1979 году, когда Евгения Эммануиловна была уже тяжело больна и не выходила из дому, предварительно договорившись, я пришел к ней. Позвонил, дверь мне открыла... Евгения Эммануиловна. Видно, в эту минуту рядом с ней никого не было. После операции и нескольких лет болезни она сгорбилась, от чего стала выглядеть ниже ростом. А, чтобы общаться со мной, ей приходилось высоко поднимать голову и смотреть как-то сбоку.

После взаимных приветствий она повела меня в комнату. И шла, по-утиному переваливаясь с ноги на ногу, а руки были опущены вниз, прямые, и отведены немного назад. Но глаза ее на бледном лице стали казаться совсем голубыми, она цепко и озорно всматривалась в меня.

– Барышня приготовилась к свиданию, – как будто немного подхваливая себя, улыбаясь, начала она.

Я знал, что после операции у нее выведена трубка.

– Пришлось принять активированный уголь и прочие лакомства, чтобы быть на достойном уровне.

Рассказав ей наши театральные новости, обратился к ней:

– Евгения Эммануиловна, врачи установили моей маме диагноз «модной» болезни. А вы мне как-то говорили, если обнаружится эта гадость, надо срочно ее удалить. Врачи же объясняют – возраст и такое место, что практически невозможно оперировать...

– Олеша, тогда мама не должна знать, что с ней. Так я и сделал.

Муж Опаловой был настолько джентльменом, что женщины в его присутствии расцветали и чувствовали себя королевами. Он всегда был ухожен, изысканно одевался, на пальцах рук было несколько перстней. Все помнят, как он величественно шествовал по городу с роскошной, покрытой лаком тростью. Ну, просто барин. Его ласково-уважительно называли «князем». Актеры добрым словом вспоминали его. Во-первых, был справедливым, мудрым директором. Во-вторых, насколько позволял бюджет картины, всегда щедро оплачивал актерский труд, не экономил на актерах. Обладал своеобразным юмором. Николай Николаевич Рушковский вспоминал. Для них, приехавших из Москвы, Театр им. Леси Украинки становился родным домом. Они увлеченно жили его интересами. Случалось, заводились в гостях у Опаловой по какой-то жгучей театральной проблеме, и Леонид Михайлович останавливал их:

– Прошу вас, не устраивайте здесь «производственного совещания».

Когда Евгения Эммануиловна заболела, все бросил и посвятил себя больной жене. Но ему суждено было раньше уйти из жизни. Мужественно, как бабушка Иухенья из спектакля «Деревя умирают стоя», не выдавая своего ни с чем не сравнимого горя, в трауре одиноко сидела Опалова у гроба мужа. Она потеряла все: защиту от жизненных невзгод, помощь для себя, тяжелобольного человека, кроме того, друга, который постоянно морально поддерживал ее, ну, и самого близкого из оставшихся в жизни людей. Иной бы сломался, оставшись наедине с тяжелым недугом, без поддержки, но только не Евгения Эммануиловна. Ее спасал юмор. Она буквально «фонтанировала» им, как говорила ее знакомая, врач-геронтолог Ирина Николаевна Карабань. Этот юмор, это своеобразие личности, эта жизненная энергия – люди в нее просто влюблялись и не оставляли одну. Я вспомню несколько юмористических образчиков и проявлений своеобразия характера из разных периодов ее жизни.

Народный артист Украины Давид Владимирович Бабаев вспоминает: «В 1973 году я впервые появился в Театре им. Леси Украинки. Идя по коридору, встретил Опалову и поздоровался с ней.

- Здравствуйте, Евгения Эммануиловна.
- Сынок, ты же вылитый немец, – внимательно всматриваясь в меня, словно вынося приговор, констатировала она.
- Сегодня вечером позвонишь и придешь ко мне домой.
- Я не знаю, где вы живете.

– Как, ты еще не знаешь моего номера телефона?
Вечером дверь своей квартиры открыла Евгения Эммануиловна. Впуская меня, она громко обратилась к мужу:

– Леонид Михайлович, посмотри, какого немца я тебе привела!

Как только он появился и увидел меня, то сразу же сказал:

– Завтра вам надо быть на Студии Довженко в группе «Дума про Ковпака» в 8 утра.

В 8 часов я пришел, как условились».

Подруга Наташи, московской племянницы Опаловой, Татьяна Евгеньевна Некряч рассказывала мне:

– Я переживала тяжелейшее предательство любимого человека, целый год находясь в депрессии. Не зная, как мне от этого спастись, пришла к Евгении Эммануиловне. Выслушав мои переживания, она посоветовала:

– Единственное, что тебя может вытащить из этой ямы, это творчество. Займись чем-нибудь.

Я решила поставить в нашем студенческом театре сцену «мышеловки» из «Гамлета», сказала ей об этом, она прокомментировала:

– Ну, ты и наглая... мало того, что выбрала самую трудную пьесу мирового репертуара, так еще взяла и самую сложную сцену из нее.

Но, по ее глазам я видела, теперь она была спокойна: соизводительная работа моей души вытеснит из нее всякие черные мысли.

Когда мы с Наташей проводывали Евгению Эммануиловну в больницу, она любила показывать свои одесские зарисовки (наверное, это была ностальгия по сцене). Например: После одного из спектаклей за ней приходит сын ее одесской тетушки, а дежурный одессит на проходной понимающе подмигнув, говорит:

– Женечка, полируешь кровь?

Утром, на следующий день после спектакля, Евгения Эммануиловна решила позагорать на пляже. К ней подсаживается незнакомая, необъятных размеров, колоритная одесская тетя:

– Слушайте, я не могла вчера видеть вас в театре?

– Могли.

– Ой, это потрясающе. Что вы думаете, я тоже могла быть артисткой. Но у меня другое, у меня дети, у меня такие дети, это не дети, это золото. У меня дочь, о, это такая красавица. Эти глаза, эти волосы. Но не замужем. Вы думаете, нет за что? Таки есть за что, эти глаза, эти волосы. А вон мой сынок

Семочка. Нет, вы не на того смотрите. Мой вон тот, немножко лысенький. Это золото, а не сын. Семочка, принеси маме зонтик. Что, ты мне не носильщик? А венерическую болезнь с Дерibasовской ты мне носильщик?

Художественный руководитель Театра им. Леси Украинки, его генеральный директор, Михаил Юрьевич Резникович работал с Опаловой, и я обратился к нему: «Михаил Юрьевич, Евгения Эммануиловна участвовала в вашем первом профессиональном спектакле, в вашем дипломном спектакле на сцене нашего театра – «Поворот ключа» Куделлы, в котором играла роль Крутовой. А первый спектакль, как первую любовь, забыть невозможно. Скажите, какие воспоминания остались у вас от той встречи с ней?»

У меня остались самые нежные, самые трогательные воспоминания о Евгении Эммануиловне Опаловой, – начал Михаил Юрьевич, – она была замечательная актриса – умная, тонкая, очень неожиданная, работавшая всегда в жанре и бесконечно внимательная к партнеру. Мне доставляло истинное удовольствие творчески общаться с ней. Кроме этого, у нее было очень важное качество настоящего театрального деятеля: Евгения Эммануиловна любила талантливую театральную молодежь и, как могла, помогала ей в театре и в быту. Она понимала одну театральную истину, которую понимают далеко не все. Конечно, молодые должны учиться у мастеров, но и у мастеров должна быть потребность что-то перенимать у молодых. Может быть, их азарт, а возможно их наивность. И вот это качество истинного художника театра в полной мере присутствовало у Евгении Эммануиловны».

**АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
ТАРШИН**

Народный артист Украины

«...Особенный, теплый свет его души...»

Алексей Михайлович Таршин – народный артист Украины – очень красивый мужчина. Легко было представить, какой удивительной красоты он был в молодые годы. А главное – необыкновенной, какой-то чуть ли не детской доброты, которую постоянно излучал. Даже походка у него была эдакого подпрыгивающего подростка. Представить его злым или рассерженным было просто невозможно. Он иногда хмурил брови, но лицо выражало: это не по-настоящему, это не всерьёз, не умею быть злым. Это удивительно, как, проведя многие годы в сложной жизни театра, он сохранил душевную чистоту, порядочность. Вспоминают, его очень любил Константин Павлович Хохлов. А как его было не любить? Он был безупречен по отношению к людям, к своей профессии. Всегда точно выполнял смысловой и мизансценический рисунок роли, раньше всех знал текст, никогда не опаздывал на репетиции, присутствовал на всех обязательных и необязательных собраниях... А, главное, от него всегда исходила аура доброты, какой-то особенный, теплый свет его души.

Помню, после одного из спектаклей, это были «Большевики», он подошел ко мне и, улыбаясь своей доброй улыбкой, сказал:

– Олег Васильевич, вчера спектакль смотрели мои коллеги из Горьковского театра (он некоторое время там работал); ваш Свердлов им очень понравился.

Чистота и какая-то детскость его души придавали особенную изюминку ролям, которые он исполнял. Помню, он в спектакле «Разлом» Лавренева играл эссера, представителя Временного правительства, который агитирует «дикую массу» моряков.

– Братцы, матросики, – кричит он, и в этом монологе так чувствовалась жалкая, обидная беспомощность интеллигенции перед жестокой стихией революции.

Или в «Синих конях на красной траве» Шатрова персонаж в исполнении Алексея Михайловича, слушая бред революционеров от искусства, хватаясь за голову, говорит:

– Боже мой, ну почему я не умер младенцем? Взрыв хохота в зрительном зале.

Вспоминается его обаятельный, трогательный Ансельмо Аритузи в спектакле «Брак по конкурсу» Гольдони, отец Дораличи, которую замечательно играла Нонна Терентьева.

И понимаешь, что у такой утонченной, обаятельной и наивной героини только такой и должен быть папочка.

Очень трогательный в его исполнении был Фирс в «Вишневом саде» Чехова.

В спектакле «Добряки» Зорина Таршин играл одного из этих чудных, «застрявших» в науке милых старичков – профессоров, которых обводит вокруг пальца проходимец Кабачков. Михаил Юрьевич Резникович, вскрывая природу чувств на репетиции «Госпожи министерши» комедии сербского писателя Бранислава Нушича, вспоминал: «Для меня было открытием в спектакле по пьесе Зорина «Добряки» встреча с Алексеем Михайловичем Таршиным. Он такой был наивный. Так любил свою дочь, так ей сочувствовал. Такой был в этом серьезный. А в результате было ужасающе смешно».

Свет его доброй души, словно бы выливался в ролях, которые он играл.

Со всеми актерами труппы он был не то, чтобы приветлив, а радушен и обращался к ним всегда по имени и отчеству. Исключение составляли сверстники и друзья, с которыми он был на «ты».

Однажды, в перерыве на репетиции он рассказывал мне, как к ним на кухню залетел голубь.

– Мы с Любовью Семеновной заметили, что у него нет верхней части клюва. И вообще клевать ему нечем. Он был обречен на голодную смерть. Сидел, уже ни на что не реагируя, как бывает с тяжело больными птицами, которые вот-вот должны погибнуть. Я сделал хлебный шарик и вложил ему в горло. Потом еще... Голубь начал оживать и вскоре стал нашим постояльцем. Уже садился ко мне на плечо. И так я кормил его. Если случалось, что он долго не прилетал, мы с Любовью Семеновной начинали волноваться. Прошло некоторое время. Он как бы стал членом нашей семьи... А потом, представляете, прилетел к нам с голубкой. Ну, что было делать! Взяли на «довольствие» и её...

Алексей Михайлович всегда сиял, как новенький пятак. Был выглажен, в свежей рубашке, аккуратно причесан, в начищенной обуви, приятно пахнувший. И это, конечно, благодаря заботам его жены, Любви Семёновны.

Так же сиял он и внутренне. Для него каждый день работы в театре был праздником. Но вот однажды он пришел с опущенной головой, поблекший.

– Что случилось, Алексей Михайлович? – спросил его кто-то.

– Да вот пришел я вчера из театра домой. Захожу на кухню: а посреди... лежит Любовь Семеновна. Моя чудная, дорогая Любочка... Ах, почему меня не было с нею рядом?

Глаза стали красными. Его начали успокаивать... Любовь Семёновна ушла из жизни. Её похоронили. Но через два дня после этого он пришел на репетицию. Собранный, как всегда, со знанием текста. Вот реплика, после которой он должен говорить... А он с удивлением, даже с ужасом смотрел по сторонам.

– Ничего, ничего, успокойтесь, Алексей Михайлович, – говорит ему режиссёр – Сейчас все получится. Но, так и не вспомнив текста, разрыдавшись, он ушел с репетиции.

Потом Таршин перестал работать в театре. И страшно было смотреть на него при встречах на улице, когда, не глядя ни на кого, неприкаянный, бродил он по городу. Без семьи, без любимой работы, без цели. И напоминал медведяшатуна, разбуженного посреди зимы и обреченного на гибель.

Не так давно я встретился с племянником Алексея Михайловича, сыном его брата Михаила Михайловича Белоусова, замечательного актера нашего театра, народного артиста Украины. Сын вспоминал: когда Михаил Михайлович ушел из жизни, его внуку было чуть больше двух лет. И к приходящему в гости Алексею Михайловичу малыш тянулся ручонками, принимая его за Михаила Михайловича (братья были похожи) и называл его «деда Миша», ласкался к нему... Слезы начинали застилать глаза Алексею Михайловичу, он не выдерживал, убегал в туалет, закрывался там и плакал навзрыд, так что было слышно во всей квартире...

В памяти он остался другим. Вспоминая Алексея Михайловича, нельзя не улыбнуться доброй улыбкой, отражающей образ того светлого, трогательного, глубоко порядочного человека и прекрасного актера, каким он был. Вспоминая его, хочется в ответ улыбнуться на его заразительную, приветливую улыбку.

**ЛЕОНИД ГЕОРГИЕВИЧ
БАКШТАЕВ**

Народный артист Украины

Романтик театра и кино

Эту удивительную молодую пару я увидел на главпочтамте Кривого Рога. Среди остальных обычных посетителей они казались пришельцами с другой планеты, на которой обитают люди необычайной красоты. Он – в голубом костюме, выше среднего роста, стройный, ладный с русыми волосами и серо-голубыми глазами, напоминал молодого викинга. Она – тоже стройная, чуть ниже своего спутника, с длинными волосами, ниспадавшими на плечи. С красивым и одухотворенным лицом. Я просто-таки засмотрелся на них. Они тоже посмотрели на меня, о чем-то переговорили между собой и направились ко мне.

– Добрый день, – обратился ко мне незнакомец, – мы ваши коллеги, актеры театра, нас еще не успели представить труппе. Хотим с вами познакомиться: это – моя жена Маша Федорович, я – Леонид Бакштаев. Вчера видели вас в спектакле «Богатые невесты» в роли Пирамидалова, вы нам очень понравились.

– Вы преувеличиваете. К сожалению, вчера у меня был не лучший спектакль.

– Да нет, вы нам действительно очень понравились, – поддержала своего мужа Маша, – еще сказала Леше: «Смотри, какой интересный актер играет Пирамидалова».

Бакштаев был приглашен в Днепропетровский театр им. Максима Горького из Николаева с правом дебюта в роли Глеба Космачева в одноименной пьесе Кочетова. Он уже играл ее раньше. Мы были наслышаны, что это – прекрасная работа. Но сколько раз приходилось убеждаться, что после предварительной хвалебной оценки, когда сам, наконец, посмотрит эту работу, тебя, как правило, ждет разочарование.

С первых репетиций Леонид Бакштаев поразил нас всех. Сдержанная, искренняя манера ведения одних сцен, мощные взрывы могучего темперамента в других, не могли не вызывать понимания, переживания, более того, это покоряло, захватывало. Особенно пронзительны были сцены с семилетним осиротевшим сыном героя. Молодая жена Космачева незадолго перед этим ушла из жизни. Комок сжимал горло в сценах отца и сына.

Премьера прошла с большим успехом, театральный Днепропетровск открыл для себя нового талантливого актера.

После этого дебюта с еще большим успехом Бакштаевым были сыграны такие главные роли: Клайд в спектакле «Закон Ликурга» – инсценировка по роману Т. Драйзера

«Американская трагедия», Карл Моор в «Разбойниках» Ф. Шиллера, Платон в «Платоне Кречете» А. Корнейчука и другие.

В то время среди актеров ходила шутка: «Существуют две непреложные истины: Пушкин – гениальный поэт; Днепропетровск – не театральный город». Но, с появлением здесь Бакштаева, зрительный зал стал заполняться значительно активнее.

Директора театров, в которых работал Леонид Бакштаев, чтобы удержать его, всегда старались выбивать для актера самые лучшие квартиры в городе. Он ремонтировал их собственными руками, делал это с большой фантазией и вкусом. Эта черта, кстати, проявлялась во всем: в манере разговаривать, в одежде, прическе, в выборе сценических костюмов, в гриме, в создании театральных образов. Откуда же у него такое чувство вкуса? Наверное, развитию его способствовала удивительная природа сказочных лесов Белоруссии, ведь детство Бакштаева прошло в доме бабушки и дедушки: они ему были вместо родителей (мать умерла в 1938 году, а отец, добровольцем уйдя на фронт, пропал без вести). Их дом находился на краю деревни Добрыня, возле самого леса. Неподалеку протекала речушка Добрынька. Свежие туманные рассветы, красочные закаты, костры в ночном с фырканием лошадей и печеной картошкой, походы за ягодами и грибами, огромное небо, в которое он всматривался, лежа в траве, возле пасущихся коров, – все это наполняло незабываемыми впечатлениями чуткую детскую душу. А еще война, страшным катком прошедшая по его детству. Голод, страдания близких, гибель людей на глазах ребенка – способствовали раннему взрослению мальчика, воспитанию умения чувствовать чужую боль, как свою.

Время, проведенное в днепропетровской изысканноотремонтированной трехкомнатной квартире Бакштаева, в их гостеприимном доме, где меня каждый раз уговаривали заночевать, навсегда осталось в памяти. Будто сейчас слышу, как Маша, прерывая наши долгие беседы с Лешей, говорит: «Мальчики, я приготовила ужин, так что, пойдете к столу. Олег, ты у нас остаешься и никаких отговорок – тащиться через весь город, на ночь глядя, и не вздумай, – категорическим тоном заявляла она. И уже после ужина: «Леша, у тебя завтра тяжелый спектакль, не засиживайтесь слишком долго».

В общем, после работы в театрах Ферганы, Майкопа и Николаева, Днепропетровский период в жизни Леонида Бакштаева был особенно успешным. Телевидение делало

о нем передачи, актера постоянно приглашали на творческие встречи со зрителями, со словами благодарности его останавливали на улицах прохожие, поклонницы напоминали о себе.

Как-то мы с Юрием Григорьевичем Критенко, тогда актером Днепропетровского украинского театра им. Т. Шевченко и моим киевским знакомым с детских лет, смотрели в Театре им. Горького «Разбойники» Шиллера. Бакштаев в роли Карла Моора был в этот вечер особенно хорош.

– Ну, ты посмотри на него, – вполголоса во время действия сказал мне Юра, – это же столичный актер. В Киеве таких найдется немного.

И в 1966 году Бакштаева действительно пригласили на прославленную сцену киевского Театра им. Леси Украинки. Так распорядилась судьба, что в этом же году и я по конкурсу был принят в эту труппу. В Русской драме Бакштаеву предоставили право дебюта в спектакле «Хождение по мукам» по инсценировке одноименного романа А. Толстого режиссера Влада Нелли. Спектакль в постановке того же Нелли, но с участием Лаврова – Рощина, Романова – Телегина и других прекрасных актеров блистательной труппы Хохлова двадцать лет назад с огромным успехом прошел на гастролях в Москве. А теперь Телегина играл Бакштаев, Рощина – Сивач. Но новый спектакль не стал заметным явлением и скоро сошел с репертуара.

После дебюта Бакштаев продолжает играть главные роли, но бывали в распределениях и второстепенные. Это беспокоило и мучило его. Надо было не потерять веру в себя, ведь в прежних театрах он был первым актером труппы, на которого ходила публика. А в Театре им. Леси Украинки подобные актеры были, и не один.

В первое время Леша жил в комнатке театрального общежития один: Маша заболела и лечилась в Крыму. Как раз в это время он бывал у меня в доме, и моя добрая, хлебосольная мама, наслышанная, какой он хороший актер, как тепло относился ко мне в Днепропетровске, не знала, как бы поудобнее усадить, чем бы особенным попотчевать дорогого гостя. Однажды, сидя у нас, мы смотрели фильм-спектакль по пьесе Бертольта Брехта «Винтовки Терезы Каррар», режиссера Варшавер. Я играл там интересную роль падре Франциско. Леша буквально впился глазами в экран нашего небольшого телевизора. Возможно, к нему тогда пришла мысль, что он мог бы сниматься в кино, если бы представилась такая возможность.

Первое время в Театре им. Леси Украинки Леша жил с тяглым чувством. В письме к Маше он писал: «Все мне здесь чужое, я всем чужой. Чувствую себя скованным, подавленным». Я же с нетерпением ждал, когда он, наконец, заиграет так, как это было в Днепропетровске.

И вот, в нашем театре появилось распределение ролей на спектакль по пьесе Игнатия Дворецкого «Человек со стороны». Бакштаев был назначен на главную роль Чешкова. Работа шла с большим подъемом. Спектакль на пресловутую производственную тематику получался стремительным, искренним, местами до боли пронзительным. Премьера прошла с большим успехом, и значительную часть этого успеха составляла, впечатляюще сыгранная Бакштаевым роль Чешкова. В прессе появились статьи, поддерживающие спектакль и исполнителя главной роли.

Через некоторое время после нашей премьеры, мы с Лешей пошли в Октябрьский дворец смотреть «Человек со стороны» в постановке Ленинградского Театра им. Ленсовета. По ходу действия мы обменивались ироническими взглядами. Не затрачивая себя, очень обстоятельно, казалось даже, чеканя слова, вел свою роль главный герой этого спектакля. Ясно, что такой Чешков вызвать того понимания и сочувствия, что были в нашем спектакле, не мог.

Потом последовала убедительная работа в спектакле «Варвары» по пьесе Максима Горького. Бакштаев играл роль Черкуна.

И, наконец, роль Никиты в спектакле «Власть тьмы» Льва Толстого. Успех был неожиданным. Во-первых, потому, что актеры труппы, выросшие, в основном, на утонченной драматургии Антона Чехова, Виктора Розова, Алексея Арбузова, встретившись с дикой стихией жестокой, дремучей жизни деревни в пьесе Толстого, не потерялись, не снились, напротив, почти все актеры открылись новыми гранями своего дарования и тем украсили спектакль. Вспоминаются очень удачные работы Юрия Мажуги, Дмитрия Франько, Анны Николаевой, Ирины Буниной, Александры Смоляровой, Валерии Заклунной, Лидии Яремчук, Александра Анурова, но особенно памятна роль Никиты в исполнении Леонида Бакштаева. Его герой был совсем молоденьким деревенским пареньком.

В длинной, почти до колен, неподпоясанной холщевой рубахе, из-под которой были видны ноги в полотняных штанах, с намотанными на них онучами, в лаптях. Прядь выющихся, цвета спелой ржи, волос спадала на лоб.

Эдакий сказочный красавец Лель. К тому же, сердечность Бакштаева создавала на сцене особенную ауру. Зритель верил его герою, сочувствовал, переживал за него. Особенно впечатляла сцена покаяния. Режиссер поместил Никиту на самый верх вертикального трехэтажного оформления художника Сумбаташвили, все же остальные участники спектакля находились на сцене. Стоя на коленях, там, наверху, обливаясь слезами, Никита – Бакштаев истошно, раздирающим душу голосом кричал, каялся в своих грехах перед Богом, перед людьми. Готовый принять наказание, как избавление от невыносимых душевных мук, кланялся всем, прося у них прощения. Поражало, с какой мощью проводил актер эту сцену. И вспомнилось насыщенное тяжелым физическим трудом детство Леша – сельского жителя, и его ежедневные восьмикилометровые походы лесом в школу, в соседнюю деревню – в теплое время пешком, а зимой на лыжах.

Уже к тому времени Бакштаев начал успешно сниматься в кино. После фильмов «Белая птица с черной отметиной» режиссера Юрия Ильенко, «Аты-баты, шли солдаты» Леонида Быкова, «Комиссары» Николая Мащенко, к театральной славе Леша добавилась известность в кино.

Тогда же Леша вместе с актерами нашего театра участвовал в походе на байдарках, который мы всегда тепло вспоминая, называли «именем Бакштаева»: речка, по которой мы плыли, протекала недалеко от мест его детства. Я никогда не встречал более активного и деятельного туриста, чем Леша, не говоря уже о том, что каждый раз, возвращаясь из лесу, он приносил то грибы, то ягоды, то цветы, то лечебные травы: в лесу он чувствовал себя, как дома, хозяином. Но особенно ярко запомнился Леша своим кулинарным искусством. Когда он работал в Николаеве, старая хозяйка квартиры, где они жили с Машей, научила его готовить настоящую фаршированную рыбу. И вот, когда ребята наловили больших язей, Леша приготовил нам удивительное блюдо. Это было незабываемо: рядом дым угасающего костра, в котле заваривается чай с только что сорванной мятой, пар идет от гречневой каши с маслом, и апогей всего – незабываемо-вкусная Лешина фаршированная рыба.

Бакштаев был редким книголюбом. Его постоянно можно было видеть с книгой в руке. На остановке троллейбуса, в салоне городского транспорта, укачивая проснувшуюся дочурку в коляске одной рукой, он держал книгу в другой руке и продолжал читать. Мало того, что каждую свободную минуту от работы в театре и вне театра, от семейных забот и

воспитания детей, он заполнял чтением, Леша получал удовольствие и от приобщения других к полюбившейся ему литературе. Так, в 1962 году, на гастролях Днепропетровского театра им. Горького в Донецке, он сказал мне, протягивая толстенный том из трехтомной переписки Петра Чайковского и Надежды фон Мекк:

– Вот, прочти, поймешь, откуда такая прекрасная музыка у Чайковского. Когда я прочитал, сразу появилась идея сделать музыкально-литературный вечер по материалам этой книги. К сожалению, эту мечту осуществить так и не удалось. Но зато, в 90-х годах с народной артисткой Украины Ларисой Кадыровой я записал на Радио полчасовой фрагмент, в котором Петр Чайковский сообщает Мекк о своей женитьбе на его молоденькой поклоннице. Там же он делится замыслами по поводу создания оперы «Евгений Онегин» и подробностями работы над четвертой симфонией, которую просит разрешения посвятить ей, Надежде Филаретовне Мекк. В этом фрагменте мне был чрезвычайно дорог свет души Петра Ильича. Фрагмент о тщетности добрых побуждений Чайковского. Женился, потому что хотел быть таким как все, а через месяц супружеской жизни швейцарские врачи, выведя его из глубокой депрессии, рекомендуют: «Переменить образ жизни, несовместимый со здоровьем и даже жизнью пациента». А уже в роковом 1893 году товарищеский суд из бывших коллег по училищу права, возглавляемый сокурсником Якоби, постановил: «Или Чайковский в течение трех дней добровольно уйдет из жизни, или компрометирующее композитора письмо о его повышенном внимании к 18-ти летнему племяннику графа Стенбок-Фермора, близкого товарища царя, ляжет на стол Александра III». И тут Чайковский снова пожертвовал собою, и снова напрасно. Царь, узнав о смерти любимого им композитора, сказал: «Таких, как он – много, Чайковский – один, могли бы и сберечь!»

Часто выступая перед зрителями от Общества книголюбов, Леша мог приобретать редкие для того времени книги. Помню, в нашем театре выстраивались целые очереди, чтобы почитать только что появившиеся «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, «Дом на набережной» Юрия Трифонова. Все эти издания доставал Леша.

В конце 80-х годов сотрудники нашего театра получили садовые участки. Среди них был и Леша. Его участок через несколько лет пользования выглядел самым ухоженным,

просто образцовым: деревья росли у него быстрее, чем у других, и к тому же, плодоносить начали раньше и щедрее, чем у кого-либо, огород был «как лялечка», по словам соседей, и многие ходили к Бакштаеву посмотреть на это диво. Тут опять-таки сказывалась одержимость, самоотверженность его характера. Он упивался трудом, который был для него наслаждением.

В начале 80-х годов Горком партии рекомендовал, а партийное бюро утвердило кандидатуру Леонида Бакштаева на должность секретаря партийной организации театра. Вскоре он получил прекрасную 4-х комнатную квартиру на улице Полевой. А в 1986 году, к 60-летию театра, вместе с Анатолием Пазенко и Валерием Бессарабом получил звание народного артиста Украины. Но в это же время Леша говорил мне, чуть ли не с отчаянием:

– Ну что это такое, работаю, как вол и в театре, и в кино, выступаю в концертах от разных обществ, а семью, как следует, обеспечить не могу.

Он почти не пил, только по очень большим праздникам. В компаниях время и деньги не разбазаривал, экономил по мелочам, себе во многом отказывал, чтобы только все отдать в семью. Марина, его старшая дочь, рассказывала:

Принесет папа деньги домой, положит на стол и скажет: «Покупайте, что кому нужно, только смотрите, чтобы до конца месяца хватило». А еще она вспоминала, сколько юмора, выдумки и розыгрышей привносил папа в семью. Отец он был просто образцовый. Марина вспоминала, что все самые яркие впечатления раннего детства связаны с отцом. А Леся, младшая его дочь... Помню, как на гастроли в Ереван Леша взял с собой пятилетнюю Лесю. Глядя, как каждый раз он терпеливо старался накормить ребенка, как, гуляя с ней, постоянно что-то рассказывал, как круглые сутки, кроме сна и выходов на сцену, постоянно находился с ребенком, и, невзирая на это, как всегда свежо и вдохновенно играл своего Лопахина в «Вишневом саде» и мужа Нади – главной героини «Хозяйки». Мне тогда думалось, с каким запасом прочности этот человек! А еще вспоминается день в Ереване, когда мы с Лешей выбирали одежду – я своим девочкам, а он – Лесе. Когда он примерял ей платье, курточки, подумалось: не часто даже мамы так заботливо относятся к своим детям.

В начале 90-х годов услышал от Леси, что папа заболел... что-то с кровью... Я тогда не придавал ее словам особого значения... Леша такой выносливый, сильный, здоровый,

никогда ничем серьезным не болел, пройдет тщательное обследование и все будет в норме.

Помню, я договорился с ним о встрече на платформе станции метро «Тараса Шевченко» возле первого вагона. Леша немного задержался.

– Извини, что опоздал, – сказал он, приблизившись ко мне, – идя к тебе, по дороге из больницы, зашел на базар. Вот купил петрушку, укроп, сельдерей, врачи советуют это каждый день есть.

– Что у тебя? – с тревогой спросил я.

– Понимаешь, – он приглушил голос, – у нас эту болезнь не лечат... надо ехать в Германию... и стоит эта поездка и лечение немислимо дорого... мои знакомые врачи обещали устроить поездку через Красный крест. Как раз сейчас этим занимаются. Ты только никому об этом в театре не говори.

Леша по-прежнему принимал участие в своих спектаклях в театре, сыграл даже в премьере «Чайка» роль Шамраева. Сыграл темпераментно, мощно, но многие его не узнавали: Леша после лечения внешне немного изменился. Да и уж очень острый, яркий рисунок был этой характерной роли. К нему же привыкли как к исполнителю ролей героического плана.

Как только я узнал от близких Леша, что он находится в больнице недалеко от станции метро «Петровка», на следующий же день приехал к нему. Он изменился еще больше, но главное – настроение стало хуже: у врачей, обещавших ему помочь с поездкой за границу от Красного креста, ничего не получилось.

Тогда же он заканчивал сниматься в одной из главных ролей в фильме «Кирпачий Мефистофель» – сценарий по книге Владимира Винниченко, режиссер – Юрий Ильяшенко. Последние кадры роли снимались на общих планах, так как актер уже заметно изменился.

А Леша, когда к нему приходили близкие, шутил:

– Вот, я стал не очень похож на себя и играю всяких характерных типов, а когда выздоровею и вернусь к своей обычной форме, снова возьмусь за прежние роли.

В конце июля 1995 года я заехал в Феофанию, в больницу к Леше. Зашел в его отдельную палату, мы обнялись, и он прижался ко мне, будто к надежде, к той части жизни, которая ждет его после выздоровления.

– Сегодня у меня последний день сезона, – начал я, перекладывая из своей сумки в его тумбочку ягоды, фрукты, зелень, которые были ему так нужны, – а с завтрашнего дня мы

с женой поедем отдыхать по курсовкам в Миргород. Я решил перед отъездом обязательно тебя навестить.

– Рад, что ты пришел, – начал Леша, – а я вот тут о тебе статью написал, – лукаво улыбаясь, протянул мне несколько листов исписанной бумаги, – передай в журнал «Украинский театр». Думаю, там напечатают.

Позже я прочитал эту статью и мне показалось, что в ней было больше доброго отношения старого приятеля, чем объективной оценки. И решил никуда эту статью не относить.

В палате раздался телефонный звонок. Леша снял трубку.

– Алло, это ты, Машенька... ничего, все нормально, – отвечал он, – Маша, я тебя прошу, не приезжай сегодня ко мне... тут вот Олег заглянул, принес всего... отдохни хоть немного, в такую даль тащиться. Я тебя очень прошу, отдохни сегодня.

После этого, подсаживаясь ко мне, сказал:

– Вчера закончил курс химиотерапии... тяжело это, скажу я тебе. А сегодня дежурная няня накричала на меня, что я термометр разбил, – обиженно, как маленький, пожаловался он, – да Бог с ней, – спохватился.

– Понимаешь, я тут кое-что написал и хочу прочитать тебе несколько страниц. Услышать твое мнение, понять, что это... И он стал читать. Из небольшого отрывка стало понятно, речь идет об истории его жизни и любви к единственной своей женщине, жене Маше. Но написано было таким живым языком, так искренне, взволнованно и интересно, с таким юмором и с такими яркими характерами людей, которые встречались ему в жизни, что захотелось попросить читать дальше, когда он закончил и посмотрел на меня.

– Леша, по-моему, очень интересно, – совершенно искренне сказал я, – пиши дальше, заканчивай. Все это будет отвлекать тебя от ненужных мыслей, помогать бороться с болезнью. Так что работай.

На лице у него появилась довольная улыбка.

– Леша, я давно хотел спросить тебя, наверное, не кстати, зачем ты согласился стать секретарем партийной организации?

– Ты же ничего не знаешь, – немного помолчав, с улыбкой начал он, – на гастролях в Варне в 1974 году один болгарский актер пригласил нас с Игорем Стариковым после последнего спектакля отпраздновать его день рождения на даче; она находилась далеко за городом. Пообещал отвезти нас своей машиной обратно. Но машина сломалась, а в восемь часов того же утра всех актеров должны были отвезти на вокзал к поезду Варна-Киев. Вышли мы с Игорем в три часа ночи

на шоссе, стали голосовать, но все проезжали мимо. И только, когда стало светать, остановилась одна машина. Водитель по-английски спросил, куда нам. С горем пополам объяснили, что мы актеры из Киева и опаздываем на поезд. Он молча открыл нам дверцу машины. Усаживаясь, спросили, сколько с нас. Водитель, улыбаясь, сказал, чтобы вместо этого мы спели ему несколько русских песен, которые он очень любит. И всю дорогу мы пели. Никогда, наверное, мы так не старались, как в то утро. Без пяти восемь подъехали к гостинице, и тут все актеры, которые уже сидели в автобусе, с огромным удивлением наблюдали, как мы стремительно выскакивали из машины с дипломатическими номерами и государственным флагом США. По приезде в Киев, нас с Игорем по отдельности вызывали в органы. Мы договорились рассказывать, как все было, чтобы рассеять подозрения. Вызывали нас туда еще несколько раз.

А в восьмидесятом году меня пригласили в Горком партии.

– Леонид Георгиевич, – начал в своем кабинете, приветливо улыбаясь, второй секретарь горкома, – мы хотели рекомендовать вас на должность секретаря партийной организации Театра им. Леси Украинки и нас интересует ваше отношение к этому.

– Очень благодарен, что мне оказывают такое доверие, – отвечал я, – но мне не приходилось заниматься руководящей работой, и для этого нет необходимых качеств.

– Товарищ Бакштаев, – как-то устало продолжал секретарь, – вы уже сыграли роль руководителя производства, роль военачальника, сыграли даже роль Ленина. Не сомневаюсь, сыграете и роль секретаря партийной организации.

– Но у меня семья, девочки подрастают, – цеплялся я, как утопающий за соломинку, – работа в театре, кино, встречи со зрителями – у меня времени нет.

– А в случае вашего отказа, – голос секретаря начал наливать металл, мы припомним коммунисту Бакштаеву его поведение в Болгарии. И ни новых ролей, ни новых званий, ни квартиры, возможно, и работы в этом театре у вас не будет.

– Что мне тогда оставалось делать? Я согласился.

Поговорив еще некоторое время, я стал собираться. А на прощанье сказал:

– До встречи, Леша, дай тебе Бог поскорее выздороветь, а когда выкарабкаешься отсюда, я отведу тебя к доктору Кошелю, и он научит тебя, как надо жить, не болея.

На следующий день мы с женой уехали в Миргород, принимали процедуры, питались в санатории и жили на квартире

моих старых знакомых. На восемнадцатый день позвонила из Киева моя младшая дочь Аня:

– Папа, дядя Леша умер, – чуть слышно сказала она. После завтра похороны.

Я зашел в комнату, прикрыл дверь и, что называется, отвел душу. У меня случился нервный срыв, такой, как в тот день, когда ушла из жизни мама. Вечером жена рассказывала, что слышала разговор детей с хозяйкой дома, доносившийся из кухни.

– Бабуню, а чога дядя плаче?

– У нього товариш помер.

На следующий день мы выехали в Киев.

После похорон Леша я отнес его статью, которую он в Феофании просил передать в журнал «Украинский театр». Теперь ее публикация была возможна и уместна: человек ушел из жизни, но, как свет далекой угасшей звезды, продолжает доходить до нас, так и он, как бы из небытия, продолжал заботиться о людях, поддерживать их. Статья вышла как письмо товарищу, и называлась: «Ми пили життя, як цілюще вино».

В это же время по моей просьбе Маша передала мне Лешину рукопись, и старый знакомый, еще с молодых лет – Саша Немой, к тому времени преуспевающий банкир отвел меня к своему шефу – председателю правления банка «Реал» – Юрию Меркурьевичу Шрамко. Я был с редактором журнала «Ренессанс» Виктором Владимировичем Шлапаком, издателем будущей книги Леонида Бакштаева.

– Охотно пошел бы вам навстречу, – ответил Юрий Меркурьевич, когда мы изложили свою просьбу, – но, к сожалению, не знаю, кто это.

Я молча выложил на стол фотографии Леша в ролях из разных фильмов.

– Так это же полковник из «Аты-баты, шли солдаты», а это из «Комиссаров». Тогда – никаких проблем, пишите заявление.

Книга Бакштаева была издана под названием «Прерванная исповедь», и сразу же в Доме кино состоялась ее презентация. Я отнес два экземпляра книги в Библиотеку им. Вернадского, и теперь каждый, кто захочет, сможет ее прочитать. Значит, Леша не ушел от нас навсегда, не канул в вечность, он остался в воспоминаниях друзей, в киноролях, в его книге.

Жестокое время неумолимо забирает из жизни людей. Уже немного осталось в театре актеров, которые знали или просто помнили Леонида Бакштаева. Но, тем не менее, в день

его рождения, 10 мая группа коллег, у которых Леша оставил в душе добрый след, приезжали к месту захоронения артиста. Это Ирина Дука, Лидия Яремчук, Давид Бабаев, Ольга Первеева, Владимир Жмакин и другие.

В 2005 году, на 10-ю годовщину ухода из жизни Бакштаева, я приехал на кладбище с одной его знакомой, и, положив цветы к надгробию, долго рассказывал ей все, что помнил о Леше. Большой деревянный крест над могилой – такова была воля покойного, разохся. По нему пошли глубокие трещины, да еще он и покосился. Приехав в театр, я рассказал об этом заместителю генерального директора по экономической и хозяйственной деятельности – Гертруде Львовне Печкарской, которая очень тепло относилась к Леше.

– Олег, а вам не трудно было бы съездить и узнать, сколько может стоять памятник Леше? – спросила она.

– Конечно, не трудно.

– Значит, когда вам будет удобно, возьмите театральную машину и съездите.

Я узнал приблизительную сумму и сообщил ей. Гертруда Львовна переговорила с Михаилом Юрьевичем Резниковичем, и, невзирая, что тогда шла упорная борьба коллектива театра за то, чтобы сохранить художественного руководителя и генерального директора театра на своих постах, и неизвестно было еще, чем все могло закончиться, положение было тяжелейшее, и, казалось, было не до этого, Михаил Юрьевич дал добро на изготовление памятника. К следующему дню рождения Леонида Георгиевича Бакштаева актеры возложили цветы к его памятнику. В нескольких словах эпитафии мне кажется, точно передана суть его личности и того, что он успел сделать на этой земле:

*Бакштаев Леонид Георгиевич
Народный Артист Украины
Романтику театра и кино
С любовью*

**ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
СИВАЧ**

Народный артист Украины

Удивительно пронзительный актер

Впервые я увидел Валерия Николаевича Сивача осенью 1965 года в вестибюле центрального входа Театра имени Леси Украинки. Он был вызывающе элегантно одет. В блестящем черном кожаном пальто с белым шарфом, в черной фетровой шляпе. Он гулко стучал подкованными каблуками туфель по кафельному полу вестибюля. То ли хотел заглянуть в окошко администратора, то ли в кассу, не помню. Стало ясно – в нашем театре появился новый актер, который буквально ворвался в него на гребне славы своей предыдущей работы в свердловском театре. Гастроли этого театра тем летом как раз проходили в Киеве, и столичные театралы имели возможность познакомиться с любимцем свердловской публики. Сивач играл главные роли в спектаклях «Дон Хиль – зеленые штаны» Тирсо де Молина, «Украла консула» Георгия Мдивани. Лицо актера выражало, я бы сказал, просто-таки пугающую уверенность: уголки рта опущены вниз, излом бровей приподнят, тяжелые веки близоруких глаз чуть нависают над зрачками, гордый орлиный профиль венчал эту впечатляющую картину. Этакий типичный голливудский супермен. Понять его уверенный вид и природу появления в Киеве можно было, хотя бы по одной такой причине. Известный драматург Леонид Зорин в своей пьесе «Палуба» героине, которая хотела вызвать ревность любимого, вложил в уста следующий текст: «Между прочим, я познакомилась с известным актером Сивачем... и дала ему свой телефон». И эта информация возымела действие. А дело было в том, что Зорин видел Сивача в одном из свердловских спектаклей. Тот очень понравился драматургу, и, поблагодарив актера за хорошую работу, Зорин пообещал: «Я как-нибудь вспомню вас в одной из своих пьес...» И сдержал свое слово.

Почти каждому талантливому актеру, пришедшему в Театр им. Леси Украинки, руководство предоставляло право дебюта в главной роли в премьерном спектакле. Такое право получил и Валерий Сивач. Если роль, сыгранная в дебютном спектакле, становилась событием, актер и дальше продолжал свой звездный путь, играя главные роли. Если же нет... помогал театру, играл то, что нужно было художественному руководству театра, а не то, что бы ему хотелось и он мог бы хорошо сыграть. Эти роли уже исполняли более профессиональные, более одаренные или просто более умелые в закулисных делах актеры. Валерий Николаевич как-то мне признавался, что по договоренности с руководством Театра им. Леси Украинки,

он должен был дебютировать в роли Хлестакова в гоголевском «Ревизоре». Его же дебютом стала роль Дон Карлос в одноименной пьесе Шиллера. Но во многих последующих ролях Сивач пытался сыграть то, что не удалось сыграть в Хлестакове.

Нет, Валерий Николаевич и дальше играл главные роли, правда, в очередь. В «Браке по конкурсу» – Филиппо, в «Хождении по мукам» – Рощина, и многие другие роли.

Но через некоторое время ему, на котором держался репертуар свердловского театра, и которого обожали зрители этого города, в Киеве стали предлагать вторые, третьи роли. Он играл их прекрасно, но наверняка переживал, так как чувствовал себя не в своей тарелке. Разумеется, стал бороться за собственное место в труппе, но избрал для этого самый чистый, самый честный путь. И тут проявилось очень важное, завидное качество актера: Сивач мог самостоятельно готовить свои роли.

Режиссер Борис Владимирович Эрин создавал свой спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского в нашем театре с Юрием Николаевичем Мажугой в роли Глумова. Спектакль получился. Его тепло принимал зритель, высоко оценила критика. Мне посчастливилось быть свидетелем встречи Юозаса Мильтиниса – художественного руководителя знаменитого Паневежиского театра с участниками спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» после его просмотра. «Очень яркое впечатление от спектакля, и особенно от исполнения Мажугой роли Глумова, – с прибалтийским акцентом говорил Мильтинис. – Такое европейское решение образа в таком великолепном воплощении. С одной стороны – глубокое проживание событий в сценах, а с другой – некоторая отстраненность от образа».

Тогда же самостоятельно над ролью Глумова работал Валерий Сивач. Он сидел в зале во время репетиций Ю. Мажуги, и потом после четырех репетиций сыграл спектакль. Я помню его премьеру. Рисунок роли Глумова в исполнении Сивача, который принял режиссер-постановщик, был совершенно отличен от рисунка роли Юрия Мажуги. Глумов-Сивач был красивым, обаятельным молодым человеком, который смотрел на всех, кто мог бы ему помочь, восторженными и преданными глазами. Краснел, спрашивая советов, и, смущаясь, просил порекомендовать им. Но влюбляя в себя персонажей спектакля, он влюблял в себя и зрителей, и зал долго аплодировал после того как Глумов в финале спектакля, разгневанный кражей его дневника, в котором он объективно,

а порой издевательски оценивал своих покровителей, горячо и страстно клеймя их, доказывал, что все, возмущавшее в дневнике – правда. Они сами за спинами друг о друге говорят то же самое! Юрий Николаевич Мажуга, успешно репетируя и играя новые роли в новых спектаклях, со временем перестал играть Глумова. И одиннадцать лет спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» с Валерием Сивачем в главной роли, шел на нашей сцене с большим успехом. Его очень хорошо принимали киевляне, а также москвичи и ленинградцы на гастролях Театра им. Леси Украинки в этих городах. Но как-то особенно он был воспринят на гастролях в Болгарии, в Варне (в то время в этом городе проходил Чемпионат мира по волейболу с участием женской сборной Советского Союза). Я вместе с несколькими нашими актерами посмотрел пару игр, и как-то, на одной из улиц Варны к нам с Лешей Бакштаевым подошли две симпатичные, стройные и высокие девушки. Я узнал в них спортсменок нашей сборной по волейболу.

– Мы вчера посмотрели ваш спектакль «На всякого мудреца довольно простоты». Хотя мы москвички, но теперь всем будем говорить – какой замечательный театр в Киеве! – услышали мы восторженный зрительский отзыв.

Очень широкий диапазон характеров воплощал Валерий Николаевич Сивач. Им были сыграны жесткие, пугающие своей недоброй силой: генерал Хименес в «Интервью в Буэнос Айресе» Г. Боровика, Штубе в «Разломе» Б. Лавреньева, Сталин в «Генерале Ватутине» Л. Дмитерко. И тут же светлые, смешные простакки – Колосенок во «Встречах поздних и ранних» В. Пановой, Мужский в «Добряках» Л. Зорина. Можно было бы долго перечислять несхожие, яркие характеры, созданные Валерием Сивачем, но я хочу вспомнить одно его очень важное качество... Валерий Николаевич мог быть удивительно трогательным, искренним, щемящим, если в роли был материал, который позволял этому проявиться. В спектакле «Хищники» по пьесе А. Писемского, его граф Зыров, главный начальник ведомства, в сцене с любимой дочерью, которая для него в жизни – все, вдруг начинает понимать, что она хочет добиться назначения на его должность своего любимого мужчины. Как пронзительно проводил эту сцену Сивач. Сколько смертельной боли испытывал его герой, и как он пытался скрыть глубину своих страданий.

В спектакле «Долетим до Милана» О. Заградника герой Сивача – рафинированный интеллигент, глубоко порядочный пожилой человек, рассказывает своим друзьям-сожителям, таким же неустроенным безработным людям, как и

он, которых приютила на своей квартире пани Ломска и где они живут одной семьей, как он впервые в жизни, на улице, преодолев стыд, стал просить милостыню. Опять комок в горле...

В спектакле «Возвращение в Сорренто» А. Николаи два одиноких, никому не нужных героя, живущих в доме престарелых, готовятся бежать в Сорренто, город их юности. Подготовка к бегству их окрыляет, придает смысл жизни, дарит веру, что счастье еще возможно. И вот уже накануне побега, один из них внезапно уходит из жизни. Герой Сивача тормошит своего товарища, не веря, что тот умер, рассказывает, какое счастье их ждет в Сорренто, не желая согласиться с тем, что его друга уже нет в живых. Я помню, как слезы застилали мне глаза во время этой сцены.

Вспоминаю, как бывало, на общих собраниях коллектива, Валерий Николаевич выходил стремительно к столу ведущего. Казалось, человек по-деловому идет с важным сообщением, но вот он повернулся к сидящим в зале... на лице – мальчишеская озорная улыбка и он, еле сдерживая себя, чтобы не рассмеяться, начинает рассказывать какую-то смешную историю или притчу, порой просто анекдот. Присутствующие хохочут, и вместе с тем многозначительно переглядываются, мол, что он, не понимает? Валерий Николаевич смеется вместе со всеми над анекдотической историей, и над собой, который здесь шута разыграл, чтобы повеселить всех. И вдруг уголки его рта опускаются... повеселились, мол, а теперь нужно и серьезно, и, связывая выводы из только что прозвучавшей смешной истории с жизнью нашего театра, начинает высказывать такие жесткие, справедливые и бесстрашные истины в адрес руководства театра, что многие холодеют – как он такое может говорить?

И еще – о его понимании справедливости. В советское время часто повторялся лозунг: «Актеры – бойцы идеологического фронта». Понятно, что подавляющая часть труппы была коммунистами. Чего греха таить – так было легче. И только несколько ведущих актеров театра были беспартийными. Их можно пересчитать по пальцам: Анатолий Решетников, Дмитрий Франько, Мальвина Швидлер, Надежда Батурина, Николай Досенко, Ирина Бунина, Лариса Кадочникова, Валерий Сивач, кажется, все. Но накануне распада Союза некоторые коммунисты выбрасывали свои партбилеты, другие, даже публично сжигали их. И вот Сивач, видя в этом элемент непорядочности – бегут, как крысы с тонущего корабля – в это время вступил в партию. Более того, возглавил

партийную организацию театра. Правда, просуществовала она две недели, наступил распад Союза. Но в этом его поступке хорошо видна суть человека.

Благодаря своему комедийному дару, Сивач пользовался большим успехом, выступая с эстрадными миниатюрами в концертах. Валерий Николаевич любил приносить эту радость людям настолько, что замечательному, пронзительному спектаклю «Возвращение в Сорренто» предпочел на своем бенефисе смешной моноспектакль, составленный из эстрадных монологов. Раньше он играл его в Киевском театре «Браво». А репетиции перед бенефисом с Валерием Николаевичем проводил народный артист Украины Давид Владиринович Бабаев, который какое-то время работал на эстраде, и долгие годы руководит кафедрой разговорного жанра в Академии эстрадно-циркового искусства.

С Валерием Николаевичем мы всегда были в добрых отношениях. Еще с моего прихода в Театр им. Леси Украинки совсем молодым актером, когда он уже играл ведущие роли, у нас установились отношения «мэтра» и его искреннего почитателя.

Будучи членом профкома, я однажды навестил его дома, когда он болел. Валерий Николаевич жил тогда на Бульваре Леси Украинки, был один, лежал на широкой постели, буквально обложенный книгами. Тогда я впервые увидел его в очках в тонкой позолоченной оправе. Мне запомнилась теплота и сердечность его гостеприимства.

В жизни Сивач часто говорил очень быстро, так что иногда было трудно разобрать, о чем шла речь. Но на сцене, более четко проговаривая слова, он сохранял эту легкость произношения текста и достоверность живой повседневной речи. И зрители, особенно в спектаклях комедийного жанра, часто благодарно реагировали на его текст смехом, а порой аплодисментами. Я ему после очередной сдачи нового спектакля, бывало, говорил: «Валерий Николаевич, как вы умудряетесь так легко и естественно произносить текст и быть слышимым в любой точке зрительного зала?» Он в ответ добродушно смеялся.

Потом мы не раз в очередь играли с ним одни и те же роли: Мужского в «Добряках» Л. Зорина, господина Марковича в «ОБЭЖ» Б. Нушича и другие спектакли. Меня хорошо принимали зрители, и были те персонажи в моем исполнении смешными и трогательными, но той легкости и непосредственности, которыми отличались эти роли у Валерия Николаевича, у меня не было.

Валерий Николаевич вел разумный образ жизни. Практически не пил, очень редко в компании позволял себе побаловаться сигаретой, ежедневно делал утреннюю зарядку, а днем работал с гантелями. В результате имел рельефный торс и могучие руки. Летом, когда на нем была тенниска, бывало, согнув руку в локте, так что вздувались внушительные бицепсы, говаривал:

«Ну-ка, Олегушка, потрогайте!» Я трогал, мышца была, как железная. Может, с годами он так мало изменился внешне еще и потому, что был занят любимым делом. Помимо спектаклей, репетиций, выступлений на эстраде, он постоянно знакомился с новыми пьесами, чтобы найти для себя роль, искал рассказы для выступлений на эстраде, перечитывал новинки литературы. Сыграли, видно, определенную роль и гены... Но у него, по паспорту 75-тилетнего старика, была легкая, стремительная походка, относительно стройная фигура и лицо красивого молодого мужчины.

Как-то мы стояли на проходной возле большого зеркала, и я сказал ему, указывая на наши отражения: «Валерий Николаевич, ну посмотрите, я бы мог вашего отца в каком-нибудь спектакле сыграть» (а я на 10 лет моложе).

Из зеркала на нас смотрели: один человек с серым, уставшим лицом, мешками под глазами, жидким покровом волос, и другой – с прекрасным цветом лица, без единой морщины, густыми волосами. Он действительно выглядел значительно моложе меня.

Уже в 90-х годах, как-то на спектакле «Блоха в ухе» Ж. Фейдо (Сивач играл доктора Финаша, а я – Этьена), сидя за кулисами после отыгранных сцен, перед поклоном, мы разговорились. «Ну вот, Олегушка, – обратился он ко мне, – вы сейчас, можно сказать, нормально заняты в репертуаре, неплохие роли играете, рад за вас». А в 2003 году, после показа на канале «Культура» моей программы о Викторе Халатове в цикле «Театральные силуэты», Валерий Николаевич сказал: «Видел вашего Халатова... мне понравилось, только зачем выставляете оценки – такой-то – лучший актер труппы? Это время рассудит».

Ирина Михайловна Дука, актриса нашего театра, народная артистка Украины, поставила на нашей сцене много спектаклей. Она – удивительный, тонкий мастер, умеет, будто бы прикоснувшись волшебной палочкой к судьбе забытого, не совсем востребованного актера, вдруг сделать так, что он в работе с ней расцветает, сверкая новыми гранями своего

дарования. Многие коллеги удивляются – как же раньше они его не замечали?

Как режиссер, Ирина Михайловна впервые встретилась с Валерием Николаевичем в спектакле «Жиды города Питера» Братьев Стругацких, где он был назначен на роль Пинского. Сивач поразил ее своей готовностью к репетициям, количеством и качеством собственных наработок и придумок. По ходу спектакля он должен был петь куплеты, рассказывать анекдоты. Смеялись зрители, но и актеры, выходя из образов, смеялись, пряча от зрителей свои хохочущие лица, так как в тексте персонажа Сивача часто появлялось много неожиданных новинок. В спектакле были главные герои, которых замечательно играли наши актеры, но для зрителей главной фигурой был одержимый, трогательный, смешной и мудрый Пинский в исполнении Сивача.

Прекрасно он также играл своего героя в спектакле «Возвращение в Сорренто».

– Ну, что, наплакалась? – спрашивает, улыбаясь, после спектакля Валерий Николаевич свою знакомую, которая пришла поблагодарить его за замечательную работу.

О-ой, Валерий Николаевич! – протянула она, кивая головой. Также, восторженно и благодарно, многие могли бы ответить на этот вопрос.

И вообще, начиная с «Жидов города Питера» Валерий Николаевич, который в прежние годы блистал в ролях героев-любовников, суперменов, стал особенно пронзительно воплощать тему «маленького человека» с глубокой душой, открытым сердцем, с необычным юмором. Это был как бы выход на новую орбиту, начало еще одного счастливого периода в его творчестве. И возраст только способствовал этому.

Валерий Николаевич был женат несколько раз. Жены были достойными, прекрасными женщинами: у такого великодушного мужчины, обаятельного человека и талантливого актера иного и быть не могло. Но так произошло, что в декабре 1983 года он остался один...

Тамара Головчанская, актриса Киевского Театра оперетты вспоминала, как 22 февраля 1984 года в комнате, рядом со сценой актового зала небольшого автохозяйства города Киева, на стуле сидел элегантно одетый мужчина и читал газету. Она, проходя мимо, извинившись, спросила:

– Вы тоже участник праздничного концерта? – Он оторвался от газеты, посмотрел на нее с недоумением и ответил:

– Ну, разумеется, – услышав его голос, она еще раз спросила:

- Вы оперный певец?
- Нет, я драматический актер.

Потом, когда Тамара узнала от своей знакомой, тоже участницы концерта, что это актер из Театра им. Леси Украинки, народный артист Украины Валерий Сивач, она чуть от стыда не сгорела. Ну, кто бы мог подумать, что актер такого масштаба может участвовать в таком маленьком концерте.

Она следила из-за кулис за его выступлением и видела, как горячо принимал артиста постоянно хохочущий зритель. Валерий Николаевич тоже видел, как эта красивая актриса пела выходную арию Марицы и еще несколько романсов. После этого концерта они стали встречаться, потом поженились и вместе прожили двадцать лет и два месяца.

Как-то я встретил Валерия Николаевича возле Оперетты:

- Что вы тут делаете, Валерий Николаевич? – спросил я.
- Жду Тамару, – с достоинством ответил он.

Работая в Театре им. Леси Украинки, Валерий Николаевич, конечно же, мечтал занять такое же место в нем, как и в театре его юности в Свердловске. Честно и добросовестно играя роли в своем родном Театре им. Леси Украинки, он стал наслаждаться частично осуществившейся его мечтой: играл в Театре «Браво» роли, какие хотел и был любим зрителем, как в Свердловске. В «Браво» ходили на Сивача. Со временем некоторые спектакли в этом театре стала играть и его жена, Тамара Головчанская.

Ирина Михайловна Дука рассказывала, что каждый раз, когда Тамара играла в этом театре, а Сивач не был занят, то он приходил за ней к концу спектакля. «Мы все, участницы спектакля, – вспоминала она, – буквально расцветали, когда он, элегантно одетый, заходил в ресторан театра, где мы, бывало, отыграв спектакль, оставались пообщаться, расслабиться. Валерий Николаевич присаживался к нам и его юмор, обаяние так украшали эти вечера». И закончила Ирина Дука свой рассказ: «Он любил и очень ценил эту красивую сердечную женщину, которая посвятила ему свою жизнь».

Художественный руководитель Театра им. Леси Украинки, народный артист Украины Михаил Юрьевич Резникович, вспоминая Валерия Сивача, говорил: «Он был замечательным актером. Мог играть очень многое – от ролей простаков до ролей мудрецов. Но и в простакх, и в мудрецах его отличали главные качества современного артиста – открытость, бескорыстие чувств, удивительная сердечность. Он всегда умел сочувствовать своим героям. Каким-то непостижимым образом эта сердечность перелетала через рампу и

воспринималась зрителем. Много играл в моих спектаклях. У Набокова есть роман «Дар», его лучший роман. Вот такой дар душевности, щедрости был в жизни и на сцене у Валерия Сивача. И если попробовать одним словом назвать дар Валерия Николаевича Сивача, то я бы назвал его – Свет. Со сцены и в жизни он всегда излучал Свет».

В 2004 году начались репетиции спектакля «Немного нежности» Альдо Николаи, режиссером была Ирина Дука. Валерия Николаевича назначили на главную роль Ненила, меня – на роль его друга Бату. У нас была замечательно выписанная сцена, где мой Бату с пластырем на лице после побоев, нанесенных Ненилом на почве ревности к его любимой Мими, пытается примирить их. После одной, очень обнадеживающей репетиции мы поняли, что эта сцена должна получиться замечательно – трогательной и смешной. В хорошем, приподнятом настроении мы расстались.

Через пару дней, вечером я позвонил Мальвине Зиновьевне Швидлер:

– Добрый вечер, Малечка, я хотел вам кое-что сказать, – бодро начал я.

– Олеша, ты что, не знаешь? – услышал в ответ.

– А что? – спросил я.

– Сивача убили, – произнесла она.

– Как убили? – оцепенел я.

– Машина сбила его... насмерть...

Потом я стоял на тротуаре перед «зеброй» того рокового перехода через Бульвар Леси Украинки, на котором не оказалось спасительного светофора. В то утро Валерий Николаевич вышел в хлебный магазин, который находился по другую сторону бульвара. Я мысленно представил себе, как он проходит три ряда машин – они остановились перед «зеброй», пропуская пешехода. До другого тротуара оставалось два метра. А там – жизнь, творчество, радость для него и других. Но какая-то шальная машина со скоростью 150 километров в час сбивает его, начавшего переходить четвертый ряд. Уже неживое тело (он погиб мгновенно) отлетает на 27 метров. Совсем новые туфли (почему-то он одел их в последний выход из дома) спадают с ног и разлетаются по сторонам.

Прощание с Валерием Николаевичем Сивачем было очень горестным. Театр был переполнен нашими потрясенными сотрудниками и коллегами из других театров. Те, кому он был особенно дорог, забивались в закутки, чтобы нарветься вволю. Я подумал тогда, что Валерий Николаевич был

как прекрасное плодоносящее дерево, которое враз срубили. Через несколько дней должна была состояться премьера спектакля «Тема с вариациями» с его участием в театре «Браво», а через пару месяцев – премьера в нашем театре – «Немного нежности». Он был в прекрасной форме и мог бы приносить много творческой радости себе и другим. Не дожил.

**МАЛЬВИНА ЗИНОВЬЕВНА
ШВИДЛЕР**

Народная артистка Украины

Наша Маля

Впервые, еще старшекласником, я увидел Мальвину Зиновьевну Швидлер на сцене Театра им. Леси Украинки в спектакле «Ложь на длинных ногах» по пьесе Эдуардо де Филлиппо в роли Ольги Чигалелло. Помню, как стоя на кровати, прижавшись спиной и руками к стене, она пронзительно и сердечно произносила монолог. Ее Ольга была не просто прелестна, она была обольстительна. Недаром муж Бенедитто Чигалелло так безумно ревновал ее.

Во время моего ввода на роль Линевского в спектакль «Встречи поздние и ранние», инсценировка по повести Веры Пановой, Мальвина Зиновьевна поддерживала меня вместе с другими актерами спектакля. И вскоре после этого на собрании коллектива передала мне записку: «Ваш Линевский понравился Виктору Михайловичу Халатову». Вообще поддерживать людей, защищать их – это было характерно для Швидлер.

Однажды, в середине пятидесятых годов, Мальвина Зиновьевна подошла к кабинету главного администратора Театра и, услышав оттуда громкий крик, остановилась. Затем из дверей выскочил, весь в слезах, молодой человек, который едва с ней не столкнулся. Мальвина Зиновьевна не была с ним знакома, но знала, что он не так давно начал работать в художественно-декоративном цехе.

– Подожди меня здесь и не вздумай никуда уходить, – сказала ему Мальвина Зиновьевна и зашла в кабинет.

– Чем провинился перед тобой этот мальчик? – спросила она администратора, зная, что он любил ее как актрису и был неравнодушен как к женщине.

– Понимаешь, Маля, в афише он допустил ошибку.

– Что бы там ни было, но у нас в театре не принято так разговаривать с людьми. Он сейчас зайдет сюда, и ты попросишь у него прощения.

– Но, Маля, мне неудобно...

– Он сейчас зайдет, и ты попросишь у него прощения.

– Это невозможно, Маля, он же мой подчиненный. И почему тебя это волнует?

– Как ты не понимаешь? Мальчик может сломаться.

Администратор попросил прощения у своего подчиненного. Мальвина Зиновьевна не допустила, чтобы мальчик сломался. Прошли годы, и «этот мальчик» стал выдающимся художником сцены. Теперь – это всемирно известный театральный художник Давид Боровский.

Актрисой Мальвина Зиновьевна была замечательной. Часто вспоминают эпизод, когда на гастролях в Москве после показа спектакля «Ложь на длинных ногах», его режиссер Ирина Александровна Молостова, буквально ворвалась в номер, где жила Швидлер, и, остановившись возле нее, сказала:

– Маля, я перед вами на коленях. Вы прославили меня на всю Театральную Москву.

Я имел счастье играть вместе с Швидлер в двух спектаклях, и видел, каким она была удивительным партнером. В спектакле «Бумажный патефон» по пьесе Червинского, режиссер М. Резникович, она играла завуча школы, а я – учителя биологии Оскара Борисовича. Никогда не забуду, как, зайдя в его кабинет, она отчитывала бедного Оскара Борисовича за неправильные методы воспитания, за отсутствие должной требовательности к ученикам... а я видел на ее глазах слезы... слезы неразделенной любви этой одинокой женщины к такому же одинокому пожилому человеку, человеку интеллигентному, сердечному и порядочному. Режиссером были построены реакции моего персонажа таким образом, что в зрительном зале стоял гомерический хохот. И эта трагикомическая сцена почти всегда заканчивалась аплодисментами.

А в спектакле «Двери хлопают» по пьесе Фермо, режиссура Леонида Остропольского, Мальвина Зиновьевна играла всеми любимую и уважаемую Бабушку, тещу хозяина дома, в котором жила большая добропорядочная французская семья. А я играл Старичка, ее приходящего ухажера. В одной из сцен в спальне Бабушки они танцевали под прекрасную музыку старинного танго. Танец этот был возвышенный и чистый, какими были и их отношения. Бабушка, смущаясь, робко и вопросительно поглядывала на своего партнера. Казалось, ей было неловко, что в таком солидном возрасте она испытывала те же чувства, что и в молодые годы. И столько трепетного целомудрия было в этой бессловесной сцене, что танец, как правило, заканчивался аплодисментами.

В 20 лет Мальвина Зиновьевна вышла замуж за директора львовской филармонии Бориса Михайловича Жилкова, с которым прожила большую часть жизни. Много лет он успешно работал на Киностудии им. Довженко. Считался одним из лучших директоров картин. Борису Михайловичу были присущи мудрость и своеобразный юмор.

Как-то Швидлер предложили выступить на митинге знатных евреев и сказать как хорошо и свободно ей живется в

Советском Союзе. И, когда она спросила мужа, что ей делать, он ответил: «Конечно же, ты должна выступить. Во-первых, потому, что твой муж – член партии, а во-вторых, мы, в общем-то все врем. Так что, ничего страшного не произойдет, если ты соврешь еще один раз». После этого выступления в возрасте 52 лет Мальвина Зиновьевна получила звание «Заслуженной артистки Украины».

Однажды Борис Жилков грустно пошутил: «На том свете, наверное, хорошо живется, раз оттуда никто не возвращается».

Борис Михайлович был мудрым и остроумным человеком, но имел один недостаток: не всегда хранил верность домашнему очагу. Узнав об этом, Мальвина Зиновьевна не сочла нужным отвергать ярко вспыхнувшее чувство понравившегося ей мужчины.

Весной 1948 года на квартиру к Швидлер-Жилковым пришел их московский приятель – писатель Василий Сухаревич. Он привел с собой очень красивого военного с невыносимо голубыми глазами, как две капли воды похожего на маршала Рокоссовского. Это был скульптор Евгений Викторович Вучетич. Его памятник воину-освободителю (советский солдат с девочкой на руках) стоит в берлинском парке и известен во всем мире. В тот же вечер Вучетич пригласил всех в ресторан «Театральный». У него осталось много неиспользованных талонов (тогда и в ресторанах приходилось все получать по талонам). Так что, кутнули «знаменито». После ресторана Вучетич попросил Мальвину Зиновьевну: «Проводите нас на вокзал». Все сели в машину «Эмку», закрепленную вместе с шофером за Вучетичем, и поехали в гостиницу «Первомайскую», где жил Сухаревич. Возле гостиницы из машины вышли муж Швидлер и Сухаревич, чтобы забрать из номера его вещи. Вдруг Вучетич захлопнул дверцу «эмки» и громко сказал шоферу: «Поехали». Что было делать Швидлер? Не прыгивать же на ходу из машины. «Эмка» остановилась возле другой гостиницы, в которой жил Вучетич. Он вышел и вскоре вернулся с чемоданом. До отхода поезда оставалось пол-часа. К вокзалу ехали молча, как нашкодившие дети. Евгений Викторович смотрел в упор на Мальвину Зиновьевну и молча улыбался.

– Приедете ко мне в Москву? – спросил Вучетич.

– Или, – на родном одесском жаргоне ответила она, что должно было обозначать – «И не подумаю».

Мальвина Зиновьевна была огорчена столь неожиданным финалом такой хорошей встречи.

Прошло пять лет. Мальвина Зиновьевна обедала с мужем. Телефонный звонок. Она берет трубку.

– Говорит Вучетич. Я в Киеве. Приехал повидать вас. Не зная вашего адреса, телефона, только помня ваше имя, узнал все, не скомпроментировав вас. Вот мой телефон. Позвоните, когда сможете. Я сижу камнем и жду.

Они встретились в тот же день на углу Пушкинской и Ленина. Тогда там росло огромное высокое дерево. Они стояли за этим деревом, держась за руки, не понимая, что их все видят. На следующий день Вучетич возил ее в сказочно-красивый голосеевский лес, с которым познакомил его Максим Рыльский. Вот там, вынув из кармана кусок ватмана и карандаш, впервые сказал ей: «Пишите», – и с ходу продиктовал стихотворение, посвященное ей. Так потом повторялось много раз. Он приезжал к ней в Киев, в другие города, где она бывала на гастролях. Вучетич тогда не был женат. Так прошло пять счастливых лет. Но уйти от мужа Мальвина Зиновьевна не решалась. На ее руках был старенький, очень больной отец, жена отца, жаль было мужа. И остались только стихи.

Нет, не Мальвина ты, о нет!

Не с голубыми волосами

А просто женщина моя

Мы женщин выбираем сами.

Но вот когда родится сын,

А нам споют обрядный Аллилуйя,

Не отпущу тебя я с ним.

Втроем умрем, иль будем жить, ликуя.

В 70-е годы Борис Михайлович Жилков, добираясь на работу в такси, попал в аварию и погиб.

Спустя несколько лет после смерти Бориса Михайловича, Мальвина Зиновьевна познакомилась с адвокатом Сергеем Ивановичем Бондаруком. Так случилось, что я ехал с ними в одном купе на гастроли в Кишинев. Мы прекрасно провели время. Я увидел очаровательного утонченного остроумного мужчину, чем-то мне он тогда напомнил месье Дюруа из «Милого друга» Мопассана. Но, вместе с тем, в нем чувствовались воля и целеустремленность, необходимые в его профессии. Я тогда искренне порадовался, видя, что каждый из них был для другого радостью, праздником. В этом счастье они прожили несколько лет.

Потом произошло ужасное. У Сергея Ивановича случился инсульт. От этой катастрофы погибли блестящий ум и интеллект, пропал дар речи. Теперь на него невозможно было

спокойно смотреть, потому что он напоминал обиженного ребенка, который сдерживает себя, чтобы не расплакаться. В глазах его было столько боли, что при взгляде на него хотелось отвернуться. Так мы не можем смотреть на страшные раны или увечья. И с первого дня болезни Мальвина Зиновьевна старалась все время быть с ним.

Помню, как на спектакле «Хозяйка» все участники до финального поклона сидели на стульях, поставленных по дуге в глубине сцены. Мальвина Зиновьевна прекрасно отыгрывает свою последнюю сцену и под аплодисменты зрителей, не дожидаясь конца спектакля, уходит к своему Сергею Ивановичу. Я тогда думал: «Какая поддержка, какая отдушина – это дыхание зрительного зала, его реакция, аплодисменты для нее, круглосуточно не отходящей от больного мужа».

Иногда я приходил к ней в гости.

– Котик, ты видишь, к нам Олег заглянул, – обращается она к мужу. Он сидит на диване и, пытаясь улыбнуться, кивает головой: «Вижу, вижу, мол, я хорошо его помню».

Мы садимся за стол с Мальвиной Зиновьевной, она подключает и Сергея Ивановича к нашей беседе.

– Котик, ты помнишь, да? Я ведь рассказывала тебе, как Романов выходил 17 раз на заключительном поклоне в «Живом труп» на московских гастролях.

Он радостно кивает и по-детски улыбается.

На гастролях нашего театра в Москве Мальвина Зиновьевна взяла с собой и Сергея Ивановича. Однажды она отлучилась на короткое время из номера, оставив дверь не запертой. Сергею Ивановичу показалось, что она долго не возвращается, заволновался и пошел ее искать. Вошел в лифт... а потом, не помня этажа, номера, не в состоянии ничего сказать, запаниковал и заблудился. Мальвина Зиновьевна, возвратившись и обнаружив, что его нет, стала искать мужа по всей гостинице вместе с некоторыми актерами, которых попросила помочь. Я был свидетелем их встречи. Увидев Сергея Ивановича, она бросилась к нему, прижала к себе его плачущее лицо, гладила по голове и приговаривала:

– Все хорошо, Сереженька. Уже все позади, все хорошо.

Я тогда подумал, что наша Маля – это комплимент человеческой природе.

Мальвина Зиновьевна всегда благодарно, искренне и восторженно, как полная энтузиазма первокурсница театрального института, говорила о талантливых людях, с которыми работала.

– Малечка, – как-то звоню я ей, – так тяжело идут у меня репетиции, очень трудно мне дается небольшая роль в спектакле Михаила Юрьевича.

– Что же ты хочешь? У него очень высокие требования. Зато когда получится эта роль, то можешь быть спокоен, у любого другого режиссера ты без труда сыграешь роль и посложнее.

Восторженно она всегда говорила и о Константине Павловиче Хохлове. Но я хочу воспроизвести его иронический юмор, который зафиксировала память Мальвины Зиновьевны.

Мальвина Швидлер, тогда совсем еще молодая актриса, идет по коридору Театра им. Леси Украинки. Навстречу ей – художественный руководитель Театра Константин Павлович Хохлов.

– Здравствуйте, Константин Павлович, – засияла Швидлер.

– Здравствуйте, – отвечает ей Хохлов, останавливаясь. – Поздравляю Вас с очень удачным выступлением на последнем собрании коллектива.

– Константин Павлович, я ведь ничего не говорила.

– Как не говорили? На мой вопрос в конце собрания, все ли понятно? Вы очень громко и внятно ответили «Да!»

Мальвина Зиновьевна всегда с благоговением вспоминала супружескую пару Романов-Стрелкова. Однажды Швидлер обратилась к Стрелковой:

– Мария Павловна, вы меня извините, но я очень прошу вас не заходить в зал, когда мы с Михаилом Федоровичем репетируем. Мне так нужно, чтобы по ходу пьесы он смотрел на меня влюбленными глазами, и порой это начинает получаться. Но когда в репетиционном зале появляетесь вы, он так начинает сиять в Вашу сторону, что после этого моя репетиция теряет всякий смысл. Мария Павловна выполнила просьбу Мальвины Зиновьевны, и сцена получилась.

Как-то Мальвина Швидлер рассказала историю, которая мне объяснила какую роль не только в жизни, но и в творчестве Михаила Федоровича Романова играла Мария Павловна Стрелкова.

На гастролях в Москве Михаил Федорович, как режиссер, репетировал телеспектакль, а как актер – главную роль в нем. Спектакль получался, а роль у Михаила Федоровича не клеилась. И вдруг, на последнем прогоне, а потом на показе спектакля в эфире, Михаил Федорович так сыграл, что все обалдели. Мальвина Зиновьевна обратилась к жене Романова:

– Мария Павловна, как это объяснить, что Михаил Федорович на репетициях был бледной тенью привычного Романо-ва, а на последнем прогоне и показе спектакля в эфир при-вел всех в восторг?

– Все очень просто, – начала Марья Павловна, – Вечером, накануне утреннего прогона, я сказала Михаилу Федоровичу: Миша, ты очень плохо репетируешь свою роль...

– У меня много недругов в театре, но чтоб моя жена... – на-чал Михаил Федорович.

– Успокойся, Миша, ты сейчас пройдешь свою роль по всему спектаклю, я буду читать тексты твоих партнеров... пройдешь с учетом следующих замечаний...

Около двенадцати мы начали репетицию, в половине вто-рого закончили.

– Уже лучше, но это все-таки не твой уровень. Ты сейчас еще раз пройдешь свою роль, – он стал чуть ли не головой биться об стенку.

– Но у меня уже нет никаких сил...

Я объяснила, чего ему не хватало, и в два часа он начал прогон, который закончил около четырех утра.

– Это уже почти то, что надо, но ты можешь еще лучше, сейчас мы пройдем последний раз с учетом следующих за-мечаний...

– Я понял, ты хочешь моей гибели, ну конечно, ты хо-чешь от меня избавиться, – чуть ли не в истерике кричал он.

– В четыре часа мы начали, около шести окончили, в шесть утра мы легли спать. Через час мы встали, приняли душ, вы-пили кофе и пошли на прогон.

Кроме того, что Мальвина Зиновьевна была человеком сердечным, с юмором, умеющим искренне, восторженно с энтузиазмом первокурсницы театрального института отно-ситься к своим кумирам, она была еще и гордым челове-ком. Не могла прощать несправедливо нанесенные ей оби-ды.

У Швидлер-Жилковых были добрые тесные отношения с супружеской парой Романов-Стрелкова. Но, когда Романов был назначен главным режиссером Театра им. Леси Укра-инки, его стали окружать, как это часто бывает, всякие со-ветники, доброжелатели и прочие «закулисные умельцы». И Мальвина Зиновьевна выпала из круга его общения. Од-нажды Мальвина Швидлер оказалась в антикварном мага-зине и увидела входящего туда Романова в сопровождении нескольких актеров театра. Заметив Швидлер, Михаил Фе-дорович громко сказал:

– Ну конечно, и Мальвина Зиновьевна здесь. А где же еще мы могли бы ее увидеть?

Актеры весело, угодливо засмеялись удачной шутке главного режиссера.

– Еще могли увидеть в оперном театре, Михаил Федорович, – ответила Мальвина Зиновьевна, – но я Вас там как-то не встречала. – И в гробовом молчании вышла из магазина.

Друзья и приятели Мальвины Зиновьевны начали советовать ей извиниться перед Романовым, он ведь главный режиссер. Так можно остаться и без работы. Но Швидлер не делала в этом направлении ни шагу. Более того, когда ее муж категорически потребовал от нее извинения перед Романовым, Мальвина Зиновьевна решила опоздать на репетицию, и тогда ее «Извините» за опоздание перед всеми могло сойти за извинение и перед Романовым. Подойдя на следующее утро к театру, уже опоздав на десять минут, Мальвина Зиновьевна увидела сидящего на скамейке крыльца проходной Романова. Мальвина Зиновьевна приблизилась к нему и поздоровалась. Романов, ответив на ее приветствие, выжидающе смотрел на нее. Но, поняв, что ничего другого он от нее не услышит, сказал: «Какая вы глупая, Маля», – и пошел на репетицию. Мальвина Зиновьевна пошла за ним. Спустя несколько дней, вечером, Михаил Федорович позвонил на квартиру Швидлер. Трубку снял ее муж.

– Борис Михайлович, у нас тут завелась бутылочка коньяка. Мы хотели бы с Марьей Павловной зайти к вам в гости и откупорить ее. Как вы на это с Мальвиной Зиновьевной смотрите?

– Мы ждем вас, Михаил Федорович, – ответил Жилков.

Так конфликт Михаила Федоровича и Мальвины Зиновьевны был исчерпан.

Я очень благодарен Мальвине Зиновьевне за то, что она украсила своим остроумием чуть-ли не добрую половину моих телепрограмм на канале «Культура» о людях Театра в цикле программ «Театральные силуэты». Это юмор человека, любящего людей.

Вот еще одна ее история, которая не была использована в предыдущих программах.

На музыкальной репетиции спектакля «ОБЭЖ» по пьесе Бронислава Нушича, режиссера Ирины Молоствовой, постановщик танцев Борис Каменькович заставил Швидлер стать в позу ласточки, приседать на одной ноге, взмахивая руками как крыльями, и в такт этим приседаниям произносить смешной монолог. Мальвина Зиновьевна поняла, что в этом месте

будут аплодисменты. Вдруг стоящая рядом с Каменьковичем актриса задала ему вопрос. Тот повернулся к ней, и что-то показывая, нагнулся так, что низ его спины оказался в считанных сантиметрах от лица Швидлер, по-прежнему стоящей в позе ласточки. От переполнивших ее чувств актерской благодарности, Мальвина Зиновьевна потянулась и поцеловала Каменьковича. Тот выпрямился, повернулся к ней и, оценив, что произошло, сказал:

– Вообще-то, я мужчина правильной ориентации, но в данном случае – это приятно.

Мальвина Зиновьевна была очень яркой и самобытной актрисой. Любую роль она укрупняла, делала ее заметнее, значительнее. Так, я помню в спектакле «Метеор» Ф. Дюрренмата, она играла госпожу Номзен, деловую женщину, владелицу общественного туалета, которая, не отрываясь от работы, рассказывала историю из своей жизни. Олег Иванович Бийма, известный кинорежиссер, после просмотра этого спектакля сказал мне: «Швидлер – великая актриса». И это он увидел ее в роли, которая состояла из одного единственного монолога. Любая роль в ее исполнении, почти каждый раз, становилась украшением спектакля. Да, ей не хватало в нашей мощной труппе звездных ролей. И, когда она такую роль получала, как, например, Бабушку в «Игроке» Достоевского, это становилось просто событием. Особенно удачным стал для нее «осенний» период ее творчества. В это время труппу возглавил М. Резникович, в спектаклях которого она много играла, и сыграла в них, пожалуй, лучшие свои роли. Именно тогда Мальвина Зиновьевна стала особенно любимой в труппе, очень популярной среди публики, получила, наконец, звание «Народной артистки Украины». Мне вспоминаются ее роли-жемчужины, такие как: Сычева в «Добряках», Мисс Призм «Как важно быть серьезным», Клеопатра в «Хозяйке», Бабушка в «Двери хлопают»... Да, в каком бы она образе не выходила на сцену – это был фейерверк.

В 2008 году Мальвина Зиновьевна последний раз отыграла очередной спектакль. Она полностью потеряла зрение и три года почти не выходила из дому. Хотя ее остроумные поздравительные телеграммы, прочитанные на юбилеях, бенедиксах, как и прежде, вызывали взрывы хохота и аплодисменты в зрительном зале. 15 июля 2011 года она ушла из жизни.

И даже на поминках Мальвины Зиновьевны она продолжала приносить радость своим юмором коллегам, которые, вспоминая ее истории, буквально взрывались хохотом. А до поминок, после прощания с ней, когда Мальвину Зиновьевну

выносили из стен родного театра, то все аплодировали, как аплодирует благодарный зритель актрисе после прекрасно сыгранной сцены. Уверен, она останется в нашей памяти – талантливая, сердечная, искренне-восторженная, юморная, гордая наша Маля.

**ВАЛЕНТИН САМОЙЛОВИЧ
ДУКЛЕР**

Заслуженный артист Украины

Валентин Самойлович, который «жил на радио»

Валентина Самойловича Дуклера я впервые увидел, будучи старшеклассником, в спектакле «Ложь на длинных ногах» Эдуардо де Филиппо на сцене Театра им. Леси Украинки. В припадке ревности, персонаж, которого играл Валентин Самойлович, вбегает в комнату неверной жены и с перекошенным от злости лицом останавливается перед нею, потом лезет рукой в карман брюк... сейчас вытащит пистолет и убьет несчастную... но он вынимает расческу... проводит ею по волосам, поворачивается и, под хохот зрительного зала, с гордо поднятой головой уходит со сцены.

Я никогда не мог понять, как такого яркого, интересного актера мог отпустить театр.

Мы познакомились с Валентином Самойловичем на Радио, где около 25-ти лет участвовали в популярной радиопередаче «Від суботи до суботи». Он так много звучал на радио, что его в шутку за глаза называли «Репродуклером». После того как Валентин Самойлович узнал, что моя мать – заслуженная артистка Украины Николенко Анна Ильинична, он никогда не забывал передавать ей самые теплые приветы. А дело в том, что они вместе играли на сцене Театра им. Ивана Франко в спектакле «Маруся Богуславка». Мама играла Марусю, а Валентин Самойлович – хана Гирея. Мама не раз рассказывала мне, как ярко, экспрессивно проводил он сцену с Марусей Богуславкой. Добиваясь ее расположения, хан старался очаровать ее всеми средствами. То страстно шептал ей признания, то, вымалывая ее любовь, как змея, извивался у ее ног. Это была, по свидетельству партнерши, очень яркая работа. Ничто так по-человечески не сближает людей в театре, как успешная совместная работа в спектакле. Они становятся близкими, как родственники.

Поэтому разговор о моей маме был всегда согрет теплотой приятных воспоминаний.

Однажды, встретив меня на Радио, Валентин Самойлович сказал:

– Я слышал, что у вас недавно был «Пушкинский вечер» в Доме Актера. Поздравляю. Кстати, вы знаете, что Гейченко, директор музея в Михайловском, видел Пушкина.

– Наверно, во сне, – улыбаясь, сказал я.

– Да нет, наяву, – серьезно ответил он, – происходило перезахоронение: вот Гейченко, как директор музея, и

присутствовал при вскрытии гроба. Оказалось, что кожа на лице истлела, сюртук полуистлел... но волосы, прекрасные волосы Александра Сергеевича, сохранились.

Часто, идя со мной после записи «Від суботи до суботи», Дуклер с удовольствием рассказывал о своей работе в самодеятельном коллективе при Доме Офицеров, которым руководил.

А как-то, мы как раз шли по Пушкинской, он сказал:

– Олег, хотите послушать мою новую работу, которую я только что приготовил?

– Да, конечно, – неуверенно отвечал я, озабоченно поглядывая на встречаемых прохожих.

– Вы никогда не угадаете, что это, – загадочно улыбаясь, продолжал он.

Я приготовился услышать что-то очень малоизвестное.

– Это... «Заповіт» Шевченко.

– «Заповіт»? – удивленно переспросил я.

– Да, но на иврите.

И он начал читать. Я знал текст «Заповіта» Шевченко, много раз слышал в исполнении Валентина Самойловича и много других вещей, но тут я не узнавал ни «Заповіта», ни знакомого, привычного для меня Валентина Самойловича. И, думаю, не из-за чужого мне языка. Он читал не ностальгически лирично первый куплет и не с яростным бунтом последний. Но с торжественностью и величием представителя богоизбранного народа. Мне казалось тогда: это был не Валентин Самойлович, а Мессия, который еще придет и назовет всё своими именами. Я поделился своими впечатлениями.

– А что у вас нового? – спросил он.

– Недавно был мой вечер «Зарубежной новеллы», – ответил я.

– Прочтите мне что-нибудь.

– Как, прямо на улице? – удивился я.

– Ну, можно зайти во двор.

Мы зашли с Пушкинской во двор Дома Моделей, и здесь я проиграл ему фрагмент из рассказа Фланнери О'Коннор «Хорошего человека найти нелегко», в котором Бабушка убеждает Изгоя (преступника, бежавшего из тюрьмы), что он хороший человек. А тот, мирно беседуя с ней и проводя параллель между собой и Иисусом Христом, тихо отдает приказы своим подручным, чтобы те отвели в лесок ее сына и внука, а после выстрелов приказывает отвести к ее сыну ещё невестку и внуку. И в конце, когда обезумевшая старушка нежно шепчет Изгюю, что он ведь ее сын, один из детей ее, касается его

плеча, чтобы погладить, преступник отскакивает от нее и всаживает в ее грудь три пули...

– Да, жутковатый рассказ, – задумчиво сказал Дуклер, когда я закончил, – но, знаете, так втягивает, невозможно оторваться.

Как сейчас помню вечер в Доме Актера, посвященный 85-й годовщине со дня рождения В. Халатова. Среди выступающих был и Валентин Самойлович. Он вышел на сцену, и, стоя спиной к зрителю, обратился к портрету Виктора Михайловича, как бы продолжая прерванный разговор:

– Дорогой Виктор Михайлович, дорогой мой Витя. Нас многое с тобой объединяло, – любовь к театру, доброе отношение к людям, юмор. Затем он повернулся к зрителю:

– Как-то Халатов купил себе рубашку, в которой оказались несколько длинноваты рукава, спросил меня, не возьмусь ли я их укоротить (шитье было моим хобби). Я попросил его принести рубашу утром на репетицию, с тем, чтобы вечером, я уже готовую, принес на спектакль. Придя домой после репетиции, я развернул сверток и обнаружил записку (текст близок к оригиналу) «Моя дорогая Валенсия! Как хорошо мы провели с тобой вчерашний вечер (в тот вечер они играли спектакль

«Требуется лжец»); ты была неумоима в утехах. Посылаю тебе эту рубашу. Подрежь немного рукава и... полученный материал пусти себе на шляпку. Любящий тебя Гастон Поросенков». Поросенков – настоящая фамилия Хаматова.

На запись передачи «Від суботи до суботи» Дуклер, высокий, стройный, всегда приходил элегантно одетый и приносил какую-нибудь смешную историю, забавный случай. Когда только зарождалась в его сознании смешинка, лицо становилось хитрющим и излучало:

– Вот я вам сейчас расскажу...

Был необычайно смешлив... Читая перед микрофоном смешную юмореску, мог вдруг не выдержать и рассмеяться: заразительно, безудержно, как ребенок, заходясь от смеха. Режиссер и все мы почтительно ожидали, когда Мэтр отсмеется, и запись продолжалась.

Владимир Борисович Бохонко, режиссёр передачи, очень уважительно относился к Дуклеру. Почти каждый «субботник» имел свою кличку: Пазенко – Пазя, Шутько – Шутя, Бессараб – Бес, Сланко – Сляня, Коршун – Коршуняка, Ярмоленко – Ярмолка, Комаров – Комарик, и только Дуклера во всех случаях жизни – и в глаза, и когда его не было на записи, Бохонко называл Валентином Самойловичем. Он ценил в нём

интеллигентность, его понимание юмора, порядочность, душевную чистоту.

Как-то на записи передачи «Від суботи до суботи» один наш актер, по возрасту годящийся Валентину Самойловичу во внуки, получивший к тому времени звание народного артиста Украины, (это справедливо, он очень хороший актер), то ли в эйфории от полученного звания, то ли перед тем немного выпив, вдруг обратился к Валентину Самойловичу, сидящему перед микрофоном: «А ну-ка, Валёк, подвинься, не только тебе одному надо...», – шутливым тоном сказал он. Нужно было увидеть гамму чувств, которая отразилась на лице старого актёра. Сперва он с недоумением обернулся, чтобы посмотреть, неужели это обращаются к нему? Убедившись, что это так, он медленно отвернулся... с такой степенью изумления на лице и вместе с тем растерянной, незлобивой детской обидой (даже губы надулись), что у многих, думаю, защемило сердце от этого неуместного юмора.

Он любил дарить людям радость – то ли в виде шутки, то ли принося на запись торт, бутылку коньяка, чтобы по окончании работы отметить очередную награду или свой день рождения.

Он любил юмор других, любил пошутить и сам. Кто-то рассказывал, как одна молодая актриса, увидев Валентина Самойловича, гордо везущего в коляске недавно родившуюся дочурку, наклонившись над ребенком, воскликнула:

– Боже мой, какая хорошенькая! – На что Валентин Самойлович ответил:

– Если бы вы могли взглянуть на нее моими глазами, тогда вы действительно поняли бы, какая она хорошенькая!

Однажды Константин Павлович Хохлов, художественный руководитель, создатель того великого Театра им. Леси Украинки, который мы и теперь часто вспоминаем, репетировал в Лесином фойе сцену из спектакля с юной тогда еще Швидлер и молодым Дуклером. Режиссеру очень понравилась проба Мальвины Зиновьевны, и он сказал:

– Маля, вы сегодня репетировали, как во МХАТе.

Мальвина Зиновьевна убежала в соседний гардероб и там от радости расплакалась. Ее догнал Валентин Самойлович и, хитро прищурив глаза, спросил:

– Маля, что бы ты предпочла: выиграть по внутреннему зачёту 5 тысяч или услышать то, что сказал Константин Павлович?

– То, что сказал Константин Павлович.

– Ну, а если бы выиграть 10 тысяч.

– То же самое.

– Жалко! – На полном серьезе, грустно сказал Валентин Самойлович.

– Почему? – перестав вытирать слезы, спросила Мальвина Зиновьевна.

– Потому что тогда бы, – еле сдерживая себя, чтобы не рассмеяться, продолжал Валентин Самойлович, – я попросил бы у тебя половину займа.

Рассказывают, что когда по внутренней линии роль была проработана, замысел воплощен и осталось искать подробности, приспособления, детали, Валентин Самойлович, улыбаясь, говорил:

– Ну, а теперь уже можно заняться и бантиками.

Потом Валентин Самойлович очень серьезно и долго болел. И вот однажды в моей квартире зазвонил телефон. Я снял трубку и услышал голос Валентина Самойловича. Оказывается, благодаря стараниям и усилиям Валентины Николаевны – его жены, он стал выздоравливать. Голос был непривычно тусклый, неуверенный...

Олег, – начал он, – слежу за вашей работой на радио и телевидении и рад за вас. Вы знаете, я очень тяжело болел, но сейчас, кажется, стал выкарабкиваться... И вот мне хотелось, чтобы вы были первым после моей долгой болезни визитером. Кроме того, я хотел бы вам кое-что предложить, точнее подарить. Когда бы вы могли ко мне зайти?

– Думаю, сегодня после репетиции, после трех часов, – говорил я, теряясь в догадках, что бы это могло быть?

– Хорошо, я жду вас.

Когда я пришел к Валентину Самойловичу, то застал его сидящим на диване. Он был немного в приподнятом настроении – как-никак после многомесячного лежания в постели он уже сидит и даже принимает гостя.

– Олег, – начал он, – вы, может, не знаете, но в судьбах Тараса Шевченко и Остапа Вишни есть много общего. Тот критиковал власть придержащих, другой – тоже. Один из них был сослан на 10 лет в места не столь отдаленные и другой тоже; не было у них ни наград, ни денег. Поэт Юрий Кругряк написал стихотворение «Доля», в котором проводит параллель между судьбами двух сынов Украины. Я выучил это стихотворение, взял одно стихотворение Шевченко из моего репертуара, юмореску Вишни «Ага, будешь», и получившуюся композицию из произведений Шевченко, Вишни и Кругряка с большим успехом читал в концертах. И вот эту композицию я хотел бы подарить вам. Примите мой творческий презент. И

он передал мне несколько листков с напечатанным текстом. Скажу вам искренне, я очень бы хотел услышать ее в вашем исполнении.

Дальше он начал говорить с видимым трудом, повторять некоторые слова, останавливаясь, пытаясь вспомнить, что же хотел сказать еще, и, бросая недоумевающие взгляды на свою жену (мол, что же это со мной, ты говорила, что я выздоравливаю), и вдруг он начал всхлипывать.

– Ну, для первого приема гостя, Валечка, ты был просто молодцом, – говорила Валентина Николаевна, давая мне понять, что пора уходить... И я ушел.

К сожалению, в то время я был занят подготовкой к вечеру И. Франко, да так и не приступил к работе над этой композицией. Хотя мне передавали, что Валентин Самойлович не раз интересовался, когда же он сможет услышать свой подарок по радио или увидеть на телевидении, узнать, что его композиция прозвучала в концерте? Не услышал, не увидел, не узнал – к моим долгам людям ушедшего поколения присоединился еще и этот. Правда, живет во мне надежда, что когда-нибудь я все-таки приготовлю эти вещи, выступлю с ними в концерте и смогу сказать несколько добрых слов о прекрасном актере, удивительном человеке – Валентине Самойловиче Дуклере.

**ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
МОЛОСТОВА**

Народная артистка Украины

Дорогая Ирина Александровна

С Ириной Александровной Молостовой я познакомился в работе над спектаклем «Большевики» по пьесе Михаила Шатрова. Тогда я был еще совсем молодым актером, только что пришедшим в Театр им. Леси Украинки. В списке распределения ролей против роли Свердлова, главного героя, значилась только моя фамилия, а ниже шли фамилии других актеров того великого прекрасного театра, который я боготворил с юных лет. Мне стало не по себе. Я подошел к режиссеру спектакля – Ирине Александровне Молостовой, и, запинаясь, сказал:

– Нельзя ли на эту роль назначить еще одного актера, поопытней...

Она обожгла меня взглядом, и сказав:

– Вы с ума сошли, – резко повернувшись, не желая продолжать разговор, стремительно ушла прочь.

Репетиции проходили для меня непросто. Несколько ведущих актеров театра хотели и могли играть эту роль, и они не скрывали своего отношения к моей работе. Как-то один из них, резко приблизившись ко мне и жарко задышав в лицо, сказал:

– Если вы не справитесь с этой работой, я вам не завидую – ни одной приличной роли не получите.

Другой же, низко раскланиваясь со мной при встрече, ерническим тоном приговаривал:

– Здравствуйте, дорогой Яков Михайлович!

Позже этот актер играл в другом спектакле эпизодическую роль, и я, как недавно появившийся в театре, разносил гостям на балу бокалы с вином, подходя к нему, слышал, как он, почти не разжимая губ, умудрялся проговорить:

– В нашей стране всякий труд почетен, дорогой Яков Михайлович!

Не все ладилось в моей работе. Сцена, в которой Свердлов (пряча свое потрясение, слезы, в связи, казалось, со смертельным ранением Ленина), с большим трудом начинал вести заседание Совнаркома – Ирину Александровну устраивала. А особенно – сокровенные, исповедальные сцены с Крупской. Ей не хватало в моем Свердлове в этот трагический день мобилизующего, цементирующего Совнарком начала. Она напоминала мне о его могучей силе воли, способности убеждать, о даре оратора, когда своим мощным голосом, железной логикой, эмоциональным накалом, он завораживал толпы людей. Говорила о жесткости его решений.

На одной из репетиций Молостова вдруг начинала требовать диаметрально противоположное тому, что предлагала на предыдущей. И когда я попытался показать ей недавние записи, она, отмахиваясь от меня, театрально вопрошала:

– Вы актер или бухгалтер? – и далее, апеллируя к присутствующим, – он все записывает! – а вот сегодня я почувствовала, что вчера ошибалась.

Утром, в день премьеры, Ирина Александровна пригласила меня к себе на Пушкинскую, 19, где вместе с мужем, Борисом Каменьковичем жила в бывшей квартире К. Хохлова. Я отметил ухоженность их дома, в котором было огромное количество книг. Мы еще раз прошли роль по событийному ряду, еще раз все пронзительные места ее, я пытался предсказать, как будто они происходили лично со мной.

И вот наступил вечер премьеры. Первый акт прошел удачно; ко мне подходили актеры, говоря: «Так держать!» Второй же акт, с его схоластическим спором – голосовать или нет за красный террор в ответ на белый, такого энтузиазма не вызвал. Но на финальном поклоне публика горячо и долго аплодировала. На лице же Молостовай, вышедшей на сцену вместе с художником спектакля Давидом Боровским, было, помимо благодарной улыбки за теплый прием, все-таки некоторое разочарование. А дело в том, что незадолго перед этим, на премьере спектакля «Большевики» в московском Театре «Современник» после сообщения доктора Обуха: «Кризис миновал – Ильич будет жить», члены Совнаркома начинали подниматься из-за стола: кто – шатаясь от пережитого потрясения, кто – не в силах сдержать слезы, и, не стесняясь, их, вытирал; кто – конвульсивно, по нескольку раз сжимал кулаки (мол, я знал, что так будет...). Кто-то из них тихо начинал петь Интернационал, его подхватывали другие. Пение становилось все громче, и в этот момент один за другим начинали подниматься зрители в зале, и постепенно уже все вставали со своих мест и начинали подпевать гимн трудового народа. Кто-то из наших актеров поделился «секретом», мол, на московском спектакле в зрительном зале сидел свой, и он вставанием подхлестывал энтузиазм присутствующих. Возможно, так и было; но больше доверия вызывает предположение, что московский зритель более политизированный, чем киевский, и главное, все-таки то, что московские актеры играли с большей отдачей: больше здоровья, сердца, нервов вкладывали в свой спектакль. В нашем интеллигентном, психологическом театре это был хороший, трогательный спектакль. В «Современнике» же, по

свидетельствам очевидцев, он потрясал. Даже Георгий Товстоногов, художественный руководитель одного из лучших театров страны – Ленинградского Большого драматического, сказал: после «Большевиков» в «Современнике» я за эту пьесу не взялся бы.

Спустя полгода, Ирина Александровна в фойе театра, пробиваясь сквозь очередь к окошечку администратора, и, увидев здесь же меня, засияла улыбкой, поприветствовала рукой, и этой же рукой изобразила мою находку в новом премьерном спектакле «На всякого мудреца довольно простоты». Мне показалось, что именно эта небольшая роль в последнем спектакле примирила нас.

Когда Ирина Александровна стала главным режиссером театра, она приглашала меня работать в свои спектакли на интересный ролевой материал: в «Вишневый сад» А. Чехова с блистательным оформлением Даниила Лидера на роль Епиходова, в комедию «ОБЭЖ» Б. Нушича на роль господина Марковича в этот же период. Очень достойным, в традициях нашего театра и щемящим был созданный ею спектакль «Надеяться» по пьесе Юрия Щербака, по документам и переписке Леси Украинки с ее окружением, который вызвал чувство благодарности за поднятую тему и ее воплощение.

Всегда поражала контрастность проявлений характера Ирины Александровны. На людях она была громкая, подвижная, стремительная, энергия билась у нее через край. Была выдумщицей и заводилой (недоброжелатели называли ее

«наша пионервожатая»). Не стеснялась эксцентричных поступков, могла на каком-нибудь банкете выскочить на стул (чтобы лучше было видно и слышно ее), и в приподнятошутливой манере произнести речь или провозгласить тост. При этом вкус ей никогда не изменял и она становилась еще обаятельней. Не стеснялась она также непосредственного проявления своих чувств. Вот, что мне рассказывала актриса нашего театра, народная артистка Украины Мальвина Зиновьевна Швидлер.

На гастролях Театра им. Леси Украинки в Москве, после спектакля «Ложь на длинных ногах» Эдуардо де Филиппо, режиссером которого была Молостова, она ворвалась в номер к Мальвине Зиновьевне, и, остановившись перед ней во весь свой рост, воскликнула:

– Маля, я перед вами на коленях! Вы прославили меня на всю театральную Москву! С сегодняшнего дня и до последней минуты моей жизни, какую бы роль вы у меня ни попросили, я всегда вам ее дам!

И, надо отдать должное, хотя Мальвина Зиновьевна никогда у Молостовой ничего не просила, всегда получала то, что должна была играть.

Однажды, после утренней репетиции, на проходной Театра им. Леси Украинки стояли Молостова и Швидлер, о чемто разговаривая.

– Ирина Александровна, – обратилась к ней дежурная, – вас к телефону.

Та стремительно подходит, берет трубку, слушает, что ей говорят, потом несколько раз повторяет:

– Получила, получила, получила, – и глаза ее увлажняются. Положив трубку, возвращается к Швидлер, хватая ее за руку, стремительно выводит на улицу, и, когда они оказываются одни, почти шепотом, скороговоркой начинает:

– Это звонил мой Боря. Он сегодня утром очень обидел меня. А потом прислал на репетицию записку, в которой просил прощения и писал, что очень любит меня, а теперь звонил, чтобы узнать, получила ли я его записку. Я сказала, что да, да, получила. Тогда он еще раз произнес ее содержание, и, услышав мои всхлипывания, сказал:

– Ирочка, дай Бог, чтоб ты плакала только по таким поводам.

На вечере памяти заслуженной артистки Украины, актрисы Театра им. Леси Украинки Марии Павловны Стрелковой, который проходил в Доме Актера, среди выступающих была Мальвина Зиновьевна Швидлер. Очевидно, потому, что лучше других знала и любила Марию Павловну, речь получилась трогательней, чем у остальных. Когда она закончила, зал взорвался аплодисментами. И вдруг, перекрывая этот шум, раздался звонкий голос Молостовой:

– Маля, я вас сегодня провожаю домой.

Мальвина Зиновьевна была до слез растрогана этим непосредственным, мальчишеским проявлением чувств режиссера, потому, что Молостова была отнюдь не «кисейной барышней», когда нужно, была способна на жесткие решения. Ирина Александровна проводила Швидлер домой и в тот вечер, впервые в жизни, расставаясь, они расцеловались на прощанье.

В частной беседе Молостова говорила тихо (по этому поводу даже как-то пожаловалась: «У меня же слабый голос, просто на людях приходится все время кричать»). И поражала своей сердечностью, способностью проникаться горем других. Как-то она мне с сочувствием говорила об одном актере, ее бывшем студенте:

– Он так переживает, что у них с женой нет детей. Мечтает о сыне, во сне его видит. А врачи предупреждают, что детей у них может и не быть.

А в другой раз.

– Случается, – грустно начала Молостова, – оперные певцы, получившие всевозможные звания, любовь публики, став при жизни легендой, через 25–30 лет работы на сцене уже не могут петь, как прежде. Их голосовые связки (эти две маленькие полоски мышц) уже износились. Певцы становятся своей тенью, начинают компрометировать свое славное имя. Представляете, какая это трагедия для каждого из них?! Энтузиазм был одной из доминирующих черт характера Ирины Александровны. Ценила она это качество и у других. Однажды, когда она была главным режиссером нашего театра, я зашел к ней и сказал, что приготовил композицию по документам и переписке А. Пушкина с близкими, друзьями, недругами. С поэтическими посвящениями тому, с кем велся эпистолярный разговор.

– Прочитайте мне ее.

Здесь же, в кабинете, в теперешнем зале худсовета, я прочел, а точнее проиграл свой маленький моноспектакль.

Это может быть, – после небольшой паузы, когда я закончил читать, сказала она. – Готовьтесь, вечер проведем в Лесином фойе.

Выступление мое прошло нормально. Собрались молодые актеры, другие сотрудники театра.

Были аплодисменты, цветы. Но мне показалось, что та доверительность, с которой я читал в небольшом зале худсовета, в кабинете главного режиссера, здесь пропала. Я далеко посылал текст, помня о плохой акустике Лесиного фойе, хотя зритель сидел совсем рядом.

Ирина Александровна поздравила меня, но по ее виду было заметно, что она ожидала большего.

Спустя некоторое время, я подошел к ней на проходной театра и сказал, что был в Колодяжном (это недалеко от Ивано-Франковска, где у нас проходили гастроли), в доме, в котором жила Леся Украинка, теперь там музей. Она буквально схватила меня за руку и отвела в сторону.

– Ну, как там? – глаза горели неподдельным интересом.

Я рассказал свои впечатления.

– Знаете, – продолжала Молостова, – Леся Украинка была с Менжинским в Крыму, ухаживая за ним, тяжело больным, до последней минуты его жизни. И, когда он, лежа в постели, уже не мог двигать руками, то попросил ее написать письмо

под его диктовку. Она писала, обливаясь слезами, потому что была свидетелем последних минут жизни любимого человека, а также потому, что это было прощальное письмо той единственной женщине, которую по-настоящему любил Менжинский. И, написав, отправила его.

И в продолжение этой темы: худсовет Театра им. Леси Украинки, обсудив макет к спектаклю «Ложь на длинных ногах» Эдуардо де Филиппо, режиссером которого была Молостова, забраковал его, и у Ирины Александровны возникла проблема. А она знала, что в театре работает маляром молодой паренек, у которого было «хобби» – делать макеты к выпускаемым и идущим спектаклям. Встретив его на Крещатику, она спросила:

– Есть ли у вас какие-нибудь соображения по поводу оформления спектакля «Ложь на длинных ногах»?

Кое-что есть. Но ведь у вас имеется макет хорошего профессионального художника.

Его оформление спектакля не устраивает худсовет.

– Могли бы вы в ближайшее время показать свой макет?

– Думаю, что смогу.

И вскоре, посмотрев новый макет, который ей понравился, Ирина Александровна представила его худсовету, и тот утвердил его. К чести молодого человека надо сказать, что он настоял, чтобы в премьерную афишу были включены две фамилии – старшего коллеги и его – начинающего молодого оформителя. Этим пареньком, выполнявшим в театре малярные работы (покраску декораций), был Давид Боровский, впоследствии выдающийся театральный художник.

Хочется сказать несколько слов о юморе Ирины Александровны и членов ее семьи, о юмористических ситуациях, связанных с ней, об атмосфере благоговейного отношения к ней, единственной женщине в их доме.

Ночью, после премьеры спектакля «Гаити», режиссером которого она была, Ирина Александровна... родила сына. Мальчик появился на свет смуглым. – А как же иначе, – объясняла впоследствии она, – весь период беременности я провела среди темнокожих обитателей острова Гаити. В канун премьеры она успела написать каждому участнику спектакля поздравительную открытку, заканчивающуюся словами: «Идущая рожать режиссер».

В спектакле «Когда цветет акация» была сцена, в которой молодые актеры, одетые в майки и трусы, боксировали, и Молостова, режиссер этого спектакля, для подстраховки требовала, чтобы все они одевали еще и плавки, предупреждая,

что будет проверять. Однажды, выстроив всех в ряд, таки проверила, при этом угрожающе провозглашая: «Я сейчас не женщина, а режиссер!» И, конечно же, лукавила, потому что даже осуществляя подобные драконовские меры в борьбе за дисциплину, продолжала оставаться очаровательной женщиной.

Сын Ирины Александровны – Евгений Борисович Каменькович, сейчас – успешный режиссер в одном из лучших московских театров – «Театральная мастерская» Петра Фоменко. А когда-то, первоклассником, он, выходя из подземного перехода возле Центрального гастронома на Крещатике, встретил актрису Театра им. Леси Украинки, от неожиданности замер, а затем бросился к ней со слезами на глазах.

– Догая (он в детстве картавил), прошу вас, умоляю, РАДИ БОГА, не говорите моей маме, что я ел могоженое.

Борис Наумович Каменькович как-то рассказывал о том, как нужно вести себя, чтобы жена не заметила, что ты не очень трезвым пришел домой. Надо подойти к двери своей квартиры, не вытирать долго ноги, деликатно нажать на кнопку звонка, а не звонить долго и громко. Когда жена открывает дверь, собрать всю свою волю и непринужденно, но уверенно ступить в коридор.

– Ты будешь ужинать, дорогой?

– Конечно, дорогая.

– Выпьешь немножко?

– Только с тобой.

И, уже выпив, расслабиться и упасть в кресло.

На первом же банкете Ирина Александровна предупреждает гостей:

– Не наливайте ему, он падает после первой же рюмки.

Не так давно я снова был в Киевском оперном театре после большого перерыва. В молодые годы я редко пропускал премьеры оперных спектаклей, реже бывал на балетных представлениях. Я снова слушал «Риголетто» Джузеппе Верди! В тот вечер на спектакле присутствовали члены комитета по Шевченковской премии. Их интересовал Роман Майборода, исполнитель главной роли. Партию герцога Мантуанского пел Игорь Борко, партию Джильды исполняла Ирина Семененко. Все они производили хорошее впечатление – обладали голосами приятного тембра, умело владели ими. Но в моей памяти звучали голоса в этих же партиях времен моей молодости. Роль Риголетто тогда исполнял замечательный эстонский баритон Тийт Куузик,

приехавший в Киев на гастроли. У него был голос необыкновенно красивого тембра, и вместе с тем, огромной мощи. Он мог быть мужественным, трагичным в партии Бориса Годунова, легким и шаловливым в партии Фигаро в «Севильском цирюльнике». Был при этом великолепным актером. Партию Герцога пел Владимир Тимохин, прекрасно звучащий в опере (записи не дают такого представления). Под стать им была исполнительница партии Джильды – очаровательная Бэлла Руденко. Отдавая предпочтение тому замечательному спектаклю в сравнении с сегодняшним, я все-таки замечал и некоторые преимущества последнего. Во-первых, в современном спектакле было удивительное оформление. Кроме того, много интересных режиссерских решений. Вот, например, одно из них. Украденную Джильду, лежащую на носилках, как роскошное блюдо на подносе, слуги на вытянутых руках проносят за спиной Герцога в его спальню. А он в это время сидит по пояс в огромной ванне в центре сцены, и одетые в прозрачные наряды молодые служанки плещут водой на его обнаженный торс. После, как ширму, они поднимают перед ним махровый халат. Герцог встает спиной к зрителю, накидывает халат на плечи, и, переступив через край ванны, направляется к Джильде. Причем все это время он поет арию из второго акта. Но больше всего меня поразило, что певцы не были «привязаны» к дирижерской палочке, не пережидали, когда наступит их очередь петь. Хотя опера исполнялась на итальянском языке, каждый из них знал, о чем поет партнер. Было заметно, как певцы реагировали на каждую новую информацию в его тексте. Не присутствовали, а жили происходящим, были, как у нас говорят, «в процессе». Делали то, что делают актеры в хорошем современном драматическом театре. Такого в дни моей молодости в оперном театре я не видел. Я посмотрел программку, пробежал глазами по фамилиям исполнителей. Взгляд остановился на фамилии режиссера спектакля – И. Молостова. Ее уже несколько лет нет среди нас, но, как свет далекой звезды, она все еще напоминает о себе. В тексте траурного сообщения, висевшего в нашем театре, было написано: «Ушла из жизни выдающийся режиссер Ирина Александровна Молостова». Меня тогда несколько смутило слово «выдающийся». Мы знали ее как хорошего, профессионального режиссера, но выдающийся... А потом подумал: А может, так и надо? Уж очень безразличными, скупыми и даже жестокими мы бываем с людьми искусства при жизни...

Но в тот вечер, когда я слушал «Риголетто», понял – в том траурном сообщении не было преувеличения. Ирина Александровна Молостова, многие годы проработавшая в опере, значительно подняла уровень актерской культуры оперных певцов. Она была режиссером лучшего спектакля по опере Дмитрия Шостаковича «Катерина Измайлова», поставила ряд замечательных спектаклей в Петербурге, Москве, в Италии, Финляндии, Китае... Да, она была выдающимся оперным режиссером.

В 1965 году в Киевском оперном театре была поставлена опера Дмитрия Дмитриевича Шостаковича «Катерина Измайлова», на премьере которой присутствовал автор, принимавший участие и в репетициях. Постановочная группа того спектакля была солидной – дирижер К. Симеонов, режиссер И. Молостова, художник Д. Боровский, хормейстер Л. Венедиктов. Это была вторая редакция оперы, где присутствовал небывалый для оперных спектаклей эпизод «овладения», настоящая эротическая сцена между главными героями – Катериной и Сергеем, на огромной кровати, размещенной Боровским на самом видном месте. Музыка Шостаковича буквально продиктовала именно такое ее решение.

Премьера прошла с триумфом. Нигде и никогда до этого «Катерина Измайлова» не знала такого успеха. На заключительном поклоне даже члены правительства, присутствовавшие на спектакле, в своих ложах, стоя аплодировали участникам спектакля, постановочной группе, автору. Через день И. Молостову вызвали в Министерство культуры и посоветовали убрать со сцены кровать. Она отказалась. За этот оперный спектакль вся постановочная группа, кроме режиссера, получила Шевченковскую премию.

После киевской премьеры Молостову пригласили на постановку «Катерины Измайловой» в Ленинград, в Кировский оперный театр с дирижером Валерием Гергиевым. Эта опера с большим успехом гастролировала в Японии, Израиле.

Опера П. Чайковского «Мазепа» поставленная Ириной Молостовой уже в Санкт-Петербурге в Мариинской опере, снята фирмой «Фуджи» и показывалась по всей Европе.

После киевской премьеры «Катерины Измайловой», между ее автором и режиссером спектакля завязалась переписка. Я видел открытки и письма Дмитрия Дмитриевича, адресованные Ирине Александровне. Вот оценка режиссерской работы И. Молостовой из уст великого композитора XX столетия:

4 января 1967 года

Дорогая Ирина Александровна!

Спасибо Вам за память, за внимание. Ваш новогодний привет меня очень обрадовал. Моя встреча с Вами за работой над «Катериной Измайловой» навсегда осталась самым радостным воспоминанием. И Вы, и Константин Арсентьевич Симеонов доставили мне столько радости, что при воспоминании, я, буквально, задыхаюсь от волнения самого радостного.

23 сентября 1974 года

Дорогая Ирина Александровна!

Спасибо Вам за письмо. Я очень счастлив, что в Киеве с Вашим участием и с участием Константина Арсентьевича Симеонова будет возвращена к жизни «Катерина Измайлова». Киевская постановка, как в музыкальной, так и в режиссерской интерпретации самая лучшая из тех, какие мне удалось видеть у нас и за рубежом. Я очень хочу, чтобы мое здоровье, которое беспокоит, позволило к концу месяца приехать в Киев...

Крепко жму руку, Д. Шостакович.

3 августа 1975 года

Дмитрия Шостаковича не стало.

Ирина Александровна по-прежнему присутствует в нашей культурной жизни поставленными ею спектаклями на сценах Театра им. Ивана Франко и Национальной оперы, звучащими в эфире спектаклями из фондов Украинского радио, фильмами – операми, снятыми на Укртелефильме. Она также присутствует в нашей культуре в лице своих учеников, ее бывших студентов, народных артистов Украины – Ларисы Хоролец, Анатолия Хостикоева, Александра Бондаренко, Александра Быструшкина, заслуженной артистки Украины – Любови Кубюк. Режиссер, народный артист Украины Виталий Малахов, актер и режиссер Александр Игнатуша, хоть и не были ее студентами, но первые успешные шаги в искусстве сделали с Ириной Александровной, с ее курсом в спектакле «Сказка про Моника». Театральной легендой стал этот спектакль, поставленный Виталием Малаховым, художественным руководителем которого была И. Молостова. В памяти многих Ирина Александровна осталась как человек интеллигентный, искренний, увлекающийся, умеющий распознать и поддержать все талантливое; добрый и вместе с тем непримиримый в принципиальных вопросах, постоянно искавший что-то новое и способный им увлечь каждого. Она, как никто другой, вносила в жизнь окружающих светлую атмосферу праздничности.

ДАВИД ЛЬВОВИЧ
БОРОВСКИЙ

*Народный артист
Украины и России*

Две недели с великим Боровским

Слава знаменитой Таганки, удачи многих драматических и оперных спектаклей на лучших сценах мира в значительной степени предопределены участием в них Давида Боровского. Тихий, мудрый, неспешный, ироничный, очень домашний человек, почитаемый в мире непререкаемым авторитетом, которого не назовешь ни первым, ни вторым, ни третьим, прижимает к груди, чтобы я замолчал: «Перестань!» Но я успеваю вернуться и, оглянувшись в зрительный зал, закричать: «Потому что он вне ряда вообще! В мире!».

Юрий Рост

К шести часам утра на проходной Театра им. Леси Украинки собрались: Давид Боровский с женой Мариной, которая пришла его провожать, Вадим Дмитриук и я. Она просительно смотрела на Дмитриюка и меня, «приглядывайте, мол за ним», так смотрят в глаза будущих командиров матери новобранцев при расставании, подумалось мне. Наш дружный мужской коллектив перенес из профкома театра в заказной рафик палатки, байдарки, спальные мешки и продукты, простились с Мариной и поехали на площадь Победы. По дороге должны были подобрать Альфреда Шестопалова. Накануне Алик сдал худсовету срежиссированный им гала-концерт, до трех часов ночи отмечали удачный прием программы, и вот теперь невыспавшийся, не пришедший в себя от праздника, он тяжело ввалился в рафик. Отъехав от города километров 50, мы остановились в березовом лесу, постелили на травку клеенку, которую называли «скатерть самобранка», поставили на нее откупоренную бутылку, нарезали бутерброды с сухой колбасой и сыром и выпили за отъезд. Шестопалов расправил плечи, взгляд его прояснился. Мы встали, он, обняв меня рукой за плечо, отвел в сторону и тихо, торжественно и проникновенно произнес: «Ты всю жизнь будешь помнить, что был в походе с великим Боровским».

Ехать нам предстояло до Бобруйска. На это ушел целый день. Рафик был старый, и часто останавливался. Тогда мы вылезали из него, толкали, чтобы мотор снова завелся. Я в то время в профкоме театра отвечал за спортивную работу – приобретал для театра байдарки, палатки, спальные мешки,

необходимую для похода утварь: очаг, лопатки, топоры, помпы для надувания матрасов, а в походе был завхозом. С Вадимом Дмитриюком мы закупили продукты. Мне же поручили и выбрать маршрут похода. Предварительно купив красочную туристическую карту Белоруссии и, увидев реку Лань, протекавшую в лесах, причем на цветной рисованной карте она выглядела маняще в кучерявых лесных берегах, поэтому с легким сердцем выбрал именно ее. Подъезд к началу маршрута по шоссе от Бобруйска к мосту через реку Лань, а окончание – место ее впадения в Припять. Там, через две недели мы сушим байдарки, собираем их в пакеты, садимся на ракету, идущую на Мозырь, в Мозыре пересаживаемся на украинскую ракету, ночуем в Чернобыле, шлюзуемся и приплываем к киевскому речному вокзалу, где нас встречает театральный автобус. Вот такие были планы. Сейчас же, уставшие от 12-часового переезда и мучительно жаркого дня, мы приближались к реке Лань. Я беспокоился, что она собой представляет? Понравится ли старшим товарищам? Мои волнения оказались не напрасными, когда мы приехали, то увидели мост, столбик с обозначением реки Лань, но реки... не было. То есть был... ручеек. Я вылез из рафика и стремительно спустился к нему. Да, байдарка там поместится, хотя придется первое время отталкиваться веслами от берегов, но где-то же она наконец расширится... Шестопалов, уничтожающе посмотрев на меня, спросил:

– Куда ты нас привез?

– Ребята, ну, посмотрите на карту, – начал оправдываться я.

– Карту, карту, – передразнил меня Алик. Он тогда был председателем профкома, играл много интересных ролей, но главное, хотел преподнести этой поездкой достойный подарок Боровскому.

– Надо было связаться по телефону с ближайшим населенным пунктом, уточнить, что за река.

– Мальчики, – начал никогда не унывающий Дмитриюк, – уверен, скоро начнется настоящая река. Поверьте старому походнику. Так что, разгружаемся, готовим ужин, ставим палатки и спать. А завтра собираемся в путь. Да, кто с кем будет находиться в палатке и в байдарке?

– Дэва, Алик, выберите, – для видимости справедливости каждому нужно было вытянуть по полоске бумаги: две короткие – одна пара, две длинные – другая. Но опытный Дмитриюк подстроил так, что в любом случае Дэва и Алик должны были оказаться в одной палатке.

На следующее утро, отоспавшись после тяжелого дня, позавтракав и собрав байдарки, мы спустили их на узкую полосу воды. После загрузки спортивным инвентарем, они осели глубоко в воду, и почти легли на дно речушки, уткнувшись бортами в подводную часть берегов. Я с тревогой смотрел на байдарки. Не показывая волнения, уселся в носовой части, Дмитрюк устроился сзади на рулях. Открыли бутылку шампанского, ее выстрелом отсалютовали начало похода, разлили шипящую жидкость по кружкам, чокнулись каждый с соседом по байдарке и символически с ребятами соседней байдарки, выпили охлажденную в реке хмельную влагу. Такой вкуснотищи я никогда еще не пробовал. А затем, отталкиваясь веслами от заросших густой травой берегов речушки, сдвинулись с места. Каждый метр пути давался с большим трудом. Иногда плыть было невозможно, тогда выходили на берег, и как бурлаки на Волге, тянули байдарки за бечевки. Лишь только речушка расширялась, снова поспешно усаживались, брались за весла и гребли, отталкиваясь от дерна берегов, с надеждой поглядывая вперед. Через час все были красные, потные.

– Все, перекур, – скомандовал Шестопалов, и ернически раздраженно добавил, – куда ты завел нас, Сусанин?

– Ребята, – начал Боровский, – я конечно за активный отдых, но не до такой-же степени...

Глядя на озабоченное, усталое лицо Боровского, я вспомнил его оформление спектакля нашего театра «Большевики» Михаила Шатрова.

В те времена к, так называемым, «датским» спектаклям, а «Большевики» относились именно к такой категории, цензура была казуистически требовательна. Чтобы пробиться к зрителю, такой спектакль должен был быть совершенным художественно и безупречным идеологически, в этих вопросах создатели спектакля должны были стать «святое Папы Римского». И вот как подошел к решению этой задачи Давид Боровский.

Полуoval зрительного зала дополнялся в «Большевиках» почти симметричным полуovalом пространства сцены, ограниченной тёмно-синим бархатом задника. Шириной в барьер балкона второго яруса по нему шла полоса красного полотнища. Она переходила на полуoval задника сцены, спиралью возвращалась на балкон первого яруса, снова по заднику сцены, потом – бельэтаж, а дальше полоса полотнища выходила на сцену и красной скатертью покрывала длинный стол,

за которым члены Совнаркома принимали важное решение – отвечать на белый террор или нет.

Огромная пустая сцена, темно-синий цвет задника, темный половик с длинным красным столом и стульями, параллельно идущее по заднику и спиралью охватывающее сцену и зал красное полотнище – вот и все оформление. Да еще столик, стоящий в проходе зрительного зала впритык к сцене. За ним лицом друг к другу сидели телеграфисты, их играли Андрей Подубинский и Лидия Яремчук. В коротких паузах спектакля они, освещенные светом настольной лампы, выстукивали тексты посылаемых телеграмм и озвучивали получаемые, одна – тревожной другой. Содержание этих телеграмм подталкивало Совнарком принять кровавое, бра-тубийственное постановление о большевистском терроре.

Красная спираль полотнища напоминала о марксистском постулате «развития общества по спирали». Это полотнище объединяло людей в зале и на сцене – такая мысль напоминала о единстве наших современников с участниками того бурного противостояния. Таким образом, как бы подчеркивалась преемственность событий. Жизнь сегодняшняя выступала результатом той давней революционной борьбы.

Да, то были идеи ушедшей эпохи, но чтобы пробиться к зрителю, надо было воплотить их безупречно, безукоризненно. И у Боровского это получилось. Убедительно и талантливо. Немного отдохнув, мы пошли дальше. Речушка стала чуть-чуть полноводней. Уже не надо было вылезать из байдарки, чтобы тащить ее волоком, но по-прежнему приходилось отталкиваться веслами от берега, и это утомляло...

– Сусанин, – раздался сзади голос Шестопалова, их байдарка шла за нами, – скоро закончится этот огород?

Я, сцепив зубы, молчал.

– Мальчики, – вдруг воскликнул Дмитрюк, – вон, у поворота наша речка начинает расширяться, а там появится нормальная вода. Мы конвульсивно доковыряли веслами до поворота, и, пройдя его, блаженно опустили их в воду. Между берегами уже было 4-5 метров. На радостях прилично оторвались от Дэвы и Алика. Остановились возле очередного поворота подождать ребят (по правилам безопасности туристы не должны терять друг друга из виду). Я оглянулся и увидел, как Дэва, положив весло на борт байдарки, замер, любуясь лесом, близко подступающим к реке, солнцем, которое вот-вот спрячется за деревьями, его золотистыми отблесками на воде. А Шестопалов чинно греб и что-то рассказывал. Он напоминал гондольера, с гордостью показывающего

богатому туристу удивительные достопримечательности ска-
зочной Венеции. Подождав, пока отставшая байдарка под-
плыла к нам, Дмитрюк сказал:

– Ребята, пора отдохнуть.

Выбирали стоянку, как переборчивые невесты, но на-
конец-таки нашли. Местность оказалась удивительная. Сухая
полянка находилась между невысоким обрывчиком и подсту-
пившим к ней густым лесом. Быстро разгрузили байдарки,
вытащили их на берег. И пока Дэва и Алик устанавливали па-
латки, надували матрасы, заносили их вместе с рюкзаками и
продуктами в тамбур палатки, мы с Дмитрюком собирали суш-
няк, устанавливали очаг, набирали в котлы воду, чистили кар-
тошку.

Выполнив свою работу, Дэва вдруг таинственно и зага-
дочно стал передвигаться по местности, заглядывая, то за
кустик, то за ствол могучего дерева. Он так сосредоточен-
но, как будто священнодействуя, делал это, что каждый из
нас оставил свою работу и стал внимательно за ним на-
блюдать. А когда услышали его озабоченную фразу: «А где
здесь будет туалет?», гомерически расхохотались. Причем
такая сценка подобным образом разыгрывалась почти на
каждой новой стоянке, и всякий раз мы не могли удержать-
ся от смеха. Вообще к смеху Боровский в походе относился
благодарно и радостно, как к счастью. Вырвавшись из кот-
ла своей московской перегруженной событиями жизни, он,
глядя на лес, на реку, на природу вокруг, восторженно при-
говаривал:

– Боже мой, какая сказка! И главное, ни одного телефон-
ного звонка.

Наверное, поэтому здесь, в беззаботной нашей поход-
ной жизни он не упускал ни единого, даже самого просто-
го, непритязательного предлога, чтобы посмеяться. Сценогра-
фические оформления Боровского появлялись в результате
глубокого проникновения в материал пьесы, и, отразившись
удивительным по простоте и замыслу решением, буквально
подсказывали режиссерам строй будущих спектаклей. Это
все требовало больших душевных и интеллектуальных уси-
лий. А на отдыхе Боровский мог позволить себе расслабить-
ся, пошалить. Он не стеснялся своего непритязательного
юмора, он им упивался. Часто после обеда или ужина, когда
все лежали на надувных матрасах, Дэва таинственно и мно-
гозначительно доставал из рюкзака обычную школьную те-
традь, раскрывал ее и начинал читать вслух. Туда были вкле-
ены аккуратно вырезанные отдельные тексты 16-й страницы

«Литературной газеты» из рубрики «Рога и копыта». Мне всегда они казались не очень смешными, даже глуповатыми, но Дэва, читал их так заразительно, с такой детской непосредственностью смеялся, что мы не выдерживали, и, как сумасшедшие, начинали смеяться вместе с ним. Мне тогда подумалось: «Наверное, судя по описаниям, с такой же детской непосредственностью, звеня серебром своего голоса, смеялся Пушкин». Глядя на хохочущего Боровского, вспомнил, как талантливый и в высшей степени интеллигентный кинорежиссер Константин Ершов, снимая фильм

«Каждый вечер после работы», пригласил в картину в качестве художника своего друга Давида Боровского, с которым вместе начинали в Театре им. Леси Украинки: Ершов был актером вспомогательного состава, а Боровский работал маляром, покрывал краской декорации. Я снимался в этой картине. Однажды съемка должна была происходить скрытой камерой. В те годы уличные автоматы газированной воды в зимнее время накрывались ящиками из фанеры. И вот в такое укрытие на углу Крещатика и Прорезной, возле книжного магазина, спрятался оператор с камерой. Сквозь небольшое отверстие в ящике он через трансфокатор должен был снимать известную актрису Зинаиду Славину, выходящую из метро и направляющуюся к подземному переходу. Когда же она скроется в переходе, камера должна остановиться на мне. Я стоял на противоположной от метро стороне, возле раскладки с книгами, и должен был громко произносить импровизированный текст, обращаясь к проходящим пешеходам. А надо сказать, что Ершов и Боровский были очень смешливыми людьми. Их веселило, что, ничего не подозревающие пешеходы, становились участниками сцены, а еще, моя нелепая одежда: черное пальто с поднятым воротником, очки с близко посаженными стеклами, спортивная шапочка, как у конькобежцев, а также мой импровизированный текст, который я уже им тихонько наговорил. Наверное, их веселое настроение было результатом того, что два талантливых человека, нежно относясь друг к другу, радовались тому, что пронесли свою дружбу с давних, непростых для них лет работы в Театре им. Леси Украинки, до настоящего момента, когда они уже в расцвете своих творческих сил, признаны, любимы, а все остальное – просто предлог.

– Олег, – еле сдерживая себя, чтобы не рассмеяться, заговорщицким тоном говорит Костя, – когда Зина начнет спускаться в переход, – я поднесу платок к лицу – уже можете начинать.

Зимним Крещатиком люди спешат по своим делам. Из дверей станции метро Крещатик появляется Зинаида Славина. Я стою к ней спиной, сосредоточенно перебираю книги на раскладке и краем глаза слежу за Ершовым. Вижу, он подносит платок к лицу, и я громко, на всю улицу, начинаю кричать: «Для заботливых родителей! Книги о птицах и, прежде всего, об орлах...» Прохожие начинают подходить ко мне, брать книги и рассматривать их. Боровский прячет свое смеющееся лицо.

– Если хотите сделать приятное мужу, назовите его орлом, – продолжаю я. Замечаю трясущихся от смеха Ершова и Боровского.

– Размах крыльев – 1 метр 68 сантиметра, вес 3–4 килограмма, питается преимущественно гризунами.

– А о лошадях у вас случайно ничего нет? – спрашивает какой-то книголюб.

– Приходите завтра, – мгновенно отвечаю я.

Боровский, закрыв лицо ладонями, всхлипывает от смеха, а Ершов в такт судорогам смеха, беспомощно взмахивает платком.

Отдохнув в течение следующего дня после первого тяжелого перехода, мы поплыли дальше. Наша с Дмитриюком байдарка, как обычно, шла первой. За спиной мы слышали журчанье разговора плывущих за нами Алика и Дэвы. Когда же мы переставали грести, и ребята приближались к нам, Шестопалов подключал к разговору и нас. Однажды Дмитриюк спросил у Боровского, планирует ли он работать над каким-то спектаклем в Театре им. Леси Украинки. Услышав это, Альфред Васильевич, перефразируя текст Вожжеватова из «Бесприданницы», произнес подчеркнуто поставленным голосом, в манере провинциальных актеров: «Давиду Львовичу в Киеве уже разговаривать не с кем...»

– Да я бы и с удовольствием, Вадим Николаевич, – как мне показалось, смущаясь, ответил Боровский, – но просто нет времени.

Мы плыли дальше... Вдруг возле берега из узкой полоски зарослей камыша, аира и кувшинок взлетела утка. Помнявшись со мной местами, Дмитриюк с ружьем в руках сел в носовой части байдарки. Я стал осторожно, неторопливо грести. Шестопалов и Боровский плыли следом, совсем близко от нас. Буквально через несколько минут после первой уточки, впереди, в метрах пяти от нас, «взорвалась» вторая. Дмитриюк сразу же послал ей вдогонку два выстрела. Птица, как

ни в чем не бывало, часто лопоча крыльями, удалялась от нас, пока не исчезла из виду.

– А по городу ходят слухи, что Дмитрюк – хороший охотник, – с невинной невозмутимостью подначивал его Шестопалов.

Дмитрюк резко повернул голову, хотел что-то ответить, и я увидел его лицо, красное, перекошенное. «Вот так, наверное, выглядели первобытные охотники», пронеслось у меня в голове. Потом засомневался – если бы их так захлестывали эмоции, охота не была бы успешной, и они просто не выжили бы.

Дмитрюк резким движением быстро перезарядил ружье. И сразу же, совсем рядом, справа от нас, одновременно взлетели и стали быстро удаляться уже две утки. Опять два выстрела, но две невредимые птицы, немного петляя в воздухе из стороны в сторону, как бы поддразнивая охотника, уносились от нас. За спиной раздался хохот.

– Дмитрюк, я понял в чем дело, – потешался Шестопалов, вы же всегда перед охотой выпивали до двоения в глазах, и ты с годами приспособился к этому. А тут – ни в одном...

– Отпустите их немного подальше, – по-доброму улыбаясь, подсказывал Дэва. И это был хороший совет. С увеличением расстояния увеличивался угол рассеивания дроби, и шансов попасть в цель становилось больше.

– Спасибо за совет, – процедил сквозь зубы Дмитрюк.

Но, как только очередная утка снова взлетала над водой, нетерпение и поспешность, будто помимо его воли, нажимали на курок, и снова промах. А за нашими спинами раздавался уже гомерический хохот. Так в тот день мы и не попробовали утиного мяса.

Я обернулся, посмотрел на добродушное, улыбающееся лицо Дэвы, и вспомнил рассказ Славы Езепова, исполнителя роли Чехова в спектакле «Насмешливое мое счастье» о том, как возникла у Боровского идея оформления этого спектакля. Михаил Юрьевич Резникович не мог приступить к репетициям, потому что Давид Боровский находился в поисках решения сценографии «Насмешливого моего счастья», а оно никак не приходило.

И вот как-то Езепов и Боровский шли по бульвару Шевченко в кинотеатр «Победа» посмотреть новый фильм, и Слава пересказывал Давиду фрагмент из дневника Книппер-Чеховой о первых часах ее вдовьей жизни. В соседней комнате лежит Антон Павлович, совсем недавно перестало биться его сердце, и тело еще не остыло. Было шесть часов утра,

Ольга Леонардовна подошла к двери балкона, открыла ее, и вместе со свежим, прохладным утренним воздухом в комнату проникли звуки органа, доносившиеся из соседнего костела. Слезы опять потекли из ее глаз – как будто Господь послал в эти трагические минуты стонущую мелодию мессы.

– Нет ли у тебя ручки или карандаша? – спросил Боровский. Слава протянул ему ручку, Боровский достал маленькую записную книжку, стал что-то рисовать в ней. Через несколько минут, закончив и сказав: «Готово», он протянул записную книжку Езепову. На листке блокнота тот увидел изображение пустой сценической площадки, где вместо задника на глубине 10-12 метров, и чуть ли не на всю высоту сцены – огромный орган, вместо металлических труб которого выстроились стройные березовые стволы (как известно, в первых органах трубы были деревянные).

– Березы – это национальное звучание творчества Чехова, а орган – мировое, – подытожил мысль своего решения Боровский.

Наш поход шел своим чередом: день мы плыли по реке, день отдыхали. Люди попадались редко, населенных пунктов на берегу этой лесной реки вообще не помню. Каждого, встречного мы спрашивали:

– Далеко ли до Припяти?

Дни шли за днями, а ответ был пугающе однообразен:

– Восемьдесят киламетрау.

Однажды, на зеленой лужайке берега реки мы увидели одинокого мужичка, косившего траву. Он был в метрах 50-ти от байдарок, и, не обращая на нас внимания, старательно занимался своим делом. Мы уже проплыли мимо него, приблизились к повороту, так, что он оказался за нашими спинами, и вдруг в небо стремительно взлетела сигнальная ракета – взорвалась, после чего неторопливо сгорая, стала приближаться к земле, пока не исчезла совсем. Я повернулся к мужичку и крикнул:

– Что это за ракета?

– Да реку взрываць будуць, вот и предупреждаюць.

– А что ж вы нам не сказали?

– А я думаю, вы знаеце.

Мы переглянулись. Не хотелось даже думать, что могло случиться, если бы мы не переспросили этого мужчину. Окажется, здесь взрывали заболоченную и чрезвычайно петляющую часть реки для выпрямления и осушения русла.

После сообщения, мы пристали к берегу, положили весла на борта байдарки и спокойно стали ждать. Ничего

особенного. Обычное плановое мероприятие. И вдруг земля под нами вздрогнула, раздался взрыв. Совсем неподалеку от нас в воздух взлетела огромная масса чего-то черного и закрыла вместе с солнцем большую часть неба, так что на мгновение наступили сумерки. В мыслях тотчас же пронеслось – какие мы крошечные по сравнению с этой огромной черной массой. Мурашки пробежали у меня по спине, я даже вообразить себе не мог, как ужасно может выглядеть рабочий соизидательный взрыв. Подумалось, что же чувствовали люди во время войны когда рядом падали снаряды. После взрыва на воду, сильно ее разбрызгивая, посыпались куски грязи, земля, трава. Все это падало и на нас. Совсем близко в воду упали несколько рыбин. Взлетела отбойная сигнальная ракета, мы поплыли дальше, и на своем пути еще долго видели на поверхности воды перевернутых вверх брюшком рыб. Я смотрел на лицо Дэвы, с которого во время похода не сходила его добрая тихая улыбка, но теперь же, сквозь оцепенение, проглядывало недоумение – как же можно с подобной красотой творить такое? Не возмущение, не гнев, а сожаление: «Ну, как не понимать этого?»

Глядя на Боровского, я вспомнил свою встречу с ним в Москве. Театр им. Леси Украинки приехал на гастроли, и на следующий день после спектакля «Вишневый сад» (в нем я играл роль Епиходова и меня в тот вечер, как никогда прежде, хорошо принимал зритель), я увидел возле Театра на Таганке Боровского и Ершова (в тот день я хотел попасть на сдачу спектакля Юрия Любимова, но ему запретили пускать посторонних в зал). Я подошел к ним, поздоровался. Костя Ершов засиял своей неповторимой, доброй улыбкой:

– Ну, ты видел его вчера? – спросил Костя у Дэвы, доброжелательно кивая головой в мою сторону. Режиссером

«Вишневого сада» была Ирина Молостова, и они, как бывшие коллеги по работе, хорошо к ней относившиеся, не могли не посмотреть ее спектакль на гастролях в Москве. Давид занялся. В нем боролись два начала – с одной стороны, нежное чувство дружбы с Ершовым, с другой – несколько иное впечатление. И потому главной заботой было: как бы так сказать, чтобы и друга не обидеть, и свою точку зрения выразить.

– В Москве... так уже... не играют, – наконец выдавил он из себя, виновато глядя на Костю.

После моих съемок в фильме «Каждый вечер после работы» Костя относился ко мне чрезвычайно тепло.

– Нет, вчера он был действительно хорош, – глядя на Дэву и примирительно улыбаясь, закончил Костя.

Так, незаметно, день за днем, проходил наш поход. Помню один из последних дней. Редкие встречные на нашем пути по-прежнему утверждали, что до Припяти остались все те же 80 километров. Характер реки изменился, как будто мы шли по дну каньона или находились во время шлюзования в замкнутом пространстве. Высокий, стройный сосновый лес вплотную подступал к берегам, сосны с обеих сторон были продолжением 15-ти метрового, совершенно отвесного берега. Пристать было некуда. Спускались вечерние сумерки. К тому же заморосил дождь. Мы натянули на себя – кто водонепроницаемые штормовки, кто – дождевики. Уже давно шли, устали. Пора была пристать к берегу, становиться на ночлег, готовить ужин. А возможности нет. Стали налегать на весла, чтобы побыстрее проскочить этот участок, но берега по-прежнему были высокие, неприступные. Мы понимали, что безвыходных ситуаций нет: даже если нас застанет ночь в этом капкане – можно будет вбить в отвесный берег штырь, привязаться бечевкой с носовой части байдарки, и, сидя в ней под морозящим дождем, в накинутах поверх дождевиков и прорезиненных штормовок клеенках, попытаться подремать так до рассвета. Настроение было невеселое. Сумерки почти превратились в ночь, мы уже стали присматривать в отвесном берегу место, где можно было бы зацепиться... И вдруг увидели, как что-то огромное, черное на уровне 15-ти метров над водой стало медленно и угрожающе надвигаться на нас... Мы оцепенели.

– Да это же мост, – с облегчением воскликнул Дмитрюк.

Батарейки фонариков намокли, так что нам пришлось в потемках пристать под мостом возле берега, который там был не отвесным, а с крутым наклоном. Закрепив байдарки, мы вскарабкались наверх. В лесу была прорублена просека, по которой шла грунтовая дорога. И мост соединял эту дорогу по обе стороны реки. Просека была такая узкая, что хватало места только для дороги без малейшей обочины. Но уже перед самым мостом, слева и справа были крохотные площадки, так что, когда мы поставили палатки, одна их треть занимала часть дороги. Голодные и уставшие, под морозящим дождем, мы влезли в палатки, при зажженных свечах переоделись в сухую теплую смену белья, хранившегося в целлофановых мешках наших рюкзаков. Потом наскоро перекусили бутербродами с сухой колбасой, надули матрасы, влезли в спальные мешки и улеглись спать...

Какое-то время я не мог уснуть, казалось, будто слышу шум приближающейся к нам машины с погашенными фарами.

На следующее утро проснулись мы поздно. По тропику палатки скучно шелестел морозящий дождь, было 14 августа. А в начале похода я договорился с ребятами, что 14 числа, где бы мы ни были, мне придется выбираться в Киев, потому что с 16 августа у меня путевка в Миргород. Все остальные хотели побыть в походе еще с неделку.

После завтрака возле наших палаток остановился мотоцикл с коляской, я договорился с водителем, и он подвез меня к ближайшей железнодорожной станции. Там я сел на поезд Минск-Киев и утром был уже дома. В тот же вечер выехал в Миргород, и на следующий день 16 августа отдыхал в санатории.

Через год, летом я случайно встретил Боровского в Киеве, в вагоне метро (он работал в Москве, в Театре на Таганке, но иногда приезжал в Киев). Увидев меня, он засиял своей доброй, теплой улыбкой.

– Дэва, – начал я после взаимных приветствий, – через неделю мы собираемся пойти по реке Птичь, по удивительной, говорят, речке. Вы не хотите поехать с нами?

Он какое-то время молча улыбался, видно, в эти мгновения в его памяти промелькнуло несколько беззаботных, радостных, счастливых картин нашей прошлогодней походной жизни. Потом улыбка сошла с его лица, и он заговорил:

– Я с огромным удовольствием поехал бы с вами, но через 3 дня мне нужно выезжать в Будапешт. Оформляю там спектакль, так что счастливого вам пути.

**ЯКОВ ЭММАНУИЛОВИЧ
БЛИКШТЕЙН**

Человек, поднимавший престиж своей профессии

Рассказывают, что сразу после войны Яков Эммануилович Бликштейн работал в Театре им. Леси Украинки администратором, и, однажды его вызвал к себе возмущенный, в сильном возбуждении зритель, и, чуть не крича, обратился к нему:

– Вы можете объяснить, что же сегодня в театре показывают – «Безумный день» или все-таки «Женитьбу Фигаро»?

На что Яков Эммануилович с сияющей улыбкой ответил:

– Вам крупно повезло: как раз сегодня будет и то, и другое.

Спустя некоторое время Яков Эммануилович работал в том же театре, но уже суфлером. Впервые я увидел его в большом репетиционном зале, когда он, с палочкой в руке, с текстом пьесы под мышкой, на полусогнутых ногах, своей шаркающей походкой направлялся к суфлерскому столу. Каждый шаг стоил невероятных усилий, и вообще его жизнь одинокого старика-калеки была нелегка, но, стоило к нему обратиться, как лицо озарялось радостной улыбкой, и он обстоятельно и остроумно отвечал. Его часто окружали молодые актеры и слушали то, что говорил старый суфлер. А говорил он больше всего о временах, когда еще совсем молодым человеком служил суфлером у известного антрепренера Синельникова. Вспоминал он гастролях в Киеве знаменитого актера Кузнецова и о том, как умел носить на сцене костюм Блюменталь – Тамарин, объяснял, что значит роль «с ниточкой и без ниточки». Об актере, игравшем, главным образом, эпизоды, он говорил:

– Разве это жизнь? Это же легкая прогулка, курорт.

Я в достаточной степени смог оценить, в каких тяжелых условиях приходилось ему работать, когда на гастроли в Киев приехал народный артист Союза, вахтанговец Николай Олимпиевич Гриценко. Он должен был играть в нашем спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» Островского роль Мамаева, вместо заболевшего Дмитрия Васильевича Франко, который прекрасно исполнял ее. В этом спектакле я был занят в первой и пятой картинах, играя роль Голутвина. И вот, в перерыве между картинами, я решил посмотреть из суфлерской будки, свободной в тот вечер, игру Николая Олимпиевича. Помню, с каким трудом я залазил в суфлерскую будку. Узкое, маленькое, неудобное пространство. «Как же сюда, почти каждый вечер,

с суфлерским экземпляром под мышкой, залазил бедный старик-калека?», – подумал я тогда. Рассказывают, что Яков Эммануилович был ангелом-спасителем для актеров, срочно вводящихся на роль. Из своей суфлерской будки он говорил появившемуся на сцене актеру:

– Спокойно. Сделайте три шага к партнеру. Так, хорошо. Глубоко вздохните, а теперь текст: «Не думал я, что встречу вновь с тобою...» и т. д. Он, как бы брал актера в свои руки и нёс его с первого появления на сцене до конца роли. Как много он знал и понимал. Это был в высшей степени профессионал, который своей личностью поднимал значение своего, не самого престижного в театре занятия.

После спектакля он всегда сидел на скамеечке служебного входа. Кисти рук, одна на другой, опирались на палочку. Когда после спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» я, тогда еще совсем молодой актер, прощался с Яковом Эммануиловичем, вопрошающе глядя на него, он говорил:

– Сегодня ваша сцена прошла неплохо.

Когда же что-то не получалось, на прощанье бросал мне:

– Грим был великолепен.

Рассказывают, что в спектакле «Рассвет над морем», роль Котовского играл М. Романов. В одной из картин Котовский-Романов в халате врача принимал мнимого больного, а на самом деле – связного, которого играл О. Борисов. Михаил Федорович должен был сказать:

– Откройте рот, скажите «А...», – дальше же, почти шепотом, чтобы не услышали другие пациенты, – «Скажите товарищам, что наш отряд придет им на помощь завтра в полдень». А Михаил Федорович любил иногда поимпровизировать на сцене, тем более в роли, в которой в конце спектакля, раскланиваясь под аплодисменты зрителей и кладя руку на сердце, с каждым поклоном обязательно приговаривал: «Простите, простите, простите». И вот, Олег Борисов уселся в кресло, Михаил Федорович говорит ему: «Скажите – А...», тот повторяет – «А...», «А теперь – Б...», тот – «Б». И так – чуть ли не до середины алфавита. На что Яков Эммануилович из суфлерской будки подсказывает ему:

– Миша, не пора ли вернуться к сюжету..?

Одна молодая актриса, устроенная в театр «по звонку», как-то при мне говорила:

– Фу, я не могу рядом с ним сидеть, – штаны у него не всегда застегнуты и вздулись на коленях, волосы растрепаны, пиджак засален. Как можно такого человека держать в театре!

Ее потом уволили, а Яков Эммануилович продолжал работать, его любили и будут любить все, кто помнит. Да, одет он был не идеально, но, слава Богу, что с одной рукой (другая была занята палочкой) он вообще мог жить и быть таким полезным, таким нужным человеком многим людям.

Кроме театра, которому Яков Эммануилович отдавался безраздельно, у него была еще одна любовь – музыка. Он обладал большой коллекцией пластинок симфонической музыки, в которой хорошо разбирался. И вот однажды в Киев приехал на гастроли из США знаменитый Филадельфийский симфонический оркестр, руководимый самим Юджином Орманди. Его выступление должно было транслироваться по радио (были такие времена). А в этот же вечер шел спектакль «Слуга двух господ», который всегда вел Яков Эммануилович. Конечно, он был ужасно огорчен этим, но потом нашел выход – попросил заведующего радиоцехом провести в суфлерскую будку трансляцию с наушниками. На сцене идет спектакль, а в суфлерской будке Яков Эммануилович, наслаждаясь, слушает музыку. Ему, наверное, кажется, что он в ослепительном колонном зале филармонии, что перед ним послушный симфонический оркестр, во всяком случае, руки сами взлетают над суфлерским экземпляром, как над попитром, в такт слышимой им музыки. Голова немного запрокинута назад и покачивается вместе со взмахами рук, глаза восторженно прикрыты. От переполнивших его чувств он громко подпевает, особенно пронзительную тему.

– Ти-ра-ра-ра-ра-ра...

Актеры, играющие спектакль, с изумлением замечают суфлера в огромных наушниках, как-то странно себя ведущего. Один из них, отыграв свою сцену, ушел за кулисы, потом стремительно подбежал к пульту помрежа и с тревогой рассказал Питоеву о происходящем. Тот поспешно спустился под сцену, приблизился к входу в суфлерскую будку, открыл дверь и, дотянувшись до колена суфлера, осторожно потормошил его со словами:

– Что с вами, Яков Эммануилович?

Тот посмотрел вниз на вопрошающее лицо Питоева и восторженно воскликнул:

– Боже мой! Какой изумительный звук!

Много лет спустя, я собственными глазами видел среди бумаг исходящего реквизита бутафорского цеха приказ, приблизительно такого содержания: «Во время спектакля «Слуга двух господ» суфлер Бликштейн Яков Эммануилович,

вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, прослушивал по трансляции музыку, размахивал руками и пел, чем поставил спектакль под угрозу срыва. За нарушение творческой дисциплины Я. Бликштейну выносятся выговор».

Я говорил уже, что Якова Эммануиловича любили в коллективе. И вот, в один из дней его рождения: кажется, это был юбилей, люди собрали деньги, определенную сумму выделила дирекция и местком театра, и Вера Леонидовна Предаевич, многолетняя профкомовка, выбрала и купила на эти деньги Якову Эммануиловичу теплый красивый пуловер. Как сейчас помню торжественную часть юбилея Бликштейна. После репетиции в зрительный зал стали сходитьсь сотрудники театра. Звучит фонограмма с фанфарами. Открываются двери центрального входа в партер, и двое молодых актеров ведут под руки в нарядном новом пуловере юбиляра к сцене. Его сопровождают под торжественную музыку. Сотрудники театра поднимаются с мест, встречают и провожают Якова Эммануиловича аплодисментами. Вот молодые актеры помогают ему подняться по ступенькам на сцену, посреди которой стоит старинное вольтеровское кресло, и кто-то из актеров держит над спинкой, как ее продолжение, раковину суфлерской будки из спектакля «На всякого мудреца довольно простоты». Подвели Якова Эммануиловича к этому сооружению, и только теперь я заметил, что оно напоминает вертикально поставленный гробик. Более того, когда стали усаживать юбиляра, зав. радиочехом грохнул через все динамики бетховенское «Так судьба стучится в дверь». От чего бедный Яков Эммануилович вздрогнул, и лицо его стало совсем грустным. Но только на мгновение. Увидев добрые, улыбающиеся лица, он понял, что это просто «клякса», «помарка» в сердечном стремлении людей сделать ему маленький праздник. И он благодарно заулыбался в ответ. Справа от него стояла Вера Леонидовна, которая, склонившись к нему, и, щупая плотный, теплый пуловер, спросила:

– Ну, как это тебе, Яша?

– Теперь за себя спокоен. До ста доживу, – ответил Яков Эммануилович.

Еще и сейчас актеры, собираясь в антрактах спектаклей или в перерыве репетиций, вспоминают юмор Якова Эммануиловича. Вот кое-что из этих воспоминаний:

У Якова Эммануиловича из-за отложения солей были повреждены суставы на ногах. Как-то он заглянул в рабочую

комнату, где стоял телевизор, ребята смотрели чемпионат мира по хоккею. В какой-то момент защитник так припечатал нападающего к борту, что в гулком зале дворца, казалось, раздался залп орудия.

– Да, – сказал Яков Эммануилович. – Об отложении солей тут не может быть и речи.

* * *

На послепремьерных банкетах Яков Эммануилович размещался с краю, т. к. с палочкой ему трудно было пробираться в середину. Садился он с достоинством, величественно позволял, чтобы ему положили на тарелку вот тот бутерброд или немного вот этого салата.

– Что будете пить, Яков Эммануилович? – спросил только что появившийся в театре совсем молодой актер. На что тот снисходительно объяснял:

– У меня печень, как у младенца: я в своей жизни и капли не выпил спиртного.

* * *

В спектакле «Далекие окна» Вадима Собко на роль дьяка вводился один актер, который приклеил себе бороду неимоверных размеров. Перед спектаклем он очень волновался, и Яков Эммануилович, неодобрительно посмотрев на него, сказал:

– В этом гриме он похож на Григория Распутина... перед смертью.

* * *

На спектакле «Гибель эскадры» А. Корнейчука стоящий в глубине сцены на возвышении актер должен был перечислить названия кораблей. Но порядок он никак не мог запомнить. Подсказать текст тоже было невозможно – уж очень далеко он находился, да и матросы, бегая по палубе, шумели. И вот какой выход нашел суфлер:

– Эсминец – громко говорит актер, глядя из глубины на Якова Эммануиловича. Тот быстро имитирует кистью руки движение змейки.

– Стремительный! – вспоминает актер.
– Эсминец – делает паузу актер, глядя в суфлерскую будку.

Яков Эммануилович возле уха как будто бы позванивает колокольчиком.

– Звонкий! – продолжает актер.

Так Яков Эммануилович подсказывает долгий перечень названий кораблей. И в заключение:

– Эсминец... Яков Эммануилович поворачивает свое лицо к актеру в профиль, и возле своего курносого носа пальцем по воздуху рисует огромный нос с горбинкой.

– Хаджибей! – заканчивает актер.

Мальвина Зиновьевна Швидлер с одной репетиции, за полтора часа до начала, ввелась на роль вместо заболевшей актрисы в спектакль «Океан» Штейна. Вечером в театре аншлаг. Она вышла на сцену, очень бойко сказала первые две фразы... и, о ужас – весь текст вылетел из головы. Паника, ноги стали ватными, чувствует, сейчас упадет. И вдруг слышит:

– Спокойно, – говорит из суфлерской будки Яков Эммануилович, – подойди ко мне ближе, так, говори за мной.

Мальвина Зиновьевна, идя за суфлером, сыграла огромный – на 15 минут монолог.

Николай Алексеевич Соколов – режиссёр спектакля, который в тот вечер смотрел, как играет новая исполнительница, сказал:

– Молодец, Маля. Уверенно сыграла: как будто и не ввод, а два месяца репетировала.

– Ну а как же иначе – эстрадница, нахалка, – пошутил кто-то.

На следующий день Мальвина Зиновьевна купила Бликштейну в знак благодарности огромную корзину хризантем, на что Яков Эммануилович сказал:

– Акуза Ивановна, – так шуточно называл он Мальвину Зиновьевну, – вот такие корзины цветов дарили до революции провинциальным опереточным дивам. Лучше бы ты купила мне пару брюк. Пришлось благодарной актрисе купить спасителю-суфлеру еще и пару брюк.

Актриса во вводной роли первый раз появляется в спектакле. Яков Эммануилович из суфлерской будки подсказывает:

– Так, Мамуля, спокойно... идешь к приемнику... да не спеши, иди с достоинством, а то зритель сразу поймет, что тебя вводят... вот так, теперь выключай приемник.

* * *

Когда в зрительном зале раздавались бурные аплодисменты, Яков Эммануилович чуть ли не по пояс высовывался из суфлерской будки, поднимая вверх правую руку с торчащим большим пальцем «Вот как надо играть». А потом этим же пальцем несколько раз за спину на зрителя показывал, словно говорил: «Видите, что делается, когда хорошо сыграно!!!»

* * *

В одном из спектаклей герою стало известно, что его жена погибла на фронте. Но в третьем акте, она сама, открыв дверь, входит в свою квартиру. Актриса, играющая домработницу, увидев ее, столбенеет, и от ужаса, словно увидев привидение, произносит: «У-у-у-у». Затем, приседая и крадучись, уходит со сцены. Зрительный зал взрывался хохотом и аплодисментами. И вот, когда актриса приседала, Яков Эммануилович всегда подсказывал ей текст: «У-у-у-у». В антракте актриса просит его:

– Яков Эммануилович, не надо мне подсказывать, когда я приседаю.

– Ничего не могу с собой поделаться, – сокрушенно отвечал ей суфлер. – Это сильнее меня.

* * *

К началу гастролей в Одессе Яков Эммануилович обращается к Евгении Эммануиловне Опаловой:

– Желаю тебе в этом южном, любвеобильном городе творческих и всяких других успехов – говорит, хитро улыбаясь.

– Яша, в мои-то годы?

– Женечка, Гайдна играют 200 лет, и, тем не менее, он пользуется бешеным успехом.

Когда Якова Эммануиловича не стало, и соседи зашли в его маленькую комнату в коммунальной квартире, то увидели там гардероб с самыми необходимыми вещами, диван, на котором он спал, старенький проигрыватель, много пластинок и посмертную маску Шопена. Все.

После ухода из жизни суфлеров, в отличие от актеров, не остается ни кадров в фильмах, ни голоса в радиопередачах. Яков Эммануилович остался в нашей памяти, и эта память о нем вызывает в нас благодарную улыбку за то, что он жил среди нас, за то, что своим своеобразным юмором, своим духовным миром украшал нашу жизнь.

И пусть эти воспоминания будут своеобразным памятником бессребренику, человеку, бесконечно преданному театру, отдавшему ему всю свою жизнь.

V. ДЕЩО ПРО КІНО

«Дещо про кіно» – це не фундаментальна розповідь про кіномитців України чи їхні творчі портрети, а мої особисті враження про якісь невеличкі епізоди з життя моїх героїв, які висвітлюють певні риси їх особистостей. Спогади написані українською та російською мовою, в залежності від того, якою я спілкувався з моїми героями.

**ВІКТОР ІЛАРІОНОВИЧ
ІВЧЕНКО**

Віктор Іларіонович Івченко

Пам'ятаю, що в юності у мене з'явилася зацікавленість Кіностудією ім. Довженка після перегляду стрічок Івченка «ЧП» 1959 р. та «Іванна» 1960 р. Із 1964 року я почав працювати на Студії ім. Довженка в штаті театру кіноактора. І через деякий час мене запросили у групу «Десятий крок» до дуже шанованого і авторитетного кінорежисера В. І. Івченка Народного артиста України, Лауреата державної премії ім. Т. Г. Шевченка. Він був середнього зросту, з красивим мужнім обличчям. Голос мав низький, соковитий, з металевими обертонами.

У групі другий режисер пояснив мені, що роль, яку мені пропонують, невелика, але яскрава. Дали текст, підібрали відповідний костюм, загримували, зробили фотопробу, затвердили і визначили день зйомки. Під час зйомки першого дубля я дуже хвилювався, і від цього трохи переплутав текст. І раптом чую владний, гнівний голос Віктора Іларіоновича:

– Ну що це таке?! Не можна було текст вивчити? Ще дубль.

Я зібрався, і більш-менш нормально провів сцену за другим дублем. Але помітив, що невдоволення так і не зійшло з обличчя режисера.

Яке ж моє було здивування, коли через кілька днів я випадково зустрів на студії Івченка. Він швидко підійшов до мене, лагідна усмішка не сходила з його обличчя. Він трохи не пригорнув мене до себе і сказав:

– Вчора продивлявся знятий матеріал, дуже вдала вийшла ваша сцена, і ви прекрасно в ній працювали. Тільки, на жаль, брак плівки. У мене велике прохання – спробуйте так само провести цю сцену, як і на попередній зйомці.

І я спробував...

Потім був другий день зйомки моєї ролі. Це відбувалося у Сочі в лютому 1966 року. У наступній сцені ми з Нелею Мишковою (вона грала головну роль у картині) йшли тротуаром невеличкого провінційного містечка. Одноповерхові будинки, стовпи з ліхтарями часів пореволюційної доби. По бруківці проїжджає бричка. А мій Ромео Гігантов захоплює розповіді своєї супутниці, як змінився його світогляд і як по-іншому він тепер дивиться на білий світ. Мене Мишкова вразила не тим, що була відомою кінозіркою, красивою, чарівною жінкою, до якої по-особливому ставився режисер фільму. Мене вразила її демократичність. Вона дуже уважно, з повагою поставилася до свого молодого партнера, який

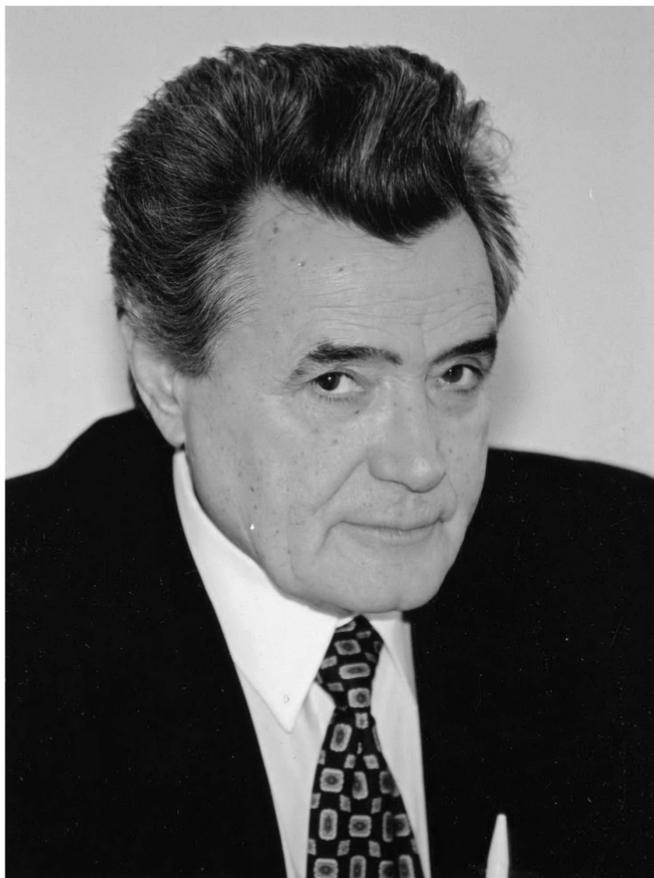
тільки-но робив перші кроки у кіно. А ще зміст наших розмов. Я побачив, що вона людяна, глибока особистість. Віктор Іларіонович на знімальному майданчику дивився на акторів, які робили те, що потрібно, закоханими очима. Обличчя його було усмінене, очі примружені, голова трохи відведена назад, а руки, як у диригента, перед грудьми, який наче намагався заспокоїти оркестр. А коли на знімальному майданчику була Нінель Мишкова... Кілька років перед цим Віктор Іларіонович запросив до фільму «Здрастуй Гнате» на головну роль московську кіноактрису Нінель Мишкову. У цьому ж фільмі знімався тоді ще студент з курсу Івченка, а пізніше народний артист України, блискучий актор театру ім. Лесі Українки Валерій Бесараб, який розповідав мені, що спочатку стосунки між режисером і московською артисткою через різне бачення ролі героїні не дуже складалися, і Бесараб після кожної зйомки супроводжував зірку радянського кіно до готелю. Та скоро режисер та актриса порозумілися в роботі, і одного вечора Віктор Іларіонович сказав своєму студентові: «Сьогодні Нінель Костянтинівну до готелю буду супроводжувати я». Із того вечора і до останнього дня його життя вони були разом. Та 1972 року Віктора Іларіоновича не стало. Проїшов час, і коли журналісти питали Мишкову, що б вона могла сказати про Івченка, актриса відповідала

– Згадуючи Віктора Іларіоновича, я завжди питаю себе: «За що доля подарувала мені таке щастя?»

Віктор Іларіонович мав свій курс на кінофакультеті. Це був зірковий курс. Саме вихованці Івченка – І. Миколайчук, Б. Брондуков, Р. Недашківська допомагали режисерам нової хвилі, а це: С. Параджанов, Ю. Ільєнко, Л. Осика, А. Войтецький, та іншим підняти престиж Київської кіностудії ім. О. Довженка.

Розповідають, що коли студенти Віктора Іларіоновича закінчили інститут, то його зусиллями всі були працевлаштовані у штат кіноактора при студії ім. О. Довженка. Більш того, саме він допоміг майже всім своїм студентам вирішити проблему із житлом. Отакий турботливий український Сергій Герасимов.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ
МАЩЕНКО

Николай Павлович Мащенко

«Хочу верить» – один из первых фильмов Народного артиста Украины, а тогда еще молодого режиссера Н. П. Мащенко. Недавно я, с удовольствием еще раз просматривая этот фильм, увидел прекрасных актеров Театра им. Леси Украинки – Ю. Лаврова и Н. Рушковского в сцене редакции, как раз перед появлением моего персонажа на экране. Помню, Николай Павлович на съемке моей сцены был в прекрасном расположении духа, на его улыбающемся лице глаза так и искрились весельем. Он придумал персонаж, который маниакально зациклен на себе. Идет жизнь, что-то в ней происходит, а мой телефонист Вася, как глухарь, увлеченно и радостно что-то себе токует, ничего не видя и не слыша. Мне этот замысел понравился, и я с удовольствием пытался его реализовать. После съемок этого фильма мы с Николаем Павловичем мило раскланивались, иногда беседовали.

В 90-е годы Николая Павловича пригласили в Театр им. Леси Украинки на постановку комедии «В доме все кувирком» А. Портеса. И, помня нашу симпатичную встречу в работе над его первым фильмом, он предложил мне любопытную роль в своем спектакле. К сожалению, занятость в параллельно выпускаемом спектакле не позволила мне поработать с режиссером.

Фильм Мащенко «Хочу верить» вышел на экраны кинотеатров в 1965 году. В главной роли снимался молодой московский актер Алексей Сафонов. И вот, в 2009 году, спустя 44 года, я снова встретился с Сафоновым на съемках сериала «Доярка из Кацапетовки 2». Он играл благородного Поля, который бескорыстно заботится о героине фильма, молодой женщине из Украины. Она пережила авиакатастрофу. А я снимался в роли друга его семьи, адвоката Мишеля, консультирующего Поля, каким образом его подопечная может получить французское гражданство. На фоне родового замка Поля под Парижем (на самом деле это был замок Шенборна под Мукачевом) проходила съемка нашей сцены.

По вечерам Алексей Сафонов отправлял своей жене в Москву телеграммы. Вот текст некоторых из них:

17.09. «Дорогая, вчера меня обвенчали по греко-католическому обряду с молодой героиней фильма».

19.09 «Недолго музыка играла, сегодня меня уже похоронили».

В перерывах между съемками мы говорили об общих знакомых. Алексей просил передать привет моей коллеге по

театру, народной артистке Украины, известной актрисе театра и кино Ларисе Кадочниковой. Вместе с ней Сафонов учился во ВГИКе. Просил он передать привет также Н. Мащенко.

Пару лет назад мы случайно встретились с Николаем Павловичем в Доме кино. Он подошел ко мне и сказал, что закончил сценарий, и хотел, чтобы я в нем снялся в роли одного колоритного государственного деятеля. Вся остановка за спонсором. Очень хочется верить, что, если Николай Павлович найдет спонсора, мы с ним встретимся снова.

АНТОН ГРИГОРЬЕВИЧ
ТИМОНИШИН

кинорежиссер

АНТОН ТИМОНИШИН

Фильм «Их знали только в лицо» режиссера Антона Тимо­нишина вышел на экраны кинотеатров страны в 1966 году. Один из наиболее удачных фильмов Киностудии им. А. Дов­женко в жанре детектива. В нем снималось много известных московских актеров. Среди них исполнительница главной роли, тогда еще неизвестная молодая актриса МХАТа Ири­на Мирошниченко. Режиссер фильма Антон Григорьевич Ти­монишин – человек удивительной судьбы. Его детские годы прошли на территории бывшей Польши – в Луцке. Он закон­чил польскую гимназию. Во время оккупации Луцка немца­ми остался в этом городе. Когда фашисты отступали, мно­гие знакомые Антона Григорьевича уходили с ними. Но он не ушел. После возвращения в город наших, Тимо­нишин начал работать актером в театре. После каждого спектакля к нему приходили из КГБ и обращались с одним и тем же вопросом «Кто его оставил в Луцке, на кого он работал?» Наконец, Ан­тон Григорьевич однажды не выдержал и сказал: «Делайте со мной что хотите – я ничего вам не скажу, я ничего не знаю». Его оставили в покое. В 1951 году он поступил в киевский театральный институт на режиссерский факультет на курс И. Чабаненко. Антон Григорьевич закончил его в 1957 году. Тимо­нишина ожидали главным режиссером в луцком театре, но его душа стремилась в кино, и осуществить эту мечту помог его добрый гений, светлый чистый человек – Иван Иванович Чабаненко, руководитель его курса. Когда Антон Григорьевич ушел из жизни в возрасте 49 лет, о нем часто с чувством горечи говорили, что со студии вместе с Тимо­нишиным ушли фильмы с острым, захватывающим действием, мало стало появляться фильмов-детективов такого уровня, какой был у него.

Был он человеком среднего роста, энергичным, порыви­стым, предложил мне сниматься в небольшой отрицательной роли Плющева. Я согласился.

Помню, на съемке моей сцены я краем глаза заметил, что в павильон, наверное, случайно, заглянул директор студи­ии Василий Васильевич Цвиркунов. Кроме того, что он был очень интересный мужчина – высокий, стройный, его не портил даже протез, (фронтовик потерял ногу в боях Вто­рой мировой войны), лицо у него было красивое, с утон­ченными интеллигентными чертами. Кроме того, он был замечательным директором Киностудии с 1962 по 1973 год. Очень много сделал для киноискусства Украины: создал

Василий Васильевич
Цвиркунов

здесь сценарную мастерскую, в которую приглашались лучшие писатели Украины. Их талантливые сценарии становились основой будущих успешных фильмов; также отстаивал талантливых кинорежиссеров, которые в то время там работали – Юрия Ильенко, Леонида Осыку, Артура Войтецкого, Николая Машенко, Сергея Параджанова и многих других. И вообще, очень отстаивал молодежь. За время его работы на студии состоялось около двадцати дебютов молодых кинорежиссеров и около девяноста дебютов молодых актеров. Благодаря его инициативе был создан штат театра киноактера при Студии им. А. Довженко, который в какое-то время имел собственное помещение, где можно было играть спектакли.

Василий Васильевич был человеком высокой культуры, кандидатом филологических наук, автором многих монографий о проблемах киноискусства. С 1987 года долгие годы преподавал на кинофакультете Киевского театрального института. Стал профессором в 1993 году. Человеком Василий Васильевич был порядочным и сердечным.

Как-то я зашел к нему в кабинет с заявлением об увольнении по собственному желанию, в связи с тем, что прошел по конкурсу в Театр им. Леси Украинки. В кабинете

присутствовал главный редактор киностудии, писатель Василий Земляк. Цвиркунов прочел заявление и сказал:

– Навіщо ви це робите? Вас же там з'їдять. Не з таким характером треба туди йти. На студії ви будете шанованою людиною, хороші гроші зароблятимете...

– Ні, Василю Васильовичу, – почав я, – з юнацьких років я мріяв потрапити до Театру ім. Лесі Українки. Ні в якому іншому не хотів так працювати, як в цьому. І потім, працюючи там, можна ж і на студії зніматися.

– Скажіть хоч ви, Василю Сидоровичу, – звернувся він до Земляка, – Ну, шкода хлопця.

– Я не знаю, Василю Васильовичу, – усміхнене обличчя Земляка випромінювало внутрішню красу, сяяло нею, він трохи повагався та й каже:

– Якщо він вже вирішив, то може не варто й одмовляти.

А потом, несколько лет спустя, мы с Василием Васильевичем случайно встретились на улице Ленина возле центрального входа в Театр им. Леси Украинки.

– Бачив вас у виставі... непогано працюєте. Ну, дай Бог...

Вот такой был человек Василий Васильевич Цвиркунов.

Владимир Петрович Губа, известный украинский композитор, как-то мне рассказывал, что когда он еще не закончил киевскую консерваторию, его пригласили на Киностудию Довженко, чтобы он написал музыку для фильма. Музыка оказалась такой удачной, что его начали приглашать из одного фильма в другой. И как-то из Союза Композиторов пришло письмо в самые высокие инстанции, подписанное очень известными композиторами. Письмо такого содержания: «Какое право имеет директор Киностудии Довженко подписывать трудовое соглашение с Владимиром Губой, который не воевал, не служил в рядах Советской Армии, не является членом коммунистической партии Советского Союза, не посвятил нашему героическому времени ни одного своего произведения». Как ни странно, это письмо, которое должно было уничтожить творческую личность, на судьбу Губы никакого влияния не оказало. Прошло время, и однажды Владимир Губа встретился на Крещатике возле консерватории с В. В. Цвиркуновым, и тот ему рассказал: «Знаете, вы у меня в кармане. Вы защищены. Удары, которые были направлены на вас, я принял на себя. Господь отпустил вам талант, спокойно работайте дальше, становитесь Мастером».

И еще я встретился с Василием Васильевичем в 1979 году, когда с актерами-туристами байдарочниками Театра им. Леси Украинки подходили к магазину, отпускающему продукты

Лина Васильевна
Костенко

инвалидам на бульваре Шевченко возле Воздухофлотского моста. С дирекцией магазина было договорено, что отпустят провиант для нашего похода. Нас обогнал старенький запорожец и остановился. Из него вышли с одной стороны Василий Васильевич Цвиркунов, а с другой, под стать такому интересному мужчине, прекрасная женщина... Я никогда раньше ее не видел, но понял, что это Лина Васильевна Костенко, так как был наслышан, что она – его жена. Поздоровавшись с ними, и извинившись перед Василием Васильевичем, я подошел к Лине Васильевне.

– Вибачте, що турбую, але я хотів подякувати вам за «Марусю Чурай», яка щойно з'явилася у продажі. Позавчора я всю ніч, поки не скінчив, читав ваш твір. Були місця, які зворушили мене до сліз. Не міг пригадати в українській літературі більш щирого, пронизливого, глибокого і разом з тим легкого для сприйняття поетичного твору.

Доля подарувала мені ще кілька зустрічей з Ліною Василівною. Чотири роки тому у розмові з нею по телефону я з'ясовував, яким чином міг би передати їй диск з моїми програмами про акторів з циклу «Театральні силуети», що йдуть на телеканалі «Культура». Хотілося зробити їй такий подарунок.

– А ви просто зайдіть до мене... – це було наче сон! У той вечір ми були втрьох: Ліна Василівна, її донька Оксана Пахльовська і я. Пригадую, Ліна Василівна розповідала, що вони з Василем Васильовичем любили їздити влітку на його старенькому запорожці по Україні, намагаючись відкрити щось нове для себе. Одного разу, на якомусь старенькому церковному кладовищі вони побачили поховання, на огорожі якого була табличка з написом: «Тут похована Анна Андро-Оленіна, яку кохав та присвятив багато віршів О. Пушкін». Завдяки цьому відкриттю Ліна Василівна написала прекрасний іронічний і співчутливий до долі поета вірш «Мадам Андро». А в той вечір мене більше за все вразила духовна близькість і внутрішня краса відносин цих людей, які вдвох, з ентузіазмом закоханих студентів, шукали нові сторінки минулого нашої країни.

Ліна Василівна ще розповідала, що часто читала нові вірші Василю Васильовичу. Він їх або хвалив, або відмовчував. І Ліна Василівна по обличчю вгадувала, який вірш вийшов, а над яким ще треба попрацювати. Я подумав тоді, якою делікатною людиною був Василій Васильович.

Тоді ж Ліна Василівна говорила, що вдень вона, саме в той час, зазвичай, працювала над своєю книгою «Записки українського самасшедшого», а ночами писала вірші для своєї нової збірки.

Прошло вже кілька років, і нещодавно я придбав цю збірку віршів, автор назвала її «Мадонна перехресть». Я з насолодою прочитав її, по-перше тому, що там було багато хороших віршів (мені особливо сподобалися про Моцарта, Гюго, про людей з Табулена, про Розумиху). Читаючи збірку, я думав, що душа дійсно не старіє, або майже не старіє, коли вірші поета, написані в осінньому віці, мало чим поступаються його віршам, що були написані у розквіті творчих сил. Але особливо ця збірка схвилювала мене тим віршами, які присвячені Василю Васильовичу Цвіркунову. Ось один з них:

*Найнезабутніше з облич,
таке єдине, Боже, Боже!
Не плач, не муч його, не клич.
Він не обізветься. Не може.
Там ні печалі, ані сліз.
Ні дня, ні вечора, ні рання.
Його нема ніде. Він скрізь,
вже в остаточній формі існування.*

21.12.2010 р.

Василий Сидорович
Земляк

С Василием Сидоровичем Земляком я встретился потом еще раз на банкете в Театре им. Леси Украинки после премьеры спектакля Николая Зарудного «И отлетим с ветрами», режиссура М. Ю. Резникова. Земляк пришел, очевидно, по приглашению Зарудного посмотреть, что наш театр сделал с пьесой его друга. Спектакль получился хороший, хотя это было не лучшее произведение Зарудного. Я подошел к Земляку, и после взаимных приветствий обратился к нему:

– Чи пам'ятаєте Ви, Василю Сидоровичу, як у кабінеті Цвіркунова, директора Кіностудії ім. О. Довженко Ви були свідком нашої з ним розмови?

– Пам'ятаю, чом не пам'ятати? Я не тільки був свідком, але й підтримав вас. Хоча вже одинадцять років минуло, а не забув, тому що в той же рік і я пішов зі студії. Щоб більше часу було писати. Правильно ви зробили. Хороший театр. Хорошу виставу сьогодні я бачив. Так що все правильно.

– Ну тоді давайте за прем'єру й за наше з вами здоров'я і вип'ємо.

– Ой, треба, – відповів Василь Сидорович, – бо останнім часом став щось хворіти. Треба на село до дідів поїхати, щоб підлікували.

Тимофей Васильевич
Левчук

И поехал... и лечили его деда... не помогло. Через несколько месяцев его не стало. А я еще раз встретился, но теперь уже с его творчеством, записывая на радио фрагмент из «Лебединої зграї». Какая удивительная, ароматная проза. Вот как он в общении излучал красоту и доброту души своей, так вот она, как будто переливалась в строчки его прозы.

Но вернемся к съемке фильма «Их знали только в лицо». Моим партнером в ней был известный, часто появлявшийся на экране московский актер... можно было и стушеваться, сникнуть, снимаясь с таким опытным актером. Но я уверенно провел репетицию и почувствовал, по вдруг появившемуся ко мне вниманию, что работаю в правильном направлении. А громкий выкрик «Сцена снята» вселил в меня уверенность, что моя небольшая сценка получилась.

И уже позже, когда фильм вышел на экраны кинотеатров (билеты в них раскупались долгое время) и был хорошо принят зрителем, в малом киноконцертном зале Октябрьского дворца была организована творческая встреча съемочной группы «Их знали только в лицо» со зрителями. Был приглашен на эту встречу и я, на которой с волнением, обратился к Тимофею Васильевичу Левчуку, он возглавлял нашу творческую группу как первый секретарь Союза кинематографистов

України, и сказав, що ніколи раніше не приймав участія в подібних зустрічах и не знаю о чому говорить.

– А ти скажи таке, – турботливо мовив він. – Коли тобі запропонували зіграти цього Плющева, ти підійшов вдома до дзеркала, подивився на себе... начебто нормальний, навіть симпатичний хлопець, а треба зіграти падлюку, як же тут бути? І таки ж зіграв!

Когда я все-таки иначе сказал, он прокомментировал:

– Хоча по-своєму, але все одно добре.

Тимофій Васильович пригласив мене потім без проб в свій фільм «Ошибка Оноре де Бальзака». Но зйомки проходили во Львові, репетиції в театрі – и мене не отпустили.

Тимофій Васильович Левчук, Народний артист Радянського Союзу був унікальною людиною в українському кіно. Майже чверть сторіччя, з 1963 до 1987 року очолював спілку кінематографістів. І саме при його правлінні був побудований Будинок кіно. Це він з керівництвом Студії добився на найвищому рівні, щоб було збудовано сучасне просторе приміщення нового Будинку кіно. А під час будівництва щодня о восьмій ранку приходив і контролював, як просувається робота.

Дуже багато він допомагав людям, і як голова Спілки кінематографістів, і як депутат Верховної Ради України. Розповідали, що коли Тимофій Васильович йшов на Студію чи в Будинок кіно, казав вдома:

– Пішов до діток своїх.

І дійсно, до працівників кіно Тимофій Васильович ставився з батьківською дбайливістю. Якось я подзвонив своїм знайомим – відомому актору В. Вороніну та кінорежисеру Ю. Слупському з одним запитанням:

– Як ви згадуєте Тимофія Васильовича Левчука?

– Із великою вдячністю, – відповіли вони.

І це тому, що й одному і другому Левчук допоміг отримати квартири. Я думаю, кому б я не подзвонив з працівників українського кіно того часу із запитанням про Левчука, відповідь була б така ж.

До сторіччя митця 2012 року на одній з колон фасаду Будинку кіно з'явилася меморіальна дошка, присвячена Тимофію Васильовичу Левчуку. На її урочистому відкритті, і потім, коли присутні піднялися до одного із залів, щоб пом'янути Левчука, говорили багато... Але мені хочеться навести слова відомого режисера М. Мащенка, який сказав: «Без Тимофія Васильовича кияни навряд чи мали б таке прекрасне приміщення Будинку кіно, яке ми маємо зараз». А Олена Парфенюк, яка працювала з Левчуком у Будинку кіно, сказала: «Такого

дієвого, турботливого голови Спілки кінематографістів не було до нього, не було після нього, та й навряд чи буде колись».

Він був професором кафедри кінематографії Київського театрального інституту. Його курс закінчили Р. Балаян, А. Бенкендорф, С. Клименко та інші. Крім ідеологічних фільмів, які потрібно було знімати в радянську добу, Тимофій Васильович знімав фільми про кращих представників української культури – І. Франка, М. Коцюбинського, М. Лисенка та світової культури – О. Бальзака.

Був він дуже колоритною людиною. Багато акторів запам'ятовували, а були такі, що ходили за ним, записували його крилаті вирази, кумедні ситуації. Ось деякі з них: якось він приїхав в один з обласних центрів, від цієї області він балотувався, перший секретар обкому партії влаштував бенкет на честь високого гостя з Києва, і перший тост випили за його здоров'я. У відповідь Тимофій Васильович виголосив дуже коротку промову:

– Шановні друзі! Щоб ми ніколи не відкладали роботу на суботу, а любов на старість!

– Ура, – підхопили високоповажні виборці.

Один молодий актор не з'явився на зйомку. Вийшло так, що викрутилися, зйомка відбулася. Старші колеги порадили йому підійти до Тимофія Васильовича, вибачитися перед ним, пояснити чому так трапилося, поставити пляшку. Наступного дня актор цей ще зранку зайшов до Тимофія Васильовича. Той не встиг одягнутися, ходив у номері без краватки.

– Ну, як же це ти? Хоча, молодий актор, вітер у голові, немає досвіду.

Актор ставить на стіл пляшку.

– О, бачу, розумнішаєш на очах.

В якийсь із років, Тимофій Васильович, очолюючи делегацію від України на міжнародному кінофестивалі, не зміг бути присутнім у Києві, де в цей час відбувалося чергове переобрання голови Спілки кінематографістів. Кілька чоловік висунули кандидатуру більш молодого режисера і агітували, щоб з'їзд проголосував за нього. Та з'їзд віддав голоси за Тимофія Васильовича. Коли Левчук повернувся, і йому розповіли про це, він прокоментував:

– Так буде з кожним, хто піде проти народу.

Фільм «Від Бугу до Вісли» знімався в основному на природі, в лісовій місцевості. Піти нема куди, туга за рідними, близькими... і у вільний від зйомок час, актори, нудячись, заглядали в чарку. Одного разу треба було провести зйомку в

зовсім ранній час. Актори після вчорашнього мали абсолютно не бойовий вигляд. Левчук вишикував їх на лісовій галявині, а потім піднесено і осудливо звернувся до них:

– Ми знімаємо фільм про героїчний рух партизан від Бугу до Вісли, а у вас що на обличчях? Від буха одвисло?!

На зйомках іншого фільму Тимофій Васильович ходить по знімальному майданчику і обурюється: «Ну що це робиться? Давно вже треба було починати зйомку, а нічого не готово! Світло не виставлене, актори не одягнені та не загримовані, де цей ідіот?»

– Я тут, Тимофіє Васильовичу, – з готовністю відповідає асистент режисера.

**КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ
ЕРШОВ**

кинорежиссер

Константин Владимирович Ершов

Я впервые увидел Константина Ершова на сцене Театра им. Леси Украинки. Он тогда работал актером вспомогательного состава. Не помню, кого он в спектакле играл, запомнил только, что смотрелся он со сцены очень колоритно. Затем Ершов поступил во ВГИК, закончил его и начал снимать фильмы на Студии им. А. Довженко. С первой же кинокартины стало ясно, что это интересный, талантливый режиссер. И как раз в это время в Театре им. Леси Украинки проходил вечер, посвященный памяти Михаила Федоровича Романова. Я помню выступление Ершова на этом вечере:

– Нас, молодых актеров театра, так потрясала роль Протасова в исполнении Михаила Федоровича в спектакле «Живой труп» по пьесе Льва Толстого, и особенно его огромная пауза перед попыткой самоубийства в номере гостиницы, что когда Михаил Федорович порой останавливался на углу Пушкинской и Ленина, и застывал, о чем-то задумавшись, мы, почти-точно проходя мимо, шептались между собой:

– Романов держит паузу.

Последний спектакль «Живой труп» играли на гастролях Театра им. Леси Украинки в Запорожье. Романов приехал из Москвы, так как работал уже в Театре им. Моссовета. На восстановительной репетиции спектакля, он давно уже не шел, Романов, наверно скрывая горечь прощания с любимой ролью, с коллективом, в котором он работал много лет, старался казаться веселым, шалил, и в сцене суда, в финале спектакля, вместо того, чтобы выстрелить в себя, навел пистолет на режиссера, сидевшего в партере, и улыбаясь, как-бы выстрелил в него, шуточно сдувая воображаемый дым из дула. А через некоторое время из Москвы пришла трагическая весть – Романова не стало. Невозможно было смириться с этим. И какая-то мистическая мысль утешала: «Может это все-таки не так? Может, Романов... просто... держит паузу?»

Потом случилось так, что Ершов пригласил меня в свой фильм «Каждый вечер после работы» на роль Калашникова, ученика вечерней школы, в дневное время работающего продавцом книг.

Я помню Ершова разным. На съемках моей сцены продажи книг (она снималась скрытой камерой на Крещатике) К. Ершов с Д. Боровским, они были дружны еще со времен совместной работы в Театре им. Леси Украинки, а теперь Костя пригласил Давида в свою картину художником, то на этой съемке Ершов и Боровский умирали от смеха, прятали свои

хохочущие лица. Они были смешливыми людьми. Их веселило, что прохожие становились участниками сцены, не подозревая об этом, смешил нелепый мой наряд, добавленный мною текст: «Книги о птицах, и, прежде всего об орлах, если хотите сделать приятное мужу, назовите его орлом; приносят несомненную пользу сельскому хозяйству; размах крыльев один метр шестьдесят сантиметров. Это же вдохновляет, товарищи!» Во время съемок вблизи Выдубецкого монастыря, у места захоронения Ушинского – отца отечественной педагогики, преподаватель русской литературы вечерней школы (в этой роли снималась Зинаида Славина) рассказывала своим ученикам о великом учителе. Во время этой сцены Ершов был очень сосредоточен, даже пугающе суров – не подходит.

К сожалению, веселая атмосфера на съемках предыдущей сцены продажи книг почти не проявилась на экране. И, тем не менее, всегда чувствовал теплое, доброе отношение Ершова ко мне.

Как-то, мы полчаса сидели с ним в студийном кафе. Мне запомнилось, он был как радушный хозяин, принимающий у себя дома гостя.

На гастролях Театра им. Леси Украинки в Москве я встретил Ершова и Боровского возле Театра на Таганке: Боровский тогда там работал, а Ершов, наверное, по каким-то делам приехал в Москву. Как раз за день до этого я играл в помещении Театра им. Вахтангова Епиходова в чеховском «Вишневом саде», режиссер Ирина Молостова, и зритель очень хорошо принимал меня. Ершов с Боровским не могли не прийти на этот спектакль, так как с оформления к спектаклю «Ложь на длинных ногах» Эдуардо де Филиппо режиссера Молостовой начался славный путь выдающегося театрального художника Давида Боровского.

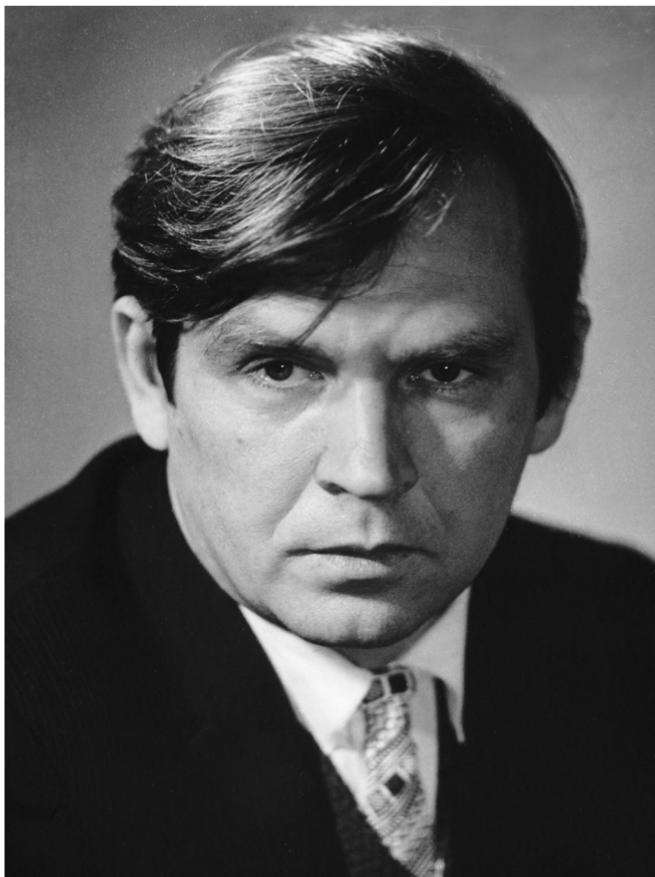
– Ну, ты видел его вчера, – улыбаясь и доброжелательно кивая в мою сторону, спросил Костя у Давида, после того, как я подошел к ним и мы обменялись приветствиями. Давид замялся.

– В Москве так уже не играют, – наконец выдал из себя Боровский, не желая обидеть друга, так как у него было несколько иное впечатление.

– Нет, вчера он был действительно хорош! – глядя на Давида, примирительно улыбаясь, закончил Костя.

ГРИГОРИЙ РОМАНОВИЧ
КОХАН

кинорежиссер

Григорий Романович Кохан

Кохан Григорий Романович – народный артист Украины, лауреат Государственной премии Советского Союза, Лауреат премии Довженко, режиссер популярных сериалов и фильмов.

В 1985 году меня пригласили в группу четырехсерийного фильма «Кармелюк», выбрали костюм, загримировали, сделали фотопробу и очень скоро сообщили, что я утвержден на роль эконома Юзека. Режиссером сериала был Григорий Романович Кохан. Первый съемочный день – «панская усадьба», где Юзек был экономом, проходил на фоне старых строений парка графини Броницкой, Белая Церковь. Мне запомнился этот день тем, что режиссер работал со мной так скрупулёзно, как будто у меня была одна из главных ролей. Очень подробно снимался проход моего героя со связкой больших ключей в руке по хозяйскому подворью панской усадьбы. Григорий Романович иногда показывал то, что бы ему хотелось увидеть в исполнении актеров в данном куске. Так, в том фрагменте, который мы тогда снимали, режиссер пожелал видеть кроме озабоченности Юзека ведением огромного хозяйства еще и его ожесточенность от нелюбви людей к нему, начиная простыми, заканчивая господами. Одни ненавидели за то, что их обдирают как липку, другие – что мало обдирают. Режиссер еще хотел видеть настороженность моего героя – за каждым углом его могла ожидать расплата. И, показывая мне, он напоминал минера, идущего по заминированному полю.

Григорий Романович согласился с моим решением сцены Юзека с женой Кармелюка (в этой роли снималась Наталья Сумская). Ее неграмотная героиня идет на конюшню к эконому с просьбой прочесть письмо, переданное ей от мужа. Она пришла за помощью, зная о его давней любви к ней. Когда-то Юзек просил ее руки, но она предпочла ему Кармелюка. Мой герой сперва обрадовался ей, но потом, услышав ее просьбу, буквально набрасывается на нее:

– Ну что, довольна ты своим Кармелюком, которого не сегодня, завтра таки схватят? Сломала свою жизнь и мою тоже, счастлива ты теперь с ним, счастлива?

И хлещет, хлещет ее кнутом.

Та убегает, а Юзек, сдерживая слезы, подходит к лошади и, разрыдавшись, прижимается к ее морде, пряча свое плачущее лицо. А лошадь даже не пошевелилась, как будто ждала, что ее обнимут. На съемке этой сцены Наташа Сумская

бросала на меня осуждающие взгляды – мол, опытный актер, а так входит в роль, что следы на теле могут остаться. Я извинялся перед ней, и, хотя на древке кнута была не узкая полоска кожи, а ветхая веревка с узелком на конце, и старался я ее касаться чуть-чуть, все равно осуждающие взгляды не прекращались. В то же время помню, когда она начала работать в сцене, я поразился, до чего она была естественной, сердечной и красивой. На съемочной площадке присутствовала тогда еще маленькая, ее дочь, которая с интересом и влюбленно наблюдала за мамой. Григорий Романович, просмотрев отснятый материал, сказал, что сцена получилась прекрасная. На первом же просмотре студийным начальством смонтированного материала, эту сцену изъяли из сериала. Разве может подручный пана хлестать кнутом жену Кармелюка и проявлять какие-то человеческие чувства? Я очень жалею, что не упросил монтажницу, которая должна была выбросить сцену в корзину, отдать ее мне.

В 1990 году мне позвонил второй режиссер сериала «Война», сценарий по книге Стаднюка, Юлий Вячеславович Слупский, мой хороший знакомый по студенческим годам и сказал:

– Олег, есть хорошая ролька, три сцены, но очень яркий характер. На следующей неделе ты смог бы сниматься? Григорий Романович Кохан берет тебя без пробы.

Я прочитал эти три сцены. Отрицательный персонаж, но действительно интересный характер. Выучил текст, прикинул, что и как буду делать.

И вот съемка... Вижу, Кохан озабочен. Хотя мы и работали с ним... но уж очень острый рисунок роли. Волнуюсь и я, правильно ли решил сцену. Начали с репетиций первого прихода управдома Бочарова на квартиру к героям фильма и описи их семейных драгоценностей, в присутствии работников милиции. Прошли сцену. Вижу, режиссер оживился.

– Пройдем еще раз для оператора, – говорит Григорий Романович и просит его:

– Когда Бочаров увидит эти драгоценности и ошалело будет смотреть на них, камера должна укрупнить лицо управдома, потом оставив его, плавно наехать на драгоценности, взяв их максимально крупно, а затем возвратиться к крупному плану лица Бочарова.

После второй репетиции слышу команду: «Будем снимать. Приготовились! Мотор!» Подходит то место сцены, где Бочаров, впервые увидев драгоценности, застыл, и смотрит на них. Камера уходит от лица Бочарова и наезжает на

драгоценности, доведя их почти до максимальной крупности. И в это время я вижу краем глаза Кохана, который, как будто священнодействуя, затаив дыхание, медленно вырастает рядом со мной (он спрятался на время съемок за стол) в нескольких местах касается моего лица влажной поролоновой губкой, потом я узнал – это был глицерин, и так же исчезает. И было в этом что-то от творческого волшебства, детской игры и даже шарлатанства. Потом, когда сериал был показан на телеэкранах, мои знакомые говорили мне:

– Как хорошо ты сыграл там сцену, даже пот выступил на лице от алчного желания овладеть этими драгоценностями.

Я многозначительно молчал, не подтверждая и не раскрывая всей правды – что помогла мне так впечатляюще сыграть этот фрагмент рука режиссера.

Позже мы встретились с Григорием Романовичем на студии после того, как сериал был смонтирован, озвучен, и его уже отсмотрела специальная комиссия в Москве – на предмет определения его дальнейшей судьбы: разрешить ли к показу на телевидении, по какому каналу и как часто. Такой тогда был порядок.

– В одном месте вашей сцены, – начал Григорий Романович, – раздались аплодисменты среди присутствующих на просмотре.

Не знаю, так ли это было в действительности или может режиссер хотел сделать приятное актеру, но вот следующее, что он мне открыл, многое мне прояснило.

– Я пригласил вас в сериал, потому что о вас хорошо говорил покойный Костя Ершов.

Магия личности Ершова, его доброе участие в моей судьбе, даже после того, как его не стало, продолжали меня поддерживать.

АНАТОЛИЙ ДАВЫДОВИЧ
БОРСЮК

кинорежиссер

Анатолий Давыдович Борсюк

В Театре им. Леси Украинки в конце 60-х годов работал монтировщиком сцены, симпатичный молодой человек. Сразу было видно, что он из интеллигентной семьи, и, попав в другую среду, чувствовал себя не очень уверенно. Об этом говорила его добрая, смущенная улыбка. Он ею как бы извинялся за то, что не такой, как в этом окружении другие. Спустя несколько лет я узнал его фамилию. Тогда он уже был студентом Киевского театрального института, факультета режиссуры кино и телевидения. А совсем недавно Анатолий Давыдович Борсюк, это был именно он, рассказал мне о том, что начал работать монтировщиком сцены в Театре им. Леси Украинки, мечтая попасть в Театральный институт на актерский факультет. И, познакомившись с Н. Н. Рушковским, прекрасным актером нашего театра, который набирал актерский курс, упрямил прослушать его. Николай Николаевич согласился. Спустя многие годы, Рушковский, встречаясь с Борсюком, всегда говорил: «Ну что? Хорошо, что я тогда тебя не взял на свой курс! Если бы это случилось, ты бы не стал заслуженным деятелем искусств, лауреатом Шевченковской премии и лауреатом многих международных фестивалей».

И вот теперь, Борсюк был на курсе В. Л. Чубасова – прекрасного педагога и очень хорошего режиссера телевидения. Началось с того, что Борсюк позвонил мне.

– Олег Васильевич, вас беспокоит Анатолий Борсюк. Обратиться к вам посоветовал художественный руководитель курса Чубасов и просил, чтобы вы не отказывались сниматься в моей курсовой работе. Ни денег, ни славы вам это не принесет, но, я думаю, что вас сможет заинтересовать мой сценарий «Синие груши» по рассказу Юрия Олеши «Любовь» о волшебстве этого чувства. И чем более творческий, утонченный человек испытывает его, тем более причудливы, даже сказочны проявления фантазии этого влюбленного человека. Отказать Вадиму Львовичу Чубасову я не мог, потому что имел счастье работать с этим режиссером в телеспектакле «Первый день праздника» Назыма Хикмета. Я играл в нем яркую острую роль Фируза, после показа которой решением худсовета Театра им. Леси Украинки я и был принят в этот коллектив.

– Оставьте сценарий на проходной Театра, я прочитаю его, и мы подробно о нем поговорим.

Вскоре мы встретились в одной из аудиторий кинофака в Лавре. Моей партнершей была актриса нашего театра

Оксана Мелешкина. Обсудили сценарий, стали прикидывать решения сцен. Было интересно, загорелись. Студент производил очень хорошее впечатление.

Вскоре стало известно, что кафедра запретила Борсюку снимать курсовую работу по рассказу Юрия Олеши.

В 1979 году Борсюк встретил меня на проходной театра им. Леси Украинки после репетиции, и мы пошли по Пушкинской в сторону площади Толстого.

– Олег Васильевич, – начал он, – я все-таки хотел бы, чтобы мы поработали с вами. Сценарий, в котором я предлагаю Вам сниматься, о том, как часто вводит нас в заблуждение первое впечатление о человеке – его внешность, одежда, манера общаться. Как важно не ропотиться с выводами. Будут сцены, которые возникнут в результате импровизационных общений с незнакомыми людьми на улице.

И вот, наступил первый съемочный день. Сценарий был хорошего уровня, удачно сняв который, Борсюк смог бы заявить о себе, как об интересном режиссере. Держался на съемочной площадке достойно: общался с людьми корректно, вежливо, в присущей ему интеллигентной манере, однако был и достаточно требовательным. Когда же он обращался ко мне, его добрый взгляд красивых черных глаз теплел. И понятно – я мог своей хорошей работой помочь ему удачно снять фильм, что в корне изменило бы его творческую судьбу. Первый съемочный день начинался с бодрого, энергичного прохода героя фильма с люстрой в руке по улицам города. Во второй день съемка проходила скрытой камерой недалеко от входа с колоннами в оперную студию консерватории, я должен был подойти к кому-нибудь из прохожих и попросить подержать эту люстру. Выбрал симпатичную стройную девушку, еще подумал: «Вот будет украшение фильму», стремительно подошел к ней и заговорил: «Извините за беспокойство, моя жена по ошибке забрала мои ключи от квартиры, в консерваторию неудобно заходить с люстрой, подержите ее, буквально минутку, пока я сбегаяю». Девушка внимательно посмотрела на меня, потом хмыкнув, строптиво повела плечами, и с достоинством подняв голову «и не подумаю, мол» быстро обошла меня и направилась прочь. Я разозлился... но тогда же понял, надо выбирать партнера попроще. Вскоре увидел двух куда не спешащих парней... они согласились подержать люстру, пока я бегал «к жене за ключами». Этот эпизод и вошел в картину. Много еще можно было бы рассказать разных любопытных случаев, происходящих во время съемок фильма. Главное, что эта картина была благополучно

снята и получила признание. В 1980 году на XVII Международном фестивале в Кракове за фильм вручили почетный диплом, а на XIII всесоюзном кинофестивале в Душанбе – второй приз.

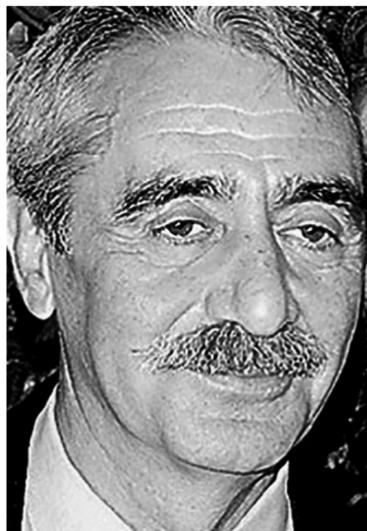
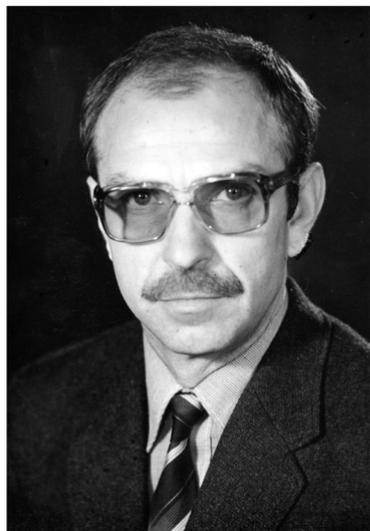
С большим удовольствием я также снимался в картине Анатолия Давыдовича «Проснуться петухом» в роли волшебника времени во сне мальчика – героя фильма и одновременно учителя школы в реальной жизни.

А уже в 90-х годах я пригласил Анатолия Давыдовича на свой «Вечер иронической прозы» (из произведений Диккенса, Достоевского, Чехова, Ларни, Жванецкого), который проходил в белом зале Дома ученых.

– Олег Васильевич, у меня в этот вечер отходит поезд. Я, конечно, с удовольствием послушаю, но не до конца. Перед рассказом Марти Ларни «Мистер Маклоун», последним рассказом вечера, во время аплодисментов он встал, глядя на меня, приложил руку к сердцу, как бы благодаря за вечер, склонил голову, извиняясь, что не может быть до конца, и тихо вышел из зала.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ
ПОПКОВ
И БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ
НЕБИЕРИДЗЕ

кинорежиссеры

Владимир Попков и Борис Небиеридзе

Владимир Михайлович Попков был режиссером известного сериала «Графиня де Монсоро». Съемки проходили в столице России с московскими актерами. Когда он еще поступал в Киевский театральный институт на факультет кино и телевидения, он, уже имея педагогическое образование, исправлял грамматические ошибки абитуриентов, своих соперников. На курсе его называли эрудитом. Держался он с подчеркнутым достоинством, даже с некоторой дистанцией. Я думаю, что для него, человека тонкого и уязвимого, это была форма самозащиты.

В 2001 году меня вызвали на пробы телесериала «Кукла», режиссеры Владимир Попков и Борис Небиеридзе. Очень скоро сообщили, что я утвержден на роль прокурора Федина. Он фигурировал в семи сериях из десяти. В сценарии было несколько просто очень хороших сцен с четко выписанным характером Федина, его ироничностью, порой цинизмом, юмором. В каких-то местах он мог показаться даже симпатичным. На самом деле это был беспринципный, прожженный негодяй.

Начать снимать сериал должен был бы Владимир Михайлович Попков, но в связи с тем, что из-за болезни попал в больницу – что-то с легкими, наверное это было началом болезни, которая сократила ему жизнь. Он договорился со своим сокурщиком, близким другом Борисом Константиновичем Небиеридзе – тот начнет снимать сериал, а когда Попков выздоровеет, он подключится к съемкам. Так оно и произошло. Если Борис Константинович принимал мои решения образа, мои придумки, то Владимир Михайлович хотел видеть моего Федина более приземленным, более жестким, и он пытался на съемках добиться этого. Мне запомнилась его пластика, особенно при показах на съемочной площадке. Это была пластика мима, снятого в замедленной съемке. Он, как будто священнодействовал. Памятна мне также съемка сцены губернатора Гридина и прокурора Федина. В роли Гридина снимал известный актер Сергей Шакуров:

– Давайте почитаем сцену, – обратился он ко мне. Мы начали. Я говорил текст по памяти, а он читал свой текст по сценарию.

– Встретимся как мы с вами через несколько минут, – сказал он и начал ходить по кабинету, заучивая текст, держа его в правой руке. В левой держал стакан с зеленым чаем с медом.

– Давайте еще раз, – обратился он ко мне через некоторое время. Теперь он текст знал, и как опытный талантливый актер был в сцене очень убедителен.

– Перед началом съемок меня предупреждали, что у моего партнера непростой характер, и, действительно, вскоре Шакуров мне начал подсказывать, что прокурор Федин должен вилить хвостом в присутствии губернатора области Гридина. Но я стоял на своем. У Федина очень весомые для шантажа аргументы, и он уверен, что Гридин у него в руках, потому ведет с ним разговор на равных, даже развязно и нагло. Режиссер, не смея перечить звезде экрана, незаметно для него, дал мне знак: «Работай, мол, по-своему». Так я и сделал. Когда сцена была снята, а у Шакурова это была пятая подобная сцена в тот день, я заметил, как вздулись вены на его висках и кровь заметно пульсировала в них. «Нелегкое это дело, – подумал тогда я, – вот так из сцены в сцену, выучивая текст на площадке, сниматься в главных ролях сериала».

Борис Константинович Небиеридзе был открытым и сердечным человеком, его многие любили. Со студенческих лет был заведен обычай, что наиболее талантливая часть курса Чубасова собиралась в доме Небиеридзе для встречи Нового года уже в новом году, первого января. В этой компании были впоследствии такие известные личности, как Бортко, Попков, Борсюк, Гончаров. Прошли годы, и, когда Небиеридзе не стало, его жена, Олечка Небиеридзе сказала сокурсникам мужа:

– Ну что, ребята, Бори нет, может, теперь не имеет смысла встречаться?

На что они ответили:

– Как раз именно теперь мы и будем встречаться до последнего, чтобы праздновать Новый год в новом году и помянуть Бориса.

ОЛЕГ ИВАНОВИЧ
БИЙМА

кинорежиссер

Олег Иванович Бийма

О. Бийма много лет проработал на «Укртелефильме». Сам, интеллигентный, утонченный человек, он создавал такие же фильмы и восполнял в украинском кинематографе такой дефицитный для него сегмент, как европеизм.

Я познакомился с Олегом Ивановичем в работе над музыкальным фильмом «Сказка о сказке», где мы, в паре, уже не помню с кем, исполняли в ускоренной съемке гротескные роли детективов-недотеп. В 1993 году я был приглашен в его новый сериал «Злочин з багатьма невідомими» на небольшую рольку доктора Лукаса. Сценарий был написан Биймой по мотивам произведений И. Франко. Большая часть съемок проходила в окрестностях Львова и в самом Львове. В этих же местах он параллельно снимал сериал «Пастка», сценарий которого был тоже написан им по произведениям Франко. Съемки чередовались через день, случалось, что утром снимался один сериал, а во второй половине дня – другой. Энергичный, стремительный, порывистый Бийма не ходил тогда, а носился по съемочной площадке. Думаю, иначе он не осилил бы тяжесть одновременных съемок двух разных сериалов. Я был свидетелем того, как постановщики во время перерыва обедали, загорали, курили, рассказывали друг другу анекдоты, а режиссер и оператор (им был Алексей Зосенко) в это время разгружали машину, тащили рельсы, тележку, диги. Потом всё это укладывали, ставили и устанавливали. Делали быстро, так как приходилось выполнять объем работ постановщиков целой бригады.

Олег Иванович, в отличие от многих кинорежиссеров, в свободное от съемок время, часто посещал спектакли разных театров в Киеве. Так, посмотрев спектакль Театра им. Леси Украинки «Молодые годы Людовика XIV», он сказал, что остался не в восторге от моего Бернуини, а вот мой Мозес из «Школы скандала», ему понравился. Посмотрев «Метеор» Фридриха Дюрренмата, сказал мне:

– Какая красивая со сцены Настя Сердюк, а Швидлер в роли мадам Номзен, хотя у нее всего один, правда, большой монолог в спектакле, просто великая актриса.

Я понял, что Олег Иванович, очень творческий и любопытный буквально ко всему человек, и предложил ему перед началом съемок его нового сериала «Остров любви» посмотреть мой моноспектакль «Записки из подполья» по Ф. Достоевскому. Олег Иванович сразу же согласился, назначил время встречи и пригласил к себе. Когда я зашел к нему, он

познакомил меня со своей матерью, затем мы зашли в его кабинет, и я проиграл ему весь спектакль.

– Вы будете у меня сниматься, – сказал он, когда я закончил, – текст роли передаст вам ассистент режиссера. К сожалению, основные роли уже все утверждены, вы будете одним из Рыцарей любви. Они начинают сериал и связывают почти все серии. Только в последней серии их не будет: это наши дни, и рыцарству в них места нет. В вашей роли есть несколько хороших сценок.

И еще мне памятна одна встреча с Биймой. В 2003 году я шел на съемку программы о замечательном актере Театра им. Леси Украинки В. Халатове. В основу сценария легли воспоминания о нем из моей книги «Театральні спогади. Оповідання». В парке Шевченко я встретил Олега Ивановича, и после взаимных приветствий он обратился ко мне:

– Знаю, знаю, что у вас сегодня съемка Халатова, – он тогда был директором телеканала Культура, и, разумеется, поддержал идею создания этой программы.

Иначе съемка бы не состоялась.

– Желаю вам сегодня успеха, – закончил он.

Так, с легкой руки Биймы, и благодаря режиссеру Галине Михайловне Черняк, за десять лет по моим сценариям мы создали целый цикл программ о театральных деятелях Украины «Театральные силуэты». Символично, что программы эти, как правило, показываются в дни рождения их героев. И эти показы становятся благодарным подарком именинникам и еще одним напоминанием о них.

VI. РАССКАЗЫ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Ангел

Учитель английского языка, Сергей Петрович Алексеев, через день приходил к мальчику, и в течение сорока пяти минут они занимались. Кузьма был сыном его друга, у Сергея Петровича с мальчиком сложились шуточные, приятельские отношения, и теперь непросто было каждый раз настраивать его на серьезную работу.

Вот и сейчас, читая и переводя с английского «Мои каникулы», он поминутно останавливался, чтобы прочитать свои поэтические поздравления с днем рождения однокласснику Гене:

*«У нашего Гены
Папины гены,
У нашего Гены
Мамины гены...»*

– Кузя, извини, что перебиваю, давай-ка закончим этот текст, и потом ты мне все по порядку расскажешь, – предложил Сергей Петрович.

– После текста еще упражнение, – со вздохом заметил мальчик.

Упражнение оказалось несложным. Нужно было перевести с английского вопросы и ответить на них на английском языке. Кузьма отвечал на них, а там, где он ошибался, Сергей Петрович поправлял его.

– «Кто твоя мама?» – перевел он, наконец, последний вопрос.

– Кто по профессии, – подсказал Сергей Петрович, – учитель, врач..?

– Ну, это я после, – отрывисто сказал Кузьма, поспешно собирая тетради, книги и направляясь в соседнюю комнату, где его отец смотрел телевизор.

Он сидел в кресле небритый, лицо его было покрыто испариной. Сергей Петрович знал – так всегда с ним бывало, когда выпьет.

– Что, опять, папа, опять, да? – звонким властным голосом обратился к нему мальчик.

– Что «опять», родной мой, о чем ты? – потянулся к нему рукой отец, пытаясь погладить его. Сын отпрянул от руки.

– А ну посмотри мне в глаза, – снова с той же властно требовательной интонацией, приближая свое лицо к лицу отца, говорил мальчик, – нет, нет, ты не отворачивайся!

От этих знакомых до боли интонаций глаза отца повлажнели. Он отвернулся, затем вынул платок и начал протирать, не снимая, вроде бы запотевшие стекла очков.

– Пока мы там с Сергеем Петровичем занимались, ты снова эту гадость... – еще более громко начал новую фразу мальчик, которую вдруг оборвал, заметив, что у отца на глазах слезы.

Он нахмурился и как-то растерянно, почти шепотом проговорил:

– Ну, не надо, пап. Ну, мы же договорились.

– Да, да, не надо. Вот я уже и смеюсь, – не переставая всхлипывать, пытался засмеяться отец. Затем он прижал к груди голову мальчика и, поглаживая ее, приговаривал: «Ты мой сильный. Ты мой мужественный».

Сергей Петрович вспомнил, как все это начиналось. Полтора месяца назад он позвонил своим друзьям, чтобы предложить два билета на «Кавказский меловой круг». В трубке услышал голос Катюши, его еще тогда удивило, как непривычно для нее сдержанно восприняла она его предложение. Вспомнил, что это его задело. Тогда же он заметил ее обеспокоенность. Ему даже показалось – не во время он позвонил. Потом узнал, что спустя два часа после этого звонка ее забрала «Скорая помощь». Врачи определили – аппендицит.

Через несколько дней Сергей Петрович собрался зайти к Катюше в больницу, приготовил передачу, написал смешную записку, если ее нельзя будет увидеть. Позвонил Игорю, может, и он сейчас собирается идти к жене.

– Алло, – слышалось с того конца провода.

Сергея поразило это «алло». Оно было тихое, приглушенное, совершенно без всяких интонаций. Более того, в нем была такая напряженность, как будто бы человек вот сейчас по телефону боялся услышать самое страшное.

– Это я, Гоша, – начал Сергей. – Я собрался к Катюше. Приготовил тут кое-что. Ты к ней не идешь?

– Ничего ей сейчас не нужно, – опять тем же неживым голосом ответил тот.

– Как не нужно, что случилось?

– Это не телефонный разговор. Жду тебя через полчаса у собора.

Сергей сперва даже не узнал подходящего к нему Игоря. Он был бледный, похудевший, небритый. Из-под измятого, с поднятым воротником, пальто, виден был баевый спортивный костюм со штрипками, обхватывающими ботинки. Шарф он, наверное, где-то потерял.

– Я почувствовал что-то неладное, – как бы продолжая разговор, начал Игорь, – когда увидел хирурга после операции. Он шел по коридору, пожимая кому-то руки, принимая от кого-то цветы, благодарности, кого-то похлопывая по плечу. Улыбка не сходила с его лица. И вдруг сияющие его глаза остановились на мне и как бы сделались стеклянными. Они ничего не выражали, он быстро прошмыгнул мимо меня в свой кабинет.

Я постучал, зашел. Он извинился, пошел за ширму и по тому, как долго, тщательно мыл там руки, – я понял, что дело плохо. Затем со словами: «Ничем обрадовать вас не могу» он предложил мне стул, уселся на свой стол сам, сообщил мне диагноз и объяснил механику операции... А в заключение сказал, что остается только уповать на Бога.

Ожидая Гошу, который вошел в собор, Сергей заметил знакомого, приближающегося к нему. Знакомый этот ежедневно бегал трусцой от инфаркта, не пил, через год ездил лечиться в Миргород, отчитывал при посторонних жену, что она переезжает, часто говорил о своих болезнях и при всем при этом выглядел цветущим сорокалетним мужчиной.

– Ты чего здесь? – спросил он у Сергея, не переставая активно дышать после энергичной ходьбы, которая только и имеет смысл, по рекомендации Амосова, для тренировки сердца. На порозовевшем от движения и мороза лице была счастливая улыбка человека довольного своей правильной, размеренной жизнью.

– Жду друга, – ответил Сергей, кивая на собор.

– Молится? – с многозначительной улыбкой спросил знакомый.

– Жена умирает. Пошел свечу поставить. Может, хоть это поможет, – говорил Сергей, чувствуя, как почему-то начинает ненавидеть это розовое, счастливое лицо.

– Ты с нами вечером сходишь к ней? – спросил Игорь, выходя из собора.

– Конечно.

– Кузьме я уже говорил, что может произойти всякое. Может случиться, и без мамки нашей останемся. Он не верит.

Вечером они втроем пересекали двор больницы, и Кузьма, показывая рукой на верхнюю часть здания, сказал:

– Вот окно нашего ежика. Не спит, знает, что мы придем.

Сергей остался в приемной, а Игорь и Кузьма поднялись в отделение реанимации. Видя, как Кузьма стал напряженно серьезным, как засуетился, складывая свое пальтишко на стул, как поправлял накинутый на плечи халат, – Сергей

подумал, что мальчик, может быть, ушел прощаться с матерью, и комок сдавил ему горло.

Через несколько минут в приемной появился Игорь.

– Она хочет тебя видеть, – сказал он.

Комок уже не давил горло, но слезы готовы были потечь из глаз. Сергей думал: «Как же я таким появлюсь? Ведь надо же поддержать Катюшу, какие-то слова говорить? И что можно сказать?»

Они вошли в небольшую, ярко освещенную комнату. Посредине, на столе, на каких обычно возят больных из операционных, лежала Катюша.

– Сережа, – сказала она слабым, очень изменившимся голосом. Лицо ее заострилось. Пересохшие губы еле двигались. Воспаленные глаза смотрели на него испытующим взглядом.

Увидев ее, Сергей застыл. Теперь она так мало напоминала полную жизни, юмора Катюшу, что его охватил ужас. Он почувствовал, будто его кто-то больно ударил, и подумал: «Это конец, это уже конец». Сергей поспешил спрятать свое лицо за улыбку, но ее глаза на него уже не смотрели, а голова отвернулась в сторону.

Катюша, это нужно пережить... перетерпеть все... будь молодцом, – говорил он, проклиная себя, что не может найти нужных слов. Катюша закрыла глаза.

Гоша, не приходите так часто. Кузе нужно время для уроков. Я не хочу, чтобы из-за меня он отстал в школе. Идите домой, я устала, – говорила она, не открывая глаз. Игорь нагнулся и поцеловал ее.

– Не кури, Гоша, – сказала она. Затем открыла глаза и добавила: «Прошу тебя, береги себя!»

Через несколько дней ее не стало. И вот теперь, спустя полтора месяца, Сергей сидел в неухоженной комнате возле Игоря, который курил, не переставая. Лицо его сильно лоснилось от выпитого за вечер. Кузьма уже спал в своей комнате. Давно было пора уходить, но Игорь на каждую попытку Сергея подняться говорил:

– Посиди еще немного. Посиди. Ты знаешь, когда я не сплю, а только засыпаю, то часто, вдруг, начинаю стонать, как от зубной боли, от тех несправедливых обид и огорчений, которые я ей иногда приносил. Потом спохватываюсь: «Что же я делаю? Кузю разбужу». И только зубами скриплю. Ах, как бы вернуть время! Если бы можно было вернуть время! Я ведь себя теперь человеком чувствую только во сне. Во сне ничего этого страшного еще не произошло. Я встречаю ее

после работы, помогаю раздеться в коридоре, отношу сумки на кухню. Она шутит со мной, смеется, накрывает на стол. А просыпаюсь, и, как ужасный сон, начинается явь. Цени, Сережа, то, что имеешь, чтоб, не дай Бог, не мучиться, как я сейчас.

Вдруг дверь в спальне Кузи отворилась, и он, взлохмаченный, с перепуганными глазами, стремглав бросился к отцу, обхватив его руками, прижался к нему, спрятал свою голову чуть ли не под мышкой.

– Опять что-то приснилось, – прошептал Игорь. – Ну, успокойся, мой хороший. Я с тобой, вдвоем нам ничего не страшно. Сейчас мы с тобой пойдем в спальню. Я расскажу тебе, как летом мы будем отдыхать на море...

Обнимая сына и поглаживая его по руке, отводил сонного мальчика в спальню. У дверей он остановился и, повернувшись к Сергею, сказал шепотом:

– Ты подожди, он скоро уснет, я сейчас вернусь.

Из спальни доносился монотонный, успокаивающий голос отца, а Сергей подошел к письменному столу в маленькой комнате, где мальчик готовил уроки. Он открыл тетрадь для английского языка. На последний вопрос упражнения: «Кто твоя мать?», мальчик ответил: «Моя мама – ангел».

Через несколько минут в спальне стало тихо. Сергей неслышно приоткрыл дверь, заглянул в нее. Игорь и Кузя спали. Мальчик, спокойно посапывая носом, прижавшись лицом к груди отца и обняв рукою, как бы боясь его потерять. Лицо Игоря было спокойно, но время от времени на нем появлялась счастливая улыбка. Наверное, как раз в эти минуты, думал Сергей, он открывал ей дверь, целовал ее в подставленную щеку и, снимая с нее плащ, вдыхал запах ее волос. Он привлекал ее к себе, а она шутливо отбивалась, сквозь радостный смех говорила:

– Замучишь, папка, кто же будет штопать тебе носки?

Сергей так же тихо прикрыл за собой дверь, думая, что огромное всезаполняющее горе не коснулось еще только этой части подсознания, которое, спасая организм, как спасает его от чрезмерной боли обморок, одарило Игоря этими радостными ночными видениями.

Тихо захлопнув за собою входную дверь, Сергей быстро спустился по малоосвещенной лестнице парадного. Ему хотелось быстрее оказаться дома. Он вдруг впервые осознал, что из-за занятости на работе, из-за забот с двумя девочками, забот по дому, он почти никакого внимания не уделяет здоровью своей жены. Правда, она очень редко жалуется.

Но он-то видит. Она – совсем молоденькая женщина с сильно изуродованными после родов тромбофлебитными ногами. Это так некрасиво у любой другой женщины, а в его глазах совсем не уродует его Надюшу. Врач посоветовал сделать операцию, но они отказались. Шесть месяцев назад Сергей договорился по этому поводу встретиться с одним знаменитым гомеопатом. И не нашли дня, чтобы вырваться к нему. Ее иногда беспокоит грыжа... Надо не выпускать ее одну на базар, чтобы не видеть с огромными, тяжелыми сумками.

Чем ближе подходил он к дому, тем беспокойство выросло все больше и больше. Ему сейчас же захотелось увидеть жену и девочек. Убедиться, что с ними все хорошо. Возле своего дома он почти уже бежал. Быстро взлетел на пятый этаж. Стремительно зашел в квартиру. Пронесся мимо жены в детскую. Девочки спали.

– Что случилось, Сережа? – обеспокоенно спросила Надюша, отложив в сторону книгу. Он подошел к ней, опустился на колени, прижался к ее такому близкому, дорогому лицу и сказал:

– Все хорошо, родная. Ты даже не можешь представить себе, как все хорошо.

На скамейке

На скамейке парка у речного вокзала небольшого районного центра сидели двое. Он – в городском костюме, в шляпе, розовощекий, с выцветшими ресницами, мужчина лет шестидесяти восьми. Язык не повернулся бы назвать его стариком – такой он был подвижный, от лица так и дышало здоровьем. Она – женщина в одежде уборщицы, с поблекшим, усталым лицом. Угадывалось, что она значительно моложе своего соседа по скамье.

– Я люблю жить по-городскому, – говорил он. – У меня все готовится на газу. Зимой, правда, тепло грубу дровами. Там печка хорошая, только в это время на ней и готовлю.

Он говорил это значительно, с достоинством. Перед новой мыслью делал паузу, смотрел некоторое время перед собой в одну точку, а затем, поворачиваясь к собеседнице, продолжал:

– Дети зовут к себе, – говорил он. – Я не еду! А зачем? Постель у меня мягкая, да и воздух в селе полезней. Все у меня есть. Пенсии тридцать пять рублей, больше и не надо. На огороде помидоры, огурцы, картошки немного, чтоб на зиму хватило. На продажу не сажаю. Сено скошу на своем участке – вот триста рублей и есть. Сало не ем – в моем возрасте вредно. Мяса ем мало – несколько куриц в год – мне хватает. Всем я доволен. Все у меня есть.

Он нахмурился, вздохнул и продолжал:

– Вот только родной души рядом нету: жену одиннадцать лет назад потерял. С тех пор один и живу. Зимой зайдешь в хату, хоть грубе «здравствуй» и «до свиданья» говори.

Он замолчал, опять смотря перед собой.

– Да, плохо одному жить, – ответила женщина, – не должен человек один жить.

– Конечно, не должен, – подхватил он ее мысль, – да что ж поделаешь? У детей своя жизнь. Дети у меня ученые. Один сын в Минске, другой в Киеве. А дочь в Бресте живет. Должности у всех хорошие. Тот, что в Киеве, людей иглами колет. И так колет, что любую болезнь вылечить может, если, конечно, она не запущена. Места такие в организме знает, куда от какой болезни уколоть. Это от китайцев узнали, когда у нас с ними другие отношения были. Я к тому, что у детей, слава богу, все хорошо. У них своя жизнь. С ними жить, только мешать им, да и мне неудобно.

– Женщину вам надо найти, чтоб не одному жить, – сказала соседка по скамье.

– Надо, дорогая, надо, – поддерживал ее мужчина, – да где же найдешь? У каждой дети. Свое сердце им хочется отдать. Мать есть мать. Какая уж тут родная душа? А просто расчет...

Он замолчал, не докончив фразы. Лицо его стало грустным, обиженным, потом какие-то воспоминания нахлынули на него, и оно просветлело. С такой же гордостью и так же значительно, как о своем хозяйстве, он заговорил:

– Жена у меня была красивая. Жили с ней душа в душу.

– Никогда ее не обижал.

– А почему у вас пенсия такая? – перебила его женщина.

– Я, дорогая, воевал. В конце войны в Берлине был. Там меня и контузило. В медсанбат посылают – а уж конец войны. Какой медсанбат? Скорей бы домой. А пошел бы тогда на комиссию, мне бы инвалидность дали – получал бы я теперь семьдесят рублей пенсии.

Затем он выпрямился, облокотился локтями на спинку скамьи и продолжал:

– Да мне и этой пенсии хватает. Одежда есть. Видишь, костюм какой – хоть в кино иди. Там в шкафу еще есть. Ничего до смерти покупать не буду. У меня все есть...

– Значит, воевал ты...

– Все мы воевали. Я тебе так скажу, дорогая, если бы те, кто сейчас Америкой управляют, повоевали бы, как мы, со всем по-другому бы заговорили. Когда не то, что каждый час, каждую минуту, секунду смерти ждешь...

– А как ты думаешь, добро будет ото всего этого? Ведь в той книге написано...

– Их что сдерживает? – не дал досказать ей мужчина, – трудовой народ. Он же беды не хочет, политику их поддерживать не станет. – Затем, спохватившись, добавил, – Да что это я все не о том говорю...

Он придвинулся к ней чуть ближе и, заглядывая в глаза, тихо продолжал:

– Мне бы такую молодницу, как ты. На пенсию выйдешь – и ко мне. А? Хата у меня есть, участок. У меня все, что нужно есть. Тебе сколько до пенсии?

– Четыре года еще.

Мужчина недоверчиво посмотрел на неё, замолчал, что-то обдумывая и, подсевши к ней еще ближе, почти шепотом заговорил:

– А то приезжай. У меня хозяйство хорошее. Курей можно разводить... Я буду ждать.

– У меня двое дочек здесь живут, – сказала женщина, поднимаясь и как бы давая понять, что разговор на этом

закончен. Она подошла к кусту лозняка, который рос недалеко от скамейки, и начала обламывать ветки, складывая их в веник. Мужчина, оставшись один на скамейке, застыл на несколько мгновений, глядя перед собой в одну точку. Потом, очевидно, не веря тому, что разговор окончен, стал смотреть на женщину выжидающим, недоумевающим взглядом.

– Не дают веники, приходится самим делать, – заговорила женщина, усаживаясь на прежнее место и перевязывая ветки лозняка.

– Где ты работаешь? – спросил мужчина, оживляясь и придиричиво приглядываясь к тому, как женщина связывала веник.

– Подметаю в этом парке, – отвечала женщина, начиная перевязывать веник в другом месте. Что-то в этом не устраивало мужчину всё более и более: ручка веника получалась маленькая, а та часть веника, которой следует мести, – непропорционально велика.

– Видишь, ни соринки кругом, – продолжала женщина. – Только листья кое-где, так ведь осень скоро... Да еще в школе убираю...

– А найти тебя где? – спросил мужчина и, очевидно, не сохладив с собою, вдруг резко, совсем вплотную придвинулся к женщине и пальцами двух рук обхватил то место веника, где следовало, как ему казалось, его перевязать – на несколько сантиметров ниже перевязки женщины.

– В конторе, что здесь, в парке, бываю, – ответила она, делая вид, что не замечает подсказки мужчины и неторопливо освобождая веник из его рук.

– Так что же это выходит, на двух местах работаешь? – наконец, осознав сказанное ею прежде, переспросил мужчина и добавил, – А зарабатываешь ты сколько?

– Семьдесят пять в парке и шестьдесят в школе, – ответила женщина, медленно поднимаясь со скамьи, и, отряхнув несколько раз веник от слабо державшихся листьев, не спеша пошла вглубь парка заканчивать свою работу. Мужчина долго смотрел ей вслед, пока в самом конце аллеи она не свернула направо и не исчезла совсем.

Мужчина поднялся со скамьи и медленно спустился к реке. Он остановился возле самой воды и заметил, что ничто его теперь не радует, как раньше, – ни ослепительный свет солнца, ни свежий воздух Припяти, ни прозрачная вода над желтым песком берега, ни серебристые отсветы мелких волн. Все это оставляет его теперь равнодушным. Он подумал, что, наверное, мог бы на это все смотреть прежними

глазами, если бы не мучили думы о близком конце его жизненного пути, если б его кто-то ждал и было куда спешить, если бы не усохла душа от одиночества за последние годы.

«Ох, старость, что за проклятая часть жизни, когда все могут без тебя обойтись», – пришел он к грустному выводу.

Затем подумал: «Может, он где-то ошибся в своей жизни? Может, неправильно жил? Да нет, вроде бы... Трудился честно всю жизнь. Детей растил, старался и им привить любовь к труду. Дети у него получились хорошие. На фронте жизни своей не щадил. Повезло – жив остался. Где же ошибка? Что ж неправильно сделал? Да вроде бы все правильно. Так за что же судьба под конец жизни так его обделила?»

Он стоял у самой воды, смотрел прямо перед собой, и одна тяжкая дума наваливалась на него за другой.

Вдруг он вспомнил, что давно уже не был в своей хате, и его пес Шарик, наверное, давно заждался своего хозяина. Он представил, как тот встретит его радостным лаем и повизгиванием, завиляет часто-часто хвостом, будет прыгать, чтобы коснуться мордочкой его лица.

Глаза мужчины просветлели, легкая улыбка немного разгладила его морщины. Он повернулся и твердой поступью направился к пристани, где вскоре должна была отчалить ракета, проходящая через его село.

Лекция

Электричка неслась к небольшому районному центру. Глядя в окно, Ястребов думал, что ему нравились эти нечастые поездки в маленькие городки, где он выступал с лекциями. Эти поездки вырывали его из повседневной привычной жизни. Они помогали ему острее чувствовать любовь к своему дому, городу. После них он убеждался, что ему нечего роптать на жизнь. Не отрывая взгляда от мелькающего леса, нарядных дач, станций, он мысленно повторял текст.

С электрички он направился в общество книголюбов. В одной из комнат нашел секретаря общества. Ястребов привик, что это были, как правило, женщины за тридцать, как правило выцветшие и неуверенные в себе.

– Вы Ястребов? – спросила его, после взаимных приветствий, не первой молодости женщина. – Должна Вас огорчить: нам придется немного подождать. – Лекция начнется через час.

Ястребов не любил неточностей. Ведь договорено было – прямо с электрички на выступление. И потом, что здесь делать?

– Я секретарь здешнего общества книголюбов, – говорила она, как бы извиняясь каждым своим словом. – Меня зовут Еленой Александровной.

Это еще больше наваяло тоску на Ястребова. Она вдруг спешно предложила ему сесть. Потом, словно испугавшись паузы, быстро заговорила.

– Вы будете выступать в интернате. Тема Вашей лекции доступна детям 6–7 классов?

Ястребов почувствовал, что лицо его становится горячим, почувствовал, что сейчас начнет кричать и наговорит, чего не следует... Но вид у женщины был такой виноватый, такой расстроенный, что он только хмыкнул, подошел к окну и стал смотреть на улицу.

Ястребов давно готовил эту тему. В ней, для иллюстрации, он использовал фрагменты из произведений Чехова, Стефана Цвейга, Моруа, которые читал наизусть. Ему казалось это очень нужным, просто необходимым. Лекция должна была заставить относиться к женщине более трепетно, тонко... Подсказать женщине о необходимости воспитывать в себе личность, хороший вкус, мягкость... Ястребову было очень важно услышать дыхание зрительного зала, его реакцию, чтобы понять, что волнует его, а что оставляет равнодушным... Лекция состояла из нескольких частей, каждая

из которых начиналась поэтическим эпиграфом. И стихи, и литературные фрагменты он умел читать вдохновенно. Это должен был быть маленький спектакль. И тут вдруг дети 12–15 лет...

– Я думаю, эта тема доступна и детям, – сказал он, не отрываясь от окна.

Она предложила ему сесть, пошутив, что лучше все-таки час ожидать сидя, чем стоя. Они уселись в кресла, которые разделял журнальный столик.

– Вы давно живете в столице? – опять поспешно спросила она, не давая возникнуть паузе.

– Всю жизнь.

– А я там только училась. В столице прошли мои студенческие годы. Лучшего, после ничего уже не было. – Она, чуть извиняясь, улыбалась, смотря прямо перед собой, как бы вглядываясь в свою юность. – Там же я встретила с любимым человеком, там же родилась моя девочка.

Ястребов повернулся к ней и пристально посмотрел на Елену Александровну. В глазах его забегала ироническая смешинка. «Чем, мол, обязан такой откровенности?» Но она, не замечая этого, продолжала:

– Я училась в пединституте и закончила его с отличием.

«С таким тихим голосом только в школе и работать» – подумал Ястребов. Только теперь он заметил, что одета она со вкусом, что у нее хорошая прическа.

– Так Вы, вероятно, работали в школе? – спросил Ястребов, всматриваясь в ее лицо и пытаясь представить его озабоченным тем большим чувством, которое она пережила в студенческие годы. Но у него ничего не получилось. Улыбка у женщины была какая-то нерадостная, натужная, случайная.

– Да, после института я вернулась в родные места и здесь преподавала. Тяжело было. И вот уже несколько лет – секретарем общества книголюбов. Но скоро заскучала и теперь два раза в неделю читаю природоведение в сельской школе. Туда восемь километров от города. Иногда автобус ломается, – приходится пешком идти. А мне – ничего! Как представляю доверчивые, пытливые глаза моих детей, как после уроков за советом ко мне бегут, как по селу идешь – каждый с тобой поздоровается, о школьных делах расспросит – так откуда и силы берутся.

Ястребов слушал поспешную, как бы извиняющуюся ее речь, смотрел на виноватую улыбку и чувствовал все большую и большую неловкость за свои «проблемы», за свои сложности. Елена Александровна перестала улыбаться,

сделала паузу, собираясь, очевидно, говорить о чем-то важном и начала:

– Я не точно спросила Вас «доступна ли лекция для этих детей?» Правильнее было бы: «не уязвит, не сделает ли больно им какая-то часть вашего выступления? Вы будете выступать перед ребятами, от которых отказались, бросили их родители. Живые, здоровые папы и мамы».

Ястребов слышал, что есть такие родители. И эти бедные дети. Он никого не осуждал: чужая жизнь – попробуй разберись! А просто жалел.

Подходя к интернату, они видели, как дети привязывали к палкам слабые деревья, обкапывали их. Не было криков, беготни. Дети были сосредоточены и деловиты.

Ястребова провели в учительскую. В интернате было чисто. Встречающиеся в коридоре девочки и мальчики напоминали Ястребову детей, которых он как-то видел в клинике: они медленно ходили, о чем-то тихо разговаривали. Ястребова представили завучу.

– В Вашей лекции ничего нет лишнего для детей моложе 16 лет? – спросила она Ястребова.

И Ястребову послышались в ее вопросе подозрительные, недоверчивые нотки-нотации. «Да что они, сговорились, что ли, – пронеслось у него в голове. – Это, вероятно, из-за моего пижонского костюма и яркого галстука. Вырядился, как попутай. Вот и боятся к сиротам пускать».

– Добрый день, – зайдя в учительскую, поздоровалась худенькая девочка с синячками под глазами. – Товаришу лекторе, мене прислали сюди – запросити Вас до актового залу, де всі вже зібралися.

Очевидно было, что девочка, идя от актового зала к учительской, успела несколько раз повторить свою «речь» перед лектором. С его появлением в зале все утихло. Ястребов поднялся на эстраду и окинул взглядом присутствующих. Дети внимательно смотрели на него. Многие держали руки на коленях. Они показались Ястребову еще моложе 12–15 лет. И он подумал, что это, наверное, естественно: когда мало солнца, растения тоже медленно растут.

В последнем ряду его внимание привлекло лицо женщины. Светлые волосы, голубые сияющие глаза. Как будто в предвкушении чего-то необычного, праздничного. «Вот-вот, сейчас начнется.» – излучали они. «Наверное, учительница литературы» – подумал Ястребов. И этот радостный настрой ожидания праздника, несколько преувеличенный и нарочитый, тем более здесь, в этом зале, где так много горя, да еще до конца и

неосознанного, – показался Ястребову неуместным. Он поискал глазами секретаря общества книголюбов. Елена Александровна сидела у входной двери, собранная, сосредоточенная, останавливая свой взгляд то на одном ребенке, то на другом. Вдруг глаза их встретились, и Ястребов решил, что будет рассказывать ей. Понял, что не зря сюда приехал: ее глаза объяснят ему все. Работа эта приносила ему радость, но вся она имела смысл только в том случае, если вот сейчас взволнует слушателя, оставит в их душах след.

Ястребов сходил с эстрады под аплодисменты зала, будучи уверен в успехе, по тому, как слушали дети, по тому, как вначале прятала свои глаза от его назойливого взгляда секретарь общества книголюбов, а потом, забыв обо всем, смотрела на него, не отрываясь, по тому, как ее бледное лицо покрылось румянцем, по тому, как девочки, задумавшись, словно именинницы, выходили из зала, а мальчики недоуменно присматривались к ним, как будто что-то просмотрели в них, и это были не просто их одноклассницы, а какие-то новые, незнакомые девочки, которых предстояло заново открыть и понять.

В коридоре его ожидала секретарь общества книголюбов. Ястребов с трудом узнал ее. Глаза Елены Александровны блестели от возбуждения, щеки покрывал румянец, и она показалась ему просто красивой.

– Большое Вам спасибо, – проговорила она, почему-то смущаясь и улыбаясь заговорческой улыбкой, как будто только им одним была известна какая-то тайна.

Завуч представила Ястребова директору интерната. Это был мужчина с короткой шеей, крупным туловищем, с непропорционально малыми ногами и большими, как клешни у краба, руками, и весь он был похож на краба. Лицо застывшее, неприветливое. Не глядя в глаза Ястребову и не говоря ни слова, он вытянул вперед руку с жестом: «Ну, давайте». Ястребов понял, что директор собирается подписать ему «Путевку лектора». Он тотчас же вытащил ее из нагрудного кармана и протянул ему. Директор, будто бы проверяя, не фальшива ли она, сделал над собой усилие, нацарапал клешнею длинную мелкую подпись. «Бедные дети» – подумал Ястребов.

– Что ж это, другого директора нельзя было найти? – обратился Ястребов к Елене Александровне, когда они вышли из интерната.

– Другого? – переспросила она. – Да вы что! Лучшего, чем Аким Афанасьевич и не найти. Он каждой девочке платье,

пальто поможет выбрать, в сокровенных делах только к нему за советом обращаются. Осенью детей как-то на уборку послали – помочь колхозникам. А тут дождь пошел, обложной. Начальник звонит директору интерната: «Почему дети не в поле?» – «А вы своих детей пошлете в такую погоду на поле?» – начальник молчит. – «Вот и я не пошлю, – продолжает Аким Афанасьевич, – Потому что я им и отец, и мать! Жалуйтесь, куда хотите!»

Через несколько минут Ястребов и Елена Александровна были на вокзале. Как будто по заказу подъехала электричка. Они поспешно простились, и Ястребов зашел в вагон. Дверь электрички закрылась, и теперь через стекло он смотрел на провожающую. Ему вдруг показалось, что и Елену Александровну, и этого страшноватого директора со свирепой внешностью он уже давно знает. Они есть везде. И у него в коллективе. Только там они хоть и побойчее, и знакомств, и связей у них побольше, все равно все их обходят, обставляют, ими все дыры затыкают. Только если кому худо, или, не дай Бог, беда всеобщая приходит, вот здесь они – незаменимые, вот здесь они – первые.

Электричка тронулась с места и медленно стала набирать скорость.

Однажды летом

Четырнадцатилетний Саша Клековкин шел по берегу маленькой речушки, внимательно всматривался в нее и никак не мог поверить, что когда-то сама императрица Екатерина II на «шлюпке для шествия по Днепру» во время своего знаменитого путешествия на юг страны заплывала сюда – так рассказывали местные жители. И в этом была убедительная логика: как можно было объехать исторический город, где заключили договор о воссоединении России и Украины?

Но ручеек с громким названием Альта, на который выходил огород владельцев хаты, хороших знакомых его матери, пригласивших отдохнуть его на летний месяц, – ручеек этот вызывал у Саши большие сомнения в правдоподобии здешних преданий.

Речка эта нравилась ему. Временами она была очень узенькая: в одном месте её можно было перейти даже по щиколотку, ступая по упругому, твердому песку. Вот здесь же Саша как-то лег спиной на дно реки, в то время как верхняя часть тела прогревалась лучами солнца. И было в этом что-то сказочное от Свифта – «Гулливер в стране лилипутов». Потом, лежа в постели, он часто вспоминал это чудное место, чтобы успокоиться, уснуть... Случалось, по течению речки встречались ямы, где можно было ловить рыбу, купаться, и там она становилась широкой, похожей на настоящую реку.

Вот и за поворотом показалось такое её место, и за несколько метров до него, ещё в узкой части, был перекинут над водой свежеструганный деревянный мостик для пешеходов. И вдруг на том берегу он увидел своего соседа по дому – дядю Володю. Он был архитектором и художником. Кстати, по его проекту был выстроен к трёхсотлетию воссоединения двух славянских народов нарядный ансамбль в центре этого города. Саша на всю жизнь запомнил подсказку дяди Володи, когда ещё второклассником, в присутствии художника, выполнял задание по рисованию. Тот сказал: «Что видишь, то и рисуй. Вот смотри, сперва эту линию перенеси на бумагу, а теперь эту». Он был добрый, скромный, очень симпатичный человек. Теперь дядя Володя сидел на другом берегу речки перед мольбертом и что-то рисовал. Саша не удивился, увидев его здесь. В их доме часто говорили о том, как украсила его работа этот город. И, конечно же, он всегда был здесь желанным гостем. Мальчик обрадовался ему, захотел перейти через красивый мостик, поздороваться,

посмотреть его работу. Но заметил, что к художнику приближаются нарядно одетые, с зонтиками от солнца в руках, две молодые женщины.

– А мы только что говорили – мольберта не хватит для такой красоты, и тут вы, – смеясь, еще издали, говорила одна из них, обращаясь к дяде Володе. Саша остановился. Всё в этих женщинах не понравилось ему – и то, что помешали подойти к его соседу, к тому же, фальшивый смех и громкий игривый голос одной из них. И то, что жена дяди Володи была подругой его матери, а эти две среди бела дня пристают к незнакомому мужчине. Они подошли к художнику, стали говорить с ним обычным голосом, и Саша с другой стороны перестал их слышать, только видел, как дядя Володя, улыбаясь, что-то отвечал им, но не отрывался от работы. Саша решил – сейчас лучше не мешать ему и двинулся вдоль речки дальше. Он шел в одних плавках, с гордостью неся на своем теле следы крымского загара, шел с удочкой в руке, надеясь найти место, где бы стала клевать рыба...

Пройдя немного, Саша увидел на другом берегу двух девочек, не спеша идущих по тропинке в лес. Сердце у Саши учащенно забилось: девочки были приблизительно его возраста, в модных купальниках, и загар у них был не местный – грязноватый, а морской с шоколадным оттенком. Саша почему-то был уверен, что девочки тоже, как и он, нездешние, городские. Ему захотелось догнать их, заговорить. Он уже представил, как подходит и, улыбаясь, обращается к ним: «Вижу, что и вы недавно были на море. Случайно не в Мисхоре? По-моему, мы из одного города – лица мне ваши знакомы». Потом заговорит, как здесь невыносимо скучно и какое счастье, что он их встретил...

Фантазия увлекала его все дальше и дальше... В его воображении сразу же зародились планы: «Он станет будить их по утрам, приходя с полевыми цветами, собранными по пути. У хозяев есть лодка, и они разрешили ей пользоваться. Саша повезет девочек в одну чудную заводь с лилиями, где они смогут украсить свои головки венками из цветов. Будет учить ловить рыбу: устроит соревнование – кто за определенный отрезок времени наловит больше. Сводит их на экскурсию к недавно выстроенному архитектурному ансамблю, расскажет об авторе, его соседе – дяде Володе. Вспомнит о путешествии Екатерины, которая заплывала вот в эту маленькую речушку. Саша начал тревожиться, что если предпочтет одну из девочек, то, как не обидет другую

и не разрушит атмосферу взаимной симпатии, которая возникнет к тому времени?

Саша уже стал возвращаться к мостику, чтоб перейти его и бегом догнать девочек...

И вдруг вспомнил, как это не раз бывало раньше, когда он переполненный радужными надеждами и планами подходил познакомиться, – ноги почему-то сами несли дальше, и он, не в силах с собой ничего поделаться, проходил мимо. К тому же, девочки уже исчезли в лесу. Саша остановился. И уже потом, позже, когда он уже вырос, ему часто вспоминался этот летний день, и казалось, что, если бы он переосилил себя, сделал, как собирался, всё в его жизни сложилось бы по-другому: не осталось бы столько интересных, достойных людей вне круга его знакомых, не осталось бы столько сокровенных, важных вещей, не сказанных близким, друзьям, не осталось бы произнесенными столько речей, тостов, не осталось бы несделанным такое огромное количество дел, которые позволили бы ему смотреть на свою прожитую жизнь с большим уважением. Саша пошел дальше и приблизился еще к одному широкому месту речки. Оба берега её здесь были пологие, истоптанные ковами, вечерами приходившими на водопой, изрезанные колесами возов, с которыми, не распрягая лошадей, подъезжали к речке конюхи, поили их и потом, сдавши немного назад и развернувшись, продолжали свой путь. Вот и теперь Саша увидел, как к речке стремительно приближается воз с парой запряженных лошадей. Кучер, вероятно, куда-то спеша, стоял на сидении в полный рост и одновременно с выкриками, как трясут одеяло, похлестывал поводьями по спинам лошадей. Это было излишне – они делали и так все возможное, чтоб поскорее напиться речной воды в этот жаркий день. Лошади, грудью рассекая воду и посылая вокруг себя фонтаны брызг, буквально влетели в речку. Затем стремительность их бега несколько замедлилась. И тут Саша увидел, что лошади, очевидно, не смогли остановиться, потому что воз подталкивал их, и они, испуганно поглядывая по сторонам, уже плывут к середине реки. Задняя же часть воза медленно уходит под воду. Лихач – кучер, видимо, не знавший этого места речки, решил исправить свой промах и стал подгонять лошадей к противоположному берегу. Но воз на дне реки оказался слишком тяжелым, чтоб лошади вплавь могли вытащить его. Они, видимо, прилагали максимум усилий, но не двигались с места. Увидев это, кучер стал дергать левое поводье, чтоб повернуть лошадей

к берегу, с которого только что съезжали. Лошади медленно стали описывать полуокружность к противоположному берегу. Вот, слава Богу, он. И тут Саша встревожился: он понял, что копыта животных не достают дна, потому что они, медленно совершая круг, проскочили этот берег.

Понял это и кучер, который растерянно и обреченно, как кролик идущий удаву в пасть, стал бормотать:

– Ой лишенько, що ж це діється? Ой, Боже ж мій! Голова мене вб'є за цих коней. Та я ще і плавати не вмюю. Ой рятуйте, люди добрі!

Так прошло достаточно много времени. Лошади, продолжая совершать эти безнадежные гибельные круги, стали выбиваться из сил. Наконец, Саша увидел полные дикого ужаса, огромные, как яблоки, выпученные глаза лошадей, увидел, как из их пастей пошла пена. Кучер, поняв, что через минуту-другую все будет кончено, заметался на сидении, как курица на берегу, когда утята, высиженные ею, вдруг поплыли по воде. Затем суетливо стал снимать рубашку, и Саша увидел его худое, не загоревшее тело, в засаленной майке, потом он снял штаны и остался в черных, до колен, измятых в гармошку, трусах. Он перекрестился и, зачем-то, сложив ладони рук возле подбородка, с поджатыми к ягодицам ногами, прыгнул в воду. После этого, неловко по-собачьи, подплыл к хомуту левой лошади, схватился за него правой рукой, а левой часто-часто стал грести под себя, стараясь хоть как-то помочь лошадям приблизиться к спасительному берегу.

Видя, что лошади уже совершенно выбились из сил, и этот круг мог стать для них последним, Саша быстро зашел по пояс в воду, и, когда кучер с лошадьми приблизился к его берегу, протянул ему удочку, уперся ногами в дно и стал тянуть её. Почувствовав, как что-то поддается, что-то сдвинулось, он увидел, что морды лошадей, готовые исчезнуть под водой, чуть всплыли, а затем они, судорожно ступая, шатаясь, стали выходить из воды. Саша увидел, когда они вывезли воз на берег, ноги у них подломились и, упав на колени, они еще долго, не то, что глубоко дышали, а Саше показалось, заглатывали воздух, которого им не хватало. Кучер сел на берегу, скрестив ноги, по-бабьи всхлипывая, размазывал слезы по лицу. Саша вышел из воды, посмотрел на этого плачущего мужичка, на этих доведенных до последней черты лошадей, и вдруг понял, какого ужаса он избежал! Он мог увидеть кошмар гибели этих живых существ... Слава Богу, этого не произошло. Он почувствовал

себя сильным, взрослым от сознания, что минуту назад помог предотвратить несчастье. Вот этой рукой спас животных и, наверное, человека!

Только раз казался себе таким значительным в собственных глазах, как сейчас. Два месяца назад, на школьной перемене, когда, случайно толкнув и тотчас извинившись, в ответ получил грубый сильный удар, он не стерпел, ответил тоже. Началась драка, на глазах у толпы бегающих, шумящих ребят, с второгодником и хулиганом, которого многие побаивались в его классе. Он – «профессор», «философ», как его называли, худенький, хотя и хорошего для его возраста роста мальчик, став в боксерскую стойку, которую видел в фильмах, и на каждое движение к нему противника, встречал его, выбрасывая вперед левую руку. После этого сразу уходил, стараясь сохранить дистанцию. Он не посещал никаких секций – дворовые стычки научили всему. Его противник был взбешен: какой-то маменькин сынок, замухрышка, не убрался с дороги, не поджал хвост, а смеет ему перечить! Он, как коршун, налетел на «выскочку», но кулаки его беспомощно свистели в воздухе, а в один из таких наскоков наткнулся на встречный, сильный удар правой. Из носа потекла кровь, из глаз слезы, и, заревев, как раненое животное, вытирая кровь, второгодник стал пробиваться сквозь толчею затаивших дыхание ребят. Это был праздник многих обиженных и оскорбленных школьников. Это была и их победа. Победа сметливости, расчета над грубой силой. И Саша тогда был доволен собой...

Такое же чувство он испытывал теперь. Но к нему примешивалась какая-то усталость, выпотрошенность, какие бывают после пережитого стресса. Саша задумчиво смотрел на реку. Очнулся от голоса подошедшего паренька, на вид чуть старше его.

– Добрый день, – сказал тот.

– Добрый день, – ответил Саша.

– А кучер тебе и спасибо не сказал, – проговорил он, както непонятно улыбаясь.

– Да что уж там, – ответил Саша.

– А ты... герой, – подчеркнул он последнее слово.

– Ну, причем тут герой, надо было помочь, вот я и помог.

– Нет, ты герой, – продолжал улыбаться и, всматриваясь в глаза Саше, подходил паренёк всё ближе.

– Вот этой удочкой спас... Кстати, леска какого диаметра? – спросил он, беря леску.

– Двадцатка.

– Не может быть, – вдруг изумился он и далее убежденно заключил, – килограммовую не выдержит.

– Выдержит.

– Да что ты говоришь? – он взял леску второй рукой, натянул её... и разорвал, глядя в глаза Саши, и не переставая улыбаться.

Саша, глядя на его лицо, в его голубые, как чистое небо глаза, был уверен, что тот шутит.

– А удочка сколько стоит? – спросил он, разглядывая удочку.

– Три рубля.

– Да нет, дешевле, – с сильным сомнением проговорил он. – На три рубля должна быть крепкая; – С этими словами он взялся обеими руками за кончик удочки и резким движением поломал его.

– Вот видишь – примирительным тоном говорил он, продолжая улыбаться, а глаза выжидающе и напряженно смотрели на Сашу. Тот почувствовал, как кровь прилила к его лицу. «Да это же просто подонок,» – наконец, понял он. Сперва наметил удар левой ногой в пах. «Да нет, это уже слишком. Просто правой рукой в челюсть, он достанет... Не рад будет, что со мной связался!!!»

Потом представил себе, как они сцепятся, начнут клубком кататься здесь на песке, в метре от воды... Кто-то кого-то еще притопит... Он, видно, из местных, наглое, самоуверенное хулиганье. Тут рядышком, очевидно, его дружки. Вяжись в драку, дойдет до тети Вари, его хозяйки... Придется уехать, прервать отдых. К тому же, дома – никого, средств никаких. От бессилия, презрения к себе он чувствовал, что на глазах вот-вот выступят слезы, а на лице появилась жалкая, глупая улыбка.

– Эх, ты, «герой!» – проговорил парень, уже не улыбаясь и, сплюнув в сторону, пошел прочь.

Саша смотрел, как в развалку, медленно, уходил парень, и вдруг понял – тот ему просто позавидовал, что не он вытащил из воды гибнущих лошадей, не он почувствовал справедливую гордость за свой поступок. Сам сообразить, помочь не сумел... А вытереть об него, как о тряпку, ноги – тут он на высоте: «Вот, мол, получай, по сравнению со мной ты все равно ничто». Саша представил его рассказ своим дружкам – как он «умокнул» городского сморкача, «спасителя», «героя». И вдруг с удивлением почувствовал – вместо злости и обиды он испытывает жалость к парню: не может он спокойно пережить чужой успех, а удовлетворен лишь тогда, когда унизит другого.

«Бедный ты, бедный, – подумал Саша, с гордостью, глядя на лошадей, которые поднялись, наконец, с колен и после осторожного, негромкого «Но…» кучера, медленно потащили воз прочь.

Арбуз

Всю дорогу из военкомата Дмитрий Васильевич ругал себя последними словами. Несколько дней назад он выпитался из госпиталя. На прощание врач предупредил его, чтоб берег себя от волнений – в противном случае обещал скорую с ним встречу.

А надоело лежать в госпитале до невозможности. И даже не это главное. Скучал он, очень скучал по своему внуку, Кирюше. Тот, конечно, приходил к нему и довольно часто, но это совсем не то. Дмитрий Васильевич привык жить жизнью мальчика: ежедневными его школьными новостями, открытиями, наблюдениями, поступками. И всего этого ему в госпитале очень не хватало.

Он шел в военкомат, как все последние годы, с хорошим настроением. Наступил такой период в жизни, когда о нем вспоминали или в связи с наградой, или разыскивал его кто-то из однополчан. Вот и на этот раз ему вручили медаль за участие в одной успешной операции – и вот только теперь медаль эта появилась у него на груди.

Майор Крылов поблагодарил за службу, пожелал крепкого здоровья, долгих лет жизни.

Выходя от военкома в коридор, Дмитрий Васильевич увидел сидящего на стуле под стеной человека. Он его сразу узнал и мгновенно остановился, как будто наткнулся на невидимую преграду. И сразу же тревожно заколотилось сердце, после чего надо было бы ему уйти без оглядки. Но он продолжал стоять, и как-то сразу стало не хватать воздуха... Он понимал, что пройти мимо, не заметить – для него самое благо разумное. Но что-то его понесло... и остановиться он не мог. Даже видя, что перед ним раздавленный инсультом человек с перекошенным ртом, трясущейся правой рукой и, понимая, что ведь глупо же сейчас говорить, что он передумал о нем за все эти годы, – Дмитрий Васильевич не мог остановиться.

Тот сидел, делая вид, что не к нему это обращаются, тупо уставившись перед собой, и только по лицу, наливавшемуся кровью, да еще по все более трясущейся руке, было видно, что тому сейчас тоже не сладко. И когда дышать было уже совсем нечем, а сердце било молотом по грудной клетке, и Дмитрий Васильевич чувствовал, что ноги вот-вот подкосятся, он шагнул за порог военкомата, оказавшись на свежем воздухе.

Он уже и не надеялся, что пронесет, даже представил себе грустное лицо врача в госпитале, его покачивание головой:

«Я ведь вас предупреждал». На всякий случай глотнул таблетку нитроглицерина, сел на оказавшийся кстати стул у двери военкомата. Закрыв глаза. Так прошло несколько минут. И он понял, что пронесет.

С Холоповым, из-за которого это произошло, Дмитрий Васильевич был знаком до войны. Его, Митьку, простого сельского парня, передовика труда, который для всех был примером, – чуть не сделали врагом народа, и больше всех усердствовал Холопов. Правда, было за что зацепиться. Отца, труженика, середняка, хорошего хозяина, раскулачили, выселили из деревни в известном направлении. Остался Митька у своей тетки. Отец так решил (мать у него умерла, когда Митька был совсем маленький), так лучше с родной теткой побудет, пока он вернется в деревню. Закончил Митька школу. В колхозе трудился, да как трудился! Если бы и была какая вина у отца, то перекрыло бы ее все добро, которое сделал его сын для колхоза, Но из всех поступков, благодаря стараниям Холопова, делались совершенно невероятные выводы: лучший труженик колхоза – «попытка притупить бдительность», победитель в трудовом соревновании – «стремление скрыть свою кулацкую сущность». Было от чего ожесточиться, потерять веру в себя, в справедливость. Но тогда же Дмитрий Васильевич понял, что такие, как Холопов, – настоящие враги народа.

Через минут пятнадцать Дмитрий Васильевич почувствовал себя немного лучше. Он встал, вышел из двора военкомата и очень медленно пошел по улице, усыпанной осенними листьями. Он решил пройтись до остановки троллейбуса, подышать воздухом, насыщенным запахом тлеющих листьев, погреться в нежарких лучах ласкового осеннего солнца. Но ругая себя за бессмысленный взрыв в военкомате, он не получал удовольствия от прогулки.

За два квартала до остановки троллейбуса Дмитрий Васильевич увидел очередь. Она тянулась от контейнеров с арбузами. Он вспомнил, что врачи советовали есть их его внуку, его Кирюше. Вспомнил, как мальчик любит их, и, вынув из нагрудного кармана инвалидскую книжечку, подошел к продавщице.

– Опять инвалид, – услышал он хриплый голос из очереди, – гражданин, только через пятого человека. А то одни инвалиды берут.

Дмитрий Васильевич посмотрел на того, кто кричал. Это был мужчина в форме проводника с мешком за спиной.

Лицо было злое, глаза ненавидяще смотрели на него, как будто бы он, Дмитрий Васильевич, сделал что-то нехорошее.

– Как вам не стыдно, товарищ, – обратилась к железнодорожнику со вкусом одетая женщина лет пятидесяти.

– А что вы меня стыдите? – взвился железнодорожник с мешком, – Я честно всю очередь простоял, а он перед моим носом лучшее заберет. Только через пятого человека.

Дмитрий Васильевич отсчитал пятого человека, когда услышал женский визгливый крик:

– А почему это через пятого? Он как раз передо мною станет. Я всю очередь честно выстояла, а тут – он явился. Нет, пускай становится, как все мы. Это не хлеб, не молоко. Если стоять не может, и без арбуза обойдется. Не умрет.

Кричавшая женщина была крупная, с мясистым лицом, с могучими ногами. С этими словами она обращалась к очереди, как бы каждого старалась спросить: «Правильно я говорю, что ж вы молчите тогда? Говорите и вы».

– Прекратите шуметь. Базар здесь устроили, – призвала к порядку женщину с визгливым голосом продавщица. – Еще не все контейнеры открыты. Всем хватит. Своим криком только деньги считать мешааете.

– Товарищ продавец, – снова взвился железнодорожник с мешком. – Женщина порядок хочет навести, чтоб все по справедливости, честно, а вы ей рот затыкаете.

Дмитрий Васильевич понимал, что после случившегося в военкомате, надо было скорее оказаться дома, полежать немного, отойти. Но с другой стороны, очередь была действительно небольшая – минут на 20, да и подышать свежим воздухом – может, к лучшему. Только вот как ноги... Он давно не стоял в очередях.

Дмитрий Васильевич не спеша подошел к концу очереди, последнему человеку и спросил: «Вы крайний?»

– Совести у вас нет, – произнес, немного заикаясь, молодой человек в очках, который стоял в середине очереди, обращаясь к могучей женщине и железнодорожнику. – Товарищ-инвалид, идите станьте впереди меня.

Вы посмотрите на него! – загалдел кто-то, стоящий за молодым человеком. – Сам не стоял, только что откуда-то явился и инвалида впереди себя хочет пристроить.

– Я ребенка отвел домой, ему спать пора, а занял за этой женщиной, она может подтвердить.

– Спасибо, не надо, я постою, – сказал Дмитрий Васильевич.

– Ну, уж, я никуда не уходила, – заговорила опрятно одетая женщина. – Товарищ инвалид, станьте впереди меня, уж мне не долго осталось.

– Чего вы хлопочете? – загудела могучая женщина. – Товарищ уже занял очередь. Совесть ему не позволяет против людей идти. А вы его на дурное подбиваете.

Ноги начали болеть уже через несколько минут. Да и как им не болеть – простреленные ноги. Они напоминали о себе постоянно. Как он радовался, когда вышел из госпиталя, а вскоре без костылей прошелся по селу. Один из всех ушедших на фронт мужиков только и мог прогуляться по селу. Один он вернулся в родное село. Вернулся, а тут уже молодая поросль. Пацанами его провожали на фронт, а хлопцами (вот-вот в армию уйдут) встретили.

По вечерам танцы под баян. Решил он как-то сходить на танцы. Дивчину хорошую заметил. Стал весь вечер ее одну приглашать. Уж ноги так болят, что уйти впору. Да не может от нее оторваться. От глаз ее, от тихого голоса, от запаха девичьего, которого за четыре года и знать не знал. Не до этого было. Слова сами бегут. Откуда и берутся, не поймет. Видно за эти годы накопились в душе, закрытой на замок ненавистью, постоянным солдатским трудом, мечтою, что вот придет такой день, когда открыть сердце можно будет. И вот пришел он, этот счастливый день. Оксана робко на него поглядывает, снизу вверх. Улыбается. Верно, и ей хорошо. Танец кончился. Разошлись. Видит, она в его сторону, нет-нет да и глянет. К ней подходит на другой танец приглашать, а она вся так и засветится. Дмитрий ей такое говорит... и подумать не мог, что какой-нибудь дивчине в первый же вечер подобное скажет. Что мечтал об этой встрече, что встретил, наконец, свое счастье. Она его не перемывает, только зардеется, голову чуть ниже опустит. И такая благодарность, нежность к этому дорогому ему человеку в душе поднимается. Он слово свое всегда держал, за друга на фронте жизни своей не жалел, а пришло время любить, по сердцу она ему, так до конца... Что он такое ей говорил, другую оттолкнуть, испугать могло. А она ему поверила, сердцем почуяла, что он за человек.

Проводив Оксану к дому, он возвращался к себе, сильно прихрамывая, а ему казалось, что летит на крыльях.

– Эй, ты, – услышал он вдруг ломающийся голос. Он обернулся и увидел, что прямо к нему выходят из-за длинного колхозного амбара, что стоял на краю села, человек десять хлопцев, лет по 16–17. Многие из них курили.

Приближаясь, они снимали ремни с пряжками. Самый высокий, белоголовый, видно он был в этой компании – главный, показывал рукой, обходите, мол. Вскоре кольцо сомкнулось. Белоголовый, с самокруткой в зубах, подошел к нему почти вплотную.

– Еще раз к Оксане подойдешь, – заговорил он, – я тебе ребра переломаяю. Кончилась ваша власть, теперь наше время пришло, а чтоб в хате сидел и на улице носа не показывал, мы тебя наперед проучим.

– Гады, – закричал Дмитрий, как кричал, идя в атаку, и первым же ударом сбил с ног белобрысого. Дикая, привычная ненависть застилала ему глаза, и он бил, бил всех, кто пытался приблизиться к нему. Уже человек пять валялись на земле. Некоторые из них расплзлись на четвереньках, другие корчились от боли, слышны были стоны, крики, ругательства.

– Фронтовика голыми руками не возьмешь, – кричал он и крушил все, что попадалось ему под руки. Наконец, одному из ватаги удалось вцепиться в ногу Дмитрию. К нему присоединился другой. Его завалили на землю и начали бить пряжками ремней, пинать ногами. Больше всего было, когда удары приходились по ногам. Это были удары, словно по душе. «Ах вы, сволочи!» – лихорадочно проносилось у него в голове. – «Что ж вы делаете? Этими ногами я оттопал весь фронт. С моими однополчанами, со всем народом, вас от неволи, от гибели спас. А вы по покалеченным ногам бьете! Куражитесь, потому что никого из моих дружков здесь нет. Некому меня было сзади прикрыть».

Отлежавшись несколько дней в своей хате, Дмитрий навсегда уехал из своего села, увезя с собой и Оксану, с которой счастливо прожил всю последующую жизнь.

Очередь двигалась медленно, стоять Дмитрий Васильевич уже больше не мог и только повернулся уходить, как к нему подошел «очкарик».

– Товарищ инвалид, вот только что подошла моя очередь, и я купил, наконец, два арбуза. Возьмите себе вот этот, – сказал он, немного заикаясь, и вложил его в руки Дмитрия Васильевича.

– Спасибо, молодой человек, сколько с меня? – спросил тот, прижав арбуз к себе одной рукой, а другую просовывая в карман за деньгами.

– Простите, боюсь малыш без меня проснется, надо бежать, – не отвечая на вопрос, почти не заикаясь, прокричал «очкарик», удаляясь все дальше и дальше.

Старый диван

*Из сказок, рассказанных
моей маленькой Анечке*

– Что вы так ко мне прижимаетесь? Вы совершенно меня закрываете, – возмущался новый, только что повешенный на стенку импортный ковер, обращаясь к старому дивану, – хоть постыдились бы в таком виде показываться людям: облупившийся, с торчащими пружинами (что небезопасно для хозяев и их гостей), и потом эти дыры – ветер в вас гуляет, что легкомысленно для вашего почтенного возраста. Повторяю, не могли бы вы отодвинуться и полностью открыть меня для обозрения?

– Меня здесь поставили, – как бы извиняясь начал диван. Он понимал справедливость этих упреков, но ему все равно грустно было их слушать. В это время в комнату вошел хозяин дома с соседями. Они то приближались к ковра, то отходили от него, временами чуть щуря глаза, чтобы лучше рассмотреть его.

– Какой красавец! – наконец, восхищенно произнес сосед. Ковер от удовольствия заиграл всеми своими красками и от этого стал еще краше. Не удивительно, когда нас хвалят, мы можем стать еще лучше.

– Только извините, зачем здесь стоит этот старый диван, – он прикрывает часть ковра, да и такое соседство подчеркивает все его безобразияе.

– Ты слышишь, старая рухлядь? – зашептал ковер дивану в момент наивысшего своего торжества, – они повторяют мои слова. Скоро тебя вышвырнут отсюда на свалку.

Диван понимал, что так оно и должно случиться. И в эту горькую минуту он вспомнил, как впервые появился в этом доме. Тогда он был совсем еще новенький, только привезенный из магазина, со свежими запахами кожи и дерева. Он сиял своей новизной, был удобен и вежлив (не скрипел, когда на него садились), был заботлив и нежен. Часто, если кто-нибудь из хозяев приседал отдохнуть, ощутив мягкость и теплоту его кожи, поднимался через несколько минут посвежевшим и бодрым. Он отдавал им каждый раз частицу своей силы. Не удивительно, что теперь он превратился в развалину, но больше всех в доме он любил маленькую девочку. Как можно забыть, когда она перед сном прижималась к нему и шептала: «Милый мой диванчик, как я соскучилась по тебе». Он отдавал ей все тепло, на которое был способен. Потом

девочка стала девушкой, и новые заботы появились у дивана. Как стать мягче пуха, чтобы разгоряченная голова ее быстрее успокоилась, что сделать, чтобы слезы, которые она иногда перед сном на него роняла, были бы для нее не так горьки. А тайны, которые она емуверяла, он сохранил до сих пор. Потом девушка превратилась в женщину, стала матерью хозяина этого дома, который сейчас показывает своим соседям великолепный импортный ковер. Она теперь бабушка. Очень тихо и медленно ходит по комнатам, бывает иногда, проходя через комнату, бросит взгляд на старый диван, вздохнет и пойдет дальше. Эти вздохи всегда мучили старый диван, ему казалось, что его упрекают, что он не все сделал для того, чтобы его маленькая девочка не так быстро превратилась в бабушку. Вот и сейчас, проходя мимо дивана, бабушка готова была вздохнуть. Но вдруг услышала, как невестка громко, как на базаре, говорила соседке, что завтра же этот старый диван вынесут из квартиры. Бабушка остановилась. Сын заметил свою мать, увидел ее лицо и сказал:

– Мы пригласим мастера, он перетянет наш диван, заменит старый верх, и будет он таким же, каким появился здесь много лет назад.

Бабушка пожелала всем спокойной ночи и, не вздыхая, прошла мимо дивана в соседнюю комнату.

VII. ТЕАТРАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

«Серенада» Патти

Тенор взял последнюю ноту арии, после чего зал взорвался аплодисментами. Артист раскланялся и ушел со сцены. Объявили антракт.

Андрей Кривцов не первый раз слушал этого певца, и он ему нравился. Нельзя сказать, что у тенора был очень красивый тембр, но хорошая школа, высокая музыкальная культура, широкий диапазон и сила голоса – все производило прекрасное впечатление.

А в этот вечер Кривцов пришел на концерт не один, а с Настенькой, «чистой», молодой девушкой, с которой встречался не так давно, и ему хотелось, чтобы певец ей понравился тоже. Настя никогда в филармонии не бывала, и, с первой же минуты, скованность не покидала ее. Как очень совестливый человек, она ощущала неловкость из-за того, что не одета так нарядно, как все присутствующие, что как ни заставляет себя, не может почувствовать не то что восторгов, но даже удовольствия от пения артиста. А шквал аплодисментов и крики «Браво!» просто ошеломили ее. Она почувствовала себя здесь случайным, ненужным человеком. И даже покраснела из-за своих громких аплодисментов – не дай Бог подумали б, она ничего не понимает. К тому же ее смущал спутник. Он был старше на семь лет, в глазах молоденькой девушки – дистанция огромного размера. Много знал, много говорил о непонятных, незнакомых ей вещах; она же только согласна кивала головой – знаю, мол, понимаю. И чувствовала себя, как на экзамене, к которому совершенно не готовилась. Каждая встреча казалась ей последней. Он, наконец, разберется, что она ему не пара. Но телефонные звонки раздавались снова и снова. Вскоре она стала замечать, что начинает нервничать, если очередной звонок вдруг задерживался. Кривцов не был красавцем, но из-за того, что относился к ней, как никто раньше, бережно, деликатно вводил ее в свой не всегда понятный, но интересный и пугающий мир искусства – возможно, поэтому становился ей ближе и ближе.

В антракте Кривцов и Настенька потянулись за всеми в фойе. Вдруг Андрей увидел, что прямо к нему приближается хороший знакомый, коллега – актер Борис Иванович Шуйский. Симпатичный подвижный старичок преклонных лет, от которого всегда шел приятный аромат одеколона. Поговаривают, он до сих пор еще назначает свидания дамам.

– Приветствую вас, Андрей Михайлович, – сказал Шуйский, подходя к Кривцову. – Я так и думал, что встречу вас здесь.

– Добрый вечер, Борис Иванович, – ответил ему Андрей.
– И я не сомневался, что встречу вас на концерте. Познакомьтесь, – это Настенька, – представил Кривцов свою юную спутницу.

– Очень приятно. Борис Иванович, – назвал себя Шуйский, взял руку девушки и поцеловал ее.

Настенька покраснела, как будто при ней сказали что-то неприличное. Борис Иванович улыбнулся.

– Где вы нашли такое сокровище? – спросил он.

– Ну, вот вам все и расскажи, – радостно смеясь, проговорил Кривцов.

– Нет, уж лучше скажите, как вам понравился сегодняшний тенор. Правда хорош?

– Видите ли, меня трудно удивить. Мой брат был инспектором Императорских театров, и я имел возможность слышать многих отечественных и зарубежных гастролеров – Шаляпина, Нежданову, Каррузо, даже Аделину Патти.

– Аделину Патти? – изумленно переспросил Андрей. «Сколько же тогда ему лет?» – подумал он и лихорадочно стал подсчитывать: Патти закончила петь в самом начале века... сейчас семидесятый год, ничего не понимаю.

Заметив растерянность на лице Кривцова, Шуйский, улыбаясь, сказал:

– Мне было 11 лет, когда я слушал Патти в «Норме» Доницетти. Брат меня с собой взял.

– Борис Иванович, – оживленно заговорил Андрей, – я хотел бы познакомиться вас с одним человеком, обладающим богатейшей коллекцией пластинок (более 4000) и настоящим английским граммофоном. Думаю, Сергею Николаевичу было бы интересно увидеть свидетеля выступлений Патти, Каррузо, Шаляпина, а вам – услышать этих певцов.

– С удовольствием, – ответил Борис Иванович.

– Завтра я зайду к нему, – продолжал Андрей, – договорюсь, когда он сможет принять нас. Я думаю, через день мы подойдем к нему.

– Да, да, конечно, но при одном условии.

– Какое? – с тревогой спросил Кривцов.

– Если не будет дождя, – важно ответил Борис Иванович.

– Почему?

– Мы же наследим.

На следующий день Кривцов зашел к Сергею Ивановичу. В те годы еще не было мультфильма «Карлсон, который живет на крыше», но, когда он появился, Кривцова не покидало ощущение, что Карлсона срисовали с Сергея Николаевича.

Та же фигура, то же лицо, правда, у Сергея Николаевича был башенный череп (голова в виде вертикально поставленного огурца), который он всегда прятал под черным беретом, и, казалось, тот просто вздулся, хотя скрывал чуть меньше половины головы.

Глаза смотрели в разные стороны, и, когда он обращался к Кривцову, тот боялся попасть впросак: не был уверен, к нему ли обращаются или к соседу. Низкий добрый голос, сочетание важности и детской непосредственности, своеобразное обаяние – все это, как казалось Кривцову, придавало Сергею Николаевичу больше сказочности, чем ее было у героя мультфильма. Да и в общем Карлссон был лишь копией Сергея Николаевича, не хватало только пропеллера.

Каждое воскресенье, в восемь часов вечера, на квартире у Сергея Николаевича собирались любители музыки. Как правило, их было 10–12 человек. Они усаживались посередине комнаты за большим овальным столом, на котором лежал толстый каталог с надписью: «Академическая фонотека им. Ф. Шаляпина». Вдоль стен стояли шкафы, этажерки, висели книжные полки – все это было заполнено пластинками. На тумбочке возвышался английский граммофон – ящик, напоминавший довоенные радиоприемники. Каждый из гостей находил в каталоге интересующую его пластинку, и в свою очередь, по кругу говорил, что бы ему хотелось послушать. Приняв заказ, Сергей Николаевич начинал разыскивать пластинку в своей огромной коллекции и, как правило, что-нибудь рассказывал.

– Моя мать, – вспоминал он, – была оперной певицей с очень хорошим голосом. Как-то, будучи беременна мною, на шестом месяце, она спешила в карете по своим делам. Вдруг обломалась рессора, карета упала. Очевидно, от ушиба или от испуга начались преждевременные роды. В больнице меня тянули щипцами, передавили какой-то нерв, в итоге: я слышу как поет Шаляпин, Каррузо, – сам же не могу спеть и Чижик-пыжик, а голос, вы слышите, у меня есть... Итак, ария Отелло из одноименной оперы Джузеппе Верди в исполнении знаменитого Таманьо. Кстати, у него тоже был далеко не безупречный слух. И великий маэстро, автор оперы, два года сам готовил с певцом эту партию. Но то, что получилось, превзошло все ожидания.

Андрей, зайдя к Сергею Николаевичу, объяснил причину своего прихода, и в заключение, спросил, не будет ли тот возражать, если завтра он придет к нему с Настенькой и со

своим коллегой – актером Борисом Ивановичем Шуйским, которому посчастливилось слушать саму Патти.

Сергей Николаевич насторожился, и как-то недоверчиво посмотрел на Кривцова. Впрочем, сказал:

– Конечно, конечно, приходите.

Через несколько дней после визита к Сергею Николаевичу Кривцов с Настенькой встретили на проходной театра Бориса Ивановича. «Дождя не было» и тот, разумеется, пришел. Всю дорогу Кривцов спрашивал старика: занимался ли он спортом, придерживался ли диеты, много ли ходил пешком... И на каждый вопрос Борис Иванович, загадочно улыбаясь, отвечал:

– Нет.

Наконец, они подошли к дому, где жил коллекционер, поднялись на третий этаж, и Андрей позвонил. Послышались шаркающие шаги. Затем дверь отворилась:

– Здравствуйте, Сергей Николаевич, – сказал Кривцов с некоторым удивлением, так как хозяин дома стоял, не приглашая зайти, и не уступая им дорогу.

– А это моя Настенька и Борис Иванович, – выдавил из себя Кривцов и умолк, потому что хозяин буквально впился глазами в гостя. Потом на его лице появилось смущение, даже следы какой-то мучительной борьбы с собой. Наконец, он не выдержал, и, как бы извиняясь, спросил:

– Не могли бы вы, Борис Иванович... показать ваш па-спорт.

Тот, как будто, только и ждал этого. Мгновенно достал из внутреннего кармана пиджака документ и протянул хозяину. Сергей Николаевич раскрыл его, поднес к своим косым глазам, и стал как-то сбоку внимательно рассматривать. Потом, с облегчением улыбнувшись, отступил в сторону и сказал:

– Проходите, пожалуйста, я давно вас жду.

Они пересекли темную прихожую и очутились в гостиной, где Борис Иванович, как почетный гость был усажен в старинное вольтеровское кресло. Он откинул голову на спинку, положил руки на подлокотники и приготовился слушать.

– Я хочу, чтобы перед тем как насладиться пением Патти, – начал Сергей Николаевич, разыскивая пластинки, – вы еще послушали «Короля баритонов» – Маттиа Баттистини. Это был ярчайший представитель бельканто, обладавший очень легким голосоведением и безупречной кантиленой. Ежедневные вокальные упражнения и строжайший запрет на все, что могло повредить голосу, позволили ему петь до глубокой старости, сохраняя свежесть тембра.

Кривцов вспомнил о разговоре Шаляпина с одним из его друзей, когда тот слушал великого певца, в Париже, уже в конце карьеры.

– Ну, как? – спрашивал после спектакля Федор Иванович у своего друга, а выражение глаз было, как у бездомной собаки, просящее и жалкое.

– Все хорошо, Федя, все хорошо. Как в добрые старые времена! – успокаивал он певца, хотя было очевидно, что Федор Иванович уже не тот. И неудивительно – частое пение перед друзьями от щедрой русской души «всю ночь напролет»; водка, курение, пение на морозе – все это не могло не сказаться на голосе.

Сергей Николаевич, найдя нужную пластинку и уложив ее на диск граммофона, торжественно произнес:

– А теперь, Маттиа Баттистини, ария Ренато из оперы Верди «Бал-маскарад», – и опустил головку мембраны с иглой на пластинку. Сперва послышалось шипение, потом музыка, почему-то всегда ускоренная на грампластинках, зазвучала, и наконец, послышался голос Баттистини.

Сергей Николаевич замер, готовясь еще раз пережить удовольствие от пения певца и от впечатления гостей. Вот, наконец, прозвучала последняя нота арии... Сергей Николаевич, победно поглядывает на Бориса Ивановича, словно говоря: «Вот ведь как пели когда-то...» Тот значительно кивает головой... «Да, теперь такого не услышишь...»

Сергей Николаевич с еще большей торжественностью ставит другую пластинку. На лице у него нескрываемая радость, словно он говорит: «Ах, что вас ждет...»

– Серенада Тости в исполнении несравненной Аделины Патти. Прослушав эту запись, можно понять, почему по ней сходили с ума, слагали о ней песни, как-то известная «Ах, Патти, Патти», бросали к ее ногам целые состояния.

Борис Иванович поудобнее устроился в своем кресле, приготовившись слушать... И вот, полилась музыка Тости и голос Патти.

Настена, сидевшая рядом с Андреем в чужом доме, в незнакомой обстановке, чувствовала себя сперва не совсем уверенно. Этот страшненький хозяин, сыпавший неизвестными ей фамилиями, и, почему-то особенно строго поглядывающий на нее. Борис Иванович, ставший вдруг каким-то очень важным, будто и не знавший ее, будто не рассыпавшийся перед ней в любезностях.

Но вот, полилась музыка второй пластинки, зазвучал голос... показавшийся ей знакомым. Он, как будто доносился

из ее детства. Так залиристо-ласково звучал голос ее матери, когда она подбрасывала ее над собой и прижимала к своей груди. Потом ей показалось, что Патти поет лишь для нее... Патти будто признавалась ей, что счастье переполняло ее от ответной любви к ней любимого ею человека. Как-будто убеждала, что подобное могут чувствовать и другие, и она, Настенька, тоже... Именно теперь девушка почувствовала себя свободной, раскованной, краски жизни заиграли для нее во всей своей яркости и полноте. Душа ее стала отзывчивее и добрее. Она теперь могла радоваться успехам других, искренне сочувствовать чужому горю, стремиться помочь попавшим в беду, простить оступившихся, понять неправых.

На лице Сергея Николаевича появилось выражение не только блаженства, но и какого-то недоумения: «Ну как же это возможно такое..?» Серенада заканчивалась, и, казалось, слезы благодарности появятся на глазах хозяина дома. Благодарность женщине, которой уже больше полувека нет среди живых, а она продолжает сводить с ума людей своим искусством.

Вдруг Кривцов заметил, что взгляд Сергея Николаевича остановился на Борисе Ивановиче – крайнее изумление появилось на лице хозяина дома... Кривцову даже показалось, что тот хочет отвернуться и посмотреть еще раз, потому что увиденное им – это невозможно, это какой-то странный мирраж, ему просто померещилось. Андрей тоже посмотрел на Бориса Ивановича... Голова старика, удобно упиравшаяся в спинку вольтеровского кресла, склонилась набок. Вдох его через нос был длинный, затрудненный, с тихим похрапыванием, даже с маленькими руладами, затем щеки его надувались, и следовал короткий, как выстрел, выдох. При этом губы выпячивались вперед... Борис Иванович спал.

Сергей Николаевич перевел взгляд на Кривцова и Настю, затем, тяжело встав и кивнув им головой, мол, следуйте за мной, медленно пошел на балкон. Здесь, под стеной, стояла небольшая скамья со спинкой, на которую они сели.

– Что поделаешь, старый человек, – со вздохом сочувствия объяснил Сергей Николаевич случившееся. Потом что-то вспомнил, лицо его просветлело, и он спросил у Кривцова:

– Что-нибудь слышно из Ленинграда?

Не так давно, находясь на гастролях в Ленинграде, Андрей Кривцов, выполняя поручение Сергея Николаевича, предложил заведующей букинистического магазина старинные открытки знаменитых оперных певцов того времени – Собинова, Неждановой, Смирнова и других. Та ответила, что вряд

ли найдутся покупатели, которые могли бы заинтересоваться этим старьем.

– Так и сказала? – изумленно спросил Сергей Николаевич, когда Кривцов рассказывал о своей поездке.

– Так и сказала, – ответил он, стараясь не смотреть на хозяина дома, – но добавила, чтобы на всякий случай я оставил свой адрес. Если кто-нибудь заинтересуется, она даст знать.

– Наверное, так и должно быть, – задумчиво произнес Сергей Николаевич, – если даже родные дети не разделяют твоих увлечений, то что говорить о последующих поколениях!

После этого добрая улыбка появилась у него на лице, и он сказал:

– А, все-таки, мне их жаль, когда подумаешь, какой радости они лишены.

Затем лицо помрачнело, и он вполголоса продолжал:

– Вы знаете, больше всего на свете я ненавижу... эту власть, – последние слова он прошептал. Лицо его сделалось непривычно злым, и он пальцем несколько раз ткнул в здание райкома по другую сторону улицы, в метрах ста от них. – Они отобрали дом моего отца, оставив для нас небольшую квартиру, в которой мы сейчас находимся, отняли возможность мне, моим детям и внукам нормально жить. Со своей семьей я еле сводил концы с концами, получая свою бухгалтерскую зарплату, и умудрился собрать эту коллекцию. Они лишили меня возможности слушать живые голоса в Ла Скала, увидеть чудо Европы... забрали все... Но несчастным им сделать меня не удалось. Я жил, наслаждаясь искусством лучших певцов в мире, и радовался, что это же наслаждение испытывали другие, приходя ко мне.

Послесловие

Через несколько лет после этого Сергей Николаевич перенес инфаркт, и врачи запретили ему прослушивать пластинки. А когда несколько позже Кривцов встретился с его дочерью, то узнал, что тот отказался продавать свою коллекцию государственному музею, зная, что там ее растаскают и погубят, поэтому подарил одному молодому увлеченному музыкой порядочному человеку.

– А где тот знаменитый английский граммафон? – поинтересовался Кривцов.

– Он у нас, – ответила она. – Но, к сожалению, неисправен. Кто ни брался, не может починить.

– Может, в антикварных магазинах подскажут, где найти мастера? – сказал он, – Постараюсь узнать.

Но жизнь закружила его, и ничего он не узнал, ничего не сделал.

Спустя год после знакомства, Андрей и Настенька поженились. Время от времени они ходили в оперу, иногда посещали филармонию. Волшебный мир музыки, «открытый» Настеньке Аделиной Патти, нравился ей все больше и больше.

Кривцову казалось, что Борис Иванович, сладко спавший под аккомпанемент серенады Тости в исполнении Патти, будет жить вечно. Но, как-то по театру разнесся слух, что он заболел воспалением легких, а потом – что он умер.

Хоронили его стыдливо, будто бы присутствовали на каком-то необязательном собрании. Перед театром стоял совершенно пустой автобус с телом покойного. А рядом, возле служебного входа, отнюдь не траурная толпа. Кто-то громко рассказывал, как оставил без четырех «на мизере» партнера во вчерашнем преферансе. Кто-то вспоминал, как Борис Иванович, оступившись, смешно упал с низкого станка на сцене. Собравшиеся напоминали учеников, которые шалили на уроках не очень строгого учителя. И, только несколько аккуратно одетых старушек изумленно переглядывались между собой: ведь это хоронили Бореньку, их чудного Бориса Ивановича. Кривцов с Настенкой зашли в пустой автобус. В гробу, у ног покойного лежало лишь несколько простеньких букетов, к которым они присоединили и свои цветы. Лицо Бориса Ивановича стало маленьким, как у ребенка, а уголки рта опущены вниз. Кривцову показалось, что лицо покойного было недовольным, обиженным, и он подумал: «Если душа его сейчас витает возле одинокого гроба, то, наверное, лицо как раз и выразило ее состояние».

«На караул!»

Александр Иванович проснулся в хорошем настроении. Во-первых, его ожидала запись на радио. В 12 часов нужно будет прочесть у микрофона прекрасный рассказ из времен Отечественной войны. Во-вторых, на 11 назначена встреча с режиссером, которого из года в год приглашали на постановку спектаклей в его театре. Александр Иванович очень надеялся на эту встречу. В последних трех пьесах, взятых в работу, он ничего не получил. И теперь был просто уверен, что режиссер предложит ему репетировать какую-нибудь роль во вторую очередь. Но все же не это было главной причиной его бодрого утреннего настроения. Ему всю ночь снились сны... Это даже были не сны... В эту ночь он, как бы еще раз переживал события, которые были в его реальной жизни. Сперва ему снилось, как будто он снова форсирует Днепр со своей батареей. Тот же плотик с его орудием. То же дымище вокруг и разрывы снарядов. И тот же страх, дикий, первобытный страх: «Не дай Бог, утоплю материальную часть!» Справа, вражеский снаряд попал в одно из соседних орудий. Вместо него взвился огромный столб воды. Берег все ближе. Вот, наконец, и он. И в этот момент раздался крик. Александр Иванович проснулся, это закричала во сне Светочка, его внучка, с которой они спали в одной комнате. Он подошел к ней: «Ну, что ты, Светочка, все хорошо, спи моя родная». Укрыл ее одеялом и, услышав спокойное дыхание, лег в постель сам. Немного поворочавшись, уснул тоже.

...Яркий ослепительный весенний день. Он выходит на сцену Театрального института и снова, как тогда, ему вручают диплом с отличием. И как тогда же ему долго аплодируют. Он замечает восхищенные взгляды, слышит за спиной шепот: «Сейчас он снимается в кино и уже приглашен в академический театр. Счастливчик!» Грудь его переполняется радостью. И тут он вспоминает, что забыл самое главное – хочет встать, вернуться на сцену, поблагодарить педагогов за все, что они для него сделали... но в этот момент просыпается.

За несколько минут до 11 Александр Иванович сидел в репетиционном зале и ожидал режиссера. Вскоре явился и он.

– Александр Иванович, – начал режиссер, после взаимных приветствий, глубоко усаживаясь в кресло и очень пристально рассматривая его сквозь очки, – я решил обратиться к вам вот с каким предложением: попытайтесь представить себе – Петербург 1836 года. Восстание декабристов давно

разгромлено. 13 июля 1826 года: казнены его руководители. Другие сосланы в Сибирь. О каждом свободно прозвучавшем слове доносится в III отделение. Мрак навис над Россией. В четвертой картине нашего спектакля Николай I посещает кабинет Дубельта. Он появляется в глубине сцены в сопровождении Бенкендорфа. И в это время, и даже чуть раньше за кулисами слышится: «На караул!» И в этом крике зритель должен услышать, что передовая Россия не смирилась, что дело декабристов подхватят и понесут дальше революционеры-разночинцы, затем народовольцы и, как эстафету, дело освобождения передадут первым марксистским кружкам в России. Вот что нужно выразить в этих двух коротких словах. И мы с постановочной группой решили, что лучше вас этого никто не сможет сделать.

Александр Иванович почувствовал, как вдруг потяжелела его голова, потом руки. Он с недоумением смотрел на режиссера. Первым его желанием было послать все к черту. Уйти... Не видеть всего этого. Не слышать. Но потом подумал – куда, собственно, уйти? Ему осталось несколько лет до пенсии. Он всю жизнь провел здесь. Как же без театра? На него смотрели внимательные, участливые глаза режиссера.

«Но как они могут мне такое предлагать? – продолжал думать Александр Иванович. – Ведь в театре много молодых актеров, для которых это могло быть даже полезным. Он столько лет здесь работает. Почти на каждом собрании его приглашают в Президиум. Около 20 лет избирают в местный комитет, сколько грамот, благодарностей. Не говоря о том, что он ранен. Он, наконец, дедушка, как же можно так? А вдруг увидит его в этом позоре внучка Светочка? Впрочем, не увидит – голос за сценой».

– В театре нет маленьких ролей... – услышал вдруг свой бодрый громкий голос Александр Иванович.

– Правильно, «Нет маленьких ролей», как сказал Станиславский, – не дал ему закончить фразу режиссер, как бы поглаживая, убаюкивая его каждым словом.

– Через два дня мы приступаем к репетиции вашей сцены, Александр Иванович, я вам сейчас скажу то, что редко кому могу сказать: «Как легко работается, когда встречаешь единомышленника...»

Что говорил режиссер дальше, он не слышал, точнее слышал, но это не доходило до его сознания. Он чувствовал только, как тот, обняв его одной рукой за плечо, прижал слегка к себе и сопровождал так к двери, не переставая что-то говорить, жестикулируя свободной рукой.

«Как он должен не уважать людей, – думал Александр Иванович. – Разыграл со мною сцену, как с наивным студентом, ведь в сыновья мне годится».

В какой-то момент режиссер особенно нежно прижал его к себе так, что он почувствовал через рубашку теплоту его тела, и Александр Иванович подумал: «А все-таки я правильно сделал, что согласился». Ведь только в его спектаклях я и занят. Роли, правда, эпизодические. Но зато в каждом спектакле. И, возможно, после сегодняшнего разговора...» Стук захлопнувшейся за спиной двери прервал его мысли. Ему захотелось теперь одного, чтобы быстрее прошел этот день, с записью на радио, с вечерним спектаклем, где он говорит в первом акте одну фразу: «Товарищ член военного Совета, разрешите доложить: Танки противника остановлены силами генерала Штеменко на Житомирском шоссе». Чтобы все это быстрее пронеслось, и он смог очутиться около своей внучки. Рассказать ей еще одну сказку, которую он придумывал в течение дня, или импровизировал по ходу. Сказать ей: «Спокойной ночи, Светик». И коснуться губами ее теплой щеки.

На записи он сбивался почти на каждой фразе. Видел, как режиссер недовольно переговаривается с редактором. Тяжесть в голове не проходила, и, к тому же, язык стал какой-то неповоротливый и непослушный.

– Александр Иванович, я вижу, вы сегодня не совсем здоровы, – прощаясь, сказал режиссер передачи.

– Да, я это тоже замечаю, – грустно сказал тот.

– Выздоровливайте.

– Постараюсь.

Наконец, наступил вечер. Александр Иванович стоит за кулисами. Слышит начало сцены, предшествующей его выходу. А вот и реплика – последние слова, после которых он должен появиться. Александр Иванович выходит на сцену, освещенную прожекторами. Вместо зрителей – черная яма. На него внимательно смотрит генерал. Подойдя к нему и отдав честь, Александр Иванович начинает говорить: «Товарищ член военного Совета». И вдруг какое-то безразличие охватывает его. Он понимает, что нужно говорить дальше. Но ему все равно. И только в голове слышится, как сигнал пролетающего спутника, но вместо позывных: «На караул! На караул!» И все вокруг него начинает медленно двигаться, как в замедленной съемке. Он видит, что член военного Совета хочет что-то сказать. Кто-то сбоку подсказывает текст. Александр Иванович отмечает, что точно подает ему этот текст. На сцене много людей, одни в панике, не знают как заполнить

возникшую паузу. Другие – отворачиваются от зрителя не в силах сдержать смех. А в голове звучит все то же:

«На караул!», но уже как заезженная пластинка, отчего он начинает чувствовать буквально физическую боль. И когда становятся слышны за сценой глухие выкрики: «Занавес. Давайте занавес!», и занавес начинает медленно закрываться, кто-то из актеров выкрикивает: «Товарищ член военного Совета! Связного контузило здесь, недалеко от блиндажа». –

«Отведите его в медсанбат», – мгновенно подхватил импровизацию актер, играющий генерала.

– Вы его сопровождали? – обратился он к актеру, который так точно подсказывал текст. – Доложите, что он мог мне сообщить.

Кто-то из актеров бережно поддерживал шатающегося Александра Ивановича, уводя его со сцены, пряча от зрителей свое хохочущее лицо.

Четверть часа он – бледный, не понимая, что произошло, лежит в гримуборной. Дверь приоткрывается, заглядывает заведующий труппой:

– Александр Иванович, директорская «Волга» у проходной, если Вам тяжело добраться домой, Вас подвезут.

Скорее домой. Проходя по коридору, Александр Иванович слышал:

– Может, лучше было «Скорую» вызвать?

– Нет. Это спазм. Немного отлежится, пройдет.

Светочка уже лежала в постели, когда Александр Иванович появился в доме. Увидев его, прыгнула босыми ножками на пол, подбежала к нему, обвила теплыми ручками шею.

– Деда, я так боялась, что ты поздно придешь, и я тебя не дождусь. Что я только ни делала, чтобы не уснуть. Как я скучала без тебя. Ты мой самый любимый, самый родной, самый лучший...

«Как отец...»

На центральном проспекте большого промышленного города Красиков встретился со своим коллегой, актером местного театра, с которым лет двадцать тому назад, здесь же, сразу после Института, начинал свою карьеру.

Сейчас Красиков приехал сюда со столичным театром на малые гастроли со спектаклем, в котором ярко и выразительно играл одну из интересных ролей.

Мизинцев был на двадцать лет старше своего столичного приятеля и продолжал работать в том же театре.

– Витя, – протянул к нему руки, теперь уже старый актер, свидетель его театральной юности.

– Александр Павлович, – ответил тот, тоже протягивая руки. Оба приятеля обнялись.

Слушай, видел тебя в вашем спектакле, – начал Мизинцев так, как будто до сих пор не мог прийти в себя от потрясения, – очень ярко работаешь и, вместе с тем, без нажима... Как вырос... Рад за тебя.

«Говори, говори» – мурлыкал внутренний голос Красикова. Один из знакомых сказал, что он похож на Стенвейн, на котором редко играли. Да, играл он... хотелось бы чаще. К тому же, небольшие роли. Хоть с блеском... Но не главные, на которых только и можно вырасти в большого актера... Поэтому слова провинциального коллеги были для него, как пища в голодный год.

– Ну, какая там роль..., – снисходительно, услышав в своем голосе барские интонации, начал он.

– Да ты что же, не слышал реакции зрителя? – вдруг горячо перебил его Мизинцев. – Не заметил аплодисментов в конце твоей сцены?

Красиков невозмутимо молчал.

– То-то же! – закончил Мизинцев. – Я тебе лучше расскажу о своем житье – бытье. Смотри, каких двух орлов вырастил.

Он тут же показал две фотографии. С одной, на Красикова смотрел сосредоточенный старшеклассник, с другой – курсант какого-то училища со значками спортивных разрядов на кителе. Оба парня были очень похожи на своего отца.

– Видишь, какие крепкие мужички! Хорошо учатся. Спортсмены. Дай Бог, чтобы им повезло в жизни!

И услышав искреннее и сердечное: «Очень рад за вас, Александр Павлович! Дай им Бог», продолжал ещё с большим подъемом:

– А теперь покажу тебе, что у меня для души. Театр есть театр, и, слава Богу, что он есть. Но вот это – и он бережно развернул удостоверение члена «Общества книголюбов». – Выступаю с лекциями, – особенно значительно произнес он. – Тем у меня много. Народ слушает, открыв рты. Кругом нарахват.

Красиков вспомнил свои выступления от «Общества книголюбов» с унижительной шестьюрублёвой оплатой. И он мирился с этим: только таким образом мог «прогнать» перед ответственными вечерами новые литературные программы и сохранять их. У Красикова была возможность работать в столице на радио, на телевидении, сниматься в кино. Поэтому торжественность, с какой Мизинцев говорил о своих выступлениях, вызывала у него грустную улыбку: «Хорошо хоть это есть у него». Говорят, некоторым актерам, работающим в маленьких городках, приходится разводиться живность, чтоб свести концы с концами.

И Красиков вспомнил, как двадцать лет назад, однажды обедал с Сашей Мизинцевым в местном общепите. Тот, сидя против него, очень быстро ел и, не умолкая, рассказывал Красикову историю своей жизни.

– Я до войны занимался спортом – лыжами, боксом, был многоборцем. Здоровый – не человек, а машина. Если бы не это – не выжил бы на войне.

Красикову мешала поверить в то, что говорит этот человек, который по возрасту годится ему в отцы, – добрая, какая-то наивная улыбка, извиняющиеся интонации...

– Ты понимаешь, в таких переделках был, и как живым остался – сам удивляюсь, – лихорадочно продолжал он рассказывать медленно жуящему Красикову.

– Я ведь из плена бежал. Четверо суток к нашим пробирался, пока опять меня не схватили. Повели на расстрел. А когда на такое дело ведут, – не спросят, как ты себя чувствуешь! И вообще, показана ли тебе эта процедура по состоянию здоровья?! Ведут и все. Там много «виновных» вели... За разное... Поставили над ямой... Думаю, услышу команду, с первым же выстрелом прыгну... Ничего я не услышал... А только первый выстрел, как будто кто-то кулаком в подбородок заехал... Я же, словно на старте сидел, готовый взорваться в беге. От этого удара – не обмяк, не свалился, как мешок с песком, а будто из катапульти вылетел, упал на ноги, не поломал их, а амортизировал, как при приземлении. «Ну слава Богу! – думаю. – Первое дело сделал». Как вдруг меня что-то сверху, как грохнуло, – тут я сознание и

потерял. Потом сообразил – сосед мой справа или слева, упав на меня, накрыл. Вот и оглушило... Очнулся – под ним лежу, слышу непрерывное стрекотание автоматных очередей, это немцы нас сверху «поливают», для надежности. Показалось, тот, кто на мне лежал, пару раз дернулся. Но он уже готовый был, просто несколько моих пуль на себя принял. Слышу, стали засыпать землей. А дело было к вечеру. Спешили немцы, уже отступали, вот и не хватило времени по-немецки дело до конца довести. В общем, чудом выбрался я оттуда, к какой-то хате селянской дополз и потерял сознание. Пришел в себя только в госпитале. Наши вскоре село это взяли, меня в санчасть отправили. Хирург сказал: «В рубашке родился: пуля подбородок раздробила, прошла сквозь шею, и, раз такое в сто лет бывает, ни один жизненно важный центр не зацепила. Вообще-то – ранение смертельное...» Подбородок мне сложили. Хирург потом шутил: «Сделали тебя красивым, война скоро закончится, молодой ещё, чтоб жениться мог». Посередине подбородка был заметный шрам. И к искрящимся весельем глазам совсем не подходила какая-то искусственная улыбка над покалеченным подбородком: он, улыбаясь, как будто специально складывал губы в полумесяц.

Мизинцев уже закончил есть, продолжая свой рассказ, вглядываясь внимательно в медленно жующего Красикова. Наконец, тот, оставив недоеденной полтарелки невкусной пиццы, отодвинул её в сторону.

– Ты что, не будешь это есть? – с изумлением спросил Мизинцев. – Разве можно так? Нет, это грех! – говорил он, беря недоеденную тарелку и ставя её перед собой.

Красиков смотрел на крупного мужчину с детским выражением глаз, который, склонившись над его недоеденной порцией, жадно, поспешно ел, и вдруг почувствовал, что у него защемило сердце. Он начинал замечать, что к чувству жалости к этому человеку стало примешиваться чувство боли за него.

В то время на выездных спектаклях все участники зачистую готовились к выходу на сцену в одной большой комнате.

– Мизинцев, – хохочет, играя явно на публику, уже не первой молодости, бойкая актриса, – у меня бюстгальтер заклинило, расстегника.

– Да ты, что, Клавка! – ужаснувшись, шепчет ей более молодая актриса.

– Чего ты, – не переставая смеяться, продолжает Клавка. – Он же... не огнестрельный, – ещё более заходится она от смеха.

Мизинцев торжественно встает, сияющие его глаза скользят по присутствующим, словно излучают: «А что сейчас будет!» Он с высоко поднятой головой, не спеша подходит к актрисе, будто к даме, пригласившей его на «белый танец», и с торжественностью, с какой Папа Римский надевает корону на голову новоиспеченного короля, расстегивает ей бюстгальтер. Под аплодисменты многозначительно переглядывающих актеров, он возвращается на своё место.

Красиков чувствовал, что краснеет. Хочет закричать, чтоб прекратили издеваться, но вместо этого также мерзко, понимающе и весело улыбался, как и другие.

После «выездного» спектакля автобус долго возвращается в свой город. Кто-то дремлет, кто-то между собою тихо разговаривает. И вдруг бойкий, смеющийся голос:

– Мизинцев, просим Мизинцева! – и вслед весь автобус начинает скандировать. – Мизинцева, Мизинцева!

Он медленно встает, разводит руками, мол, ничего не поделаешь – народ требует, и идет к водителю. Повернувшись к сидящим в автобусе, он поднимает руку: «Ладно, мол, упростили». И когда все утихают, начинает:

«Не мечитесь, люди, – брезгливо декламирует он, мол что вы глупостями занимаетесь? И дальше со вздохом продолжает: (тут уж ничего не поделаешь) – Всё равно – помрём!» И вдруг открытие: вот тебе путь к счастью –

«Приходи ко мне ты –

Погниём вдвоём!»

Автобус взрывается утрированными аплодисментами, криками «браво», некоторые, смеясь, подмигивают друг другу.

– Ещё! Ещё! – скандируют присутствующие.

– Подарил тебе я ленту и приколку для волос! – продолжает уже лирично читать Мизинцев, мол, так с вами надо ладить, вот и результаты –

«Только с этого момента

Что-то где-то началось!!!»

Опять аплодисменты, наигранно восторженные крики «браво». И так добрую часть пути он потешал своих коллег. Часто можно было видеть Мизинцева, чинно прогуливавшегося возле театра с молоденькими девушками 16–17 лет. Сегодня с одной, завтра – с другой. Стоящие возле служебного входа актеры острили:

– Сорокалетний, незарегистрированный – в «творческом поиске». – «Может, с этого момента что-то, где-то началось?» И снова щемило у Красикова сердце, и видел он, в отличие

от своих коллег, совсем другое. Видел неустроенность и одинокость этого человека. Понимал, как необходимы ему восторженные взгляды девушек (с актером провела вечер), услышать их уважительное – Александр Павлович! Как важно было, что они прислушивались к каждому его слову, старались запомнить его суждения, рассказы. И выражение лица у него было торжественное, трепетное, как будто это было его первое свидание, то самое, которое не случилось в положенное время из-за ворвавшейся в его жизнь войны.

Самым близким человеком в коллективе у Мизинцева был молодой актер Иван Александрович Сомов, тоже по возрасту годящийся ему в сыновья, тезка Хлестакова, и по манерам тоже чем-то напоминавший гоголевский персонаж, хотя за этим стоял одаренный, серьезный актер. Мизинцев гордился своей дружбой с «будущим театра», как о Сомове говорили.

На гастролях они всегда жили в одном номере, вместе ходили по магазинам, кинотеатрам, вместе прогуливались по городу. Сомов с Мизинцевым был на «ты», иногда даже по-доброму подшучивал над своим старшим товарищем. Тот ему всё прощал... Относился к нему заботливо и трогательно, как к сыну. Предостерегал от опрометчивых поступков в коллективе, разбирал его «пробы» на репетициях, ходил на базар за продуктами и на двоих готовил в номере, чтоб сэкономить суточные (у Сомова была молодая жена и маленькая девочка), встречал его после спектаклей, в которых не был занят, и они вместе шли в гостиницу. Часто, наверное, думал:

«Вот таким мог бы быть и мой сын». И ласково называл его Ванюшей.

Красиков помнил, что день рождения Мизинцева был 14 июля, как и день взятия Бастилии. Вообще-то сорокалетние юбилеи не отмечают, но дирекция и профком театра сделали для Мизинцева исключение, поскольку он – участник войны, к тому же раненый...

Юбилей Мизинцева прошел в веселой, сердечной атмосфере. Чествовали бывшего фронтовика, человека, безраздельно преданного театру, к тому же поддерживающего дух коллектива в самых сложных условиях. В одном из юбилейных посланий его называли «витаминчиком», в другом – «спасителем коллектива от смертной тоски». Мизинцев сидел на царском троне из «Бориса Годунова» и принимал от дирекции театра заветный конверт, от коллег – подарки, сувениры и поздравления. Шутовски улыбался: сыграю, мол, и эту роль – утомленного славой юбиляра.

Но он совершенно изменился, когда из толпы сотрудников, собравшихся на сцене, приблизился к нему, держа в руках какую-то коробку, Сомов. На лице у Мизинцева появилось выражение, с которым он прогуливался с девчушками – торжественное, трепетное.

– Дорогой Александр Павлович! – начал Сомов прерывающимся голосом. – Мне трудно говорить... В общем... Поздравляю вас с днем рождения, желаю, здоровья и долгих лет жизни... Спасибо за то, что во время войны..., ценою вашего здоровья, ценою части вашей жизни, защитили и спасли нас. И ещё... Мой отец погиб на фронте... Я рос с матерью. И всю жизнь мне так его не хватало... Не хватало его совета, его поддержки, его воли... И все это я нашел в вас, дорогой Александр Павлович.

Спасибо вам и за это! Тяжело было смотреть на Мизинцева. Лицо его побагровело, шрам на подбородке побелел и стал ещё заметнее. Дыхание сделалось прерывистым. Но, взяв себя в руки и с каждым словом как бы успокаивая разволновавшегося приятеля, он сказал:

– Так ведь... и ты мне... как сын, Ванюша!

Сомов тоже стоял перед ним раскрасневшийся. Он испытывал неловкость: то ли из-за негладкой, непарадной речи, то ли оттого, что на людях сказал очень сокровенные вещи. Но чтобы спрятать её, эту неловкость, он вдруг заулыбался своей доброй, искренней улыбкой и сказал:

– И примите от меня вот это, – Сомов протянул юбиляру коробку, обвязанную голубой лентой с бантом.

Мизинцев открыл её... Там была кофейного цвета импортная шляпа. С изумлением посмотрел он на подарок, потом перевел взгляд на Сомова и с недоумением сказал:

– Я ведь давно уже... Но откуда ты узнал?

– Фирма веников не вяжет, – под хохот присутствующих торжествуяще заключил Сомов.

– Ванюша, дай мне тебя обнять!

И дорогие друг другу люди обнялись.

Вечером того же дня Красиков немного раньше, чем положено, зашел в свою гримборную. Там уже сидел Мизинцев, его сосед по столику, и внимательно рассматривал себя в зеркале. На нем была подаренная сегодня новенькая шляпа. Она, действительно, шла ему. Вдруг дверь резко открылась и вошла старая, ворчливая одевальщица, баба Лиза,

– Мизинцев, – громким прокуренным голосом начала она. – Ты что это придумал? Я полдня ищу шляпу Бурцева для сегодняшнего спектакля, все кругом перерыла, с ног

сбилась, не знаю, что и думать, а мне говорят – она у тебя. Ты зачем это взял шляпу без спроса?

– Ты с ума сошла,.. старая, – запинаясь, говорил Мизинцев. – Это подарок Ванюши к моему юбилею.

– Сам ты старый, – обиделась баба Лиза. – Загляни-ка вовнутрь – там же наш инвентарный номер. А то «юбилей, Ванюша» – передразнила она, – значит... «разыграли» тебя, дураля старого.

Мизинцев конвульсивно снял шляпу. Некоторое время, тупо уставившись, смотрел во внутреннюю её часть. Потом лицо его расплылось в привычной шутовской улыбке, и он сказал с деланным восхищением:

– Ну и актер, а? Далеко пойдет – продолжал он весело улыбаться, но на глазах у него, Красикову показалось, заблестели слезы.

Теперь, спустя 20 лет, перед Красиковым стоял мало изменившийся, только седины в волосах стало побольше, Александр Павлович Мизинцев. Красикову так много хотелось ему сказать: и что он очень рад его видеть, и что рад был, хотя бы на фотографии посмотреть на замечательных его сыновей; хотелось сказать, как по-доброму он всегда вспоминал его. Но вместо этого проговорил:

– Александр Павлович, я привез для вас подарок... Помоему, очень хорошую импортную шляпу и оставлю её на проходной. Она вам пойдет.

Красиков увидел, как лицо Мизинцева стало напряженным. Он буквально стрельнул в него, из-под густых бровей, колючим взглядом и сказал:

– Нет, не надо... Мне хватит и своей. Спасибо за память... Тронут, – потом заспешил и, уже уходя, проговорил:

– Прости, мне нужно торопиться. Рад был повидать. Дай Бог тебе всего самого лучшего...

Красиков, глядя на удаляющегося Мизинцева, думал, что, наверное, разговаривал с ним последний раз в жизни, а так и не сказал ему о том важном следе добра и сострадания, который тот оставил в его душе.

Переизбрание

Колосов чувствовал себя неважно. Он всю ночь не спал и, взглянув утром в зеркало, заметил, что его обычно бледное лицо стало серым, а мешки под глазами набрякли. Теперь была его очередь заходить в кабинет директора, где уже весь художественный Совет был в сборе. Вышедшая перед ним из кабинета Анна Михайловна, актриса пенсионного возраста, с пунцовым лицом и с крепко сжатой в руке сумочкой, не сказав никому ни слова, стремительно направилась к выходу приемной.

Директор, поприветствовав вошедшего в кабинет Колосова, предложил ему сесть. У стен просторного кабинета сидели члены художественного Совета. Затем директор торжественно, как обычно, зачитывал на собрании грамоты и благодарности, начал читать творческую характеристику Колосова. Характеристика эта все более и более тревожила Колосова. Получалось так, что он, как актер, вообще никаких положительных качеств не имеет, а его недостатки, и их было немало, выглядели весомо.

Колосов заметил, что члены художественного Совета начали внимательно рассматривать стены кабинета, поглядывать в окно, присматриваться к выражению лица директора, и теперь он не мог встретить ни одного их взгляда.

Директор, вероятно, уловив впечатление, которое произвела на всех характеристика, сказал:

– Товарищ Колосов очень занят в репертуаре театра. Он часто перевыполняет квартальную норму, в результате чего приходится платить ему за переработки, и мы были вынуждены освободить его от некоторых спектаклей, потому что товарищ Колосов может вот так разорить нам весь театр, – пошутил он в заключение.

«Какой все-таки хороший у нас директор», – подумал Колосов.

Никто из сидящих в кабинете даже не улыбнулся.

– Есть ли у вас какие-нибудь пожелания, товарищ Колосов? – продолжал директор, – может быть, вы не согласны с чем-то в характеристике?

Колосов вдруг вспомнил радости, которые ему приносил театр. Аплодисменты после его сцен на гастролях в Москве, в первый и во второй приезды. Несколько статей, посвященных ему в местных газетах. Да мало ли можно вспомнить! Нет, зритель любил его, он это чувствовал. Но вот с коллегами у него были отношения сложные.

С большинством из них. И чего можно ожидать доброго, если они решают его судьбу?

– Характеристика мне кажется объективной, – заговорил он каким-то чужим голосом. – Критические замечания справедливы. Во всяком случае есть над чем работать. И если мне будет предоставлена такая возможность, я постараюсь избавиться от недостатков, на которые мне указали.

Краешком глаза он заметил ухмылки на лицах некоторых членов художественного Совета.

– Спасибо, Вы свободны, – произнес директор.

Колосов как бы сквозь опущенные ресницы присутствующих, которые смотрели почему-то в пол, вышел из кабинета. Идя по коридору, он думал, что, может быть, именно в эту минуту чья-то анонимная рука бросает против него черный шар. Бросает за ту неправильную жизнь, которую он вел. Он не искал нужных знакомых, а случайно найдя, не поддерживал с ними отношений. Не заводил «дружб» с ведущими актерами, не старался стать им нужным, необходимым. Не ходил в «единомышленниках» у режиссеров. Боже мой, как он жил?

Зайдя в свободную гримуборную, решил дождаться результатов переизбрания. Одного Колосов не мог себе представить – как он придет домой и скажет жене: «Ты знаешь, Надя, а я уже больше не работаю». Конечно, он будет бодриться по этому поводу: «Не пропадем, мол. Свет клином не сошелся на этом театре...» Но знал, что та атмосфера доверия, уважительности, искренности, которая существовала у него в семье, будет нарушена.

И тут он вспомнил об отце. Так часто бывало, когда у него случались неприятности, несчастья, Колосов вспоминал о нем. Ему казалось, что будь отец с ним, ничего бы этого не случилось. В его памяти всегда возникала одна и та же картина, связанная с ним: он, двухлетний мальчик, сидит на плечах у отца, который идет по залитому солнцем, совершенно пустому перрону железнодорожного вокзала. Была ли это картина памяти или сна, или, может, воображение ее нарисовало – неважно. Важно, хоть это сохранилось у него. И было это за несколько месяцев до ухода отца на фронт. Потом уже, находясь на оккупированной территории, Колосов внимательно всматривался в лица наших пленных солдат. Может, среди них увидит отца? Немцы водили наших солдат на работу, и те оставляли на пеньках, скамейках пустые котелки с тем, чтобы по возвращению их забрать. Колосов всю жизнь никак не мог изгнать из памяти один неприятный случай. Он, тогда уже четырехлетний мальчик, берет из одного из них куриное

яйцо, разбивает его и выпивает. После выпитого яйца осознает, что наделал. Он бросается домой найти что-нибудь и положить в этот пустой котелок. К его огромной радости нашлась большая луковица, но, заигравшись с детьми, он ее так и не положил нашему пленному солдату.

Колосову вспоминались самые яркие солнечные дни его жизни, весны 1945 года. С раннего утра он с нетерпением ждет, когда на его улице появится военный с чемоданом в руке или с вещьмешком, а увидев, молит Бога, чтобы он зашел в его парадное. Но все они идут мимо. А если и заходит военный в его дом (от чего сердце так стучит – готово выпрыгнуть), то подымается этажом выше или к соседям по площадке.

Потом пошли инвалиды. На костылях или с палочкой. Без одной руки или без двух. Боже мой, чего бы он только ни дал, чтобы кто-нибудь хоть из них зашел в парадное, поднялся на второй этаж и постучал в его дверь.

Наконец, уже через год после окончания войны, зашел к ним мужчина в штатском, с огромным шрамом через всю голову. Оказалось, это довоенный знакомый матери, буфетчик дядя Петя, который был с отцом в плену.

– «Нас гнали на запад, – рассказывал он матери, – пыль столбом, на дороге огромная колонна пленных. Кто падал от усталости, того тут же пристреливали. Утром немцы заставляли нас пробежать несколько сот метров. А мы ослабли от голода. Колонна бежит, все молчат, только топот ног да выстрелы слышны. Выстрел – значит, кто-то из наших упал. Пристреливали, гады. И тут слышу, ваш Леня мне говорит:

«Не могу больше, Петя, сейчас упаду». А ну держись за мое плечо! – говорю ему я, сам правой рукой обхватил его чуть пониже подмышки, так, в обнимку и добежали. Решили нам немцы устроить обед. Проходили как раз бураковое поле. Пальцами на бураки тычут, ртом показывают – ешьте, мол, ешьте! Я говорю Лене: «Ты сок из бурака соси, а его пока не ешь. Потом небольшой кусок прожуй хорошенько и проглоти». Так мы и сделали. Как накинудись наши голодные хлопцы на бураки – остановиться не могут. Тут же многие падают и умирают. А немцы рады, хохочут: «Давайте, давайте, русские свиньи». В ладони, как в театре, хлопают – молодцы, мол, молодцы! Многих мы оставили на том поле. К вечеру того же дня кто-то из нашей колонны то ли решил бежать, то ли сил уже не осталось терпеть – придушил немецкого конвоира. Немцы сразу же это обнаружили и набросились на колонну. Прикладами головы разбивают, а упавшего или

добивают, или расстреливают, а кто разбегается из колонны, того автоматной очередью достают. Последнее, что помню, – верзила на вашего Леню замахнулся прикладом, а тот успел вперед руки выставить. Потом меня сзади что-то обожгло, голова как надвое раскололась. Что же случилось с Леной, так и не увидел. Очнулся в хате. Крестьяне из соседнего села, как увидели, сколько немец народу погубил, – хоронить собрались. Тут мой стон и услышали, к себе забрали, выходили. Крестьяне рассказывали – всю колонну и похоронили. Я один недобитый остался».

После этого рассказа, Колосов уже не пытался встречать военных, один из которых мог бы зайти в парадное и постучать в его дверь. Старые, карманные часы с облупившимся циферблатом без стрелок и несколько пристегивающихся воротничков, такие тогда носили, вот что осталось у него от отца. Да еще чеховский рассказ. Мать говорила, что этот рассказ отец читал с эстрады. Колосов выучил его и прочитал на школьном вечере. Успех был огромный. Как у него это получилось, он понять не мог. Никто ему ничего не объяснял, не показывал, ничему не обучал. Все это было в нем, как продолжение какой-то давно проделанной серьезной работы. Этот отцовский рассказ был началом новой жизни, которая привела его в театр. Жизни, приносящей ему радости и, может быть, больше горестей, но которую он все равно любил и не хотел бы променять ни на какую другую.

Наконец, Колосов услышал звуки шагов по коридору. Это были весомые, неторопливые шаги. Шли люди, уже решившие его судьбу. Они спокойными голосами обменивались фразами, кто-то шутил, другие смеялись. Жизнь продолжалась, как будто ничего не произошло. И он, желая продлить хоть несколько мгновений этой любимой им и такой привычной жизни, подождал, когда утихнут их последние шаги.

Очутившись в коридоре, Колосов увидел, что прямо на него идет, очевидно, последний, задержавшийся в кабинете директора, член художественного Совета. Он подошел к Колосову, взял его за руку, внимательно посмотрел в глаза и сказал: «Ну, чего ты? Тебя переизбрали».

Все мы немного лошади

Еще были слышны аплодисменты зрительного зала, когда запыхавшийся после монолога и бега со сцены актер Иван Сергеевич Карый тяжело опустился на скамью за кулисами, на которой уже сидел, дожидаясь финального поклона, молодой актер Быстров.

– Как мы легкомысленно живем, – обратился к своему коллеге Карый. – Сегодня прожит бездарный день, и я уговариваю себя, что вот завтра начну жить по-настоящему. Репетирую в ужасной пьесе, клянясь себе, что никогда больше не соглашусь работать в плохой драматургии. Мне уже столько лет, и каждый день я решаю начать все по-новому... А воз и ныне там. Мы живем так, как будто впереди у нас ещё несколько жизней, и эту можно позволить себе прожить лениво, неинтересно...

И вспомнилось Быстрову, как шесть лет тому назад, на гастролях в одном из южных приморских городов, подходя к зданию местного театра, он издали увидел «Скорую помощь» возле служебного входа и человека, садящегося в неё. Кто это был, он не разглядел, но, показалось, что похож на Карого. Позже он узнал, что на телезаписи спектакля, когда камера подъехала к Ивану Сергеевичу, он почему-то, не говоря ни слова, долго смотрел в объектив. Так повторилось ещё раз. Наконец, он встал, подошел к режиссеру спектакля, сидящему в партере, что-то шепнул ему на ухо и медленно пошел к выходу. Режиссер сел на его место, и запись продолжалась дальше. Позже стало известно, что Ивана Сергеевича отвезли в психоневрологический диспансер. Удрученный Быстров не мог в это поверить. Он сокрушенно рассказал о случившемся своей жене и через несколько дней, попросив приготовить передачу для Ивана Сергеевича, поехал за город в этот диспансер. В автобусе, готовя себя к встрече с Иваном Сергеевичем, он решил, в каком бы состоянии его ни застал, будет пытаться убедить: «Случившееся – это результат его огромных перегрузок последнего года».

Медсестра, которой Быстров сказал, что хочет видеть Карого, в ответ улыбнулась.

– Иван Сергеевич сейчас у врача. Через несколько минут он освободится. Побудьте здесь.

Ожидая Карого, Быстров увидел, как из машины, оставившейся возле центрального входа, вышли две женщины. Та, что была за рулем, высокая, интересная, лет сорока. Молодая же, очевидно её дочь, – просто красавица. Обе

были сосредоточены, собраны. Когда дочь подошла к матери, та, взяв в рот сигарету, судорожно пыталась зажечь спичку. У нее ничего не получалось. И в этот момент дочь взяла её за руку, глядя на вход в диспансер. Мать посмотрела вслед за ней, затем поспешно спрятала сигарету, спички, и одновременно на лицах у них появились приветливые, беззаботные улыбки, после чего они легко и непринужденно пошли к центральному выходу. Навстречу им шел крупный, тщательно выбритый, хорошо одетый мужчина. Очевидно, он был из местных руководящих работников, и ему разрешили быть в своей одежде. Подойдя к женщинам, он поцеловал в щеку сперва жену, потом дочь. При этом казалось – он как будто бы смотрел внутрь себя, напряженно пытаясь решить какую-то огромной сложности задачу и никак не мог этого сделать.

Наконец, Быстрова позвала сестра. Он подошел к ней, и в это время из-за дверей появился Иван Сергеевич. Он шел медленной, нетвердой походкой, как боксер, побывавший в нокауте. Лицо было красное, глаза скрывали темные очки. Увидев Быстрова, Карый остановился и, улыбаясь, раскрыв руки для объятий, двинулся ему навстречу. Расцеловавшись с Быстровым, представил его медсестре.

– Борис Александрович – наш очень хороший молодой актер.

Быстров о себе такое слышал впервые из уст Карого.

– А это наша очаровательная Валечка. Лучшая медсестра этого и, уверен, всех других подобных заведений, – пошутил Карый.

Валечка, радостно смеясь, замахала на него руками. Быстров понимал этот маленький спектакль: для сестры подчеркивал – смотрите, как ценят меня коллеги из этого таинственного и прекрасного мира театра. Для него же – вот какая нелепая и смешная история со мною приключилась. Это понравилось Быстрову. Настораживала только заторможенность его движений.

– И не машите руками, Валечка. После ваших процедур буду лучше, чем прежде. Во всяком случае, талантливее – актеру нужна некая сумасшедшинка.

Валечка ушла, а они, разговаривая, пошли по территории диспансера.

– Иван Сергеевич, простите, что говорю об этом, но произошедшее с вами – закономерно. Три главные роли за сезон в театре. Полгода съёмки на телефильме, студенты в Институте, ужасная жара здесь на гастролях; недавний

день рождения вашей внучки, где вы отвели душу, – и вот результат... Это срыв. Подлечитесь немного, и все возвратится в норму.

– Да, да, я понимаю, – немного поморщившись, Иван Сергеевич отмахнулся от этой темы и дальше продолжал, загадочно улыбаясь: – Хочу рассказать вам кое-что поинтереснее. Я познакомился здесь с очаровательной Шурочкой. Ей восемнадцать лет. Но чудо! Я буквально потерял свою безумную старую голову. Родители, конечно, недовольны нашим знакомством. И это понятно – даже они моложе меня. Но что поделаешь? Нам хорошо вместе. Мы счастливы, когда вдвоём. Забываем, где находимся. Это для нас здесь – лучшая процедура. Кстати, через несколько минут мы должны с ней встретиться, вот на той дальней скамейке. Я вас познакомлю.

В это время они проходили мимо огражденной железобетонными столбами асфальтированной площадки. Подобные ограды, отделяющие посетителей от слонов и носорогов, можно увидеть в зоопарке. По асфальту один за другим, как сомнамбулы, шли больные. Их движение создавало замкнутое кольцо. Одеты они были: кто в больничных халатах, кто в пижамах. Среди них выделялась огромная женщина с копной черных нечесаных волос.

– Марго, споешь для моего друга? – крикнул ей Иван Сергеевич. – Здорово поет, – улыбаясь, подмигнул он Быстрову. – Её здесь называют – Королева Марго. Это все из отделения буйных.

– Марго, продолжая двигаться, величественно повернула голову в их сторону и сказала:

– Чичас ниохота.

Когда друзья подошли к «заветной» скамейке в конце аллеи, появилась девушка. Она поспешно приближалась, несколько раз судорожно оглянувшись назад.

– Добрый день, Шурочка, – как-то по-особенному произнес Карый. – Познакомьтесь – это Борис Быстров, мой молодой друг и хороший актер.

Девушка с интересом посмотрела на него. Она, действительно, была – чудо. Голубые, почти синие глаза, волосы цвета спелой пшеницы, нежная, чуть загорелая кожа красивого лица, хороший рост. А, главное, у нее был трогательный, даже какой-то, казалось, извиняющийся взгляд. Они уселись на «заветную скамейку», которая была защищена от посторонних глаз кустами. Шурочку они посадили между собой. На скамье было нежарко, уютно.

– Ну, как там, на воле? – шутливо спросил Карый.

– Представляете, – смеясь, начал Быстров, – неделю бегал по городу в этой дикой жаре, подыскивал для наших семейных сотрудников квартиры... Подыскал... Все остались, слава Богу, довольны. Вторая неделя – напряженка гастролей в этом пекле... Не поверите, но только здесь почувствовал себя спокойно, уютно, как дома.

– Хорошее место для уюта, – пошутил Карый. Все рассмеялись. Быстров был доволен. Ему хотелось, чтобы они чувствовали, что произошедшее с ним – это случайное, временное.

– Шурочка, вы, вероятно, недавно закончили школу? – спросил Борис.

– Вообще-то, да, – ответила она.

– Собираетесь, наверное, в институт?

– Да что вы? – отвечала она, – У меня ведь с головкой, – и она, смеясь, покрутила пальцем возле виска. – Мне её беречь надо. Может быть, техникум. Посмотрим.

Спустя месяц, когда театральный коллектив, заняв почти два купейных вагона, возвращался домой, Быстров увидел Ивана Сергеевича в конце коридора, окруженного актерскими детьми. Все это время он не появлялся на людях. Как только поезд тронулся, все разместились, и вот уже кто-то стал возле открытого окна и начал смотреть на мелькавшие дачи, полустанки, села. А там вон актеры выстроились амфитеатром возле купе, откуда временами доносились взрывы хохота. Другие – сидели за закрытыми дверями и весело отмечали конец гастролей. Быстров смотрел на Ивана Сергеевича и догадывался, каких огромных усилий воли потребовалось от него, чтобы вот так непринужденно и беззаботно что-то рассказывать детям. Он представлял себе, с каким волнением готовился он к этому выходу «в люди», и какие картины рисовало его воображение. Эти «переглядки», «подмигивания» за его спиной, подчеркнута уважительный тон, а порой и двусмысленный юмор. И, конечно, сейчас дети для него были спасением. Для них он был просто одним из взрослых.

Иван Сергеевич, как и в последнюю их встречу, носил темные очки, и движения его были все ещё замедлены.

– Здравствуйте, дорогой Иван Сергеевич! – с искренней радостью приветствовал его Быстров. – Что Вы тут ребятам такое рассказываете?

Дети пропустили его, он подошел и пожал ему руку.

– Здравствуйте, Борис Александрович, – ответил Карый и, улыбаясь, продолжал. – Да вот спросили меня... Какой

самый большой подвиг был у меня во время войны... Я им и рассказал... как из плена бежал.

Замедленность его движений как бы переходила в непривычную для него замедленность речи.

– Как жалко, что я не слышал, – сказал Быстров. – А теперь, ребята, извините, мне нужно с Иваном Сергеевичем поговорить.

И они направились в тамбур.

– Сейчас я на такое не решился бы, – как бы продолжая рассказ детям, говорил он Быстрову по пути. – Колонну пленных, в которой я шел, вели по узкой деревенской улице, и вдруг впереди, не так далеко от нас, попала в хату бомба. Все от свиста её попадали на землю. А я, падая, прыгнул в открытую калитку двора, что был рядом. Потом все наши солдаты стали подниматься, отряхиваться. А я за тыном лежу. Немцы сразу же всех быстро погнали дальше. А я остался лежать. Так вот и спасся. Дети ещё спросили, что помогло на войне живым остаться? Я им что-то храбро ответил, а вам скажу правду – не высовывался особенно. А вообще-то война – такая грязь и мерзость... что я её стараюсь не вспоминать.

Да, хлебнули вы, – сочувственно сказал Быстров и дальше продолжал. – У меня к вам вот какое дело. Хочу предложить вам провести отпуск в одном чудном месте, в лесу, на берегу реки, ну, просто райский уголок. Это заводская база наших шефов. Они выделили три домика для театра. Если вы согласны, один из них – ваш. Профком поддержит. Отдохнете там, забудете обо всех невзгодах. Подумайте и дайте ответ.

Когда через некоторое время они встретились возле служебного входа в театр, Быстров увидел заметную перемену в Иване Сергеевиче. Он, наконец, снял свои темные очки, и было видно, как глаза его буквально горели огнем. Замедленность движений исчезла, он стал подвижный, легкий.

– Познакомился с молодым психиатром, – после взаимных приветствий энергично начал он. – Оказывается, меня неправильно лечили. Подавляли мою нервную систему. Новый врач дает лекарства, которые меня приближают к моей природе. То была не болезнь. У меня такая конституция. Особенный тип художественной натуры. Приблизительно, как у Пушкина. Если бы эти коновалы лечили Александра Сергеевича, какого поэта потеряла бы литература? Я открыл в себе много способностей: впервые в жизни начал писать стихи. Мой взгляд стал обладать магнетической силой. Видите, проходит девушка? Сейчас я посмотрю ей вслед, и она обернется. Заговорю – и она в моей власти. Смотрите.

Он замолчал и гипнотически впился глазами в спину девушке. То ли ей показалось, что кто-то её позвал, то ли какая-то другая причина, но она замедлила шаг, оглянувшись, как будто высматривала – не позвал ли её кто? Иван Сергеевич победно взглянул на Быстрова.

– Вы видели, да?

– Чертовщина какая-то, – сказал Быстров, правда краем глаза заметил, что в метрах двухстах за ними, действительно, кто-то крикнул, но они за разговором не услышали. – Слава Богу, Иван Сергеевич, что вы разобрались с вашим диагнозом, и, полагаю, двадцать дней на природе вам не помешают.

– Конечно, нет, – ответил тот.

Иван Сергеевич с женой и внучкой поселились в соседнем от Быстрова домике, в котором тот отдыхал со своей женой и двумя девочками. Место было, действительно, райским уголком. Домики стояли в дубово-сосновом смешанном лесу, на самом берегу живописной речушки. В первые дни Быстрову казалось, что он не дышит, а буквально пьет этот густой воздух, насыщенный запахами хвои, грибов...

Иван Сергеевич, как никогда, был деятелен и активен. Поднимаясь в четыре часа утра, он постоянно был чем-то занят. То возился со своей машиной, то, как экскурсовод водил свою маленькую внучку в удивительный мир леса, то леской на уровне груди от сосны к сосне ограждал территорию своего домика и постоянно острым финским ножом вырезал на коре сосновой палки затейливые узоры. И только иногда, когда мимо проходила молодая женщина или девушка, застывал, как охотничья собака, в стойке и смотрел ей вслед.

Быстров же чувствовал, что пребывание в этих благодатных местах день ото дня прибавляло ему силы.

Однажды, по каким-то делам уехав в город и возвратившись лишь поздно вечером, Быстров услышал от своей жены о ЧП, которое произошло на базе отдыха. Во время вечернего сеанса в летнем кинотеатре одной женщине сделалось плохо. Кто-то побежал к домику врачихи, расположенному рядом с домиком Ивана Сергеевича и стал просить её о помощи. Та недовольно ответила: куда она в такой темноте пойдет, уже десять часов вечера, и её рабочий день давно закончился.

– Господь с вами, что вы такое говорите? – с недоумением начал Иван Сергеевич. – А, не дай Бог, с ней что-то случится? Врач, как на пожар, должен бежать на каждую чужую беду.

– Слушайте, не вмешивайтесь в разговор. Вас ведь никто не спрашивает. «Пожарник» ещё нашелся, – отрезала она.

– Да, меня, действительно, никто не спрашивает, – сдерживая себя, начал Иван Сергеевич. И дальше, чеканя каждое слово, продолжал: – Но вы сейчас же, сию минуту пойдете к больной женщине и сделаете всё, чтобы помочь ей. В противном случае... – и он медленно стал приближаться к ней.

– Помогите! – вдруг истошно заорала врачиха. – Гриша, Алик, Миша! Где вы там?

Из соседнего домика, в котором была слышна громкая пьяная речь, выскочило несколько человек. Разглядев сквозь полумрак возле врачихи мужчину, они угрожающе стали приближаться к нему, Иван Сергеевич начал пятиться от них, пока ни уткнулся спиной в стенку домика. И, видя, что помощи ждать не приходится и деваться некуда, вытащил из ножен свой острый финский нож. Мужчины сначала, словно оцепенели, но уже успели приблизиться достаточно близко. Один из них изловчился и, кинувшись, как змея, вцепился Ивану Сергеевичу в руку. Другой мужчина тоже схватил его и стал разжимать пальцы. Нож выпал, мужчины сбили с ног Ивана Сергеевича, начали заламывать ему руки, потом связали его. Директор базы по телефону вызвал из районного центра милицейскую машину, которая, буквально перед твоим приходом, увезла Ивана Сергеевича, – закончила жена Быстрова.

Это известие обрушилось на Быстрова, как ушат холодной воды. Известного, одного из лучших актеров театра, как хулигана, увезли в милицию! Такое в голове не укладывалось.

Но все равно его больше волновало не то, что после происшедшего он не сможет устраивать своих сотрудников в этом чудном месте, не то, что придется отвечать перед руководством за случившееся, а то, что эти события могут серьезно ухудшить состояние Ивана Сергеевича.

В тот же вечер Быстров шел по освещенной луной дороге в районный центр и придумывал, что сказать дежурному в райотделе милиции, чтобы отпустили Ивана Сергеевича. Однако, того, что там случилось, Быстров и вообразить себе не мог.

– Это ваш коллега? – строго спросил его дежурный, когда он начал объяснять, зачем пришел.

– Да, – ответил он, – но, видите ли, тут произошло недо-разумение...

– Можете не продолжать, – перебил его дежурный, – мы знаем гражданина Карого – он заглянул в дело и

добавил: – Ивана Сергеевича. Его – майора милиции, в фильме «Случайный посетитель», я на всю жизнь запомнил. – Вот как надо наших сотрудников показывать! Мы всем отделом на этот фильм ходили, чтобы посмотреть, как он с людьми работает. Спасибо ему. А насчет дела... Считайте, что его не было. Мы же видели, что схватила его пьяная компания, и поняли, что для самообороны он им свой нож показал. А забрали, чтоб эти алкаши чего-нибудь с ним не сделали. Вот что, гражданин, – мы подвезем вас сейчас к базе отдыха, и вы тихо, чтоб никто не видел, пройдете в свои домики. А завтра советуем Ивану Сергеевичу все-таки с базы уехать.

Сажая артистов в машину, дежурный сказал: – Успехов вам, гражданин Карый. И если можно, чтоб еще где-нибудь такого майора сыграли... Рад, что встретился... Жене расскажу, не поверит.

– Жене, товарищ лейтенант, пожалуйста, не надо, – улыбаясь, поморщился Иван Сергеевич. – И вообще, если можно – никому...

– Слушаюсь, никому, – шутливо отдал честь дежурный, и «бобик» повез их к базе отдыха.

Когда, возвратившись поздно ночью, Быстров с облегчением рассказал всё жене, она вдруг стала серьезной и сказала:

– Боря, не знаю, как начать... Но я не могу тебе не рассказать... Сегодня днем я шла из райцентра с базара, когда меня обогнала машина Ивана Сергеевича. Затем она остановилась. Выйдя и направляясь ко мне, он как-то странно всматривался в мои глаза. Подойдя ко мне и продолжая смотреть этим странным взглядом, он сказал, что я удивительно хорошо выгляжу сегодня... И очень ему нравлюсь. Более того, он чувствует, что я свожу его с ума. Он взял меня за руку. Если же я не отвечу ему взаимным чувством, то это физически... буквально убьет его... Мне показалось, что он шутит... Но когда, говоря это, он попытался меня обнять, я, вспыхнув, отстранилась от него и, еле сдерживая себя, сказала: «Иван Сергеевич, это чудовищно, то, что вы сейчас говорите. Чудовищно по отношению к вашему другу и его жене».

Я увидела, как губы его искривились и, мне показалось, даже побелели, так крепко сцепил он зубы.

– Значит, ему можно, а мне нельзя? – крикнул он, и глаза его стали дикими, ненавидящими. Затем он больно толкнул меня в плечо, повернулся, стремительно пошел к машине, громко хлопнул дверцей и, как бы сорвавшись с места, умчался.

Быстров с изумлением смотрел на жену, потом почувствовал, как что-то кольнуло его в висок, и голова сделалась тяжелой. Захотелось встряхнуть ею, чтоб это ощущение ушло. Он так и сделал. Ему стало легче. Быстров подошел к жене, бережно, прижал к себе. Вдохнул родной её запах, коснулся губами глаз, теплого виска, думая: «Боже, за что же ему такое счастье?» и сказал:

– Я сейчас, как будто сам почувствовал, что ты пережила... Прости его, Господи... Он все ещё нездоров.

И теперь, спустя шесть лет, когда, держась за руку с Карым, Быстров, под аплодисменты зрительного зала, выходил на поклон: слыша крики: «Браво, Карый, браво...» и видя, как молоденькая девчушка стыдливо и влюбленно, протянула ему цветы, а тот изумленно посмотрел на неё, как будто услышал первое в жизни признание в любви к себе. Бросил на Быстрову полный детской радости взгляд, как человек, получивший единственную достойную награду за все унижения, страдания и муки актерской профессии...

И Быстров подумал: «СЛАВА БОГУ – ВСЕ ТЕ НЕСЧАСТЬЯ У НЕГО УЖЕ ПОЗАДИ!!!»

Невидимые миру слезы

Никонов не любил летать самолетами, только в крайнем случае пользовался ими. И очень волновался, понимая, что утро, когда он экспрессом, с билетом в кармане на свой рейс, едет в аэропорт, может стать для него последним. Наверняка не станет, но может.

В этот же раз он не волновался. Прошла большая часть его жизни. Она не прошла так, как хотелось, мечталось.

Его место в салоне самолета заняла какая-то девушка.

Он сразу узнал в ней иностранку.

– Is it your place? – «блеснул» он знанием английского (хотя вспомнил, что вместо place надо сказать sit).

– Yes, of course.

– Seventeen is my place.

Но тут он разобрался, что его семнадцатое место – в следующем ряду. Девушка отвечала ему с улыбкой, доброжелательно. Он же обратился к ней, как будто она была в чем-то перед ним виновата.

Усевшись в кресло, он расслабился, как расслаблялся всегда, уезжая из дому.

– Не могли бы вы мне уступить семнадцатое место? – обратилась к нему интересная женщина с обворожительной улыбкой. – Через проход будет сидеть мой знакомый. Я вас очень прошу...

– Пожалуйста, – обреченно ответил Никонов, ругая себя, что не отказался. И вот всегда так! Что-то в нем было такое, заставляющее людей чувствовать, что он не откажет поднести чемодан, обменять с кем-то в купе своё нижнее место на верхнее, присмотреть за чужими вещами. Каждый раз, проклиная себя, давал слово, что это последний раз. Но потом все повторялось опять.

Пересев на новое место, он осмотрелся и отметил, что сосед справа, мужчина средних лет, чем-то похож на Достоевского. И сразу же вспомнил отрывок из фильма о великом писателе, который он недавно смотрел, отчего раздражение, как и тогда, нахлынуло на него: на экране был благостный, рассудительный, спокойный Достоевский. Это, когда за считанные дни надо было написать большое произведение, в противном случае – кабальная зависимость, безденежье, да просто нищета. И не известно еще, чем бы могла закончиться эта авантюра со стенографисткой... Как можно было не понять, этот хороший, известный актер не должен был играть роль Достоевского. Никонову казалось, что в

портрете писателя работы Перова, – не только огромная писательская сосредоточенность на внутренних видениях, но и боязнь. Да нет, просто откровенный страх перед своей природой: будто бы неподвластная, зловещая сила находится в нем, которая каждую минуту может проявиться помимо его воли, то в виде припадка, могущего закончиться его гибелью, то в виде Безумия игры в рулетку, то в виде ещё одного, очередного мучительного романа с женщиной.

Перед Никоновым, как живая, возникла картина, когда Фёдор Михайлович, на коленях стоя перед красавицей – старшей сестрой Софьи Ковалевской (знаменитого математика), что-то страстно говорит ей, брызжа слюной и нелепо жестикулируя руками. Она же, наверное, едва сдерживает себя, чтобы не рассмеяться, потому что такого мужчину не могла бы никогда полюбить, а вот тринадцатилетняя Сонечка Ковалевская, наблюдая всё это, из-за портьеры, видя унижения и муки любимого ею писателя, глотает слезы, обхватив руками лицо, и старается не разрыдаться, чтобы не выдать своего присутствия.

В фильме же Достоевский – чуть ли не добрый дедушка Мороз, который только что подарки для Анны Григорьевны из своего мешка достает. И Никонов отвернулся от соседа справа, стараясь на него больше не смотреть.

Никонов вспомнил, как впервые побывал в музееквартире Достоевского в Кузнечном переулке. В его памяти всплыла и маленькая проходная комната Анны Григорьевны, и большой, под низким абажуром, круглый стол с самоваром, где Фёдор Михайлович по вечерам за чаем любил сидеть в кругу семьи, и просторный кабинет писателя, отделенный от посетителей бархатным шнуром, чтобы они туда, не дай Бог, не зашли. Последнюю Никонову все время хотелось разорвать (если комнату нельзя рассмотреть нынешнему поколению, то ведь и грядущее ничего не увидит), и этажерка в кабинете, подвинув которую 26 января, чтобы достать вставку с пером (ручку), Достоевский сделал усилие, после которого порвалась у него легочная артерия, и пошла горлом кровь... за два дня до его ухода из жизни.

И странное чувство овладело тогда Никоновым. По этой вот лестнице, по коридорам, комнатам, по которым сейчас ходит он, ходил когда-то Фёдор Михайлович. А Никонов два месяца назад в возрасте уже где-то за тридцать лет получил тогда, впервые в жизни, свою собственную двухкомнатную квартиру, которая была предметом его гордости. Он её не раз измерял. И вдруг подумал, что может сравнить свою

с площадью квартиры великого писателя. Он даже заволновался: есть ведь что-то, в чем он может сравниться с самим Достоевским. Объединяло его с Фёдором Михайловичем то, что он ходит по тому же полу, смотрит на те же стены, на которые смотрел писатель, а теперь будет точно знать, на сколько его квартира меньше квартиры хозяина этого дома. У Никонова был футовый размер обуви, в комнате никого не было, и он начал, ступня к ступне, измерять, сколько их от одной стены до другой, а потом расстояние между следующей парой стен. За этим занятием его и застала старушка-служительница.

– А чем это вы тут занимаетесь, молодой человек? – с изумлением спросила она.

Никонов в радостном возбуждении начал объяснять служительнице цель своего занятия... Как только она поняла, в чем дело, изумление исчезло, лицо её нахмурилось, и она с интонацией, с которой отчитывают нашаливших детей, проговорила:

– В другом чем-нибудь сравнивались бы...

Никонов представил себе тогда, каким смешным со стороны могло показаться все происходящее, странным и даже глупым, но, продолжал тем не менее, оставаться в хорошем настроении, еле сдерживая себя, чтобы не расхохотаться.

– Уважаемые пассажиры, маленькая информация, – ласковым, беспечным голосом проворковала в динамиках стюардесса. – За бортом минус 50 градусов. В Ленинграде плюс 12. Наш самолет начинает идти на снижение. Просьба пристегнуть ремни.

Скоро начало давить на уши. Никонов несколько раз сделал глотательное движение, после чего неприятное ощущение исчезло. Он посмотрел в окно иллюминатора. Где-то под ними, словно снежные вершины гор под ярким солнцем, белели облака. Вскоре солнце исчезло, и их огромный двухпалубный Ил погрузился во мрак. Самолет начал подрагивать... Через некоторое время он вынырнул из облаков... Стали видны маленькие лоскутики земли, разделенные полосками железнодорожных путей, автомобильных дорог, лесных посадок... Появились крошечные одинокие здания, какие-то строения... Самолет пошел на посадку. Никонов напрягся... Как только колеса коснулись бетона взлетной полосы, Никонов облегченно вздохнул: «Слава Богу..!»

В аэропорту купил «Вишню в шоколаде», это, конечно, не «Киевский» торт, с которым он всегда появлялся у родственников, но на худой конец хоть что-нибудь будет в руках. Сел

в автобус, который довез его до Гостиного двора, а оттуда позвонил в Дом актера.

– Это Татьяна Петровна? – спросил он.

– Да.

– Вас беспокоит Никонов из Энска.

– Здравствуйте, Василий Александрович! – радостно ответила Татьяна Петровна. – Как хорошо, что вы уже прилетели. Мы не смогли, к сожалению, вас встретить. Весь транспорт был занят...

«Мечтали об этом» – подумал Никонов.

– Есть какие-то проблемы? – спросила Татьяна Петровна.

– Да, вроде бы нет. Ночевать мне есть где. А остальное обсудим завтра. Как со зрителем? Кто-то будет? – спросил Никонов и сразу почувствовал неловкость. «Больше достоинства, – подумал он. – Они же сами тебя пригласили в Ленинград».

– Мы, как правило, не планируем количество зрителей. Только приглашительные распространяем да вывешиваем афиши, – доброжелательно разъяснила Татьяна Петровна.

– Ну, да, ну да, – важно сказал Никонов, стараясь спрятать неуверенность, прозвучавшую в его вопросе. – Значит, завтра утром я подойду посмотреть, что за сцена, проверю акустику?

– Можете подойти к пяти. Вечером я уже появлюсь. Никонов спустился в метро, нашел нужное направление, зашел в вагон и занял свободное место. Родственники его жили далеко и ехать предстояло долго.

«Дядя Лёнечка» – так Никонов ласково называл двоюродного брата своей матери – с недавних пор переехал вместе с женой в один из микрорайонов Ленинграда, хотя всю жизнь их семья, то есть они еще с двумя детьми проживали в центре города, в двух комнатах огромной коммунальной квартиры, на кухне которой, уже после войны, по установившейся традиции, все соседи выставляли столы, сносили на них закуски, шампанское и вместе отмечали каждый Новый Год.

Никонов вспомнил, как почти тридцать лет назад, он, только что окончив институт, впервые приехал к ним, и его тогда уложили в отдельной комнате, а сами всей семьей спали в проходной. Они жили скромно, но так сытно и вкусно он нигде ещё в жизни ни питался. Вся семья ожидала, когда он поздним вечером возвращался после очередного просмотра спектакля или встречи с друзьями... Его водили по музеям, ездили с ним на экскурсии. Как-то он заболел – с ним нянчились, как с маленьким. Когда подросли дети Никонова, то стали приезжать в

Ленинград и они. Разумеется, приезжали в город к Никонову и дети дяди Лёнички, и он их тоже принимал с благодарностью и радостно... Но к теплому, нежному чувству к дяде примешивалось ощущение неловкости, даже горечи и стыда, что для него лично, он, кроме милых чириканий, в виде праздничных поздравлений и телефонных звонков, так ничего и не сделал. И вот только в течение нескольких последних лет сам дядя с женой, возвращаясь с отдыха домой, задерживались на какое-то время у Никонова. Это был радостный праздник для него. Они жили в лучшей комнате его квартиры, жена баловала их «изысками» украинской кухни, сам он возил их на машине друзей по историческим местам города, водил по вечерам в театр, ходил с ними в церкви и монастыри, жена дяди была верующей: в общем, хоть в какой-то степени неловкость, угрызения совести по отношению к своему дяде перестали мучить его.

И вот, наконец, Никонов опять приехал в Ленинград...

Но в этот приезд ему показалось, что он как будто снова вернулся в свое детство. Мать Никонова уже несколько лет, как ушла из жизни, и он понял, что вот это для него единственное место на земле, где он – глава семьи, отец двух дочерей, «загнанный», заезженный многими делами человек, может снова чувствовать себя спокойно, безмятежно, уютно. Будто он все ещё тот маленький Васенька, которого накормят, успокоят, уложат спать, а на ночь ещё долго будут делиться своими соображениями, как бы помочь ему. И утром следующего дня продолжались все те же добрые, милые, заботливые разговоры. Приведя себя в порядок, позавтракав и собираясь уже уходить, Никонов спросил:

– Так что, мои дорогие, сможете вы сегодня вечером прийти на мой спектакль? – Дядя Лёня сделал паузу и, немного замявшись, сказал:

– Васенька, ты уж извини... У нас, к сожалению, сегодня другие планы, мы уже давно записались на этот день к врачу. Около пяти часов вечера Никонов был на Невском в Доме актера. Без труда нашел комнату Татьяны Петровны, которая провела его в кассу, где с ним рассчитались за перелет, вы платили суточные, дали билет на обратный рейс.

Никонов почувствовал себя «именинником...»: так быстро, без волокиты было все устроено. Кассир, отсчитав деньги и протягивая их ему через окошечко, с интересом посмотрела на него. Добрая улыбка осветила её лицо, и она чуть слышно сказала:

– Желаю вам сегодня успеха, – продолжая смотреть ему в глаза, хотела ещё что-то сказать, но замолчала...

– Спасибо вам, – так же негромко ответил ей Никонов, почувствовав, как какая-то энергия, уверенность начали разливаться по его телу: «Боже мой, как легко жить под такими взглядами», – с благодарностью подумал он.

– Ещё раз, большое спасибо, – сказал он, ответив ей такой же доброй улыбкой, повернулся и пошел вместе с Татьяной Петровной в зал. Это был уютный, мест на 150 зальчик. Белые кресла с красными бархатными сидениями, спинками и подлокотниками.

«Бархат съедает звук – акустика, наверное, неважная», – подумал Никонов.

– Здание старое, сегодня теплый день, возможно, будет немного душновато, – предупредила Татьяна Петровна.

«Час от часу не легче», – усмехнулся он про себя. В окна, выходящие на Невский проспект, влетал густой шум проходящего транспорта. Татьяна Петровна перехватила его обеспокоенный взгляд.

Шторы во время выступлений мы обычно закрываем, так что с улицы почти ничего слышно не будет, – успокаивала она.

«Господи, за что мне это. Все время соревноваться с шумом, духотой», – в сердцах подумал он.

– Василий Александрович, что мы будем делать со светом? – деловито и бодро спросила Татьяна Петровна.

– А вы попросите, чтоб включили весь свет, я похожу по мизансценам – это и будут точки, которые необходимо осветить. Все же остальные можно выключить. Кстати, скажите, чтоб принесли на сцену небольшой столик и два стула.

– Нет проблем, – с готовностью ответила Татьяна Петровна. Когда свет был установлен, а скромное оформление размещено на сцене, Татьяна Петровна сказала:

– Я, к сожалению, занималась только подготовкой вашего вечера, сейчас у меня начнется свое мероприятие, а сам вечер будет проводить моя коллега, Вероника Аркадьевна Горская. За сценой небольшая гримбуточная, где вы можете привести себя в порядок, настроиться. Перед началом к вам заглянет Вероника Аркадьевна. Желаю вам успеха. Кстати, рада вам сообщить – зрителей будет достаточно, – на прощание, снова улыбнувшись, она ушла.

Никонов зашел в актерскую комнату, и на него буквально навалился гул транспорта с Невского проспекта. Как при порыве ветра, начинающейся грозы, поспешно закрывают окна, так и он закрыл окно. Задержал портьеру. Теперь шума почти не было слышно.

Он переоделся, мысленно пробежал по двум фрагментам моноспектакля, и вдруг холодный пот выступил у него на лбу... Как на стенку, наткнулся он на пустоту, на вывалившийся из памяти текст... Он не мог вспомнить начало третьего фрагмента. Ноги сделались ватными... Раздался третий звонок...» Тут первых двух не дают», – предупреждала Татьяна Петровна.

Боже мой, приехать из такого далека, чтобы выйти на сцену и после второго фрагмента сказать, как в юности на студенческом вечере, «Забыл» и уйти со сцены. Татьяна Петровна предупредила: зрителей будет достаточно. Текста с собой на этот спектакль он уже давно не берёт. Господи, что же это? Вдруг дверь со сцены отворилась, и заглянула высокая худая женщина с прямой спиной, которая обращалась к нему, смотря почему-то выше его головы, как будто разговаривала с кем-то, находящимся за спиной Никонова. Потом он понял, – она немного косила и старалась не смотреть людям в глаза.

– Я – Вероника Аркадьевна, буду вести ваш вечер. Вы уже готовы? – Никонов судорожно кивнул головой.

– Зритель собрался. Я скажу несколько вступительных слов, а потом объявлю вас. Будьте внимательны, – как будто бы отчитывая нерадивого ученика, говорила она.

«Господи помоги, Господи помоги», – шептал Никонов, пытаясь вспомнить выскочившую из головы фразу начала третьего фрагмента.

Через некоторое время, в приоткрытую дверь опять заглянула Горская.

– Что же вы не идете? – зашипела она на него. – Зритель в недоумении, давно ждет вас. Господи, чуть со стыда не сгорела.

– Я не слышал, – оправдывался Никонов.

– Как только перестанут стучать мои каблуки, значит, я села на свое место, и тогда идите.

«Я же не слышал, что она там обо мне говорила своим железным голосом и с прямой спиной», – лихорадочно думал Никонов. – Наверное, говорила о провинциале, который осмелился взяться за Достоевского. Как же я услышу стук каблук? Ладно, выйду после счета десять.

Странно, но после счета он немного успокоился и, имитируя уверенность и деловитость, на ватных ногах, пошел рядом со своим «оформлением» на авансцену. Аплодисментов не было. Мы тебя не знаем, словно говорил молчавший, угрюмый зал. Зрителей было довольно много.

– Добрый вечер, – проговорил Никонов, остановившись на середине сцены. – Хочу поблагодарить вас, что пришли на мой моноспектакль по произведению Фёдора Михайловича Достоевского. Я понимаю, что привлекла вас сюда магия творчества великого писателя. Парадоксальность поступков его героев, которые порою с шокирующей откровенностью обнажают свои души. Стремление писателя видеть в неудачнике, в оступившемся или даже в падшем, прежде всего, человека, которого родила, любила и растила в любви мать. Открытие таких тайников в человеческих душах, о существовании которых мало кто подозревал и мало кто к ним приближался... Я понимаю, что, прежде всего, это привело вас сюда сегодня. Но благодарю вас за смелость, даже за отчаянную храбрость, что вы решились прийти на неизвестного вам исполнителя, рискнувшего прикоснуться к этому материалу.

В зрительном зале послышался легкий смех. Никонов, повернувшись, подошел к одному из стульев, сел на него, взял со стола книгу и, раскрыв её, откровенно стал читать две фразы начала исповеди героя Достоевского... Потом оторвал глаза от книги, положил её на стол, продолжая произносить текст, посмотрел в зал и, увидев в полумраке очертания лиц людей, внимательно, с ожиданием смотрящих на него, немного успокоился. Не заметил, как проскочил злополучное начало третьего фрагмента, ввергшего его в шок. Отметил про себя, как выпукло, рельефно начали получаться сцены, как органичны переходы между ними. Почувствовал, как послушен голос... Вот, уже позади сцена вечеринки с ёрническим, насмешливым его тостом в «честь» Зверькова... Он чувствует себя, как во сне, когда немного подпрыгнув, начинаешь плыть по воздуху. Как это просто, приятно, хочется, чтоб видели другие. Так и сейчас он парит свободно, легко. А вот и сцена в публичном доме, куда он примчался, чтоб за свое оскорбление дать пощечину Зверькову, но вместо этого, переспав с Лизой, начинает рисовать картины (одна ужасней другой), кошмара её будущей жизни. Она, уткнувшись лицом в подушку, и, искусав себе пальцы, еле сдерживается, чтоб не разрыдаться и, наконец, истошные крики и вопли вылетают из её гортани.

Во время этой сцены Никонов слышит, как кто-то в зрительном зале шмыгает носом. «Краешком глаза» видит замелькавшие платки.

В сцене с Аполлоном, который откровенно смеётся над ним, своим хозяином, Никонов слышит взрывы «гомерического» хохота.

А вот опять появилась Лиза. И снова напряженная тишина. Ему кажется, по залу прошел гул негодования, когда одно его издевательство над ней сменяется другим.

А когда она, как всякая любящая женщина, поняла, что ему просто плохо, все простив, протянула руки, а затем бросилась к нему. Он в её объятиях разразился в настоящей истерике: «Мне не дают быть добрым, я и хочу, но не дают». И как, придя в себя, крепко сжал её руку, ненавидя её и страстно желая, утащил за ширму, после чего, четверть часа спустя, воткнув ей в руку мятую пятирублевку, отскочил со стыдом и отчаянием в сторону. Лиза, наконец, все поняла и тяжело сказал ему:

«Прощайте», – ушла... навсегда...

Никонов чувствует, что никогда еще у него не получалось всё так точно, как сейчас. Словно сам Господь был с ним в этот вечер.

Последний монолог героя... И взрыв аплодисментов.

Никонов кланяется, пытается рассмотреть лица зрителей. Аплодисменты усиливаются, его долго не отпускают со сцены. И вдруг слышит справа – одинокое «Спасибо», потом оно подхватывается другими. «Спасибо», «Спасибо», вырастает в лавину звуков, которая буквально накатывается на Никонова.

«Спасибо», «Спасибо» – скандирует зал. Он еще раз кланяется, положив руку на сердце, и чувствует, как комок сдавливает ему горло так, что сейчас из глаз потекут слезы.

«Такое чувство, – подумал он, – наверное, испытывает спортсмен, когда в честь его победы звучит гимн, и поднимают флаг его страны».

Его, человека другой среды, других традиций, все-таки поняли и приняли здесь в Петербурге, в одном из культурнейших центров мира, где даже дома и улицы, если б это было возможно, могли бы помнить Достоевского.

Потный, уставший, осунувшийся заходит он в актерскую комнату.

В ушах еще звучит шум скандирующего зала, перед глазами – благодарные лица зрителей... «Господи, – думает Никонов, – неужели только измучив себя плохим настроением, ложными страхами, напрасными подозрениями, необоснованной паникой, а главное – приступами неуверенности в успехе дела, неужели только после всего этого, он может пережить счастье успеха в этом спектакле? Неужели это единственный путь – так мучительно заслуживать успех? Для него, наверное, да!»

Когда Никонов вышел из Дома актера, то на Невском проспекте и люди, идущие навстречу, и небо ему показались окрашенными в какие-то необычайно яркие цвета. Как будто только что прошел дождь и освежил все краски.

Он подумал о том, что придет сейчас к своим милым старикам, расскажет им за чаем подробности этого, может, самого удивительного в его жизни вечера, и представил себе, сколько радости, счастья, гордости за него он увидит в их лицах...

ЗМІСТ

Слово до читачів.	3
I. МОЇ ЗУСТРІЧІ З БАТЬКОМ	5
II. ТЕАТР ІМЕНІ ІВАНА ФРАНКА ОЧИМА МОГО ДИТИНСТВА.	13
<i>Цей визначний актор – мудрий і справедливий</i> Віктор Миколайович Добровольський	14
<i>Його перевтілення були неперевершеними</i> Дмитро Омелянович Мілютенко.	22
<i>Сучасний дон Кіхот</i> Аркадій Євгенович Гашинський	32
<i>Злиття ніжної краси і витонченої духовності</i> Катерина Олександрівна Осмяловська.	36
<i>«Сміхотворець Яковченко»</i> Микола Федорович Яковченко.	44
<i>Він був совістю театру</i> Віктор Петрович Цимбаліст	49
<i>Серце матері</i> Ганна Іллівна Ніколенко	55
<i>Він випереджав свій час</i> Микола Феліксівич Братерський.	68
<i>Лагідний, напрочуд смішний актор</i> Михайло Харлампійович Пилипенко.	71
<i>Сердечний виконавець негативних ролей</i> Петро Митрофанович Пастушков	74
<i>Приятель мого батька</i> Іван Левкович Маркевич.	77
III. ЧАРІВНИКИ РАДІОЕФІРУ	83
<i>Майстер слова</i> Анатолій Федорович Пазенко.	84
<i>Режисер популярної передачі</i> Володимир Борисович Бохонко.	90

<i>Її вдячне сприйняття життя</i>	
Зоя Коробова	96
<i>Він виховував людей театру</i>	
Юрій Борисович Богдашевський	104
<i>Вона, що дарувала людям крила</i>	
Ніна Володимирівна Заручинська	111
IV. ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ, ДУХОВНЫЙ ТЕАТР.	117
<i>Аристократ духа</i>	
Юрий Сергеевич Лавров	118
<i>Волшебник сцены</i>	
Виктор Михайлович Халатов	128
<i>Такая разная и яркая актриса</i>	
Евгения Эммануиловна Опалова	139
<i>«...Особенный, теплый свет его души...»</i>	
Алексей Михайлович Таршин	152
<i>Романтик театра и кино</i>	
Леонид Георгиевич Бакштаев	156
<i>Удивительно пронзительный актер</i>	
Валерий Николаевич Сивач	169
<i>Наша Маля</i>	
Мальвина Зиновьевна Швидлер	180
<i>Валентин Самойлович, который «жил на радио»</i>	
Валентин Самойлович Дуклер	191
<i>Дорогая Ирина Александровна</i>	
Ирина Александровна Молостова	198
<i>Две недели с великим Боровским</i>	
Давид Львович Боровский	209
<i>Человек, поднимавший престиж своей профессии</i>	
Яков Эммануилович Бликштейн	222
V. ДЕЦО ПРО КІНО	231
Віктор Іларіонович Івченко	233
Николай Павлович Мащенко	236
Антон Григорьевич Тимонишин	239

Константин Владимирович Ершов	250
Григорий Романович Кохан	253
Анатолий Давыдович Борсюк	257
Владимир Михайлович Попков и Борис Константинович Небиеридзе	261
Олег Иванович Бийма	264
VI. РАССКАЗЫ ПРОШЛЫХ ЛЕТ	267
Ангел	268
На скамейке	274
Лекция	278
Однажды летом	283
Арбуз	290
Старый диван	295
VII. ТЕАТРАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ	297
«Серенада» Патти	298
«На караул!»	306
«Как отец...»	310
Переизбрание	317
Все мы немного лошади	321
Невидимые миру слезы	330

Літературно-художнє видання

**КОМАРОВ
ОЛЕГ ВАСИЛЬОВИЧ**

СВІТЛІ ДУШІ ТЕАТРУ
Театральні спогади. Оповідання
Друге, доповнене видання

Редактор
Коректор
Технічний редактор

**Підлужна А. А.
Петров І. С.
Шлапак В. В.**

Приватне підприємство «Видавництво „Фенікс“»
03680, м. Київ, вул. Шутова 13 б.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
серія ДК №271 від 07.12.2000.

Підп. до друку 25.02.2014 р. Формат 84x108 1/32
Папір друк. Гарн. шрифту Helvetica Neue
Друк. офс. Ум. друк. арк. 18,06. Обл.-вид.арк. 20,64
Наклад 500 прим.

Зам. №1379

ЗАТ «Віпол».
03151, Київ, вул. Волинська, 60